

Первобытная
культура
в низовьях
Зарафшана

Я. Ғ. ҒУЛОМОВ, У. ИСЛОМОВ, А. АСҚАРОВ

ИБТИДОЙ МАДАНИЯТ ВА ЗАРАФШОН ЭТАКЛАРИДА СУҒОРИЛАДИГАН ДЕҲҚОНЧИЛИКНИНГ ВУЖУДГА КЕЛИШИ

Акад. Я. Ғ. Ғуломовнинг умумий таҳрири остида

Я. Г. ГУЛЯМОВ, У. ИСЛАМОВ, А. АСКАРОВ

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ОРОШАЕМОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
В НИЗОВЬЯХ ЗАРАФШАНА

Под общей редакцией акад. Я. Г. Гулямова

ТРУДЫ МАХАНДАРЬИНСКОГО ОТРЯДА
УЗБЕКИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР, кн. I.

В работе на основе большого археологического материала подробно освещаются результаты исследования древней гидрологии, развития первобытной культуры, возникновения орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов исторических факультетов вузов и широкий круг читателей, интересующихся историей Узбекистана.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Опыт исследования истории орошения Хорезма с первобытных времен до наших дней позволил начать изучение Бухарского оазиса и низовьев р. Кашкадарья. Осенью 1950 г. отряд приступил к работе на затухающих дельтовых протоках Зарафшана, главным образом на сухом русле Махандарьи и низовьях древнего Хитфара (Вабкентдарья). История древней Бухары и до этого привлекала внимание таких ученых, как Л. А. Зимин, А. Ю. Якубовский, В. А. Шишкин.

А. Ю. Якубовскому в 1934 г. удалось в значительной степени осветить археологический облик восточной полосы Бухарского оазиса. Это послужило толчком к активной археологической деятельности участников экспедиции 1934 г., сначала В. А. Шишкина, а затем и автора этих строк.

Особенно большую работу проделал Варахшский археологический отряд Института истории и археологии АН УзССР под руководством В. А. Шишкина, успешно локализовавшего место древней резиденции бухар-худатов — Варахшу на урочище «Урахчи» и нашедшего там остатки известного в исторических источниках дворца бухар-худатов VII—IX вв. «Рачфандун», или «Рахфандун».

Вместе с тем В. А. Шишкин провел большую археологическую рекогносцировку в западной части древнебухарского оазиса, что позволило ему нанести на карту множество археологических памятников, разбить земли древнего орошения на три участка и составить схемы по истории ирригационного освоения каждого из них. Результатом этого исследования явилась его ценная монография «Варахша», изданная в 1963 г.

Махандарьинский и Варахшский отряды работали в контакте, помогая друг другу. Учитывая, что в книге Шишкина дан довольно обстоятельный обзор истории археологического изучения низовьев Зарафшана, мы избегали его повторения, так как после археологических работ В. А. Шишкина в данном районе никто, кроме Махандарьинского отряда, исследований не производил.

Махандарьинский отряд проводил работу в двух основных направлениях: первое — изучение истории освоения земель в нижнем бассейне Зарафшана и его периферии начиная с первобытных времен, второе — изучение истории орошения в низовьях Зарафшана с древнейших времен до наших дней. В работе принимали участие археологи, историки, архитекторы и другие специалисты. Широко использовался этнографический материал.

Прежде чем приступить к общей характеристике деятельности Махандарьинского отряда, мы хотим поблагодарить его участников — науч-

ных сотрудников В. А. Булатову, В. А. Нильсена, Х. Мухамедова, А. Мухамеджанова, В. И. Спришевского, М. Касымова, Т. Агзамходжаева, И. Ахрарова, У. Алимова, П. Захидова, Х. Дуке, Г. Дадабаева; аспирантов Х. Насреддинова, А. Абдулхамидова, Д. Мирсалимова, А. Сатликова, Р. Сулейманова, Н. Ташкенбаева; коллекторов и механиков С. Г. Гулямова, Х. Маликова, Э. Тургунова, З. Каримова, М. Юнусова, Г. Мадиева, художника И. К. Сазонова и других, совместные усилия которых обеспечили успешное осуществление исследовательских работ отряда.

Отряд приносит благодарность ученым Ленинградского отделения Института археологии АН СССР — профессорам А. П. Окладникову, М. П. Грязнову, а также кандидатам наук Л. Я. Крижевской и М. Н. Комаровой, принявшим участие в полевых работах.

Отряд ведет свою работу по следующим направлениям: исследование исторической гидрографии низовьев Зарафшана и Кашкадарьи¹, каменного века в низовьях Зарафшана, бронзового века, возникновения земледелия и скотоводства, истории ирригационного освоения земель в низовьях Зарафшана и динамики земель древнего орошения, вопросов ирригационной техники, способов распределения водного баланса Зарафшана, вопросов водного календаря и т. д.

Отряд совмещал работу с разведкой и рекогносцировкой всего бассейна и отдельных районов. Этот метод, испытанный Хорезмской, Южно-Туркменистанской и другими археологическими экспедициями, оказался очень плодотворным, так как позволил сосредоточить основные силы вокруг объектов стационарных работ — могильника бронзового века Заманбаба, стоянки эпохи неолита Дарбазакыр и жилого дома античной эпохи Кызылкыр. Отряд обследовал обширную зону от северных и южных склонов Нуратинского хребта до побережья Амударьи, от Тамдынского района на севере до Аму-Бухарского канала на юге. Это обеспечило возможность выявить и опознать исторические этапы развития материальной культуры на землях Бухарской области начиная с самых первобытных времен.

Сотрудники отряда Х. Мухамедов, Г. Мадиев при поисках северо-восточной конечности стены «Канпирак» на южном склоне Каратау в Навоийском районе наткнулись на кремневые каменоломни и первобытные мастерские. Группа молодых специалистов во главе с М. Р. Касымовым², пользуясь консультацией проф. А. П. Окладникова, выяснила историю освоения кремневых месторождений этого района. Установлено, что там побывали, быть может, в поисках кремня охотники древнего палеолита. Люди позднекаменного века организовали специальные камено-

¹ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 8, Ташкент, 1956; Он же. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1963; А. Р. Мухамеджанов. К изучению древнего русла Махандарьи, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964.

² М. Касымов. Кремневая мастерская у кишлака Иджонт, журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 8, стр. 62—64; Он же. Добыча и техника обработки в каменоломнях и мастерских Средней Азии, «Научные работы и сообщения», Отделение общественных наук АН УзССР, кн. 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, стр. 253—264; Он же. Кызылкырская стоянка каменного века в окрестностях г. Бухары, в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 19—27; Он же. Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века в Средней Азии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1962; Он же. Кремневая мастерская у кишлака Учтут в районе горы Каратау Бухарской области, «Научные работы

ломни по добыче кремня. Выкапывали породистый кремль рогами оленья исчезнувшего вида, дробили камень рубящими орудиями из местной породы кремня. Отрядом обнаружены древние шахты, изучен ареал распространения каратауской породы кремня по стоянкам первобытных людей во всей Средней Азии. Бухарцы эпохи неолита доставляли куски каратауского и другого кремня в западную затопляемую зону в районе «Кызылкыр» и там в массовом масштабе изготавливали неолитические орудия. О том, что каратауский кремль широко использовался, известно также по материалам бронзового века и последующих периодов, вплоть до недавних пор. В настоящее время в горах Каратау ведутся систематические археологические раскопки.

Земли древнего обводнения в низовьях Зарафшана, особенно по Махан-дарье, в неолитическую эпоху были значительно заселены. Обнаружено около 50 стоянок и жилищ³. На некоторых из них производились археологические раскопки.

Наиболее полно представлены памятники бронзового века. Наряду со сбором материала с многочисленных развешанных поселений по Махан-дарье, были раскопаны жилища и могильники Заманбаба и Гуджайли. Культура Заманбаба генетически восходит к среде местной неолитической культуры и быта, а гуджайлийская представляет собой свежий компонент в среде заманбабинцев, пришедший из пределов Казахстана который условно назван андроновским⁴.

История возникновения и развития орошаемого земледелия низовьев Зарафшана интересна и сходна с древнехорезмийской. Это обстоятельство облегчило прослеживание процесса перехода с лиманно-каирного экстенсивного к интенсивному орошению при помощи канальной сети.

Археологический материал различных районов бухарского оазиса позволяет проследить историческую динамику древнебухарского оазиса. В связи с этим отряду пришлось долго и упорно заниматься обследованием линии древней оборонительной стены «Канпирак», окаймлявшей в VIII в. весь древнебухарский оазис. Эта работа была возложена на кандидата исторических наук Х. Мухамедова, которому с помощью большого коллектива удалось нанести на карту всю конфигурацию Канпирака⁵ протяженностью около 355 км. Этим была завершена большая исследовательская работа, начатая в 1896 г. картографом Н. Ф. Ситняковским, продолженная затем в 1913—1915 гг. Л. А. Зиминым, в 1934 г. — экспедици-

и сообщения», Отделение общественных наук АН УзССР, кн. 6, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 239—250; Он же. Новые данные о мастерских каменного века в районе Картау, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1964, стр. 11—23; Г. Дадабаев. Новое об Иджонтской кремне-обрабатывающей мастерской, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965.

³ У. Исламов. Открытие неолитической культуры на Махан-Дарье, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 1; стр. 61—68; Он же. Кельтеминарская культура на Махан-Дарье, «Научные работы и сообщения», кн. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961; и др.

⁴ А. Аскаров. Памятники эпохи бронзы в районе Махан-Дарья, «Научные работы и сообщения», кн. 4, Ташкент, 1961, Он же. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана, в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962; Он же. Открытые поселения эпохи бронзы, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 1; Он же. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1962; и др.

⁵ Я. Г. Гулямов. Страницы истории древнего орошения в Средней Азии, «Правда Востока», 22 мая 1957 г.; С. Музаффаров. Канпирак девори, «Қизил Ўзбекистон», 29 ноябрь 1959 йил.

ей под руководством А. Ю. Якубовского и в 1935 г.— В. А. Шишкиным. Результаты работ опубликованы⁶.

Стационарные археологические раскопки на античном жилом доме Кызылкыр⁷ дали хорошую хронологическую ориентировку для проследивания динамики оазиса. Все эти исторические явления были результатом упорной и длительной борьбы народа за расширение и благоустройство оазиса⁸. В результате многолетних полевых работ Махандарьинский отряд картографировал земли древнего обводнения и орошения в низовьях рек Зарафшана и Кашкадарьи с указанием исторических источников водоснабжения. По просьбе водохозяйственных органов Средней Азии карта представлена в распоряжение Всесоюзной комиссии по использованию данных истории для нужд народного хозяйства.

⁶ Х. Мухамедов. Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана. «Стена Канпирак» Древнебухарского оазиса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ташкент, 1961; Он же. Стена «Канпирак». Из истории древних народных оборонительных сооружений в Узбекистане, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 1; Он же. Из истории древних оборонительных сооружений в Узбекистане, Научные работы и сообщения, кн. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961; Он же. Кадимий мудофаа деворлари, Тошкент, Уз ФА нашриёти, 1961; Он же. Узбекистоннинг қадимги деҳқончилик вохалари тарихидан, Тошкент, Узбекистон КИМҚнинг бирлашган нашриёти, Фан ҳақида суҳбатлар, № 32—33; Он же. Халқ иншоотлари тарихидан, УзССР ФА сида, «Фан ва турмуш», 1960, № 1; Он же. Кампирдевор, «Фан ва турмуш», 1958, № 2; Он же. Кадимий деворлар, «Фан ва турмуш», 1957, № 4; Он же. Кадимий иншоот — Древнее сооружение, «Узбекистон», 1960, № 3; Он же. Сўғд вохасини мудофаа қилиш тарихидан (Тарих ўқитувчиларига ёрдам), «Совет мактаби», 1959, № 5; Он же. «Кампирдевор» Древнебухарского оазиса (в советской исторической энциклопедии); Он же. «Канпирак». Бухоро областининг ибтидоий давр тарихидан, «Бухоро ҳақиқати», декабрь 1958 йил; Он же. Узбекистонда қадимги деҳқончилик вохаларини сақлаш тарихидан. «Еш ленинчи», 14 март 1959 й.

⁷ В. А. Нильсен. Кызылкыр, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959.

⁸ Я. Г. Гулямов. Вода возвращается по следу, «Правда Востока», 22 августа 1964 г.; Он же. Из истории ирригационных сооружений в Узбекистане, «Известия АН УзССР», 1955, № 2; Он же. Жиззах тарихига оид, «Қизил Ўзбекистон», 3 январь 1963 й.; Он же. Туя тортар ва Жиззах, «Коммунизм йўли» 22, 23, 25 ноябрь 1962 йил; А. Р. Мухаммаджонов. Зарафшон водийсининг сув хўжалиги тарихидан, Тошкент, 1959; Он же. Из истории водного хозяйства Зеравшанской долины, «Известия АН УзССР», 1960, № 4; Он же. К изучению древнего русла Махан-Дарьи, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965; А. Абдулхамидов. Из истории водообеспечения в низовьях Зеравшана, «Общественные науки в Узбекистане», 1964, № 10; Он же. Қўйи Зарафшонда дарё сувини тартибга тушуриш учун кураш тарихидан, в сб. «Из истории Средней Азии», Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965; Он же. Юқорига оқаётган шалола, «Фан ва турмуш», 1965, № 6; Он же. Машина канали ижодкори, «Еш ленинчи», 30 январь 1965 йил.

ВВЕДЕНИЕ

ГИДРОГРАФИЯ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОРОШЕНИЯ

Говоря о возникновении орошаемого земледелия в Узбекистане, в том числе и на бухарских землях, мы сталкиваемся с исторической характеристикой водных ресурсов, способствовавших хозяйственной активности людей на различных этапах их общественного развития, начиная с каменного века.

Заселение Бухарского оазиса начинается с первобытных времен. Это доказывают найденные древне- и верхнепалеолитические орудия у каменистых холмов в горах Каратау, около городища Варахша, в песках Шурчинского участка Ромитанского района, на останцевом бугре около Дарбазакыра, на севере Каракульского района и т. д. Однако в пределах области еще не обнаружено стоянок палеолитического времени, видимо, из-за того, что наши специалисты еще не успели произвести тщательные поиски памятников палеолита.

Русло р. Зарафшан в районе между Абу-Муслимтепа на левом берегу и возвышенностями Бабадуги на правой надпойменной террасе вырывается из теснины и здесь фактически образует свою древнюю верхнюю дельту. Северная часть пустынной равнины за пределами древнебухарского оазиса к западу от бугров Ходжакультепа носит следы древнейшего обводнения. Блуждающие древние русла Зарафшана пробивали себе путь к Амударье. Долго функционировал только дельтовый проток Хитфар (Вабкентдаря). Его воды затопляли районы Варахши, Шурчинского участка, Кызылкры и Ходжауббана.

Географически эта территория представляет собой пустынные пространства южных Кызылкумов, прилегающие к Амударье. С востока и северо-востока к ним примыкают современный Бухарский и Каракульский оазисы, вблизи которых расположены глинистые и песчаные пустыни. На севере и западе — Кызылкумы, а на востоке и юге — Карнабчульская и Каршинская степи. Поверхность всего этого района покрыта бугристыми и грядовыми песками, большей частью заросшими кустарниковой и травянистой растительностью (рис. 1).

К северо-западу от низовьев Зарафшана, за пределами Бухарского оазиса, расположены палеозойские останцевые возвышенности (Букантау, Джетымтау, Алтынтау, Керигетау, Тамдытау, Ауминзатау, Аристантау, Кульджуктау и др.) и заключенные между ними равнинные участки и впадины. Это место сейчас — один из важнейших пастбищных участков Средней Азии¹. В глубокой древности Зарафшан нес свои воды

¹ З. А. Акрамов. География сельского хозяйства Самаркандской и Бухарской областей, Ташкент, 1961, стр. 26—39.

на земли Бухарской области и доходил до Амударьи. Разделяясь на три дельтовых протока, он прорезал периферию Каракульского оазиса и там, среди песков Кызылкумов, образовывал разливы, затухающие протоки и водоемы, следы которых сейчас отчетливо видны. Здесь повсе-

Рис. 1. Барханные пески в районах земель древнего орошения и обводнения.

местно отмечаются значительные слои аллювиальных отложений — осадки мутных вод Зарафшана (рис. 2).

Снимавший в 1896 г. топографический план низовьев Зарафшана Н. Ф. Ситняковский пишет, что «в нижнем течении у Зарафшана три русла: 1) Махан, 2) Каракуль Дарья и 3) Тайкир. Первое направляется на северо-запад... по Махану нет культуры, и поэтому по нему спускают лишь избыток воды, что бывает в такие редкие обильные водой годы, как 1896 г. Когда Махан несет воду, то он наполняет на пути своем ложбины, образуя озера Махан, Чиракши и др. До какого места он доводит воду, пока не имеется сведений, туземцы же удостоверяют, что он может дойти до Аму-Дарьи в районе Хивинского оазиса»². Это русло еще в 20-х годах в значительной мере было обследовано рядом специалистов. В 1915 г. Махан посещают ботаник М. В. Культиасов и геолог Васильевский³, а весной 1928 г. сюда прибывает группа ботаников с целью выяснения почвенных условий и размеров площадей, удобных для поливного земледелия⁴. Однако ни одна из отмеченных экспедиций не дошла по Махану до Амударьи. Осенью того же года организуется другая партия для выяснения места впадения Махана в Амударью⁵. В результате исследо-

² Н. Ф. Ситняковский. Заметки о Бухарской части долины Зарафшана, Известия Туркестанского отдела русского географического общества, т. I, вып. 2, Ташкент, 1900, стр. 130.

³ М. В. Культиасов. К характеристике растительного покрова района, прилегающего к р. Махан-Дарье, Известия Среднеазиатского географического общества, т. XX, Ташкент, 1932, стр. 33—37.

⁴ Е. П. Коровин. Махан-Дарья, там же, стр. 13—31.

⁵ В. П. Дробов. Река Махан-Дарья, там же, стр. 1—11.

ваний партии В. П. Дробова удалось установить два русла примерно в 100 км ниже города Чарджоу, первое из которых впадало в Амударью ниже развалин крепости Наргиз, а другое — у селения Акрабат⁶.

Новейшие исследования, произведенные в последние годы Махандарьинским археологическим отрядом в районе Махандарьи, позволили изучить историческую гидрографию и археологические памятники древнейшего прошлого этих районов. Отряд обстоятельно изучал русло Махана в 1950, 1960 и 1964 гг. и обследовал его как главный дельтовый проток Зарафшана в период первобытной истории. Махандарья еще в глубо-

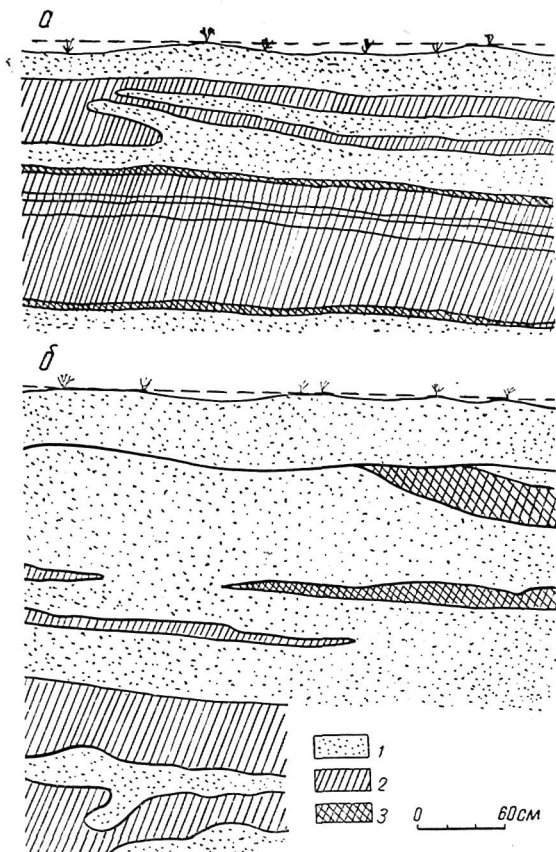

Рис. 2. Разрезы шурфов:

а—поселение Заманбаба; б—стоянки Дарбазакыр; 1—песок;
2—такыр; 3—культурный слой.

кой древности не раз во время наибольшего наполнения выходила из русла и шла в глубину пустыни.

Русло Махандарьи отделяется от Зарафшана, вернее от Каракульдарьи, в селении Огар, в нескольких километрах севернее железнодо-

⁶ В. П. Дробов. Река Махан-Дарья, Известия Среднеазиатского географического общества, т. XX, Ташкент, 1932, стр. 7—9.

рожной станции Яккатут. Здесь, на повороте Каракульдарьи русло Махана представляет собой как бы прямое продолжение реки в западном направлении. Видно, что ирригаторы трудились в течение многих веков и сумели перекрыть исток Махана деревянными шлюзами. Известный мираб Хатам Палван Хайтов рассказал нам о многократных прорывах реки в русло Махана, которые каждый раз требовали мобилизации населения целых районов. Хатам Палван, хотя и проживал вдалеке от этих мест, все же как специалист принимал активное участие в ликвидации каждого прорыва Махана.

В 28—30 км от истока Махан образует несколько небольших водоемов и озер — Чукуркуль, Уртакуль и Чандыркуль. Эту систему завершает самое большое из них — Маханкуль. В настоящее время почти сухие ложа этих водоемов и озер известны под общим названием Маханкуль. Название озера и самой реки тесно связано с названием селения Махан, расположенного в непосредственной близости от них. С севера озеро ограничивается цепью песчаных барханов, опускающихся круто к долине и возвышающихся над ней на 6—7 м, а с юга — платообразной возвышенностью («киром»), покрытой щебенистыми песками. Русло хорошо выражено в верхнем течении и в районах вышеотмеченных озер, где оно представлено единым руслом шириной 25—40 м и глубиной 3—4 м⁷.

Из Маханкуля русло вытекает двумя потоками, один из них, под тем же названием, шел на запад, а другой — Старый Гурдуш — на юг. Первое выходит из озера Маханкуль и направляется к колодцам Базарбай и Уртакуль, у колодца Чандыр оно сворачивает на северо-запад. Вплоть до колодца Адилкудук Махан проходит единым руслом, затем от него отходит второе русло на юго-запад, в сторону Хаджакудука и соединяется с основным руслом в районе Парсанкуль.

Основное русло, упираясь в правобережное плато, через колодцы Лаке, Учбош, Аккум I и Аккум II выходит на несколько расширенную долину, где образует ряд различных по размеру озер и водоемов, в глубокой древности заросших густыми тугаями, камышом и изобиловавших дичью. Очевидно, древнейшим племенам они служили местом охоты и рыболовства. О наличии в древности таких водоемов свидетельствуют многочисленные высохшие озера (Агачуюк, Лухликуль, Курбанбай, Рахматбаба, Гечикран и т. д.), дно которых сейчас покрыто пухлыми солончаками.

Примерно в 50 км от Амударьи Махандарья единым руслом впадала в огромную впадину, образуя обширный водоем, ныне солончак Парсанкуль, из которого выходила двумя потоками. Один из них шел в западном направлении через колодец Хатар и в двух километрах севернее развалин крепости XII в. Наргиз-кала достигал Амударьи. Другой тек в юго-западном направлении через колодцы Ходжакудук II и у селения Акрабат впадал в Амударью, образуя здесь пять дельтовых протоков — «сувлатов»⁸; 1) Джар, 2) Кум, 3) Паянда, 4) Сарибай и 5) Шур-Ятак⁹.

В широтном направлении, перпендикулярно к Аму, в районе Наргиза расположены четыре больших сувлата. Самый южный из них «Охир-

⁷ А. Р. Мухамеджанов. К изучению древнего русла Махан-Дарьи, в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964, стр. 47—48.

⁸ Сувлат — спуск к воде; место, удобное для водопоя скота; ложбина; удобный подступ к реке.

⁹ Я. Г. Гулямов. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафшана, в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, стр. 18—20.

сувлат» шириной 75—80 м и глубиной 15 м у устья образует каньон в каменной толще коренного берега Амударьи. Охир-сувлат внушительен как по размеру, так и по виду; он носит явные следы длительного водотока. Второй — «Йилгинди-сувлат» («сувлат, обросший тамариском») по виду и ширине напоминает первый, но несколько глубже, устье его заросло мелкорослым тамариском, с чем и связано его название. Третий — «Ойхан», или «Шур-сувлат», расположен в 1 км севернее «Йилгинди». Он гораздо шире и глубже первых двух. Четвертый — «Сузли-сувлат» («сувлат водянистый») находится в 250 м севернее «Шур-сувлата». «Шур-сувлат» и «Сузли-сувлат» — разветвления одного и того же сувлата. В 400—500 м выше они соединяются в одно русло. Название «сувлат» связано с тем, что его дно находится почти на одном уровне с водной поверхностью Амударьи и при высоком уровне реки вода заходит в ложбину сувлата. Эти сувлаты когда-то в древности образовали единую дельту, заросшую тугаем. Ныне эта дельта представляет собой благоустроенное селение, орошаемое водами Амударьи. Каньоны древних сувлатов поэтому выражены слабее. Таким образом, Махандарья в конце своего следования образовывала настоящие дельты с девятью глубокими сувлатами.

Русло Гуджайли, выйдя из озера Маханкуль, направляется на юг, а вблизи памятника XI в. Шибирдин-ата сворачивает на запад. В 4—5 м от последнего, разделившись на два ответвления, образует островок, и в 15 км к северо-западу от Каракуля впадает в озеро Заманбаба. Затем Гуджайли, выйдя единым руслом из оз. Заманбаба, снова разделяется на два рукава. Первый из них по-прежнему идет на северо-запад, омывая правобережный склон кира, возвышающегося над ними на 10—15 м. Примерно в 3 км ниже озера Заманбаба русло образует древний солончак (водоем) «Малый Тузкан». Затем оно идет дальше на северо-запад и примерно в 9—10 км образует подобный солончак «Большой Тузкан», длина которого 8—10 км, ширина 4—5 км. Видимо, русло Гуджайли в древности не заканчивалось солончаком Большой Тузкан, а продолжалось еще на северо-запад и где-то соединялось с юго-западным руслом Махана, отходившим у колодца Адилкудук¹⁰. Об этом свидетельствуют такыровидные суглинки на территории Большого Тузкана, покрывающие его прибрежные возвышенности. В настоящее время между солончаком Большой Тузкан и Хаджакудуком среди барханных песков лежит полоса (более 15 км), покрытая густыми зарослями тамариска. Очевидно, это остатки следов ложбины русла Гуджайли, соединяющегося с Махандарьей.

Второй рукав Гуджайли за озером Заманбаба направляется на юго-запад и в 12—15 км исчезает среди огромных барханов в местности Каптарникуми («голубины пески»). Не исключена возможность, что русло потом шло на северо-запад. Об этом свидетельствуют следы высокой воды на территории Нуртойникуми, сохранившиеся в виде такыровидных корок, образующих огромные массивы в этих районах.

Левый концевой проток Зарафшана (Каракульдарья) в первобытные времена имел юго-западное направление и на месте современного каракульского оазиса образовывал водоемы и озера, от чего и происходит название «Каракуль» («черное озеро»). В четырех километрах к востоку от Каракуля в Каракульдарью вливался один из мощных дельтовых протоков Кашкадарьи.

¹⁰ А. Р. Мухамеджанов. Указ. соч., стр. 49.

Обильные воды этих протоков текли частью по руслу «Уйгур», прямо на запад от Каракуля, и обводняли обширные полосы земель, занятых ныне надвигающимися песками Кызылкумов. Основное же русло «Тайкыр» (Таги-ыр, т. е. под буграми) обводняло обширные полосы за селением Эшакчи, образуя цепь озер (Карлишон, Сунгур, Шор, Карангикуль), и оттуда шло к берегам Амударьи. Левый проток того же Тайкыра обводнял впадину Денгизкуль, Саманкуль, затем направлялся к Аму. Ввиду низменного характера берегов Амударьи трудно проследить бывшее сухое русло. Однако останец Самантепа и другие, находящиеся рядом с ним, демонстрируют высокий уровень воды древнего Денгизкуля.

В исторических источниках более ранних периодов мы не встречали каких-либо данных о впадении Зарафшана в Амударью. Имеющиеся сведения почерпнуты из устных сообщений отдельных лиц.

Еще Квинт Курций Руф — историограф походов Александра Македонского в древние страны Средней Азии — сообщает, что река Зарафшан или, как называли ее греки, Политимет сначала имела узкое русло и рассеивалась в песках¹¹. Греческий географ I в. до н. э. Страбон сообщает, что Зарафшан, оросив Согдиану, «входит в пустынную, песчаную страну и там поглощается песками»¹². По Арриану, Зарафшан проходил по всей стране (Согдиане). «Там, где вода в реке исчезает, начинается пустыня. Исчезает же вода, несмотря на свое обилие, потому, что теряется в песках»¹³.

В «Истории Бухары» Мухаммеда Наршахи содержится сообщение о том, что большие воды Зарафшана, размывая на своем пути землю и заноса ее илом, доходили до Битока и Фараба¹⁴.

В исторических сочинениях Хафизы Аbru говорится, что «нижнее течение иногда во время половодья доходило до Аму-Дарьи»¹⁵.

Как видно, сведения из исторических источников недостаточны для изучения исторической гидрографии и топографии района. Очень важны результаты многолетних археологических и гидрографических исследований Махандарьинского отряда, в результате которых стало возможным не только восстановление облика материальной культуры и основ хозяйственной жизни древнейших племен низовьев Зарафшана, но и установление периодов (хотя и относительно) функционирования древнего русла Махандарьи и ее протоков и изменения их водного режима, происходивших в разное время.

Гидрографические исследования всех древних дельтовых русел Зарафшана показывают, что наибольшее обводнение и образование многочисленных водоемов и озер в этих районах, а также активный ток воды Зарафшана к Амударье происходили начиная с послеледниковой эпохи вплоть до IV тысячелетия до н. э. Тогда водой были залиты чрезмерно большие площади низовьев Зарафшана. В дальнейшем здесь появились жилища и стоянки первобытных охотников и рыболовов эпохи неолита.

Все памятники более ранних периодов расположены цепью на надувных песках, в непосредственной близости от берегов озер и водоемов.

¹¹ Квинт Курций Руф. О деяниях Александра Македонского, в сб. «Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. — III в. н. э.)», Хрестоматия под редакцией Л. Б. Баженова, Ташкент, 1940, стр. 69 (VII, 10, 1—13).

¹² Страбон. География, в сб. «Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. — III в. н. э.)», стр. 85 (XI, II, 5).

¹³ Арриан. Поход Александра, перевод с древнегреческого М. Е. Сергеевко, М., 1962, стр. 138 (IV, 6, 5, 6, 7).

¹⁴ Тарихи Наршахи, Литография, ИВ АН УзССР, инв. № 3820, стр. 6. Точнее, здесь приводятся сведения из книги «Хазани ал-улум» Абу-л Хасана Нишапури, внесенные в «Историю Наршахи» одним из позднейших редакторов.

¹⁵ В. В. Бартольд. Хафизы Аbru и его сочинения. Сборник ст. учеников проф. барона Виктора Романовича Розена, Спб., 1897, стр. 2—28.

Неустойчивый уровень воды часто принуждал древних людей неоднократно менять места обитания. Так, все стоянки эпохи неолита, обнаруженные по северному и северо-восточному берегам Большого Тузкана, расположены как бы по одной линии, вдоль берега озера. Очевидно, эти края солончака, ограниченные кыром, являлись коренными берегами озера и в древности. В других частях Большого Тузкана, где невозможно установить берега древних озер, расположение памятников не всегда устойчиво. Их можно встретить и в пределах озера, и на пухлом солончаке, и за пределами его — на такыровидных суглинках.

Постепенно приток воды сокращается, высыхают водоемы и озера. Первобытный человек переселяется на разливы затухающих притоков. В связи с сокращением водного баланса низовьев Зарафшана прежние поселения, расположенные по краям больших водоемов и озер, были покинуты их обитателями, которые передвигались по пути отступления большой воды¹⁶.

Следы поселений раннебронзового века с бытовым инвентарем, генетически связанным с этой более ранней культурой, обнаружены в самых ближних к руслу пунктах и в устье самой реки.

Гидрографические и археологические данные, полученные при обследовании, подтверждают, что дельтовые протоки в низовьях Зарафшана (Махандарья и Гуджайли) уже в I тысячелетии до н. э. перестали быть многоводными реками¹⁷. Поэтому низовья Зарафшана в эпоху появления раннего классового общества и последующие его периоды не были местом расцвета земледельческой культуры, как Бухарский и Каракульский оазисы.

В первой половине I тысячелетия до н. э. обширные неорошаемые части древних дельт Махана и Гуджайли подверглись исключительно интенсивному развеванию и были превращены в песчаные пустыни с редко разбросанными среди них такырами и столообразными останцами, свидетельствующими о существовании здесь в прошлом обширной аллювиальной равнины. Но Махандарья еще в течение многих веков периодически обводнялась, и каждый раз на ней возрождалась жизнь.

Прежде всего надо обратить внимание на богатый этнографический материал о быте земледельцев экстенсивного типа хозяйства, живущих на неустойчивых водных артериях низовьев Зарафшана — казахов, узбеков и других народностей. Почти по всему руслу Нижнего Махана, как отмечалось выше, еще в древние времена образовалась цепь больших и малых водоемов, которые периодически обводнялись, но воды Махана больше не достигали Аму, о чем свидетельствует гидроморфологический облик последнего 20-километрового участка его русла.

По сообщениям старожилов и работников водного хозяйства района, наиболее мощные обводнения Махана были в 1896, 1900, 1909, 1923, 1944 гг., и каждый раз казахи и узбеки собирались здесь для посевов на мокрой земле внутри водоемов проса, кунжута, дыни, ячменя, дававших удовлетворительные урожаи. В 1950 г. лесничий Аннамурад Шаманов спросил у нас некоторые охотничьи принадлежности, жалуясь, что дикие свиньи большими стадами нападают на его бахчи. «Какая бахча может расти в этой пустыне, где сам хозяин сидит на колодце?» — спро-

¹⁶ Я. Г. Гулямов. История формирования и проблема освоения земель древнего орошения в Бухарской области. Доклад, прочитанный на Объединенной научной сессии, посвященной 40-летию Узбекской ССР и Коммунистической партии Узбекистана, январь 1965 г.

¹⁷ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса (предварительный отчет о работе 1950—1953 гг.), Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 150.

силы мы. «Озеро большое,— ответил он,— его мокрая поверхность позволила многим хозяйствам вырастить просо, кунжут; урожай еще не убран, они его охраняют. У меня не только эта бахча, и мы ночью не спим — сторожим ее, хотя остались только последки».

Русло Гуджайли, выходящее из озера Заманбаба, обширно, дно его местами плоское. Жители колхоза «Узбекистан» Караунского сельсовета рассказывают, что прежде при каждом обводнении Гуджайли предприимчивые хозяева перекрывали русло земляными дамбами в нескольких местах. Образовывались многочисленные искусственные водоемы, в которых накапливалось количество воды, достаточное для получения урожая без дополнительного полива.

Бухарцам на низовых участках Зарафшана знакома организация искусственных разливов во время осенних водоспусков и весенних половодий; как и хорезмийцы, они создавали лиманы больших и малых размеров.

Бухарский мираб Хатам Палван Хантов сказал: «Наша Бухара — страна низменная, в старину говорили, что в прежние времена кругом были озера и болота; люди осушали их, сажали злаки — просо, кунжут, ячмень, пшеницу, горох. Все посеы производились в осушенных озерах, искусственных лиманах, которые даже поля хлопчатника орошали напускным способом, редко пользовались джужачным способом». Последний широкое распространение получил в недавние времена.

Земли, расположенные по левобережью Гуджайли, а также земли, прилегающие к оконечности верхнего Махана и к северу от Маханкуля, носят следы земледелия эпохи поздней бронзы, основанного на каирном и лиманном способах орошения, присущих всей Средней Азии, что установлено при изучении археологического, этнографического и исторического материала низовьев Амударьи и Зарафшана.

Жилище, раскопанное в районе озера Заманбаба, иллюстрирует быт заманбабинцев II тысячелетия до н. э. В те времена обширные поля разливов к югу и к западу от озера представляли собой камышовые туган. заросли среди цепи озер, плесов на базе затухавшего Гуджайли, где вода прибывала во время весенних и летних паводков, а к осени убывала, в течение $\frac{3}{4}$ года. Археологический материал, добытый на огромных такырах, говорит об их заселенности.

Отсутствие здесь древних монументальных жилищ объясняется прежде всего неустойчивостью водотока и изменчивостью русла. Обитатели района еще не могли регулировать русло и обеспечить устойчивое водообеспечение земель на одном и том же участке. В их хозяйстве сочетались земледелие, охота, скотоводство. Поэтому земледелию отводились лишь небольшие участки. Дамбирование старых русел зачастую сопровождалось искусственным затоплением прилегающих полей, на которых то ли путем обводнения краев разливов на углубленных участках, то ли просто отводом воды в естественные углубления можно было накопить влагу для посевов. Такие отводы местами сохранились, например, у небольшого поселения на правом берегу Гуджайли, перед впадением его в солончак «Малый Тузкан».

Та же картина наблюдается и на обширных такыровидных отложениях, где интенсивное выветривание, разрушившее толщу такыровидного суглинка, привело к изменению первоначального микрорельефа местности. В специальном разделе данной работы описан материал, полученный из полуземлянки и летнего жилища заманбабинцев, характеризующий их хозяйство. Жилище расположено на изгибе древнего русла старого Гурдуша. Оно само и его дворик ограждены валом, по всей вероятности предохранявшим от частых затоплений местность, прилегающую к руслу со стороны правого берега. Кроме того, заманбабинцы вполне

могли использовать для земледелия само озеро Заманбаба и огромные низменные тугай, прилегающие к нему.

Многогранность хозяйства и быта позволила заманбабинцам оставаться в обычных для них условиях. Поэтому их жилища и небольшие поселения расположены исключительно по старым руслам Гурдуша, Гуджайли, в тяжелых песках Каптарникуми и в пустынной зоне у Мирза-кала Караунского сельсовета Каракульского района, где местность изобилует памятниками бронзового века и древние каналы и ручья пересечены средневековыми арыками, выходившими из искусственного канала. Этот участок расположен по соседству с Каптарникуми, где хорошо сохранилось старое русло.

В связи с тем, что верхний горизонт почвенного покрова выветрен, а местами совершенно разрушен, трудно представить себе картину искусственного орошения. Отсутствие отводящей крупной системы и сохранение следов лишь мелкой сети разливов говорит о применении способа дамбирования русел, создания искусственных разливов, и регулировании их по естественным и искусственным лиманам.

Материал, свидетельствующий о сплошном заселении этих мест первобытными земледельцами и скотоводами, разбросан всюду на этих землях, как результат разрушения и деформации верхних слоев почвы.

В действующих же оазисах все материальные остатки погребены под культурно-ирригационными наносами, и проследить остатки первобытной или античной культуры без разрушения бугров невозможно. Иногда они обнажаются случайно, во время земляных работ. В районе между Мирза-калой и Каптарникуми, где средневековый слой весьма маломощный и верхний слой интенсивно выветривается, хорошо видно, что водохозяйственная сеть первобытных земледельцев прорезывается системой регулярно действующей сети средневекового орошаемого земледелия. Здесь в виде скоплений фрагментов бытового инвентаря встречаются остатки легких жилищ, возможно, заманбабинского типа.

Следующий этап (самый конец II — начало I тысячелетия до н. э.) характеризуется культурно-бытовой ассимиляцией так называемых пришлых племен андроновской культуры заманбабинцами, распространением доминирующей земледельческой культуры, возникновением небольших отводящих каналов локального характера. Земледельцы научились использовать большие активные воды, начали осваивать земли в низовьях протока Хитфар (Вабкентдаря) уже на базе выведения из него ирригационных каналов. Все это привело к созданию обширного древнебухарского оазиса, историческая динамика которого будет освещена в другой специальной работе.

Вопрос о самобытности культивированных злаков и домашних животных у заманбабинцев носит довольно спорный характер, так как заманбабинцы, как земледельцы и скотоводы, выходят на историческую арену значительно позже своих соседей — племен, населявших древние мелкие оазисы к северу от Копет-дага, например, обитателей Джайтуна, Анау, Намазгатепа и т. д.

Погребальный инвентарь заманбабинцев отчетливо демонстрирует их активную связь с отдаленными племенами, в том числе с племенами Бадахшана и прикопетдагских оазисов. Поэтому вполне допустимо предположение о заимствовании заманбабинцами культурных злаков у анауцев.

Точно такая же картина наблюдается в низовьях Кашкадарьи, с юга непосредственно прилегающих к Бухарскому и Каракульскому оазисам. Это прежде всего связано с климатическими изменениями, приведшими к ликвидации последствий Вюрмского оледенения, особенно в районах истоков среднеазиатских главных рек.

Археологические работы Махандарьинского отряда в низовьях Кашкадарьи позволили не только изучить историю материальной культуры этого района, но и установить историческую гидрографию Пайкентской низины, прилегающей к Каршинской степи.

Еще в 50-х годах наше внимание привлекли некоторые картографические материалы, свидетельствующие о наличии здесь следов древней культуры. Особенно интересны сообщения различных лиц о бугре Кум-Саутан (Кумсултан), расположенном примерно в 30 км к юго-востоку от развалин Пайкента.

Весной 1956 г. археолог Г. В. Шишкина посетила бугор Кумсултан и сделала научное сообщение¹⁸. В 1963 и 1964 гг. были организованы поездки в этот район Махандарьинского отряда для выяснения истории водоснабжения и исследования памятников более древних периодов, в результате которых удалось выяснить следы древней гидрографии района, связанной исключительно с р. Кашкадарья, а также проследить сухие русла¹⁹.

По берегам русла припайкентского водоема были зафиксированы материальные памятники быта древних людей эпохи неолита и бронзы. Во время поисков старого русла мы прошли по всей трассе древнего низового протока Кашкадарьи, впадавшего в Зарафшан. Это мощное русло, едва доходящее сейчас до селений Шайхлар, Сариклар и Кунашахар (бывшего Кассанского района), раньше шло дальше на северо-запад, в сторону селения Базарчи и железнодорожной станции Ходжа-Мубарак. Затем русло приближается к границам Бухарского оазиса и отчетливо прослеживается, как ясно выраженный проток реки, и в западной части Каршинской степи.

В районе Ташкудука, несколько севернее железнодорожной станции Караул-базар, русло разветвляется на два рукава. Первый из них идет по-прежнему на северо-запад, а другой (кумсултанский) — прямо на запад. Северо-западное русло, в свою очередь, разделяется на два рукава; верхний проходит через колодцы Талли, Сузма, нижний — через Окина и Заирни Сузмаси. Затем, несколько южнее бугров Кызылрабата, они выходят на широкую равнину.

Контрольные шурфы, заложенные внутри русла и вне его, показали наличие здесь следов недавнего длительного водотока. Дальше, в 6—8 км южнее границ Бухарского оазиса, в районе селения Загаракыш, русло поворачивает на запад и, проходя через местность Кафирджар, направляется в припайкентскую впадину. В IX—XII вв. из этого притока были выведены искусственные каналы и благоустроены некоторые участки этой ныне пустынной зоны.

Западный приток — кумсултанский, местами едва заметный в верхнем течении, — проходит через колодец Козан-чукур, расположенный в 10—12 км к востоку от бугра Кумсултан. В районе колодца Кокча он как бы исчезает среди густых огромных барханов, а в 2,5 км к югу от бугра Кумсултан опять прослеживается. С юго-запада он обходит озеро Пайкент.

Русло довольно извилистое, шириной 60 м, местами больше. Оно входит в озеро и затем в северо-западном направлении удаляется от него. Наконец, проходя через селения Хараба-Куланчи и Арыкбуи-Куланчи вблизи кишлака Дурман, в 4—5 км к востоку от Каракуля, впадает в

¹⁸ Г. В. Шишкина. Археологическая разведка на границе Кум-Султан, Научные работы и сообщения, № 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961.

¹⁹ А. Аскаров. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, Изд-во «Наука», 1964.

русло Зарафшана (Каракульдарьи). Здесь в послеледниковую эпоху тоже происходит древнее обводнение и в значительной части степи в результате длительного мутного водотока образуются обширные равнины, чрезвычайно благоприятные для обитания охотничье-рыболовецких племен. Неолитические племена заселяются исключительно по берегам озер и сухих русел, которые в отдаленные времена изобиловали дарами природы. Позднее, в эпоху бронзы, осваиваются новые территории. В тех местах, где плодородная почва сочеталась с небольшими водными источниками, появляются незначительные посевные участки первобытных земледельцев.

Сокращение водного баланса Кашкадарьи и опустошение района происходит намного позднее, чем в районах Махандарьи и Гуджайли.

Обширная полоса пустыни от селения Дурман на северо-западе до бугров Кумсултан и Кокча на юго-востоке в прошлом представляла собой обжитые земли, обводненные Кашкадарьей. Вся эта территория усеяна материальными памятниками различных периодов начиная с эпохи неолита и кончая XII—XIII вв. н. э. Огромные древнеобводненные массивы района повсюду прорезаны системой оросительных каналов, мелких арыков раннего средневековья, наполненных ныне сыпучими песками непрерывно движущихся барханов.

Важно отметить, что материальные остатки времени раннего средневековья встречаются не только в районе Кумсултана, но и в районах, прилегающих к селениям Куланчи, которые находятся в самом нижнем течении древнего русла Кашкадарьи. Видимо, мощные потоки Кашкадарьи периодически впадали в Зарафшан. Структура наслоений и увлажненный характер грунта в русле также свидетельствуют об относительно недавнем прекращении водотока.

Изучение исторической гидрографии и археологических памятников низовий Кашкадарьи и Зарафшана позволило нам наметить динамику исторических процессов, происходивших здесь в столь глубокие времена, установить размеры площадей древнего обводнения и составить карту земель, весьма пригодных к освоению (рис. 3), незначительные участки которых обрабатывались уже в эпоху бронзы и раннего средневековья.

В настоящее время проектируется ввести в хозяйственное пользование обширные земли древнего обводнения и орошения, зарегистрированные нашим археологическим отрядом в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи и на перифериях. Изучение истории обживания этих земель свидетельствует о том, что они легко поддаются ирригационному освоению.

* *

*

XII и XIII съезды КПСС в решениях отметили необходимость расширения посевных площадей для получения наибольшей продукции для нужд народного хозяйства. Эти решения исходят из реального состояния развития производительных сил страны, из требований времени. С одной стороны, повышается урожайность сельскохозяйственных культур, особенно хлопчатника, а с другой,— увеличивается посевная площадь.

Прошло то время, когда инженер-ирригатор и колхозник думали о дополнительных водных ресурсах. Теперь мастерство советских людей, газ и электроэнергия сделали возможным невозможное. Бухарский газ обусловил разработку навоийского электротoka, который привел в движение мощную насосную систему. Она выкачивает воды Амударьи на поля Бухарской области. Словом, Великий Аму возвращает Зарафшану старые долги. Мы уверены, что вся картографированная нами пустыня в ближайшем будущем будет превращена в оазис.

РАЗДЕЛ I

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В НИЗОВЬЯХ ЗАРАФШАНА

Данный раздел работы посвящен древнейшей истории племен низовьев Зарафшана и представляет собой первую попытку обобщить материалы многолетних археологических исследований памятников эпохи неолита и энеолита, произведенных Махандарьинским отрядом.

Материал, полученный этим археологическим отрядом, показывает, что тузканская культура была составной частью культуры неолитических рыболовов, охотников и собирателей Средней Азии, которая освещена, в основном, трудами С. П. Толстова и его сотрудников и получила наименование кельтеминарской.

Проведенный в работе разбор остатков памятников культуры обитателей тузканских стоянок имел целью ввести в научный обиход новые археологические материалы, что само по себе очень важно для будущих обобщающих исследований. Вместе с тем мы хотели осветить археологический материал в историческом плане, показать его в различных аспектах и в связи с другими культурами мезолитических и неолитических племен Средней, отчасти Передней Азии. При этом, мы, хоть и не ограничивали себя пределами Средней Азии, все же делали основной упор именно на эту территорию.

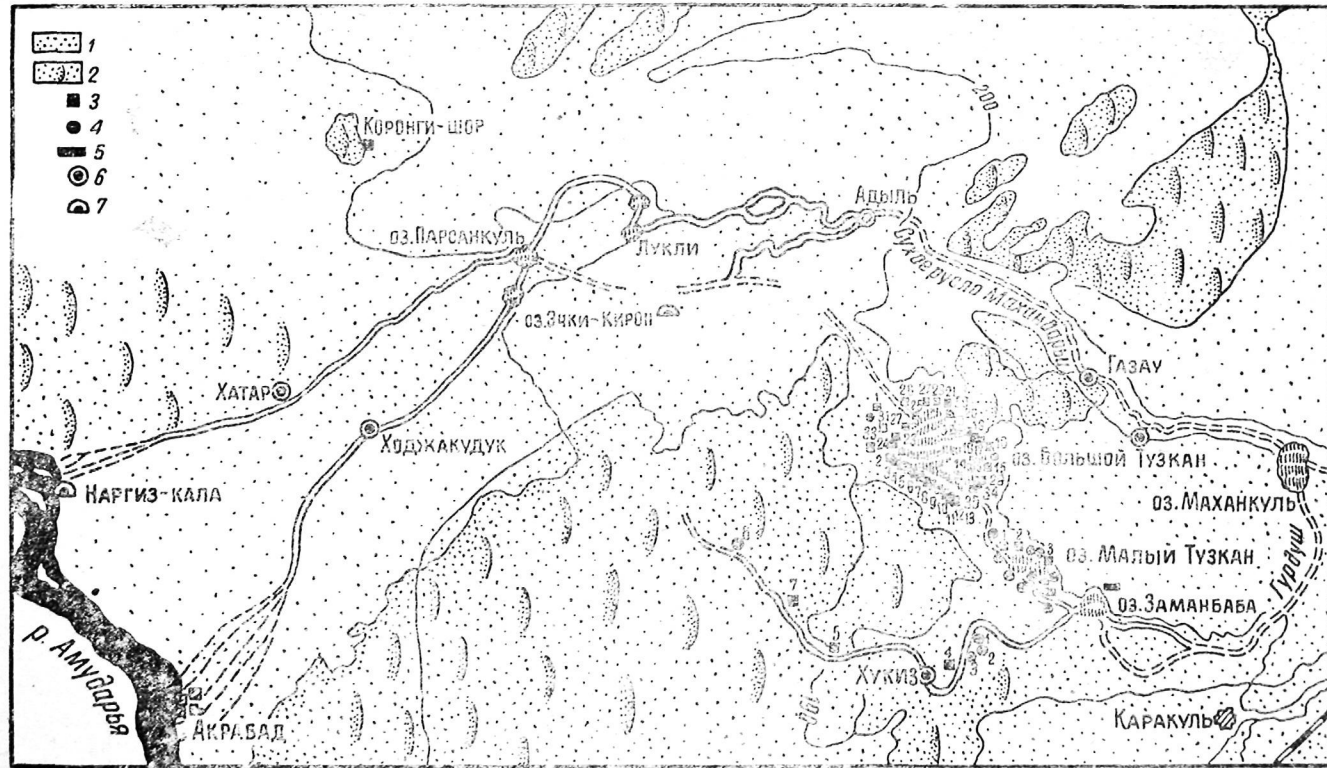
Глава первая

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В РАЙОНЕ МАХАНДАРЬИ

Поиски поселений и стоянок первобытных людей производились по берегам Большого и Малого Тузкана и по руслам Махандарьи и Гуджайли, а также в низовьях Кашкадарьи. В настоящее время эти места необитаемы и совершенно лишены проточной воды. Вся площадь района, за исключением названных солончаков, покрыта песками. В результате поисков обнаружено 45 дюнных стоянок неолитического периода и более 30 стоянок эпохи бронзы. Все неолитические стоянки, находящиеся на Большом и Малом Тузкане, расположены цепью на дюнных песках в непосредственной близости (5—6 м) к берегам древних озер. На Большом Тузкане исследовано 35 дюнных стоянок, в том числе одна многослойная и одна однослойная. На Малом Тузкане — всего три стоянки. Кроме того, неолитические стоянки открыты в ряде пунктов бассейна Махандарьи, Каптарникуми, Эчки-Кирон, Коронги-Шор, Пайкента и Кумсултана (рис. 4).

Культурный слой на всех неолитических стоянках, за исключением

Рис. 4. Схематическая карта низовьев Махангарки.
1—стень; 2—барханные пески; 3—неолитическая стоянка; 4—скала впади (Гисим); 5—холмистая Заведская; 6—кораллы; 7—горы.

двух, оказался развешенным, а культурные остатки (преимущественно единичные находки каменных орудий) разбросанными на широкой территории, иногда в радиусе полугектара. Однако на каждом памятнике мы обнаруживали центральную его часть, где сосредоточивались основные массы находок. Судя по этим скоплениям, размеры стоянок были велики, не превышали 300—400 м.

Неолитическая эпоха в Узбекистане изучена крайне слабо. Только благодаря работам С. П. Толстова и его сотрудников мы впервые получили представление о ней. Полной же публикации материалов классической раннекальтеминарской стоянки Джанбас 4 еще нет, поэтому мы считаем необходимым возможно полнее описать многослойную стоянку Дарбазакыр I и однослойную стоянку Дарбазакыр II, которые по кремневым и керамическим изделиям аналогичны стоянке Джанбас 4.

Приведенные материалы дадут возможность более полно восстановить картину хозяйственной жизни, технического уровня племен неолитической эпохи Узбекистана. Кроме того, мы дадим обзор неолитических стоянок на Махандарье и в конце этой главы остановимся на памятниках эпохи энеолита в низовьях Зарафшана.

Стоянка Дарбазакыр I

Эта стоянка расположена в северо-западной части Большого Тузкана, в 600—700 м к северо-западу от стоянки Большой Тузкан 25. Мы заложили шурф (1×1 м), который позволил установить здесь наличие первого многослойного памятника эпохи неолита на Махандарье.

Причина сохранения культурных слоев стоянки заключается в том, что она была расположена на берегу оз. Большой Тузкан, у подножия юго-западной части высокого естественного песчаного холма, предохранявшего ее от ветров с севера и северо-востока.

«Дарбазакыр» («ворота между платообразными возвышенностями») — небольшая местность, известная местным жителям — казахам и узбекам — еще с давних пор. Название ее соответствует географическому положению. При выходе с северо-западного угла оз. Большой Тузкан проходит узкий длинный мыс в виде полосы в направлении к юго-западу. Этот мыс разделяет платообразную возвышенность — «кыр» на две части, образуя «ворота», через которые в северо-западном направлении проходят степные дороги в сторону Адылкудука, Ходжакудука, Учбоша, Газли и др. Здесь кончается северо-западная граница Большого Тузкана. Вот почему с давних пор местное население называет это место «Дарбазакыр».

Осенью 1961 г. в широком масштабе производились раскопки на этой стоянке. Было установлено, что Дарбазакыр — трехслойное поселение, располагавшееся на берегу северо-западной части некогда большого водоема, представляющего ныне обширный солончак (Большой Тузкан), в 40 км к СЗ от районного центра Каракуль.

Поверхность стоянки почти сплошь покрыта многочисленными культурными остатками — черепками, раковинами, кремневыми орудиями и отщепами.

Первый стратиграфический шурф (2×4 м), заложенный в центральной части поселения, ближе к его южному краю, дал такую картину наслоений (рис. 5 в):

1) рыхлый слой песка толщиной 25—30 см. Культурные остатки лежат прямо на песке и на несколько сантиметров в глубь него;

2) плотный песок серо-желтого цвета, толщиной 15—20 см. Культурных остатков нет;

ОРНАМЕНТ III сл.	КОЛИЧЕСТВО СОСЛЮДОВ	ОРНАМЕНТ II сл.	КОЛИЧЕСТВО СОСЛЮДОВ	ОРНАМЕНТ I сл.	КОЛИЧЕСТВО СОСЛЮДОВ
	6		2		7
	5		7		1
	12		3		2
	3		4		
	3		4		
	4		2		
	3				
	1				

ОРНАМЕНТ	III сл.	II сл.	I сл.
	15	3	
	11	6	
	5	2	
	5	10	2
	2	7	2
	3	14	
	6		
	2		
	1		
	2	4	

Б

А

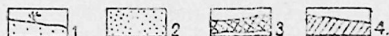
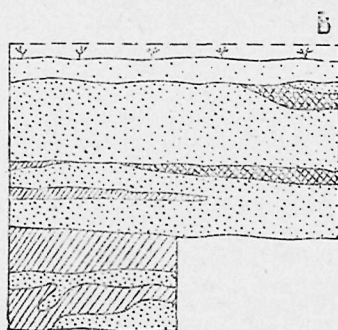

Рис. 5. Орнаменты керамики I, II, III слоев со стоянки Дарбазакыр I и разрез восточного фаса шурфа.

а—сопоставление орнаментов, б—количественное соотношение орнаментов. в—разрез восточного фаса шурфа в. X-II; 1—верхний рыхлый слой песка; 2—плотный серо-желтый песок; 3—культурный слой; 4—тамыр.

3) красноватый обгорелый песок. Это второй культурный слой толщиной 30—40 см;

4) плотный песок серо-желтого цвета толщиной 1 м. Культурных остатков нет;

5) красноватый обгорелый песок. Этот третий культурный слой, лежащий прямо на такыре. Толщина его 15—20 см, слой насыщен культурными остатками;

6) такыр толщиной 10 см;

7) плотный песок толщиной 45—50 см;

8) такыр толщиной 50—60 см;

9) плотный песок толщиной 20—25 см;

10) такыр толщиной 35—50 см;

11) стерильный песок.

Можно предположить, что здесь четыре раза были наводнения, поэтому образовалось 4 такыра. Общая толщина наслоений в шурфе составляет 3,7—3,8 м. Керамика и кремневый инвентарь трех культурных слоев в шурфе не обнаруживают существенных изменений. Все вскрытые культурные слои, несомненно, принадлежат к одной культуре.

Возможно, первые обитатели Дарбазакрыра поселились на такыре, который был покрыт тонким слоем песка, но спустя некоторое время по каким-то причинам оставили поселение. Затем оно было покрыто подвижными песками, и снова здесь поселились носители той же культуры. Они долго жили на песке, вследствие чего местность была вытоптана и уплотнена. Затем все повторилось еще раз.

Наряду с изучением стратиграфии Дарбазакрыр были начаты широкие раскопки верхнего слоя поселения. Исследовалась площадь 2 500 м² (50×50). Она была разбита на квадраты (2×2).

Все культурные остатки, находившиеся на поверхности земли, мы собирали по квадратам и наносили на план. Потом был вскрыт верхний слой по всей площади. Второй и третий культурные слои удалось вскрыть на сравнительно небольшом участке, в юго-западной части раскопа. Всего вскрыто 576 м² (18×32).

Верхний культурный слой беловато-серый, богатый культурными остатками, не разрушенный. В нем найдены два шлифованных топора, скребки, сверла, скобели, проколки и другие предметы.

Второй культурный слой красновато-желтый. Этот слой лежал на песке. В юго-восточной стороне его было найдено несколько кострищ. Мы не называем их очагами, потому что все они бесформенные, но черная окраска и зола говорят о том, что здесь жгли костры. Культурных остатков во втором слое меньше, чем в первом и третьем. Каковы были жилые комплексы первого и второго слоев, остается неизвестным, поскольку они не обнаружены.

Третий культурный слой очень богатый и мощный, красновато-желтого цвета, лежит на такыре, поэтому культурные остатки прослеживались легко. Здесь обнаружены очаги и остатки жилища. Поскольку слой лежал на такыре, ямы от столбов и очаги очень хорошо сохранились. Культурных остатков обнаружено очень много (рис. 6). Среди них кремневые орудия, шлифованные топоры (2 экз.), керамика с волнистым орнаментом и кости животных. По предварительному определению научного сотрудника Института археологии АН СССР Н. М. Ермоловой, в коллекции имеется пяточная кость лисицы (*vulpes*) и нижние концы больших берцовых костей джейрана (*Gasella Subgutturosa*).

Все слои довольно отчетливо отделялись друг от друга расцветкой, кроме того, между ними залегал мощный слой плотного подвижного песка. Верхний слой имеет более светлый, беловато-серый тон, а второй и третий значительно темнее и плотнее по консистенции. Такое различие,

возможно, обусловлено воздействием на верхний слой атмосферных агентов, а, может быть, и другими причинами, например, характером топлива, употреблявшегося жителями поселения.

Для расширения раскопочных работ на стоянке Дарбазакыр I была заложена разведочная траншея размером 26×2 м на линии кв. Т и три

Рис. 6. Скопление материалов на стоянке Дарбазакыр I

шурфа: один размером 8×1 м в кв. 19—18, Ч — 18, Ш — 18, Э — 18; другой размером 4×2 м в кв. Ж—23, Ж—24 и третий размером 4×2 м в кв. 3—18, И—18. Только один из них дал очень скудные керамические и кремневые материалы. В остальных материальные остатки почти отсутствуют (рис. 7).

На основании результатов наших разведочных стратиграфических шурфов, мы пришли к выводу, что дальнейшие исследования и расширение раскопочных работ на стоянке Дарбазакыр I нецелесообразны.

Жилища, относящиеся к эпохе неолита в Узбекистане, изучены крайне слабо. До сих пор нам известно единственное жилище охотников и рыболовов неолитического периода. Это Джанбас-кала 4, изученное С. П. Толстовым. Но полной публикации материалов этой стоянки еще нет. Мы постараемся полнее описать жилища охотников и рыболовов, находящиеся на Дарбазакыре.

До раскопок на этом месте находились дюнные пески, и в северном участке стоянки, вероятно, была развеяна часть такыра. Многочисленные культурные остатки были разбросаны на такырной части стоянки и на дюнных песках. Когда же сняли песок, покрывающий древний пол жилища, мы увидели, что пол был ровным и почти прямоугольным, площадью 81 м^2 . Жилище оконтурено хорошо заметными ямами, вырытыми в желтом суглинке и заполненными более темной землей с песком. В этих ямах, расположенных довольно симметрично и с очень небольшими интервалами (1—1,5 м), когда-то были вертикально закреплены деревянные столбики или жерди, являвшиеся опорой стен жилища. Непосредственно перед ямами для столбов были хорошо видны границы внутреннего пространства дома. Ямки для столбов располагались двумя рядами, по всем четырем сторонам оконтуривая внутреннее пространство дома и внешний его периметр. Это были как бы два прямоугольника, вложенные друг в друга; расстояние между ними равнялось примерно 0,5 м. Внутренний ряд столбиков, вероятно, поддерживал крышу изнутри, а внешний служил каркасом стены.

Расчистив пол, мы обнаружили в центре жилища две округлые ямы. В отличие от других, они имели большие размеры и, видимо, служили для установки больших опорных столбов. Такие же лунки встречены во всех четырех углах жилища. Размеры их были следующие (см.):

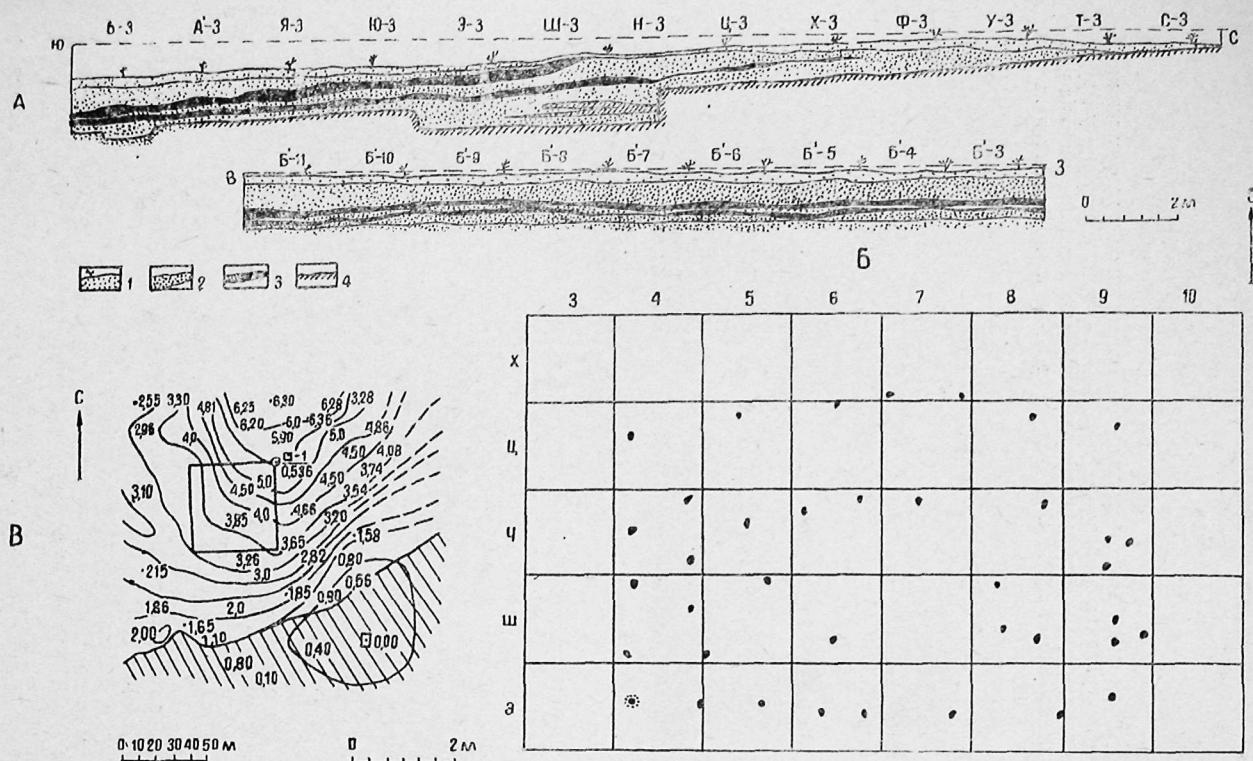

Рис. 7. Стоянка Дарбазакыр I

а — Разрезы северного и восточного фасов в юго-западной части раскопа; б — План следов жилища; в — Топографический план стоянки Дарбазакыр I; 1 — верхний рыхлый слой песка; 2 — плотный песок серо-желтого цвета; 3 — культурный слой; 4 — тапир.

	<i>Квадраты</i>	<i>Диаметр</i>	<i>Глубина</i>
	Ш—8	25	15
Ш—5,	Ч—5	27	18
	Ч—4	15	18
Э--4,	Э—5	25	19
	Э—9	15	22
	Ч—9	27	27

Нужно отметить, что все угловые ямы наклонны к центру жилища, а одна центральная в квадрате Ч—5, Ш—5 — чуть к востоку; у другой ямы в квадрате Ш—8 стены отвесные. В восточной стороне жилища имеются некоторые изменения. В квадратах Ш—9 и Ч—9 имеется по три

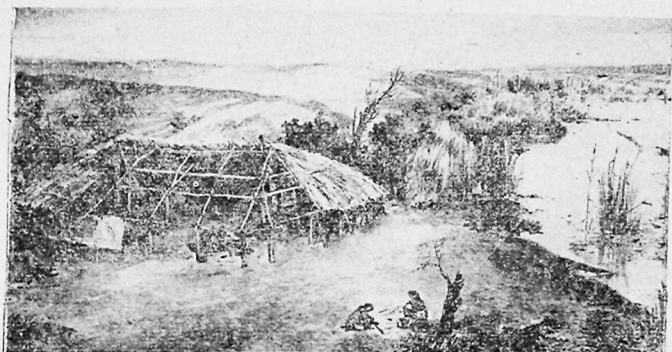

Рис. 8. Реконструкция жилища на стоянке Дарбазакыр I

ямы. Расстояние между ними — 25—30 см, расстояние между остальными — 1—1,5 м. Расположение тоже необычно. Две из них расположены рядом, а третья как бы поддерживает их сзади. Это, по всей видимости, был вход, ширина его — 1,2 м. Очевидно, это был наземный дом, стены которого состояли из вертикально врытых бревен, державших крышу, и горизонтальных плах или жердей самой стены.

Жилище было расположено на такыре и имело в плане прямоугольную форму (рис. 7 б). Общая площадь жилища — $7 \times 11,6$ м. Оно вытянуто с востока на запад. В центре имеются две округлые ямки для больших опорных столбов. От стен жилища остались два ряда ям — внешний и внутренний. Они, видимо, служили для установки каркаса стен и кровли жилища.

Жилище было наземным, типа шалаша, и имело легкий деревянный каркас в виде системы столбов и балок, возможно, перекрытых сверху камышевой кровлей (Рис. 8). Вход в жилище с восточной стороны. У входа в квадратах Ш—8, Ч—8 найдено очень много культурных остатков. На остальной площади они встречаются редко. В квадратах Ш—4—5—6, Ч—4—5—6, Ц—4—5—6 культурных остатков почти нет. Пол ровный, без каких-либо углублений.

Очаги расположены за пределами жилища, к СЗ и ЮЗ от него. Очаг размером $40 \text{ см} \times 1,2 \text{ м}$ с северо-западной стороны в плане вытянут с СЗ на ЮВ. Кроме того, в южной части раскопа встречено несколько кострищ (рис. 9).

Л. Г. Морган пишет, что манданские дома (около 96 м^2) вмещают 30—40 чел. Андаманские жилища (около 154 м^2 вмещали, по Мэну, до

100 чел.¹ С. П. Толстов предполагает, что в джанбаскалинском доме (около 290 м²) помещалось до 100—125 чел.² Исходя из этих данных, можно предполагать, что количество обитателей малого дарбазакырского дома не превышало 25—30 чел.

Среди находок поселения Дарбазакыр значительное место занимают кремневые орудия, изучению которых мы придаем существенное значение. Дело в том, что кремневый инвентарь стоянок кельтеминарской культуры освещен в литературе слабо и дает только общее представле-

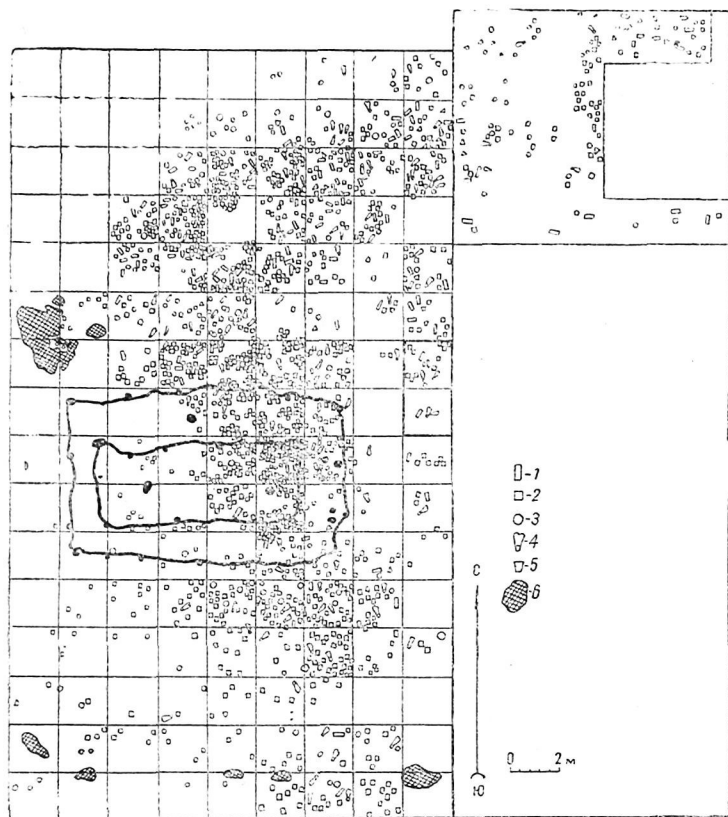

Рис. 9. План поселения Дарбазакыр I.

1—пластины; 2—керамика; 3—отщепы; 4—кости; 5—топорики; 6—очаг.

ние о типах кремневых изделий. Между тем, уже сейчас мы можем выяснить ту производственную роль, которую играл кремневый инвентарь в системе хозяйства, определить главнейшие типологические и функциональные признаки его.

Кремневые изделия изготовлены из различного по качеству и цвету

¹ Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934, стр. 68—88.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948, стр. 62.

материала. Преобладает более качественный кремнь молочно-белого и желтовато-белого цветов, встречается также кремнь коричневатого-красных тонов.

Низовья Махандарьи ныне представляют собой горную полупустыню, местами покрытую барханными песками, невысокими песчаными возвышенностями бугров. По древним ее руслам растет тамариск, верблюжья колючка и другие пустынные растения. Здесь отсутствуют галечник и месторождения камня. Однако за пределами этого района, недалеко отсюда в Южных и Центральные Кызылкумах расположены небольшие горы Кульджуктау, Ауминзатау, Тамдытау, Алтынтау, Керигатау, Букентау и Султан-Уиздаг. Примерно в 150—300 км к СВ от Махандарьи находятся небольшие горы Каратау, Актау и Нуратинские хребты. Еще в XIX в. кремнь добывался на бугре Чакмактюбе, в северном отроге Нуратинских гор³. Этот небольшой объект в недалеком прошлом обеспечивал кремнем окрестное население, вплоть до Бухары⁴.

В 1931 г. сотрудник Кызылкумской геологической экспедиции Е. К. Илларионов в южной части гор Букентау нашел ряд предметов эпохи неолита, но кремнь, из которого они изготовлены, в Букентау неизвестен. Однако этой же экспедицией было найдено месторождение кремня в 50 км южнее, в горах Алтынтау⁵. В последние годы палеолитические мастерские, расположенные в месторождениях кремня и кремнистых пород, были обнаружены Х. Мухамедовым, в горах Каратау (Навоийский район Бухарской области) в местности Учтут и Иджонт⁶. При вторичном обследовании этого района М. Р. Касымов выяснил, что в Каратау на всем пространстве между кишлаками Учтут и Иджонт имеются два карьера — Ташкутан, недалеко от которого находится кремнеобрабатывающая мастерская, относящаяся к периоду от раннего мустье вплоть до неолита, и Чакмактюбе, расположенный в 3 км к СВ от кишлака Кавоби. Карьер Ташкутан в основном состоит из кремнистого известняка; в разрезе видно, что верхний горизонт содержит прослойку кремня, чаще серого и коричневатого цвета.

Кремнь как материал для изготовления орудий имеет некоторые преимущества перед другими породами камня. Он весьма твердый и обладает способностью раскалываться на тонкие пластинки с острыми режущими краями. Орудия из кремня удобны для подправки тонкой ретушью по рабочему краю. Первобытные люди хорошо знали свойства кремня и изготавливали орудия именно из него. Поиски кремня всегда занимали первобытного человека, и на всем протяжении каменного века его жизнь была связана с добычей этого камня. Возможно, некоторые из указанных месторождений кремня были известны племенам Южных и Центральные Кызылкумов еще в древности, и эти племена добывали кремнь именно здесь. Однако кремневые выработки этих месторождений почти не изучены ни археологами, ни геологами. Отсутствует и анализ состава тузканского кремня и кремня из этих месторождений; поэтому трудно говорить, где добывали кремний тузканцы.

При раскопках стоянки Дарбазакыр была собрана большая коллекция каменных орудий, представленная многочисленными скребками, скобелями, проколками, нуклеусами и т. д. Орудия труда сопровождалась

³ А. Ф. Соседко. Находка неолита в центральных Кызылкумах в Средней Азии, журн. «Природа», 1931, № 11, стр. 1130.

⁴ М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, Изд-во АН УзССР, стр. 6.

⁵ А. Ф. Соседко. Находка неолита...

⁶ М. Р. Касымов. Кремневая мастерская близ кишлака Иджонт, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 8; Он же. Добыча и техника обработки кремня в каменоломнях — мастерские Средней Азии, «Научные работы и сообщения отделения общественных наук», кн. III, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961.

массой отщепов, пластин, чешуек, обломков и других отбросов производства. Всего найден 3 731 каменный предмет, примерно 35% составили орудия труда, остальное — отбросы производства.

Большая часть орудий исследована под бинокулярной лупой. Этот способ помогает лучше разобратся в формах и функциональном значении орудий и тем самым наиболее правильно решать вопросы, касающиеся производственной деятельности первобытного человека.

Микроскопические исследования орудий произведены в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР научным сотрудником Г. Ф. Коробковой, под руководством доктора исторических наук С. А. Семенова.

Среди орудий преобладают изделия микролитического типа, подавляющее большинство их (свыше 90%) изготовлено из ножевидных пластинок. Можно выделить следующие группы орудий и изделий: орудия для обработки шкур, кожи и мелкие деревянные части; орудия для сверления; изделия, связанные с изготовлением каменных орудий.

Орудия для обработки шкур, кожи и мелкие деревянные части представлены скребками, скобелями и ножами.

Концевые скребки можно разделить на три группы.

1. Концевые скребки подтреугольных очертаний массивные и крупные, сделанные из широких коротких пластинок (13 экз.). Рабочий край находится на широком конце пластинки. Противоположный конец, где находится ударный бугорок, значительно уже, поэтому скребок имеет подтреугольную форму (рис. 10, 31). Ретушь, оформляющая рабочий край, крутая, в виде узких фасеток, идущих от брюшка пластинки к ее верхнему ребристому краю на спинке, сам рабочий край подправлен дополнительной мелкой оббивкой. Ретушь заходит на продольные края пластинки.

2. Концевые скребки из небольших тонких пластинок представляют собой правильную призматическую пластинку с выпуклым овальным рабочим краем (3 экз.). Рабочий край ретуширован мельчайшей ретушью, заходящей на продольные края пластинки. На выпуклом рабочем конце видны следы изношенности: затупленность и заполированность лезвия и линейные следы, перпендикулярные рабочему краю (рис. 10, 1).

3. Скребки на отщепах изготовлены из тонких отщепов неправильной формы, у которых ретушью выработан полукруглый и слегка выпуклый рабочий край (1 экз.), (рис. 10, 35). По своему назначению эта группа неотделима от концевых скребков.

Кроме того, на стоянке Дарбазакыр найдены единичные концевые скребки. Один из них изготовлен из сработанного нуклеуса, другой — из массивной пластинки. О том, что концевой скребок сделан из сработанного нуклеуса (рис. 10, 2), свидетельствуют сохранившиеся фасетки, образовавшиеся при скалывании ножевидных пластинок. Скребок имеет прямоугольную форму с округлым рабочим краем. Рабочий край образован тщательной ретушью, заходящей на продольные края пластины с отжимной ретушью. Длина — 3,7 см, ширина — 3 см. Он найден в 1 слое.

Второй скребок сделан из массивной удлиненной пластинки (рис. 10, 30). Длина его — 4,5 см, ширина — 2,3 см. Ретушь, оформляющая рабочий край, крутая, имеет вид узких фасеток, идущих от брюшка пластинки к ее верхнему ребристому краю на спинке. Сам рабочий край подправлен дополнительной мелкой оббивкой. Один продольный край пластины имеет широкую и глубокую выемку, очень тщательно отретушированную со стороны брюшка. Основание пластинки заострено, четко прослеживаются линейные следы, характерные для сверла. Видимо,

это комбинированное орудие использовалось как скребок, скобель и сверло. Оно найдено в III слое стоянки Дарбазакыр.

Наконец, укажем группу пластинок (31 экз.), оба продольных края которых ретушированы отжимной техникой только со стороны брюшка.

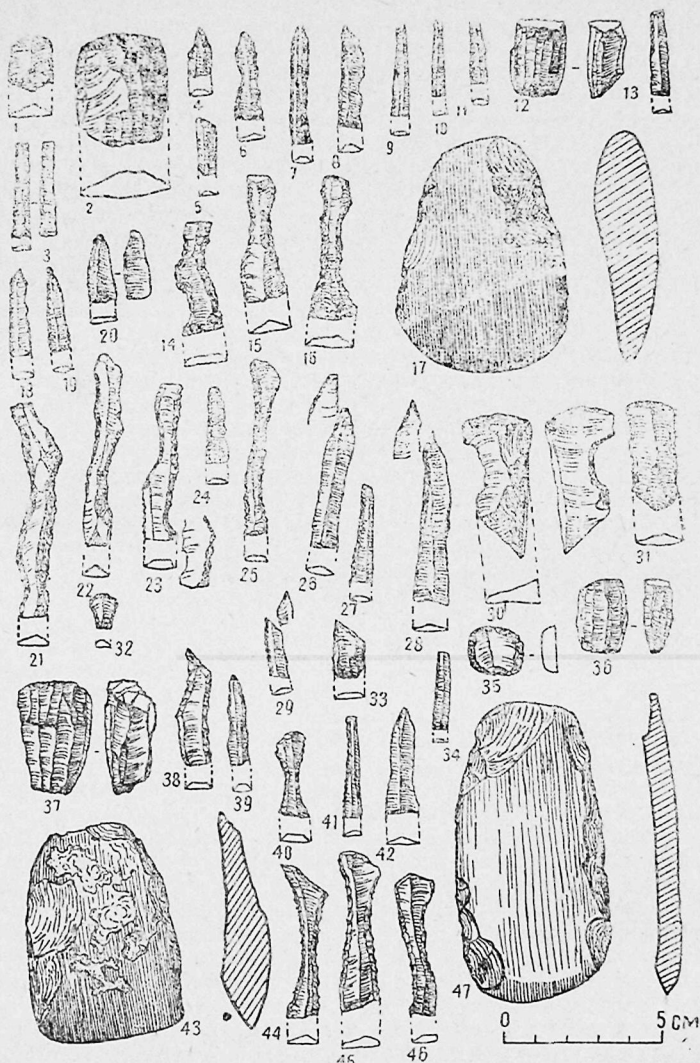

Рис. 10. Кремневые орудия со стоянки Дарбазакыр I.

Хотя следов работы и не видно, характер ретуши все же позволяет предположить, что эти пластинки могли употребляться как боковые скребки. Средняя длина пластинки — 3,6 см, ширина — 1,5 см.

Скобели можно разделить на две группы.

1. Скобели, изготовленные из удлинённых, призматических пластин с вогнутыми краями (50 экз.). Выемки образованы тщательной крутой ретушью, в основном со стороны спинки, имеют характерные для раннего кельтеминара пропорции: они очень широкие, но неглубокие и расположены асимметрично по обоим сторонам пластинки (рис. 10, 14, 15, 16, 21, 23, 25, 44, 46). Средняя длина пластинки — 5 см; ширина — 1,6 см. Лезвия таких пластин сильно затуплены, и на большинстве из них под микроскопом заметны линейные следы, идущие по диагонали от рабочего края и оси пластины. Линейные следы — глубокие, с острыми краями — свидетельствуют о том, что скобелями работали по твердому материалу (дереву или кости). Возможно, при строгании пластинами древков копей, стрел, рукояток для топоров и тесел острые края пластин быстро затуплялись, их постоянно подправляли ретушью с двух сторон лезвия, со спинки и брюшка, в результате чего образовалась выемка. Такие пластинки с вогнутыми рабочими поверхностями могли употребляться без рукояток. На это указывает, прежде всего, след легкой заполированности, оставшийся от руки, державшей орудие во время работы.

2. Скобели, изготовленные из призматических пластин, имеют незначительное углубление, подправленное крутой заостряющей ретушью со стороны спинки и брюшка (195 экз.). Средняя длина их — 3,7 см, ширина — 0,8 см. Выемки узкие, неглубокие, обычно расположены по одному, а иногда по обоим краям пластинки (рис. 11, 22).

Ножи представлены преимущественно вкладышами. Сюда относятся ножи как из микропластинки, так и из пластинок обычной величины.

Микропластинки с ретушью — 52 экз. (рис. 10, 9, 11, 3, 24, 34). Ретушированы правый или левый край и основание пластинки притупляющей крутой ретушью. Другой край — острый, необработанный. На некоторых пластинках видны линейные следы работы. По характеру ретуши мы относим такие пластинки к вкладышам ножа. Средняя длина их — 1,3 см, ширина — 0,3 см.

В группу ножей с известной долей условности можно включить и пластинки с ретушью, не имеющие правильных граней. Сюда относятся:

1. Пластинки, ретушированные только со стороны спинки, изготовленные из различного по цвету кремня (550 экз.). Они очень аккуратно обработаны отжимной ретушью. Назначение их нам не известно. Средняя длина их — 4,2 см, ширина — 1,1 см.

2. Пластинки, ретушированные по одному продольному краю и основанию притупляющей крутой ретушью в основном со стороны спинки (160 экз.). Другой край — острый. По характеру ретуши можно предполагать, что они использовались как вкладыши ножа. Средняя длина — 2,7 см, ширина — 0,9 см.

3. Пластинки с противолежащей ретушью (54 экз.). Они ретушированы очень аккуратно отжимной техникой. Назначение их нам не известно. Средняя длина — 3,4 см, ширина — 0,4 см.

Орудия для сверления представлены сверлами и проколами.

Сверла можно подразделить на три группы.

1. Сверла из массивных призматических, довольно грубых удлинённых пластин (14 экз.). Длина их достигает 6 см, ширина — 0,9 см. Кончик пластинки острый и обработан противолежащей ретушью, заходящей на продольные края пластинки (рис. 10, 26). Иногда продольные края ретушированы только со стороны спинки.

2. Сверла из узких и тонких пластин. Это наиболее часто встречающаяся форма сверла (68 экз.). Кончик пластинки заострен в виде хорошо отретушированного стерженька. Острие и ребро стерженька затуп-

лены (рис. 10, 7, 8, 42). На рабочей части прослеживаются круговые линии, перпендикулярные его оси, образовавшиеся вследствие круговращательного движения. Продольные края пластины ретушированы противоположащей ретушью. Средняя длина — 3,1 см, ширина — 0,7 см.

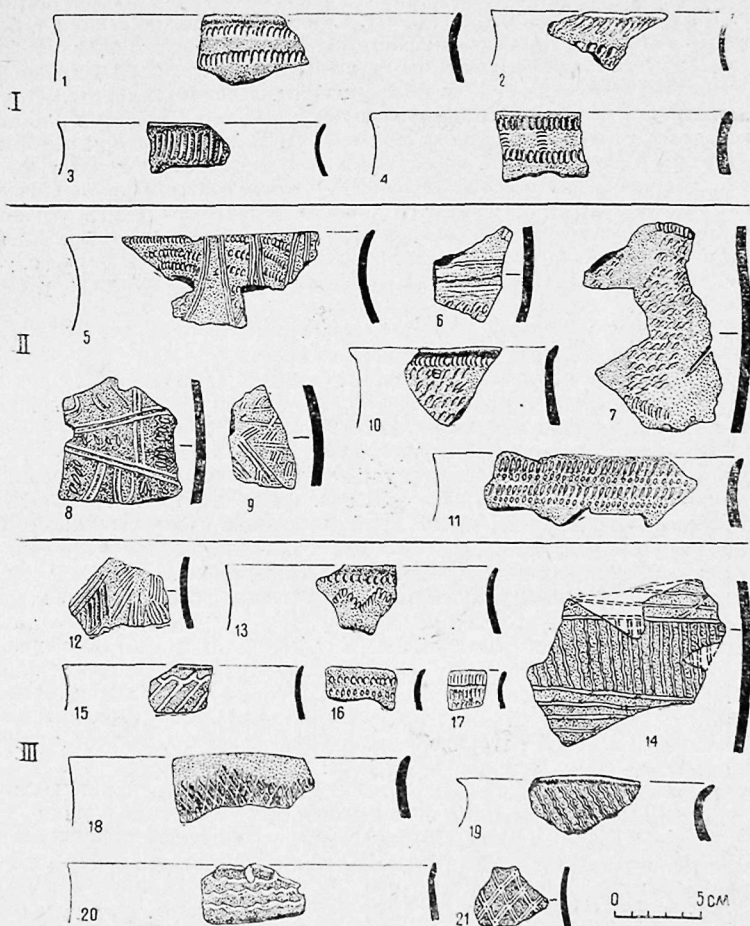

Рис. 11. Керамика со стоянки Дарбазакры I

3. Сверла миниатюрные, изящных форм и превосходной обработки (9 экз.). На стерженьках четко прослеживаются линейные следы. Подобные сверла могли употребляться для изготовления украшений — бус, подвесок и т. д. (рис. 10, 4, 6, 18, 19, 20, 39). Найденные на этих же стоянках каменные подвески оказались просверленными именно такими сверлами, так как отверстия соответствуют им по диаметру и имеют характерные следы сверления. Средняя длина этих сверл — 1,8 см, ширина — 0,3 см.

Проколки можно разделить на два типа.

1. Проколки, изготовленные из пластин со скошенным краем (11 экз.). Они представляют собой правильную призматическую пластинку, на конце которой слева или справа сформован ретушью боковой угол. В основном проколками служили пластинки со скошенным острым краем, имеющие нитеобразные следы, идущие от самого кончика острия параллельно оси пластинки (рис. 10, 29, 33). Продольные края пластинок тоже ретушированы. Средняя длина — 1,8 см, ширина — 0,6 см.

2. Проколки, изготовленные из узких и тонких призматических пластинок (13 экз.). Это правильные призматические пластинки с острым кончиком, ретушированным со стороны брюшка (рис. 10, 28). В основном затупляющей ретушью обработан один продольный край пластинок, другой край — острый. По характеру ретуши такие пластинки, по-видимому, использовались и как проколки, и как вкладыши ножа. Средняя длина их — 2,8 см, ширина — 0,7 см.

Наряду с обильным кремневым материалом на поселении Дарбазакыр найдена небольшая серия шлифованных неолитических орудий, представленных четырьмя экземплярами топоров-тесел (в том числе одним обломком), сделанных из галечного кремня.

1. Тесло-топор, шлифованный с двух сторон. Рабочий край широкий и овальный, противоположный конец значительно уже. Орудие приближается по форме к острообушным топорам (рис. 10, 17). Длина его — 7,5 см, ширина — 5 см, толщина — 2 см. Этот топор употреблялся довольно длительное время, о чем свидетельствуют многочисленные линейные следы, расположенные перпендикулярно его лезвию. Топор был найден в верхнем слое стоянки.

2. Тесло-топор, шлифованный с двух сторон, с плоским обушком, симметричным профилем, прямоугольной формы, имеет линейные следы работы, подобно следам на первом тесле. Длина его — 7 см, ширина — 4,7 см, толщина — 1,5 см. Этот топор был найден в третьем слое (рис. 10, 43).

3. Сравнительно длинный топор-тесло, шлифованный с двух сторон, с плоским обушком (рис. 10, 47). Продольные края топора очень грубо ретушированы. Длина — 9,5 см, ширина — 4,6 см, толщина — 1 см. Этот экземпляр тоже был найден в третьем слое.

4. Обломок топора найден в верхнем слое.

Изделия, связанные с изготовлением каменных орудий, нуклеусы и пластинки.

Встречаются нуклеусы из разноцветного кремня, обычно предельно использованные. По форме они призматические, но условно их можно разделить на две группы: односторонние и с круговой обработкой.

1. Односторонние нуклеусы (40 экз.) с одной стороны имеют следы последовательных сколов правильных узких ножевидных пластинок; с другой — сколы не производились. Иногда нуклеус сохраняет желвачную корку. Нуклеусы патицированы, белого цвета (рис. 10, 36). Средняя длина их — 3,6 см, ширина — 2,9 см, толщина — 1,5 см.

2. Нуклеусы с круговой обработкой (9 экз.), имеют следы снятия ножевидных пластинок со всех сторон (рис. 10, 37). Средняя длина их — 3,4 см, ширина — 2,3 см, толщина — 1,4 см.

Среди пластинок имеются микропластинки и пластинки обычной величины.

Микропластинки без ретуши — 40 экз. (рис. 10, 10). На этих пластинках нет следов работы. Возможно, они были заготовками для мелких орудий.

Пластинки без ретуши, изготовленные из различного по цвету кремня (747 экз.). Такие пластинки, по всей видимости, служили для заготовки

различных орудий, частично же, особенно наименее правильные формы, являлись отбросами производства.

Отщепы с ретушью (13 экз.) имеют различную неправильную форму, край ретуширован. Остальная часть кремневого инвентаря — отбросы производства (отщепы, чешуйки и кусочки кремня). Эти типы орудий встречаются во всех слоях стоянки Дарбазакыр. Они почти одинаковой

Таблица 1

Количественные соотношения орудий по слоям, %

Культур- ный слой	Скобели, пластинки с выемкой	Сверла	Проколки	Скребки	Скобели- асимме- тричной формы	Микро- пластинки	Нуклеусы	Пластинки с ретушью	Ребра- тые пла- стинки	Пластинки без рету- ши	Отщепы и чешуйки	Кусочки кременя	Отщепы с ретушью	Всего
I	4,22	2,32	0,42	0,42	0,42	1,79	2,11	20,80	1,16	28,20	34,45	2,95	0,74	100
II	14,60	3,19	0,80	0,00	5,30	5,30	1,33	39,10	2,66	10,40	12,00	4,52	0,60	100
III	16,70	4,90	0,89	1,34	3,79	6,00	2,00	34,30	1,34	17,84	10,90	0,00	0,00	100

формы и одного размера (табл. 1). Из таблицы видно, что в нижнем слое названные орудия встречаются в два, а некоторые из них, например скобели, в четыре раза чаще, чем в верхнем слое. Но типологически все кремневые орудия не различаются. Они одинаковой формы и примерно одного размера.

Помимо кремневых и каменных орудий дарбазакырцы использовали костяные. На некоторых обломках костей видны линейные следы, характерные для скребка, проколки и шила. Все они находились в третьем слое.

Найденные на поселении многочисленные нуклеусы, отщепы, пластинки, заготовки, обломки, чешуйки кремня и другие отбросы производства говорят о том, что обработка кремня, его расщепление производилась здесь же на поселении.

Разнообразие рассмотренных форм каменных орудий, найденных на стоянке, явные следы их износа не только говорят о наличии в Дарбазакыре тех или иных производств, связанных с обработкой камня, костей, дерева, шкур животных, с изготовлением различных украшений, но и характеризуют степень хозяйственного уровня населения.

Как видно, все эти орудия относятся к тем временам, когда камень был основным и господствующим материалом.

Керамика

Большой интерес представляет глиняная посуда, найденная на Дарбазакыре. Все сосуды ручной лепки сравнительно тонкостенны и равномерно обожжены. По внешнему признаку керамику можно разделить на орнаментированную и неорнаментированную. Дарбазакырская керамика изготовлена из местных лессовидных глин, в основном, с примесью песка, изредка дресвы и толченых раковин. Сосуды представлены следующими формами:

1) большие сосуды вертикально удлинённых пропорций со слегка отогнутым наружу венчиком и несколько раздутым туловом (рис. 11, 4, 11, 18, 20). Дно круглое или слегка заостренное;

2) небольшие сосуды, приближающиеся к грушевидной форме с сильно отогнутым наружу венчиком (рис. 11, 19). Край венчика округлый, утонченный. Дно круглое;

3) сосуд удлинённой, полуяйцевидной формы, с почти прямым венчиком (рис. 11, 10). Край венчика округлый. Дно круглое;

4) сосуд близок по форме к предыдущему, но со слегка изогнутым венчиком (рис. 11, 2, 3, 5, 13, 15). Край венчика округлый и утончённый.

На поселении было найдено 611 черепков, из них орнаментированных — 210. В первом верхнем слое из 132 черепков орнаментированные составляют 24%, остальные неорнаментированы. Во втором слое из 183 черепков керамика с орнаментом составляет 58%. В нижнем, третьем слое из 296 черепков керамики с орнаментом 27%.

Орнамент сосудов в основном прочерченный и образованный вдавлениями палочкой и лопаточкой. В верхнем слое встречаются следующие орнаменты:

1) два ряда горизонтальных полос, параллельно вдавленных палочкой (рис. 11, 1);

2) два ряда горизонтальных полос по венчику сосуда и соединяющие их вертикальные короткие полосы вдавлений палочкой (рис. 11, 4);

3) широкая полоса из параллельных линий, прочерченных палочкой (с небольшим наклоном) на вогнутой части венчика сосуда (рис. 11, 2, 3). Ниже них — полоса глубоких вдавлений лопаточкой. С внутренней стороны по краю венчика мелкие косые насечки.

Второй слой представлен такими орнаментами:

1) ряды вдавлений тонкой изогнутой лопаточкой (рис. 11, 7);

2) короткие насечки, горизонтально нанесенные в два ряда отступающей палочкой (с небольшим наклоном), между ними расположены каплевидные насечки (рис. 11, 11);

3) ряд прочерченных линий, нанесенных острой палочкой (рис. 11, 6);

4) несколько рядов горизонтальных линий, прочерченных острой палочкой, ниже них, так же, как и первые, но расположены вертикально (рис. 11, 6);

5) вертикальные наклонные линии (двойные, тройные), с короткими штрихами между ними. (рис. 11, 5);

Для керамики нижнего слоя характерны следующие орнаменты:

1) три горизонтальные волнисто-струйчатые линии, прочерченные двойной палочкой (рис. 11, 20);

2) ряды угловых вдавлений и вдавлений округлой палочкой (рис. 11, 16);

3) треугольники, заполненные параллельными штрихами, прочерченными палочкой (рис. 11, 12);

4) ряд горизонтальных линий мелких вдавлений (рис. 11, 17);

5) орнамент в виде сетки или ромбов, прочерченных двойной палочкой (рис. 11, 21);

6) по венчику горизонтальная линия в виде маленьких треугольных вдавлений, ниже нее — зигзаг, напоминающий незамкнутые треугольники (рис. 11, 13);

7) вертикальные (с небольшим наклоном) прямые двойные прочерченные волнистые линии, а между ними волнисто-струйчатые двойные параллельные линии (рис. 11, 14);

8) от венчика наклонные (вправо) двойные прочерченные волнисто-струйчатые линии (рис. 11, 19).

Прежде всего обращает на себя внимание то, что обнаруженная в слое керамика очень богата орнаментом. Здесь преобладают волнисто-струйчатые линии, треугольники, заполненные штрихами, мелкие горизонтальные вдавления и т. д. Эти богатые композиции не встречаются в керамике второго и верхнего слоев.

Для керамики второго слоя характерны орнаменты из рядов вдавлений тонкой изогнутой лопаточкой, горизонтальных полос, параллельных вдавлений отступающей палочкой, рядов вдавлений острой палочкой, обведенных слабой двойной линией и т. д.

Для керамики верхнего слоя типичны орнаменты двух рядов горизонтальных полос параллельных вдавлений палочки и соединяющих вертикальных коротких полос, вдавленных палочкой и т. д. Здесь нет таких богатых орнаментов, как во II и III слоях.

В нижнем слое, независимо от формы, сосудов, сплошь покрытых орнаментом, вдвое больше, чем сосудов, орнаментированных только по венчику или в верхней половине (рис. 12). В верхнем слое преобладают сосуды, орнаментированные только по венчику.

2. Стоянка Дарбазакыр II

Стоянка расположена на восточном склоне платообразной возвышенности Дарбазакыр, в северной части Большого Тузкана. Местность, где расположена стоянка, по внешним признакам ничем не отличается от остальной части возвышенности этого района. Площадь стоянки покрыта редкими зарослями колючек, саксаула и представляет собой песчаную поверхность, не отличающуюся от окружающей местности. Принимая во внимание, что это место было очень удобным для первобытных людей в географическом положении, мы заложили здесь небольшой шурф. Под 25 см подвижного песка залегал слой плотного песка толщиной в 25—30 см. Ниже него шел гумисированный темный песок (20—25 см), где мы обнаружили пять черепков с орнаментом и две пластинки. На этом мы приостановили работы в шурфе и расширили раскопки на стоянке вокруг него на площади 208 м² (рис. 13).

В кв. № 2, Е—3, Ж—2, Ж—3, Ж—4, З—2, З—3, З—4, И—1, И—2, И—3, —4 находки были обильны, в квадратах на линии 5,6, «К» и «Л» и в северных — очень скудные, а в некоторых квадратах находки вообще отсутствовали (рис. 14). После этого выяснилось, что материальные источники на стоянке были сконцентрированы лишь вокруг шурфа, что позволило расширить раскоп без контрольного шурфа. Вокруг раскопа мы заложили еще 7 шурфов, но безрезультатно. Видимо, стоянка была временным местопребыванием охотников-рыболовов и состояла только из одного жилища. Очаги в нем в основном располагались в северо-западном углу раскопа, имели овальную или округлую форму и глубину 40—45 см (рис. 14).

При раскопках на стоянке Дарбазакыр II обнаружено большое количество каменных орудий — скребки, скобели, проколки, нуклеусы и др. — в сопровождении отщепов, пластин, чешуек, обломков и прочих отбросов производства. Всего найдено 584 каменных предмета, примерно 35% их составляют орудия труда, остальное — отбросы производства. Среди орудий преобладают изделия микролитического типа, изготовленные из ножевидных пластин.

Орудия для обработки шкур, кожи и мелких деревянных частей представлены скребками, скобелями и ножами.

Скребки (5 экз.) изготовлены из отщепов неправильной формы, полукруглый или слегка выпуклый рабочий край выработан ретушью (рис. 15, 10).

Скобели можно условно разделить на три группы.

1. Скобели-резцы, сделанные из небольших тонких пластинок, представляющие собой правильную призматическую пластинку с выпуклым овальным рабочим краем (4 экз.), ретушированным мельчайшей ре-

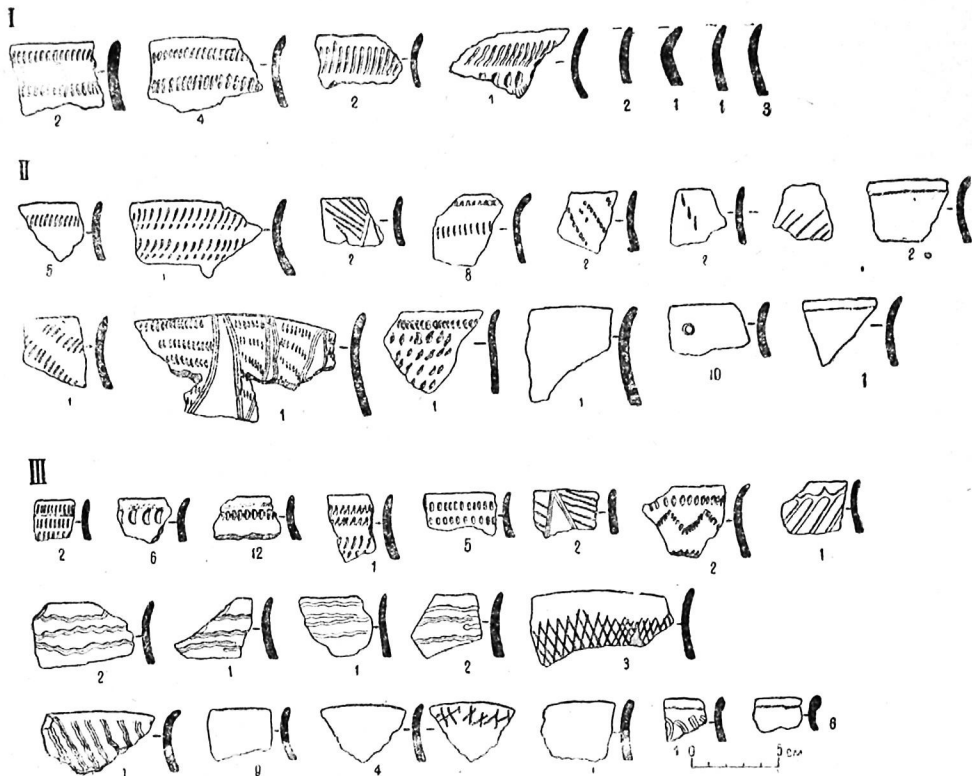

Рис. 12. Керамика со стоянки Дарбазакыр I

тушью. Ретушь заходит на предельные края пластинки. Судя по внешнему виду, скобели-резцы — это те же скребки, с той разницей, что на их

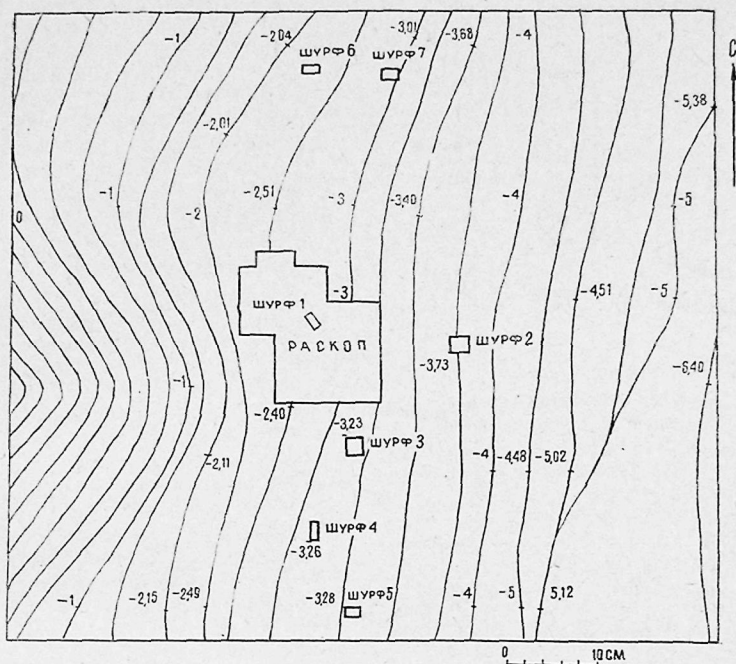

Рис. 13. Схематический план поселения Дарбазакыр II.

выпуклом рабочем конце имеются линейные следы, свидетельствующие, что ими, как резцами, скоблили дерево (рис. 15, 7, 8).

2. Скобели, изготовленные из удлиненных призматических пластин с вогнутыми краями асимметричной пропорции (14 экз.) (рис. 15, 3, 5, 16).

3. Скобели, изготовленные из призматических пластин с выемкой (25 экз.) (рис. 15, 1).

Сверла делятся на две группы.

1. Сверла, изготовленные из узких и тонких пластин (7 экз.). Это обычный тип сверла. На рабочей части прослеживаются круговые линии, перпендикулярные его оси, образовавшиеся вследствие круговых движений (рис. 15, 11).

2. Развертки, изготовленные также из узких и тонких пластинок (5 экз.), но кончик пластинки тупой и без линейных следов. Продольные края ее тщательно обработаны отжимной ретушью; на них прослеживаются круговые линейные следы, свидетельствующие, что этими орудиями расширяли отверстия, начатые сверлом.

Вкладыши ножей изготовлены из призматических пластинок (18 экз.) Правый или левый край и основание пластинки ретушированы притупляющей крутой ретушью, а другой край оставлен острым. Судя по характеру ретуши и линейным следам работы на пластинке, они служили микровкладышами (рис. 15, 17, 18).

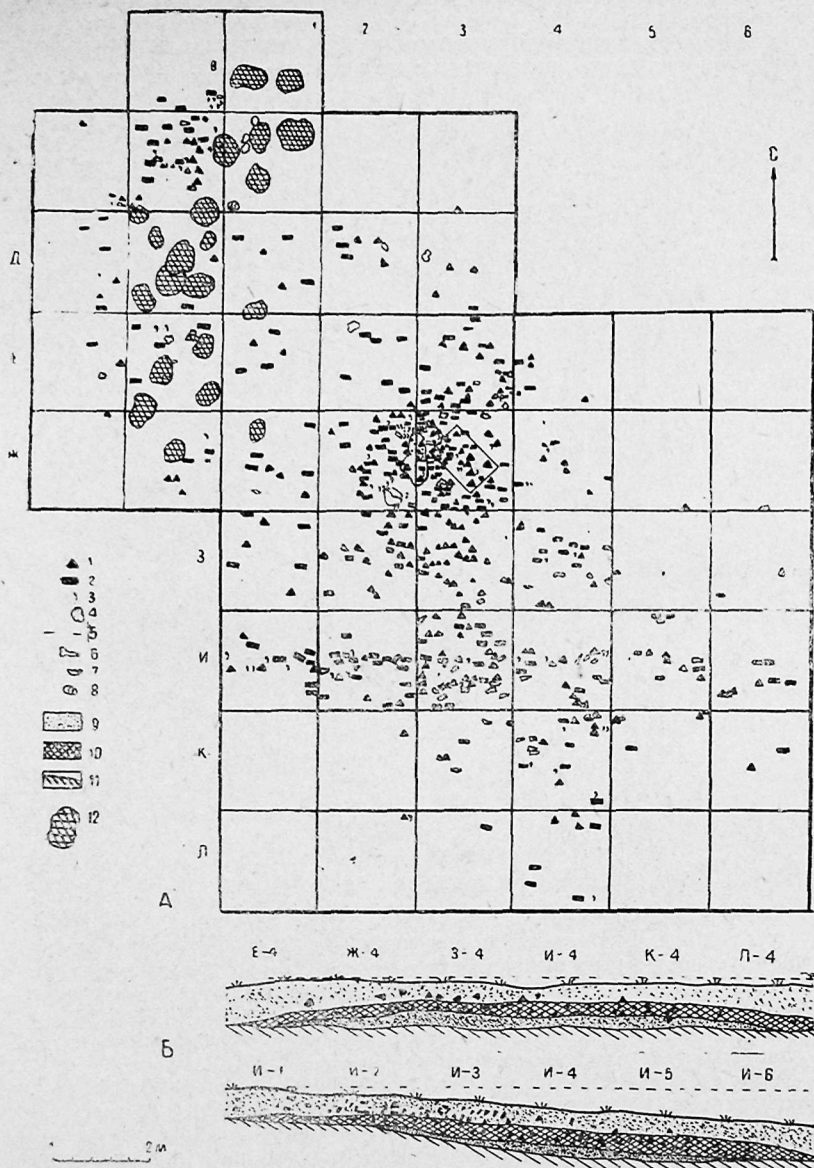

Рис. 14 Стоянка Дарбазакыр II

а—план раскопа; *б*—продольный и поперечный разрезы; 1—керамика; 2—ножевидные пластинки; 3—отщепы и чешуйки; 4—камни; 5—угольки; 6—кости; 7—ракушки; 8—скорлупа; 9—надувной песок; 10—культурный слой; 11—тагир; 12—очаг.

Встречаются проколки в виде пластины со скошенным краем (2 экз.); (рис. 15, 6) и изготовленные из узких и тонких призматических пластинок (4 экз.) (рис. 15, 9).

Сегмент, изготовленный из призматических пластин, с вогнутыми рабочими краями, ретушированными с трех боков — 1 экз. (рис. 15, 15).

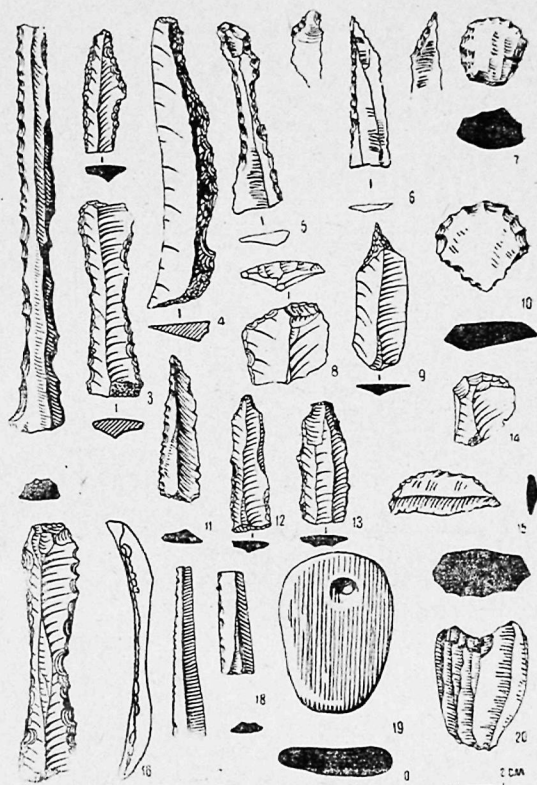

Рис. 15. Кремневые орудия со стоянки Дарбазакыр II.

Реберчатые пластинки — 2 экз. (рис. 15, 4).

На стоянке Дарбазакыр II встречены только односторонние нуклеусы, предельно использованные (4 экз.) (рис. 15, 20). Найдены пластинки с ретушью (65 экз.). Пластинки без ретуши встречаются очень часто (вероятно, они служили заготовками орудий) — 127 экз. Обнаружены также отщепы с ретушью (5 экз.) различной неправильной формы, край ретуширован. Назначение неизвестно.

Кроме того, была найдена бусина цилиндрически удлиненной формы, изготовленная из ракушки, и овально-удлиненная подвеска из мрамора (рис. 15, 19).

Обнаружены точило (рис. 16, 3), три отбойника (рис. 16, 1) и брусок (рис. 16, 2). Наряду с этими орудиями встречен один тесло-топор, шлифованный с двух сторон, с плоским обушком и симметричным профилем прямоугольной формы.

Остальную часть кремневого инвентаря составляют отбросы произ-

водства (отщепы, чешуйки и кусочки кремня, всего 311 экз.). Таким образом, материал стоянки свидетельствует о том, что обработка кремня, его расщепление производились непосредственно на поселении.

Большой интерес представляет посуда с Дарбазакыр II. Вся она ручной лепки, сравнительно тонкостенна и равномерно обожжена. Керамика изготовлена из местных лессовидных глин с примесью песка. Встречаются сосуды следующих форм:

1) небольшие сосуды, приближающиеся к грушевидной форме, с сильно отогнутым наружу венчиком округлым, утонченным краем и круглым дном;

2) сосуды удлиненной, полуяйцевидной формы, с почти прямым венчиком. Край округлый, дно круглое;

3) сосуды, близкие по форме к предыдущей, но со слегка изогнутым, округлым и утонченным к краю венчиком;

4) сосуды неизвестной формы с тремя или четырьмя выступами по диагонали.

На поселении было найдено 335 черепков, из них 130 орнаментированных и 205 без орнамента.

Орнамент, в основном, прочерченный и образован вдавлениями палочкой или лопаточкой.

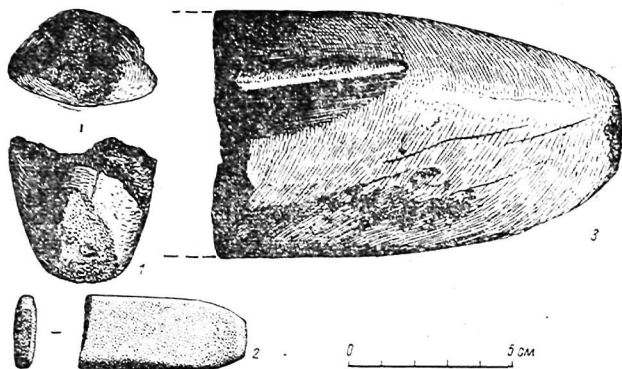

Рис. 16. Точило со стоянки Дарбазакыр II.

Сосуды со стоянки Дарбазакыр II украшены разнообразными орнаментами (табл. I):

1) вертикальные (с небольшим наклоном) волнистые линии, разделенные одним рядом горизонтальных полос, вдавленных палочкой;

2) горизонтальные и вертикальные волнисто-струйчатые линии, прочерченные палочкой;

3) треугольники, заполненные параллельными штрихами или волнистыми линиями, прочерченными палочкой;

4) сплошной орнамент из горизонтальных полос, параллельных вдавлений, разделенных волнистыми линиями;

5) один-два ряда горизонтальных полос, параллельных вдавлениям палочки;

6) горизонтальная волнистая линия, подобная морской волне.

Такое богатство орнамента керамики со стоянки Дарбазакыр II — признаки раннего кельтеминара.

Обзор неолитических стоянок Махандарь

1. Стоянка БТ 1 (Большой Тузкан) была обнаружена в северо-западной части оз. Большой Тузкан, примерно в 500 м к югу от большого песчаного холма Йилкичитепе. Культурный слой развеян. В котловине выдувания, между невысокими песчаными грядами, найдено несколько кремневых орудий (два скребка, два скобеля, два сверла, два нуклеуса, вкладыш ножа) и отбросы производства.

2. Стоянка БТ 2 расположена в северо-западном углу оз. Большой Тузкан, примерно в 4 км к югу от стоянки БТ 1, у самого коренного берега озера. Культурный слой развеян, на поверхности песка собраны культурные остатки: два концевых скребка, сверло, нуклеус, 10 пластинок с ретушью и отбросы производства. Площадь распространения кремневых орудий на этой стоянке — примерно 0,4 га.

3. Стоянка БТ 3 находится на юго-западном берегу озера, в 500—600 м к юго-востоку от БТ 2. Площадь распространения кремневых орудий примерно 0,7 га. Культурные остатки разбросаны по поверхности песка. Культурный слой развеян. Одношпипные наконечники стрел (7 экз.), скребки (15 экз.), скобели (21 экз.), сверла (36 экз.), проколки (10 экз.), нуклеусы (5 экз.), микропластинки (8 экз.), раковина со сверлением (1 экз.) и отбросы производства были собраны прямо на поверхности. Находки здесь многочисленны и весьма показательны.

4. Стоянка БТ 4 находится в 500—600 м к юго-востоку от БТ 3. Культурные остатки расположены на площади примерно 0,5 га. Были найдены наконечники стрел с боковой выемкой (3 экз.), скобели (16 экз.), сверла (13 экз.), проколки (3 экз.), вкладыш ножа (5 экз.), микропластинки (5 экз.), нуклеусы (3 экз.), пластинки с ретушью (3 экз.) и отбросы производства.

5. Стоянка БТ расположена в 400—500 м к юго-востоку от БТ 4. Площадь распространения кремневых орудий равна примерно 0,6 га. Были обнаружены многочисленные кремневые орудия (наконечники стрел — 1 экз., боковые скребки — 14 экз., концевые скребки — 4 экз., скобели — 13 экз., сверла — 19 экз., проколки — 3 экз., долото — 1 экз., вкладыш ножа — 4 экз., микропластинки — 4 экз., нуклеусы — 2 экз., пластинки с ретушью — 70 экз. и отбросы производства).

6. Стоянка БТ 6 находится в 300—400 м к юго-востоку от БТ 5. В одном месте обнаружены следы огня. Видимо, это неолитический очаг, от которого сохранились лишь обгоревшая земля и перемешанный с песком пепел. Очаг овальной формы, размером — 1,5×2 м; *вещевых* находок в нем не было. Небольшое количество кремневых орудий собрано на площади примерно в 0,3 га (три наконечника стрел, два боковых скребка, концевой скребок, скобель, три сверла, проколка, нуклеус, 13 пластинок с ретушью, а также отбросы производства).

7. Стоянка БТ 7 находится в 700—800 м к юго-востоку от БТ 6. Культурные остатки были найдены на площади примерно 0,5 га. На стоянке БТ 7 вместе с кремневыми орудиями (скребок, два скобеля, два сверла и одна проколка) были найдены обломки глиняных сосудов эпохи неолита — 16 черепков от четырех сосудов. На стоянке были также обнаружены следы разрушенного очага. В плане он круглый, размером 2×2 м. При расчистке очага не было найдено культурных остатков.

8. Стоянка БТ 8 находится в 800—850 м к юго-востоку от БТ 7. Тут также зафиксированы следы очага. Он овальный, размером примерно 2×3 м. Культурных остатков при его расчистке не обнаружено. Кремневые орудия собраны на площади примерно 0,4 га — скребки (3 экз.), скобель (1 экз.), сверла (2 экз.), вкладыш ножа (2 экз.), пластинки с ретушью (29 экз.), а также отбросы производства.

9. Стоянка БТ 9 находится на южном берегу оз. Большой Тузкан, в 500 м к юго-востоку от БТ 8. Культурные остатки найдены на площади примерно 0,5 га. Здесь было обнаружено около 50 кремневых орудий — скребки (4 экз.), скобели (3 экз.), сверла (4 экз.), пластинки с ретушью (33 экз.) и отбросы производства.

10. Стоянка БТ 10 находится в 500—600 м к юго-востоку от БТ 9. Площадь распространения кремневых орудий составляет примерно 0,7 га. Собрано около 50 кремневых орудий: наконечник стрелы с боковой выемкой (1 экз.), скребки (3 экз.), скобели (4 экз.), сверла (2 экз.), проколка (1 экз.), пластинки с ретушью (30 экз.), а также отбросы производства.

11. Стоянка БТ 11 находится в 700—800 м к юго-востоку от БТ 10. Здесь зафиксированы многочисленные кремневые орудия и фрагменты глиняных сосудов на площади примерно 0,6 га. Были найдены наконечники стрел с двухсторонней обработкой (1 экз.), боковые скребки (5 экз.), концевые скребки (4 экз.), скобели (4 экз.), сверла (9 экз.), проколки (6 экз.), вкладыши ножа (7 экз.), нуклеусы (1 экз.), пластинки с ретушью (32 экз.), а также отбросы производства.

12. Стоянка БТ 12 находится в самом южном углу оз. Большой Тузкан, в 400—500 м к юго-востоку от стоянки БТ 11. Площадь распространения кремневых орудий равна примерно 0,6 га. Эта стоянка — одна из самых богатых на Большом Тузкане. Здесь найдены наконечники стрел (1 экз.), скобели (30 экз.), скребки (20 экз.), сверла (39 экз.), проколки (6 экз.), вкладыши ножа (1 экз.), фрагменты керамических сосудов и т. д., всего 669 предметов.

13. Стоянка БТ 13 находится в 300—350 м к юго-востоку от БТ 12. Культурные остатки были собраны на площади примерно 0,3 га. Здесь обнаружено около 150 кремневых орудий, из них один концевой скребок, четыре скобеля, пять сверл, 50 пластинок с ретушью, два вкладыша ножа и отбросы производства.

14. Стоянка БТ 14 находится в южной части озера, там, где образовался мыс или полуостров, в 2 км к северу от БТ 13. Кремневые орудия собраны на площади примерно 0,5 га. Всего найден 161 предмет, из них один двустороннеобработанный наконечник, 19 скребков, один скобель, семь сверл, четыре проколки, два вкладыша ножа, один нуклеус, 37 пластинок с ретушью, а также отбросы производства.

Кроме того, было найдено шесть черепков от трех сосудов.

15. Стоянка БТ 15 находится на восточном берегу оз. Большой Тузкан, в 2 км к северо-востоку от стоянки БТ 28. Здесь собрано около 100 кремневых орудий на площади примерно 0,3 га (концевые скребки (6 экз.), скобели (3 экз.), сверла (4 экз.), проколки (1 экз.), вкладыши серпа (2 экз.), вкладыши ножа (2 экз.), нуклеусы (1 экз.), пластинки с ретушью (37 экз.), а также отбросы производства).

16. Стоянка БТ 16 находится на северо-восточном берегу оз. Большой Тузкан, в 3 км к северу от БТ 15. Культурные остатки были собраны на площади примерно 0,4 га. Здесь найдены кремневые орудия и около 50 фрагментов глиняных сосудов, всего 84 предмета (двустороннеобработанный наконечник стрелы, скребки (3 экз.), скобель, сверла (2 экз.), нуклеус, пластинки с ретушью (13 экз.), а также отбросы производства).

17. Стоянка БТ 17 находится в 1,5 км к северо-западу от БТ 16. Здесь на площади примерно в 0,7 га были собраны кремневые орудия и 144 фрагмента глиняных сосудов, всего 234 предмета (двустороннеобработанный наконечник стрелы, скребки (3 экз.), скобель, сверла (2 экз.), проколка, нуклеус, пластинки с ретушью (40 экз.).

18. Стоянка БТ 18 находится в 600—700 м к северо-западу от БТ 17. Культурные остатки собраны на площади примерно 1,5 га. Здесь обнаружено 708 предметов — наконечники стрел (2 экз.), скобели (23 экз.), скребки (14 экз.), сверла (24 экз.), проколки (1 экз.), вкладыши ножа (5 экз.), фрагменты глиняных сосудов (12 экз.) и т. д.

19. Стоянка БТ 19 находится в 700—800 м к северо-западу от БТ 18. Здесь, на площади примерно 0,5 га было собрано около 600 кремневых орудий и фрагментов глиняных сосудов — двустороннеобработанные наконечники стрел (2 экз.), скребки (4 экз.), скобели (4 экз.), сверла (5 экз.), проколки (1 экз.), нуклеусы (1 экз.), пластинки с ретушью (21 экз.) и фрагменты глиняных сосудов (75 экз.).

20. Стоянка БТ 20 находится в северной части оз. Большой Тузкан, в 2 км к северо-западу от БТ 19. На площади примерно 0,8 га было собрано около 350 предметов (скребки (6 экз.), скобели (7 экз.), сверла (6 экз.), проколки (2 экз.), вкладыши серпа (1 экз.), пилы (2 экз.), нуклеусы (1 экз.), пластинки с ретушью (65 экз.) и фрагменты глиняных сосудов (127 экз.).

21. Стоянка БТ 21 находится в самом северном углу оз. Большой Тузкан, в 1 км к северо-западу от БТ 20. Здесь, на площади примерно 0,5 га, были найдены наконечники стрел с боковой выемкой (1 экз.), скребки (2 экз.), скобели (3 экз.), сверла (3 экз.), вкладыши серпа (2 экз.), пилы (1 экз.), вкладыши ножей (8 экз.), нуклеусы (4 экз.), пластинки с ретушью (86 экз.), фрагменты глиняных сосудов (24 экз.) — всего 150 предметов.

22. Стоянка БТ 22 находится в западной части озера, примерно в 1,5 км к югу от дороги, проходящей по местности Дарбазакыр. На площади примерно 0,7 га собрано около 250 кремневых орудий — скребков (15 экз.), скобелей (1 экз.), сверл (4 экз.), долот (1 экз.), строгальных ножей (1 экз.), вкладышей ножа (5 экз.), нуклеусов (5 экз.), пластинок с ретушью (105 экз.) — и отбросы производства.

23. Стоянка БТ 23 находится в 1 км к юго-западу от БТ 22. Здесь, на площади примерно 0,8 га, собрано около 180 кремневых орудий — скребков (4 экз.), сверл (5 экз.), проколок (1 экз.), долот (2 экз.), вкладышей ножа (3 экз.), нуклеусов (4 экз.), пластинок с ретушью (50 экз.) — и отбросы производства.

24. Стоянка БТ 24 находится в 700—800 м к юго-западу от БТ 23. Здесь, на площади примерно 0,6 га, зафиксировано около 70 кремневых орудий — скребки (5 экз.), проколка (1 экз.), нуклеусы (2 экз.), пластинки с ретушью (8 экз.), остальное — отбросы производства.

25. Стоянка БТ 25 находится на северо-западной стороне озера, у подножия песчанистого холма, в 2 км к северо-западу от БТ 22. Это одна из самых богатых стоянок на Большом Тузкане. Культурные остатки были собраны на площади примерно 0,7 га. Они представлены наконечниками стрел (3 экз.), скобелями (161 экз.), скребками (19 экз.), сверлами (134 экз.), проколками (33 экз.), вкладышами серпа (1 экз.), вкладышами ножа (55 экз.), фрагментами глиняных сосудов (1 138 экз.) и т. д. Всего найдено 5 088 предметов.

26. Стоянка БТ 26 или Дарбазакыр находится в северо-западной части озера, в 600—700 м к северо-западу от БТ 25. Площадь распространения кремневых орудий составляет примерно 0,3 га. Стоянка расположена с северо-восточной стороны подножия большой возвышенности, сплошь покрытой культурными остатками. Она оказалась первым многослойным памятником эпохи неолита на Махандарье, сохранившим культурный слой. Всего здесь найдено 4670 предметов.

27. Стоянка БТ 27 расположена в северном углу оз. Большой Тузкан, в 300 м к северо-западу от БТ 21. На этой стоянке обнаружено

около 300 кремневых орудий и фрагментов глиняных сосудов на площади примерно в 1 га. Обнаружены двустороннеобработанный наконечник стрелы, скребки (3 экз.), скобели (3 экз.), сверла (3 экз.), нуклеусы (5 экз.), пластинки с ретушью (29 экз.) и фрагменты глиняных сосудов (188 экз.).

28. Стоянка БТ 28 находится в самом юго-восточном углу оз. Большой Тузкан, в 3 км к востоку от БТ 13. На площади примерно 2 га были собраны скребки (2 экз.), скобели (1 экз.), сверла (14 экз.), проколки (2 экз.), вкладыши серпа (1 экз.), пилы (1 экз.), вкладыши ножа (14 экз.), нуклеусы (5 экз.), пластинки с ретушью (231 экз.) и фрагменты сосудов (127 экз.).

29. Стоянка БТ 29 находится в северном углу озера, в 150—200 м к востоку от стоянки БТ 21, на северо-восточной стороне подножья большой платообразной возвышенности. Она является вторым памятником с сохранившимся культурным слоем.

30. Стоянка БТ 30 расположена в северо-западной части озера, в 200—250 м к северу от стоянки БТ 20. Здесь, на площади приблизительно 0,7 га, было найдено большое количество кремневых орудий и фрагментов глиняных сосудов. Из кремневых орудий нужно отметить наконечники стрел (10 экз.), скребки (10 экз.), скобели (67 экз.), сверла (57 экз.), проколки (15 экз.), вкладыши ножа (40 экз.), грузила (1 экз.), отбойники (1 экз.), топоры (2 экз.), нуклеусы (13 экз.), украшения (12 экз.), костяные шила (2 экз.), точильник, пластинки с ретушью (298 экз.) и множество отбросов производства.

31. Стоянка БТ 31 находится на северо-восточном берегу озера, в 400—500 м к югу от стоянки БТ 1. Площадь распространения россыпи кремневых орудий составляет примерно 0,5 га. Культурный слой развешен по площади стоянки. Найдены наконечники стрел (1 экз.), скребки (17 экз.), скобели (92 экз.), сверла (37 экз.), проколки (12 экз.), вкладыши ножа (37 экз.), топоры (1 экз.), нуклеусы (25 экз.), украшения (4 экз.), пластинки с ретушью (291 экз.) и отбросы производства.

32. Стоянка БТ 32 находится на северо-западном берегу озера, в 300—350 м к югу от стоянки БТ 20. Площадь, где были собраны культурные остатки, равна примерно 0,5 га. Здесь найдены наконечники стрел (3 экз.), скребки (17 экз.), сегменты (1 экз.), серпы (3 экз.), скобели (60 экз.), сверла (54 экз.), проколки (21 экз.), вкладыши ножа (51 экз.), отбойники (1 экз.), топоры (1 экз.), нуклеусы (14 экз.), украшения (3 экз.), пластинки с ретушью (380 экз.), а также отбросы производства (609).

33. Стоянка БТ 33 находится в северо-восточном углу озера, в 700—800 м к северо-востоку от стоянки БТ 2. Культурные остатки зафиксированы на площади примерно 0,6 га. Найдены скребки, скобели (3 экз.), сверла (3 экз.), проколки, вкладыш ножа, нуклеусы (2 экз.), пластинки с ретушью (7 экз.), подставка и отбросы производства (19).

34. Стоянка БТ 34 находится в юго-западной части озера, в 300—350 м к северу от стоянки БТ 28. Площадь распространения кремневых орудий на этой стоянке составляет примерно 0,3 га. Здесь собраны наконечники с выемкой (2 экз.), скребки (3 экз.), скобели (5 экз.), сверла (5 экз.), проколки (2 экз.), вкладыши ножа (4 экз.), нуклеусы (3 экз.), украшения (1 экз.), пластинки с ретушью (16 экз.), а также отбросы производства (41).

На Малом Тузкане (МТ) открыто три стоянки.

35. Стоянка МТ 1 (Малый Тузкан) находится в 2 км к северо-западу от оз. Малый Тузкан, на берегу русла Гуджайли. Культурные остатки обнаружены на площади примерно 0,5 га. Найдены скребки

(2 экз.), сверла (2 экз.) вкладыши серпа (1 экз.), нуклеусы (4 экз.), пластинки с ретушью (2 экз.), фрагменты глиняных сосудов (6 экз.) и отбросы производства, всего 30 предметов.

38. Стоянка МТ 2 находится в северной части озера, в 2 км к юго-востоку от стоянки МТ 1. Здесь, на площади примерно 0,6 га отмечено около 230 кремневых орудий и фрагментов глиняных сосудов, в том числе скребки (3 экз.), сверла (1 экз.), пластинки с ретушью (49 экз.) и фрагменты глиняных сосудов (129 экз.).

37. Стоянка МТ 3 находится в самом северо-восточном углу озера, в 2 км к юго-востоку от стоянки МТ 2. Здесь было собрано около 250 кремневых орудий и фрагментов глиняных сосудов на площади примерно 0,5 га. Обнаружены скребки (2 экз.), вкладыши серпа (1 экз.), пластинки с ретушью (15 экз.) и фрагменты глиняных сосудов (204 экз.).

38. Стоянка Эчки-Кирон расположена на берегу одноименного озера, в 40—50 км к северо-западу от Большого Тузкана. Здесь обнаружено несколько кремневых орудий, в том числе скребки (3 экз.), пластинки с ретушью (8 экз.) и без ретуши (6 экз.), отщепы и чешуйки (59 экз.). Площадь распространения кремневых орудий — примерно 0,6 га.

39. Самая интересная стоянка открыта на берегу сухого непроточного озера Коронги-Шор — «темный солончак». Стоянка Коронги-Шор расположена в 90—100 км к северо-западу от Большого Тузкана. Озеро имеет четыре террасы. Глубина котловины озера достигает 7,5 м. Культурные остатки найдены на третьей и четвертой террасах. Культурный слой не сохранился. Всего на стоянке, на площади примерно 0,4 га, собрано около 730 кремневых орудий и фрагментов керамических сосудов. Найдены скребки (20 экз.), скобели (2 экз.), сверла (2 экз.), нуклеусы (8 экз.), пластинки с ретушью (11 экз.), фрагменты глиняных сосудов (521 экз.).

В 1963—1964 гг. исследования археологических памятников более древних периодов производились Махандарьинским археологическим отрядом и в низовьях Кашкадарьи, и в районах Пайкентской низины и Кумсултана, расположенных на юге Бухарского оазиса.

Русло Кашкадарьи у Ташкудука, расположенного в 10 км к югу от железнодорожной станции Караулбазар, разделяется на два рукава. Первый идет на северо-запад, второй — на запад, к колодцу Кокча, и отчетливо прослеживается в этом направлении. Другой, как сухое русло, проходит в 2,5 км к югу от бугра Кумсултан, огибает припайкентскую впадину и образует здесь Пайкентское озеро; в юго-западном направлении оно достигает Зарафшана в пределах сел. Дюрман, в 3—4 км выше Каракуля³. В результате обследований берега Кашкадарьи и Пайкентского озера нами были обнаружены первобытные памятники.

Весной 1963 г. на берегу оз. Пайкент были найдены пять неолитических стоянок⁴. Культурный слой их сильно разрушен, а материальные остатки очень скудны.

Осенью 1964 г. отрядом было найдено еще шесть неолитических стоянок (рис. 17).

40. Стоянка П 1 (Пайкент) расположена на левом берегу сухого русла Кашкадарьи, примерно в 4 км к югу от оз. Пайкент. Культурный

³ Я. Г. Гулямов. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафшана, в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, стр. 17—21.

⁴ А. Аскар-ов. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964, стр. 28—36.

слой не сохранился. На площади примерно 0,7 га были собраны 73 кремневых орудия и фрагмента глиняных сосудов. Из орудий важно отметить наконечники стрел листовидной формы (1 экз.), скобели (5 экз.), сверла (1 экз.), вкладыши ножа (1 экз.), концевые скребки (3 экз.) и отбросы производства.

41. Стоянка П 2 находится в 500—600 м к востоку от стоянки П 1. Она тоже расположена на левом берегу русла. Площадь распространения россыпи кремневых орудий составляет примерно 0,5 га. Культурный слой стоянки развеев. На стоянке найдено 88 кремневых предметов, среди них наконечник стрелы миндалевидной формы миниатюрного размера, скобели (4 экз.), концевые скребки (5 экз.), сверла (2 экз.), вкладыши ножей (3 экз.) и т. д.

42. Стоянка П 3 находится в 4—5 км к западу от средневекового городища Кумсултан, по левому берегу сухого русла Кашкадарьи. Площадь, где были собраны культурные остатки, составляет примерно 0,6 га. Здесь найдено всего 338 кремневых предметов, в том числе наконечник стрелы кельтеминарского типа с длинным основанием, концевые скребки (6 экз.), скобели (7 экз.), сверла (6 экз.), проколки (3 экз.), вкладыши ножа (10 экз.), подвески (5 экз.), нуклеусы (4 экз.) и отбросы производства.

43. Стоянка П 4 находится в 1—1,5 км к западу от стоянки П 3, на левом берегу русла. Культурные остатки зафиксированы на площади примерно 0,4 га. На стоянке найдено всего 155 кремневых предметов. В комплексе имеются концевые скребки (12 экз.), вкладыши ножа (2 экз.), пластинки с ретушью (15 экз.) и отбросы производства.

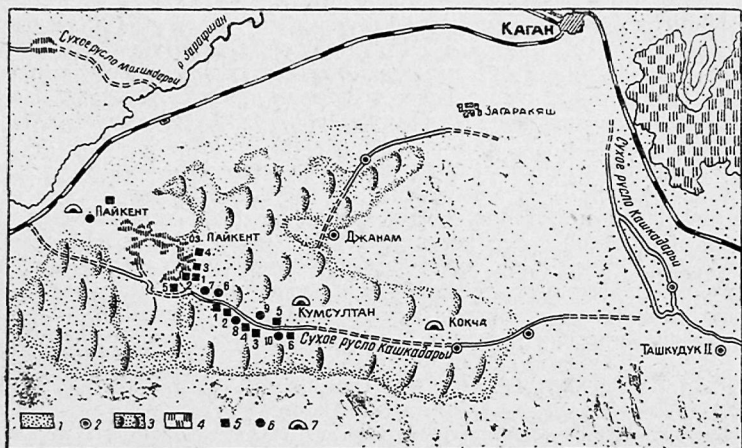

Рис. 17. Схематическая карта низовьев Кашкадарьи.

1—степь; 2—колодец; 3—барханные пески; 4—солончаки; 5—неолитическая стоянка; 6—стоянка эпохи бронзы; 7—городище.

44. Стоянка П 5 находится в 2 км к юго-западу от Кумсултана. Площадь распространения кремневых орудий составляет примерно 0,5 га. Обнаружено 134 кремневых предмета, в том числе концевые скребки (15 экз.), проколки (2 экз.), подвески (1 экз.), нуклеусы (2 экз.), пластинки с ретушью (6 экз.) и отбросы производства.

45. Стоянка П 6 находится в 1—1,5 км к югу от Кумсултана, по левому берегу русла Кашкадарьи. Площадь распространения кремневых орудий равна примерно 0,7 га. Здесь собрано всего 159 кремневых предметов: наконечники стрел миндалевидной формы миниатюрного размера (1 экз.), концевые скребки (9 экз.), сверла (3 экз.), скобели (2 экз.) и отбросы производства.

Описанные нами поселения эпохи неолита дали обширный и однородный материал, состоящий из каменных изделий и фрагментов глиняной посуды. Для большего удобства мы разделили его на несколько крупных групп, различающихся по своему функциональному назначению. Внутри каждой группы предметы рассматриваются по форме, причем, в каждом отдельном случае указывается стоянка, на которой они найдены.

Для того, чтобы избежать повторений, мы сочли нужным дать общую характеристику материала, собранного на всех стоянках.

Кремневые изделия изготовлены из материала, различного по качеству и цвету. Преобладает кремнь молочно-белый и желтовато-белый. Встречается также кремнь коричнево-красных тонов. В инвентаре стоянок преобладают изделия микролитического типа, подавляющее большинство которых (свыше 90%) изготовлено из ножевидных пластинок.

За 1960—1964 гг. на стоянках Большого и Малого Тузкана собрана большая коллекция каменных орудий, состоящая из многочисленных наконечников, стрел, скребков, скобелей, проколов, вкладышей серпов, нуклеусов и т. д. Орудия труда сопровождались массой отщепов, пластинок, чешуек и обломков. Всего собрано 11 230 каменных предметов, из них примерно 45% — орудия труда, остальное — отбросы производства.

Мы выделили следующие группы орудий и изделий: 1) орудия охоты; 2) орудия для обработки шкур, ножи и мелкие деревянные части; 3) орудия для обработки дерева; 4) орудия для сверления; 5) изделия, связанные с изготовлением каменных орудий; 6) орудия, связанные с собирательством и зачатками земледелия.

Орудия охоты представлены наконечниками стрел трех типов.

1. Наконечники из пластинок с подтреугольным коротким пером, асимметричной и боковой выемкой и скошенным основанием, с частичной обработкой поверхности (25 экз.). Один из них, найденный на стоянке БТ 3 (рис. 18, 1), тщательно обработан с двух сторон (с брюшка и спинки). Особенно тщательно притупляющей ретушью выделена выемка. Два наконечника, найденные на стоянках БТ 3 (рис. 18, 2) и БТ 25, обработаны мелкой отжимной ретушью только со стороны брюшка. Остальные, найденные на стоянках БТ 3 (рис. 18, 6, 4, 10), БТ 4 (рис. 18, 12, 14), БТ 5 (рис. 18, 16, 11), БТ 6 (рис. 18, 9, 8, 13), БТ 12, БТ 25, БТ 30, БТ 32, БТ 31, БТ 34, обработаны мельчайшей отжимной заостряющей ретушью со стороны брюшка только по предтреугольному короткому перу. Боковая выемка и основание обработаны притупляющей ретушью со стороны спинки. Наконечник стрелы, найденный на стоянке БТ 12, изготовлен из желтоватого кремня (рис. 18, 5) и, как показывает микроскопическое исследование, использовался как наконечник стрелы и сверла.

2. Наконечники стрелы, сделанные из длинных и массивных пластин желтоватого кремня, треугольной формы с частичной обработкой поверхности (4 экз.). Один длинный край пластины оставлен без обработки, второй во всю длину обработан крутой затупляющей ретушью, как и основание пластины. Верхняя часть наконечника превращена в треугольное плоское острие, отделенное уступом от черешка. Острие с

обеих сторон обработано тонкой отжимной ретушью, резко отличной от заглавающей ретуши черешка. В нижней части образован массивный

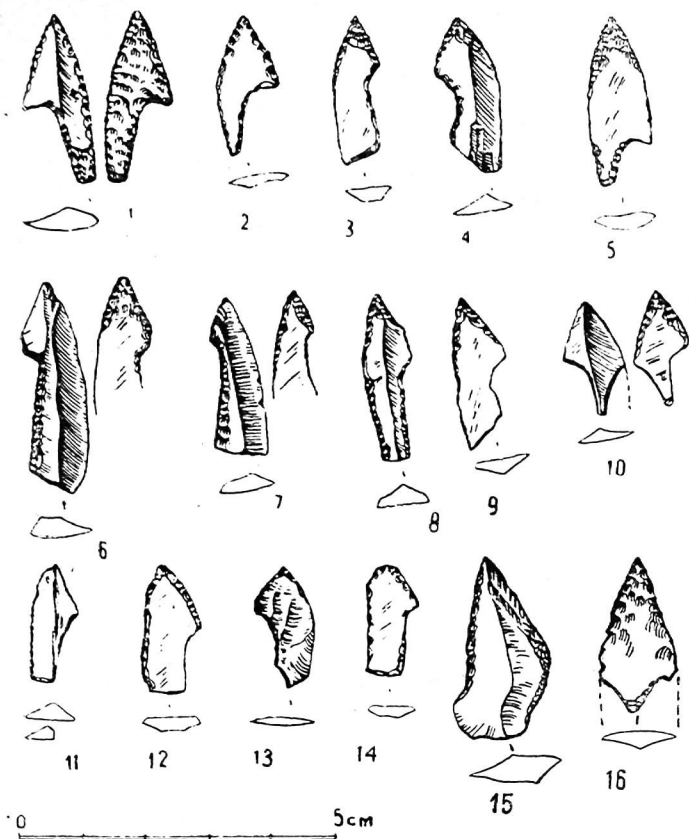

Рис. 18. Наконечники стрел с тузканских стоянок.

длинный черешок наконечника. Такие наконечники найдены на стоянке БТ 3 (рис. 18,6), БТ 18 (рис. 18,7), ПТ 3.

3. Наконечники стрел с двусторонней сплошной обработкой (12 экз.), подтреугольной или листовидной формы. Они обработаны отжимной ретушью с двух сторон. Черешка не имеют, обнаружены на стоянках БТ 16 (рис. 19,3), БТ 17 (рис. 19,5), БТ 19 (рис. 19,1,6), БТ 30 и БТ 32.

4. Миниатюрные наконечники стрел миндалевидной формы (6 экз.) найдены на стоянках П 2, П 6 и БТ 30. Они обработаны по краям приострающей ретушью, поверхность не обработана. У основания наконечников имеется маленькая выемка (рис. 20, 1—2).

Найден единственный экземпляр наконечника стрелы, сделанного из пластинки подтреугольной формы. Он не имеет характерной выемки у черешка. Острие пера обработано приострающей ретушью с двух сторон, остальная часть наконечника обработана отжимной ретушью

только со стороны брюшка. Основание наконечника сломано. Этот наконечник найден на стоянке БТ 12 (рис. 19,7).

На стоянке БТ 25 обнаружен также наконечник стрелы с выемкой в основании. Он изготовлен из треугольной пластинки, острие и продоль-

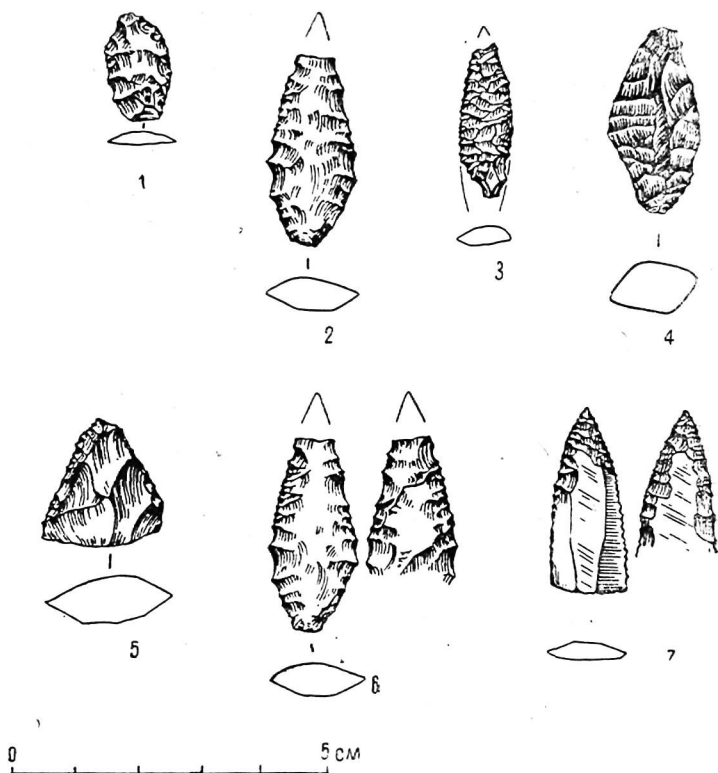

Рис. 19. Наконечники стрел с тузканских стоянок.

ные края которой обработаны противоположащей ретушью. Основания пластинки обработаны отжимной ретушью с двух сторон, тщательно выделена выемка.

Наконец, на стоянке БТ 3 зафиксирован наконечник стрелы с обломанным основанием и заготовка наконечника. Наконечник очень тщательно обработан со стороны брюшка, отжимной техникой образована выемка, основание обломано (рис. 18,16). Другой экземпляр подтреугольной формы, без выемки. Острые края наконечника тщательно обработаны со стороны спинки. Это, видимо, заготовка (рис. 18,15). Оба экземпляра, вероятно, относятся к первой группе наконечников стрел.

Из 51 наконечника 39 имеют боковую выемку, 12 — двустороннюю обработку, один — выемку в основании, характерную для Уральского неолита и энеолита, и один наконечник стрелы треугольной формы.

Для тузканских стоянок самой устойчивой и характерной формой

являются наконечники стрел с боковой выемкой. Эта форма широко распространена в памятниках охотничье-рыболовецких племен Средней Азии эпохи неолита.

Орудия для обработки шкур, кожи и мелкие деревянные части представлены скребками, скобелями и ножами.

Найденные скребки изготовлены преимущественно из пластинок. Скребки из отщепов обнаружены в меньшем количестве. Встречаются микролитические скребки боковые, концевые, округлые и других форм.

Очень интересны боковые скребки (82 экз.). Орудия этого типа до сих пор относились к разряду ножей, пластинок с ретушью и т. д. Г. Ф. Коробкова установила, что они являются скребками, т. е. призматическими пластинками, выполняющими функции скребков, рабочая

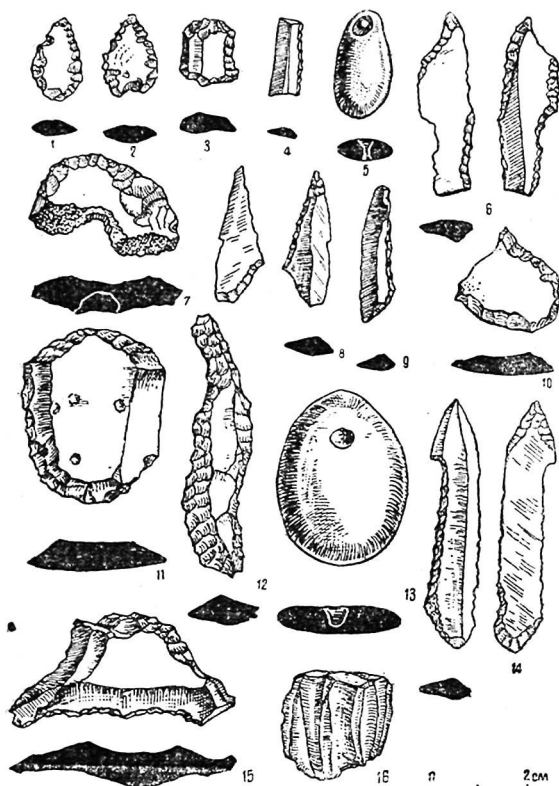

Рис. 20. Кремневые орудия со стоянок, расположенных в низовьях Кашкадарьи.

часть которых состоит из одного или двух продольных краев⁵. Чаще всего они обработаны только со стороны брюшка, но встречаются и экземпляры, обработанные со стороны спинки или с двух сторон. Средняя длина пластинки — 4,7 см, ширина — 0,8 см. Лезвия таких скребков

⁵ Г. Ф. Коробкова. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джайгун по следам работы, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961.

вследствие длительного употребления затуплены. Почти по всему рабочему краю прослеживаются четкие линейные следы, поперечные, расположенные строго по лезвию, не заходящие на спинку и брюшко. Орудие

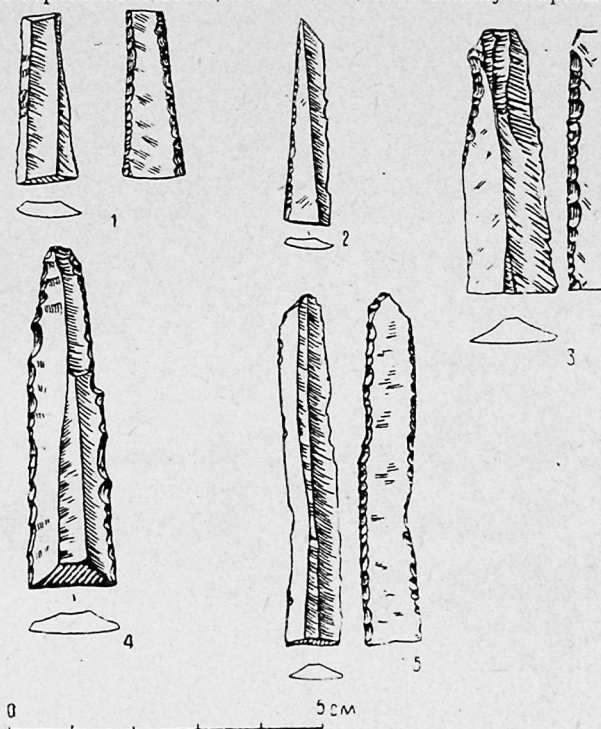

Рис. 21. Боковые скребки с тузканских стоянок.

(без рукоятки) было удобно держать в руке, попеременно пользуясь двумя рабочими краями. Такие скребки обнаружены почти на всех неолитических стоянках в низовьях Махандарьи (рис. 21, 1—5).

В коллекции материалов с тузканских стоянок найдено много призматических пластин, не носящих следов вторичной обработки. Однако правильность их очертаний и выщербины по краям, залощенные участки, трещины, стертые углы и грани свидетельствуют о применении их в качестве орудий. Пластинки, найденные на стоянках Тузкана, часто сходны между собой по форме и размерам и потому кажутся однотипными, выполняющими одну и ту же функцию. Бинокулярные исследования доказывают ошибочность этой точки зрения.

Концевые скребки можно разделить на три группы.

1. Концевые скребки подтреугольных очертаний, массивные, сделанные из широких коротких пластинок (89 экз.). Рабочим краем служит широкий конец пластинки. Противоположный конец, где находится ударный бугорок, значительно уже, поэтому сребок имеет подтреугольную форму (рис. 22, 1—9; 23, 3, 4).

2. Концевые скребки из небольших тонких пластинок (72 экз.) представляют собой правильную призматическую пластинку с выпуклым овальным рабочим краем (рис. 22, 8—10; 23, 1—2).

3. Скребки из тонких отщепов неправильной формы (55 экз.), у которых ретушью выработан полукруглый или слегка выпуклый рабочий край (рис. 20,7). По своему назначению группа скребков из отщепов неотделима от концевых скребков.

Наконец, укажем на группу пластин, ретушированных со стороны брюшка (154 экз.). Оба продольные края ретушированы отжимной техникой только со стороны брюшка. Хотя следов работы и не видно, характер ретуши позволяет предположить, что эти пластинки могли употребляться как боковые скребки. Средняя длина пластинки — 3,6 см, ширина — 1,5 см.

Скобели можно разделить на две группы.

1. Скобели, изготовленные из удлинённых призматических пластин с вогнутыми краями (273 экз.). Выемки образованы тщательной крутой ретушью, в основном со стороны спинки, имеют характерные для раннего кельтеминара пропорции. Они очень широкие, но не глубокие и расположены асимметрично по обоим сторонам пластинки (рис. 24,1—2). Средняя длина пластинки — 5 см, ширина — 1,6 см.

2. Скобели, изготовленные из призматических пластин, имеют незначительное углубление, подправленное крутой заостряющей ретушью

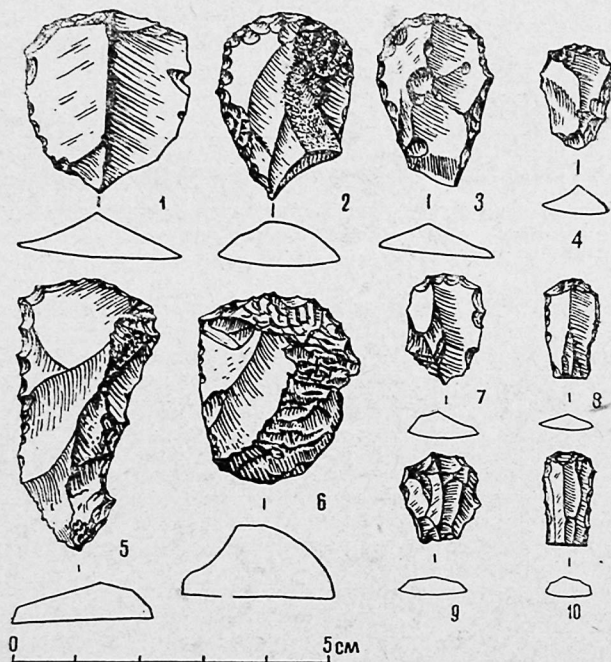

Рис. 22. Концевые скребки с тузканских стоянок.

со стороны спинки и брюшка (285 экз.). Средняя длина — 3,7 см, ширина — 0,8 см. Выемки узкие, неглубокие, обычно расположены по одному краю, иногда по обоим краям пластинки (рис. 24,3—4).

Встречены ножи из микропластинки и из пластинок обычной величины. Кроме них найдены так называемые строгальные ножи.

1. Микропластинки с ретушью (104 экз.). Ретушированы по правому или левому краю, основание обработано притупляющей крутой

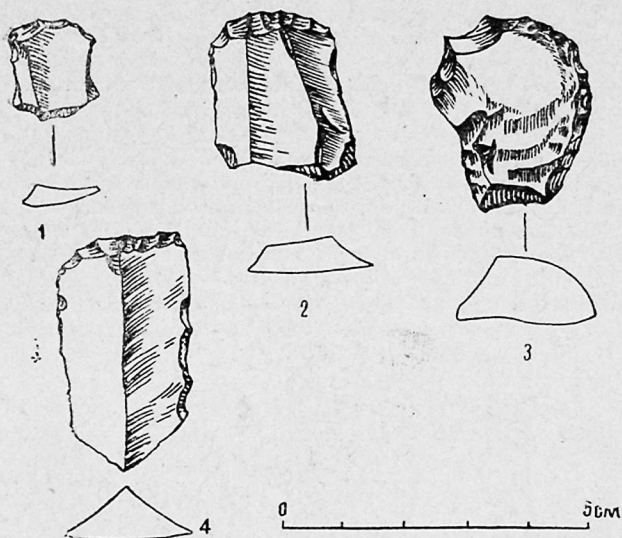

Рис. 23. Концевые скребки с тузканских стоянок.

ретушью. Другой край острый, необработанный. На некоторых пластинках видны линейные следы работы. По характеру ретуши мы относим такие пластинки к вкладышам ножа. Средняя длина их — 2,3 см, ширина — 0,3 см.

2. Вкладыши ножа, изготовленные из призматических пластинок (197 экз.). Правый или левый край и основание пластинки ретушированы притупляющей крутой ретушью, другой край оставлен острым. По характеру ретуши эти пластинки мы относим к вкладышам ножа, хотя следов работы на них нет (рис. 25, 2—4). Средняя длина их — 3,6 см, ширина — 0,9 см.

К группе ножей с известной долей условности можно отнести и пластинки с ретушью, не имеющие правильного ограничения.

1. Пластины, ретушированные только со стороны спинки, изготовленные из различного по цвету кремня (2 459 экз.). Они очень аккуратно обработаны отжимной ретушью. Средняя длина их — 4,2 см, ширина — 1,1 см. Назначение неизвестно.

2. Пластины, обработанные по одному продольному краю и основанию притупляющей крутой ретушью, в основном со стороны спинки (424 экз.). Другой край — острый. Средняя длина — 2,7 см, ширина — 0,9 см. По характеру ретуши можно предположить, что они использовались как вкладыши ножа.

3. Пластины с противоположащей ретушью (379 экз.). Они ретушированы очень аккуратно отжимной техникой. Средняя длина их — 3—4 см, ширина — 0,4 см. Назначение неизвестно.

Строгальные ножи представлены двумя экземплярами, найденными на стоянке. В процессе работы износилась лишь одна сторона лезвия.

Ножи изготовлены из призматических пластин, тщательно отретушированы со стороны бруска. Имеются линейные следы, расположенные со

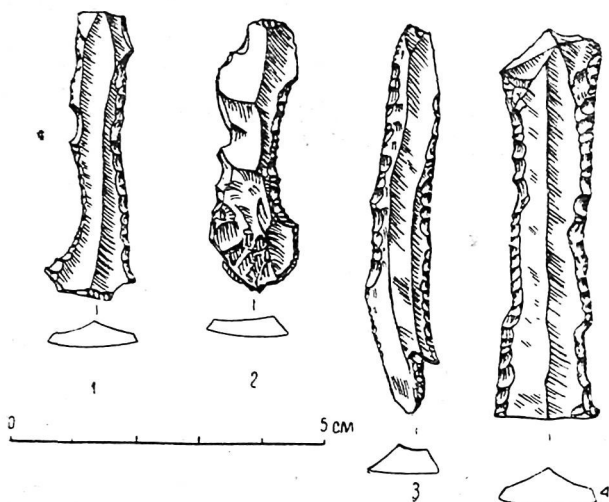

Рис. 24. Скобели с тузканских стоянок.

стороны спинки, идущие по диагонали к рабочему краю. Микроскопический анализ показывает, что этим ножом работали по кости или дереву.

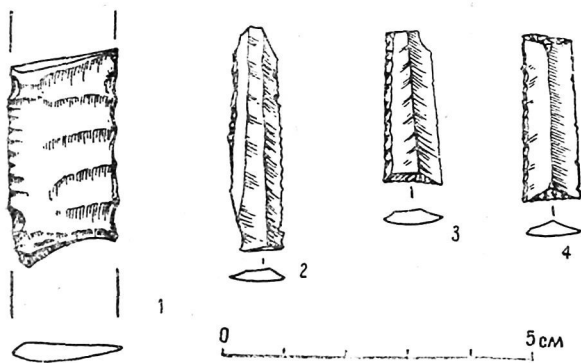

Рис. 25. Вкладыши ножа с тузканских стоянок.

Длина ножей — 2,7 см и 2,3 см. Следует отметить, что по форме они совсем не отличаются от обычных, даже не совсем правильных пластин, и назначение их могло быть выявлено только при помощи анализа с бинокулярной лупой.

Орудия для сверления и пиления представлены сверлами, проколками и пилами.

Сверла можно разделить на четыре группы.

1. Сверла на массивных призматических, довольно грубых удлинённых пластинках (41 экз.). Длина их достигает 6 см, ширина — 0,9 см (рис. 26, 1, 6, 7; 27, 29, 30; 28, 7).

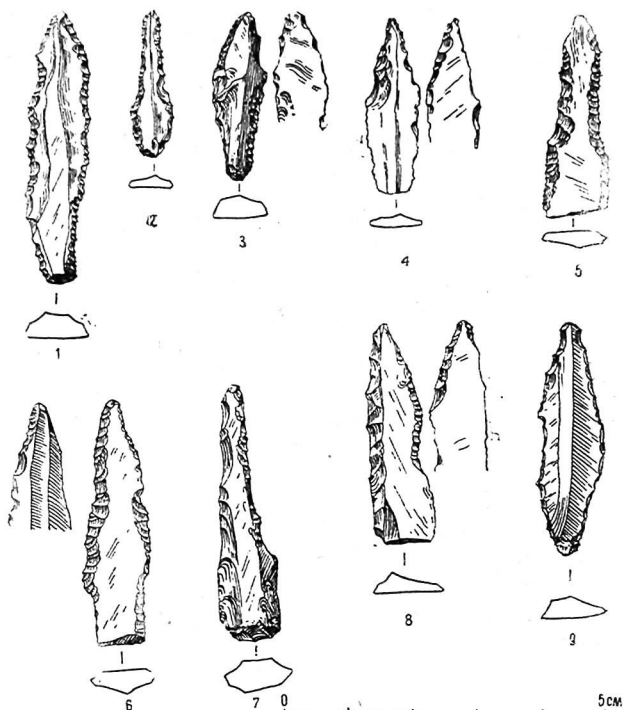

Рис. 26. Сверла с тузканских стоянок.

2. Сверла на узких и тонких пластинках. Это наиболее часто встречающаяся форма (404 экз.) (рис. 26, 3—5; 27, 9—28; 28, 8—11). Средняя длина их — 3,1 см, ширина — 0,7 см.

3. Сверла миниатюрные, изящных форм и превосходной обработки (168 экз.). На стерженьках четко прослеживаются линейные следы. Такие сверла могли употребляться для изготовления украшений — бус, подвесок и т. д. (рис. 27, 1—6). Средняя длина их — 1,8 см, ширина — 0,3 см.

4. В коллекции встречаются сверла, изготовленные из бесформенных кусочков кремня. Рабочая часть их, однако, тщательно ретуширована и имеет следы работы, характерные для сверла.

Проколки можно разделить на два типа.

1. Проколки, изготовленные из пластин со скошенным краем (58 экз.) (рис. 29, 1—2). Средняя длина их — 1,8 см, ширина — 0,6 см.

2. Проколки, изготовленные из узких и тонких призматических пластинок (79 экз.). Это правильные призматические пластинки с острым кончиком, ретушированным со стороны брюшка (рис. 29, 3—4). Средняя длина проколов — 2,8 см, ширина — 0,7 см.

Пилы, изготовленные из призматических пластин (6 экз.), найдены на стоянках БТ 3, БТ 20, БТ 21, БТ 28. Обнаружены экземпляры, у которых ретуширован только один продольный край, другой — не обработан. Ретушь тщательно нанесена отжимной техникой с двух сторон (со стороны спинки и брюшка). Эти орудия найдены на стоянке БТ 3. Длина их — 3—4 см, ширина — 1, 2 см. Есть также пила, у которой ретушированы оба продольных края с двух сторон (со стороны спинки и брюшка). Линейные следы видны только с одного продольного края. Эта пила найдена на стоянке БТ 20, длина ее — 2 см, ширина — 1 см. На стоянке БТ 3 найден экземпляр пилы с ретушью по обоим продольным краям со стороны брюшка. Кроме того, встречаются орудия, обработанные противоположной ретушью и имеющие следы работы. Они обнаружены на стоянке БТ 21 (длина — 0,3 см, ширина — 0,7 см) и на БТ 28 (длина — 2,8 см, ширина — 0,9 см). На всех пилах имеются линейные следы работы, вполне соответствующие движениям рук. Следы эти в виде прямых царапин расположены на боковых поверхностях орудия, параллельно его рабочему краю.

К орудиям, связанным с собирательством и зачатками земледелия, мы относим серпы, зернотерки, пестики.

Среди пластин и отщепов, представленных в тузканской коллекции, обращают на себя внимание орудия с сильно заполированной поверх-

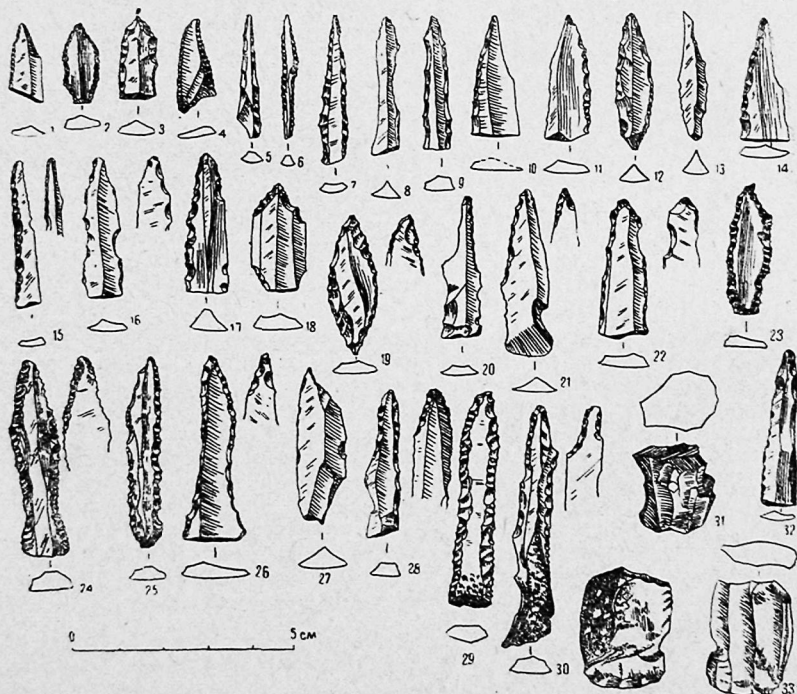

Рис. 27. Сверла с тузканских стоянок.

ностью и линейными следами, параллельными лезвию пластины. Это так называемые серпы или кремневые жатвенные ножи (13 экз.). Условно их можно разделить на две группы.

1. Серпы, изготовленные из довольно крупных отщепов, рабочий край которых ретуширован зубчатой ретушью (5 экз.). Поверхность орудий в результате длительного употребления заполирована до блеска, на спинке и на брюшке имеются линейные следы, параллельные краю орудий. Серпы найдены на стоянках БТ 21 (рис. 30,5) и МТ 1 (рис. 30,6).

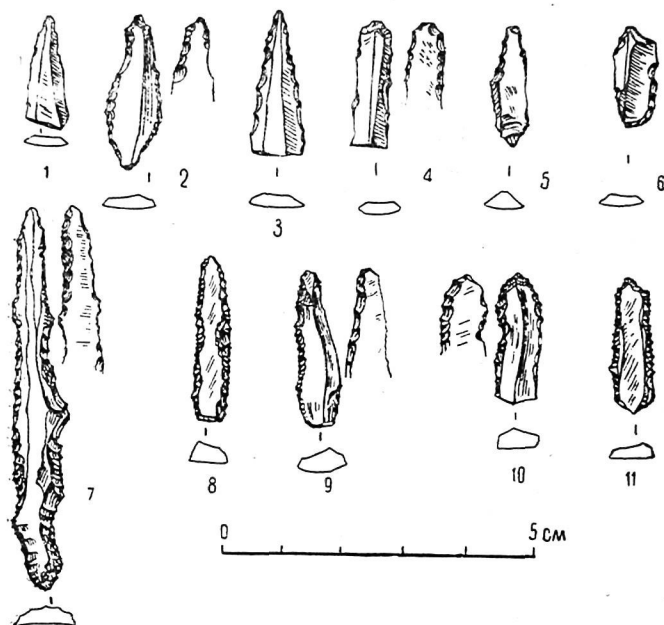

Рис. 28. Сверла с тузканских стоянок.

2. Серпы, изготовленные из узких и тонких призматических пластинок (13 экз.). Два из них имеют по одному зубчатому лезвию и те же самые следы, проходящие по поверхности зубчиков. Эти орудия найдены на стоянках БТ 15 (рис. 30,4) и МТ 3 (рис. 30,2). Остальные экземпляры с двусторонними зубчатыми лезвиями (рис. 30, 1,3), ретушированы очень тщательно с двух сторон (со стороны спинки и брюшка). Характер следов свидетельствует о том, что они использовались в качестве серпа. Серпы найдены на стоянках БТ 15, БТ 21 и МТ 2. Пластины и отщепы могли употребляться только в качестве вкладышей и насаживались на костяную или деревянную рукоятку. Подтверждением этому предположению могут служить вкладышевый серп с костяной основой, найденный в Чапан-Депе⁶, и с деревянной, зафиксированной в северном Иране — в Джармо и Хассуне⁷.

Кроме того, найдены две терки, три зернотерки, одна подставка и один пест.

Подставка изготовлена из песчаника, имеет овальную форму и незаконченное отверстие посередине. Это либо заготовка для грузила, либо

⁶ Массон В. М. Джайтун и Кара-депе, СА, 1957, № 1, стр. 34—37.

⁷ R. I. Braidwood The Near East and the foundations for civilization, Oregon, 1952.

подставка, удобная для сверления бус. В земледельческих поселениях такие камни используют еще и как подпятники для дверей. Подставка найдена на стоянке МТ 2, длина ее — 11 см, ширина — 7,2 см.

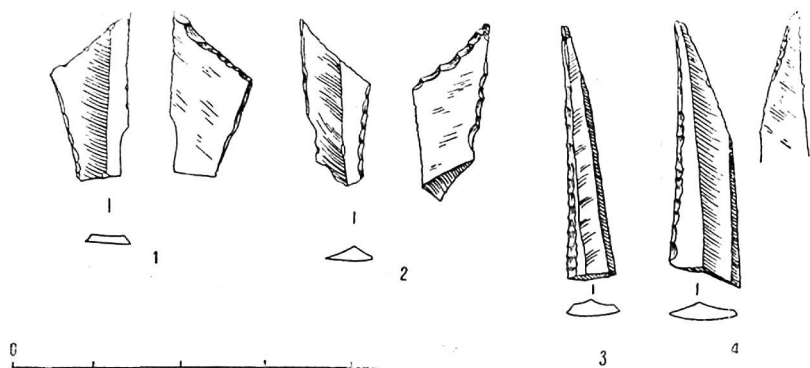

Рис. 29. Проколки с тузканских стоянок.

Пест (стоянка БТ 3) имеет форму усеченного конуса, изготовлен из песчаника. Длина его — 5,7 см, ширина — 3 см, толщина — 2,1 см.

Терки (стоянка БТ 8) изготовлены из песчаника. Длина их в среднем — 10,6 см, ширина — 9,2 см, толщина — 3 см.

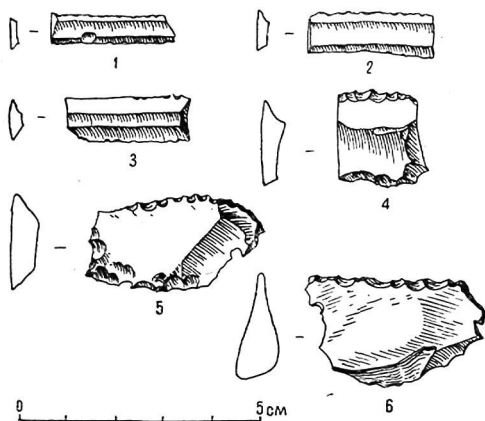

Рис. 30. Серпы с тузканских стоянок.

Обломки зернотерок обнаружены на стоянке БТ 12 и БТ 28. Средняя часть зернотерок углубленная, близка по форме к кругу. Можно предположить, что растирание производилось кругообразными движениями другого камня. На стоянке БТ 9 найдена целая зернотерка с рабочими следами. Длина ее — 16,5 см, ширина — 11,5 см, толщина — 3,5 см.

Грузила, изготовленные из крупнозернистого кварцитового камня, полуяйцевидной формы (1 экз. — стоянка БТ 30), с отверстием в середине.

Отбойники, изготовленные из галечника-камня (2 экз.), найдены на стоянке БТ 30 и БТ 32. На поверхности и кончике отбойника видны

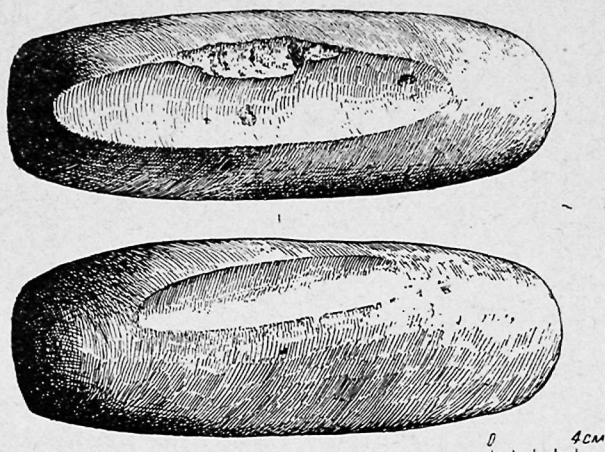

Рис. 31. Точильник со стоянки БТ 30.

следы употребления и звездочка-выбоина. Такая же выбоина есть около сломанного конца отбойника.

Вместе с каменными орудиями на стоянке БТ 30 обнаружен великолепный точильник, изготовленный из песчаника (рис. 31). Он имеет удлиненную овальную форму; на поверхности — углубления, где точили орудия. Точильник тщательно отшлифован и имеет гладкую поверхность. Длина его — 25 см, сечение — 10 см.

Орудия для обработки дерева, долота и топоры обнаружены в очень небольшом количестве.

Долота, судя по оставшимся фасеткам от скалывания пластинок, изготовлены из сработанных нуклеусов (6 экз.) (рис. 27, 33). Возможно, из-за недостатка кремня пластинки откалывали от нуклеуса до предела, а самый осколок нуклеуса подтесывали на конце, хорошо оттачивали и использовали в качестве долота. Из обнаруженных экземпляров три имеют по два лезвия и три — по одному. Средняя длина их — 2,4 см, ширина — 1,6 см.

Наряду с обилием кремневого материала, на тузканских стоянках зафиксирована небольшая серия шлифованных неолитических орудий, представленных двумя экземплярами топоров-тесел, сделанных из галечного кремня.

1. Тесло-топор, шлифованный. Рабочий край широкий и овальный, противоположный конец — сломанный. Орудие приближается по форме к острообушным топорам. Длина его — 4,5 см, ширина — 4,5 см, толщина — 0,7 см. Один топор найден на стоянке БТ 31 и один — на БТ 32.

2. Тесло-топор, шлифованный с двух сторон, прямоугольной формы, с плоским обушком и симметричным профилем. Найдено два экземпляра на стоянке БТ 30.

К изделиям, связанным с изготовлением каменных орудий, относятся нуклеусы и пластинки.

Встречаются нуклеусы из разноцветного кремня, обычно предельно использованные. По форме они призматические. Условно их можно разделить на две группы: односторонние и с круговой обработкой.

1. Односторонние нуклеусы (150 экз.). Средняя длина их—3,6 см, ширина—2,9 см, толщина—1,5 см.

2. Нуклеусы с круговой обработкой (22 экз.) (рис. 27, 31). Средняя длина их—3,4 см, ширина—2,3, толщина—1,4 см.

Встречаются микропластинки и пластинки обычной величины.

Микропластинки без ретуши (72 экз.) и без следов работы. Возможно, они были заготовками мелких орудий.

Пластинки без ретуши, изготовленные из различного по цвету кремня (3294 экз.), видимо, служили заготовками различных орудий и частично, особенно наименее правильные формы, являлись отбросами производства.

Обнаружены отщепы с ретушью (287 экз.) различных неправильных форм, с ретушированным краем. Остальная часть кремневого инвентаря составляет отбросы производства (отщепы, чешуйки и кусочки кремня), всего 7327 экз.

Найденные на стоянках отбросы кремневого производства свидетельствуют о том, что обработка кремня, его расщепление производились именно здесь.

Наряду с обилием кремневого материала, на стоянках найдена небольшая коллекция бус и подвесок (56 экз.). Две бусины, найденные на стоянке БТ 19, сделаны из раковин, удлинненно-цилиндрической формы, с двусторонним сверлением. Они тщательно отполированы (рис. 32, 11). Другие две изготовлены из бирюзы. Одна из них цилиндрической формы, превосходной обработки (стоянка БТ 28) (рис. 32, 10), другая по форме приближается к овально-удлинненной (стоянка БТ 12, рис. 32, 8). Три бусины изготовлены из лазурита, также двусторонним сверлением. Они имеют цилиндрическую форму (стоянка БТ 28, рис. 32, 9).

Подвески, изготовленные из белого мрамора, имеют овально-удлинненную форму (рис. 32 1—7). Одна из них, найденная на стоянке БТ 13 (рис. 32, 5), круглая, с односторонним сверлением, причем сверление и шлифовка не закончены—по краям подвески еще сохраняются грани. Это — незаконченное изделие или заготовка для подвески.

Во всех этих памятниках костяные орудия встречены не были, но на стоянке МТ 3 обнаружено большое скопление костей различных животных. Среди них, по предварительным определениям Н. К. Вереща-

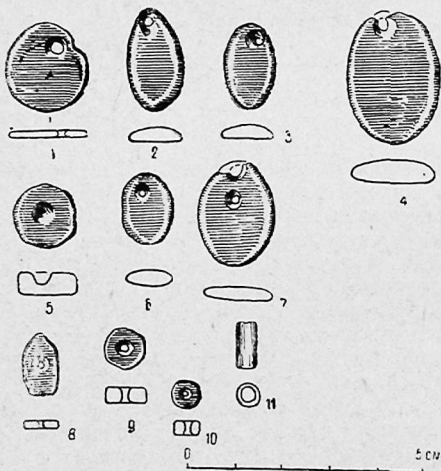

Рис. 32. Бусы и подвесы с тузканских стоянок.

гина, имеются кости рыб, одна кость парнокопытного животного (джеран) и одна — непарнокопытного (лошадь), а также множество неопределимых обломков костей.

Каменный инвентарь тузканских стоянок вполне типичен для неолитической культуры охотников и рыболовов и связан многими традициями еще с порой мезолита. Его полное сходство с кельтеминарскими комплексами стоянок соседних районов совершенно очевидно и выражается в идентичности форм и пропорций орудий.

Керамика

Керамика очень разнообразна. Из 49 стоянок 30 дали керамический материал. Сосуды изготовлены от руки, сравнительно толстостенные и равномерно обожженные. При изучении была использована бинокулярная лупа БМ 51—2.

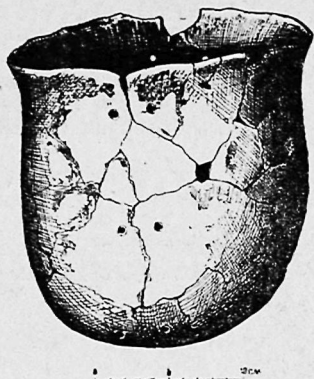

Рис. 33. Сосуд со стоянки БТ 30.

В тесте керамики, найденной на Малом Тузкане, содержатся мелкие песчинки кварца, полевого шпата и цветных материалов. Размер отдельных частиц достигает 0,2 мм. Песчаники полуокатаны. Крупнопесчанистые частицы (0,5—1,0 мм) встречаются редко и имеют кварцевый или кальцитовый состав. Крупные песчаники полуокатаны. Зерна обломанного материала в массе обожженной глины распределены равномерно, общее количество их не превышает 25%. Изредка встречаются комочки глины, не содержащие обломочных минералов. Размеры отдельных комочков — 1—2 мм.

Тесто тузканских стоянок содержит обломки минералов, аналогичные вышеописанным по составу, размерам и формам. Кроме того, на стенках некоторых пор и пустот в виде корочки заметно известковое вещество.

Поскольку черепки мелкие, восстановить формы сосудов можно было только приблизительно, судя по форме венчика. Восстановлены следующие формы:

1) большие сосуды с вертикально удлиненными пропорциями, слегка отогнутым наружу венчиком и несколько раздутым туловом. Дно круглое или слегка заостренное (рис. 33, 1). Они встречаются на всех стоянках Большого и Малого Тузкана;

2) небольшие сосуды удлиненной полуяйцевидной формы, но со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 34, 2, 8). Край венчика округлый и утонченный. Дно круглое. Это самая распространенная форма сосудов на Тузкане;

3) широкогорлая низкая чашка с прямым венчиком и резко суживающимися книзу стенками. Найден один экземпляр на стоянке Малый Тузкан 2 (рис. 34, 12);

4) сосуд полусферической формы, с почти прямым венчиком и слегка сужающимися книзу стенками (рис. 34, 17), обнаружен на стоянке Большой Тузкан 7;

5) маленькая чашка без орнамента с плоским дном (рис. 34, 14). Найдена на стоянке Малый Тузкан 2.

Композиционное построение орнамента на стенках сосуда в большинстве случаев восстановить не удалось. Можно говорить лишь о разделении орнаментальных полей на ряд крупных прямоугольников, треугольников, ромбов, т. е. о приеме, хорошо известном нам по материалам раннекельтеминарской стоянки Джанбас 4 и Куняк 1.

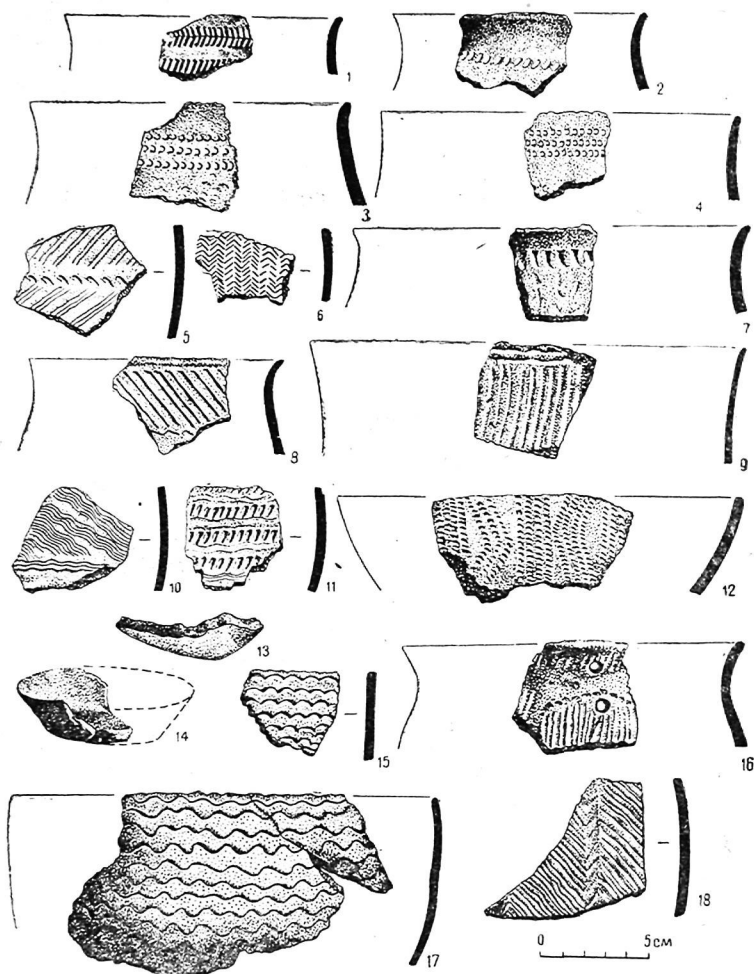

Рис. 34. Керамика с тузканских стоянок.

Керамика Тузкана украшена орнаментом нескольких видов:

1) прямые параллельные линии, нанесенные тупой толстой палочкой, путем вдавливания. Ниже — волнистые линии, прочерченные палочкой (рис. 34,8). Такие орнаменты встречаются на керамике со стоянок МТ 2 и МТ 3, а также со стоянки Коронги-Шор;

2) волнистый орнамент, нанесенный на поверхность сосуда относительно толстой палочкой, расположен горизонтальными рядами. Ряды орнамента не всегда строго параллельны друг другу, с относительно широким незаполненным полем (рис. 34,17). Орнамент покрывает сосуд сплошь. Таким орнаментом украшен сосуд, обнаруженный на стоянке БТ 7;

3) волнисто-струйчатые линии, прочерченные палочкой, с тремя—пятью зубчиками. Сосуд сплошь покрыт орнаментом (рис. 34,10). Керамика с таким орнаментом встречена на стоянке БТ 17;

4) черепки с орнаментом, нанесенным острой палочкой, состоящим из параллельных косых пунктирных линий (рис. 34,1), найдены на стоянке Малый Тузкан 2 и 3;

5) параллельные горизонтальные полосы из ряда косых черточек, вдавленных палочкой и расположенных у венчика в один или два ряда (рис. 34, 35) (МТ 2 и МТ 3);

6) орнамент, состоящий из ряда эс-образных оттисков в перевернутом положении. Орнамент расположен у венчика в три ряда (рис. 34, 3,4). Фрагменты сосудов с таким орнаментом обнаружены на стоянке БТ 28;

7) орнамент в виде елочки, прочерченный палочкой (рис. 34,6), отмечен на керамике со стоянок БТ 27 и МТ 2;

8) орнаментом в виде ромбической сетки, прочерченной тупой палочкой (табл. II), украшена керамика со стоянки БТ 19 и БТ 21;

9) орнамент гребенчатый в виде чередующихся вертикальных полос и вертикальных зигзагообразных полос (рис. 34,12) представлен в керамике со стоянки МТ 2;

10) поверхность сосуда сплошь покрыта орнаментом, состоящим из штрихов, прочерченных в шахматном порядке. Весь орнамент разделен волнистыми линиями, проведенными двумя толстыми палочками. Керамика с таким орнаментом встречена на стоянке Коронги-Шор (табл. III);

11) треугольники, заполненные параллельными штрихами, прочерченными палочкой (табл. II). Этот тип орнамента наблюдался на стоянке БТ 27;

12) орнамент в виде горизонтальных волнистых линий, подобных морской волне (рис. 34,15). Прочерчен толстой палочкой. Черенки с таким орнаментом встречаются на стоянках МТ 2 и Коронги-Шор;

13) орнамент, состоящий также из волнистых, прочерченных острой палочкой линий, разделен на зоны двумя вертикальными параллельными линиями (рис. 34, 5,18). Этот орнамент встречается на стоянках БТ 17 и МТ 3.

Прежде всего привлекает внимание, что в керамике преобладает орнамент из волнистых линий. Из 13 типов орнамента, наблюдаемых на стоянках Тузкана, шесть состоят из волнистых линий, три из прочерченных прямых параллельных линий, два из — пунктирных и два — из вдавлений.

Такое увлечение первобытного населения низовьев Зарафшана в эпоху неолита волнистым орнаментом можно объяснить влиянием на него древнеземледельческой культуры Южной Туркмении.

Примечательно также, что самая распространенная форма сосудов — это большие сосуды с вертикально удлиненными пропорциями и слегка отогнутым наружу венчиком и небольшие сосуды удлиненной полуяйцевидной формы, но с венчиком более изогнутым наружу. В обоих случаях дно круглое. Остальные формы сосудов встречаются на стоянках очень редко, некоторые единичны. Например, сосуд полусферической формы, с прямым венчиком встречен только на стоянке БТ 7, а малень-

кая чашка с плоским дном — только на стоянке МТ 2. Очевидно, первобытные люди Тузкана в основном употребляли сосуды удлинённой полуяйцевидной формы.

Итак, мы рассмотрели материалы из 49 пунктов в районе Махандарьи. Это подъемные материалы с развеянных ветрами поселений, причем типологический анализ доказал их однородность. Затем мы детально проанализировали материалы из трехслойного поселения Дарбазакыр I, поскольку именно на них видны хронологические различия керамики. Следовательно, они дали возможность выявить хронологические этапы кельтеминарской культуры в данном районе. По построенной схеме можно сравнить материалы всех остальных стоянок.

Наши выводы сводятся к следующему:

1) кремневый инвентарь тузканских стоянок и Дарбазакыр I и II одинаков. Везде встречены концевые скребки, пластинки с выемкой (скобели), сверла, пластинки со скошенным краем (проколки), пластинки с притупленной спинкой (вкладыши ножа), нуклеусы и пластинки с ретушью;

2) единообразию кремневого инвентаря противостоит разнообразие керамики, по типам орнаментации которой неолитические поселения в районе Тузкана можно разделить на три группы.

В основном, к первой группе относится керамика с орнаментом из волнисто-струйчатых линий, треугольников, заполненных штрихами, мелких горизонтальных вдавлений и т. д. Кроме того, сосудов, сплошь покрытых орнаментом, здесь вдвое больше, чем сосудов, орнаментированных только по венчику или по верхней половине.

В первую группу мы включаем нижний, третий слой стоянки Дарбазакыр I, Дарбазакыр II и первые семь стоянок Большого Тузкана.

Вторую группу составляет керамика с орнаментом из рядов вдавлений тонкой изогнутой лопаточкой, горизонтальных полос, параллельных вдавлений отступающей палочкой, рядов вдавлений острой палочкой, обведенных слабой двойной линией и т. д. Здесь наряду с волнистыми орнаментами появляется вдавленный орнамент. Стройность и сложность орнамента ослабевают. Чаще встречается орнамент, вдавленный палочкой.

Ко второй группе мы относим второй слой стоянки Дарбазакыр и материалы стоянок, расположенных в северо-западной части Большого Тузкана (стоянки БТ 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 17), а также стоянки Коронги-Шор.

Третью группу составляет керамика с орнаментом из двух рядов горизонтальных полос, параллельных вдавлениям палочки и соединяющих их. Преобладает орнамент, вдавленный палочкой. Такой богатой орнаментации, как в первой и второй группах, здесь нет. К этой группе мы относим верхний, первый слой стоянки Дарбазакыр, стоянок, расположенных в южной и юго-восточной части Большого Тузкана (БТ 11, 14, 28), на берегу Малого Тузкана (МТ 1, 2, 3).

Кроме того, следует иметь в виду еще одно в высшей степени интересное обстоятельство. В ряде поселений, расположенных в юго-западной части Большого Тузкана (стоянки БТ 3, 4, 5, 6, 10, 12), и стоянок, расположенных в низовьях Кашкадарьи, керамика не обнаружена совсем. Но зато там найдены наконечники стрел особого типа. В отличие от обычных кельтеминарских наконечников, они имеют длинный черешок и короткое перо. Кроме того, ретуширован у них лишь край пластинки. О глубокой древности таких наконечников свидетельствует то, что именно такой наконечник обнаружен в позднемезолитическом

комплексе пещеры Джебел⁸. Неслучайно также наконечники этого типа выделены А. В. Виноградовым именно в ранний этап кельтеминарской культуры⁹.

Исходя из этого, можно наметить хронологическую схему последовательности неолитических памятников в районе Тузкана.

Прежде чем перейти к вопросам хронологии неолитических племен в низовьях Зарафшана, рассмотрим памятники этого же района, относящиеся к эпохе энеолита.

Энеолитическая эпоха в низовьях Зарафшана

Отряд проводил исследования в районах Каптарникуми, Дананикуми, Нуртойникуми, расположенных к юго-западу от Большого Тузкана. Ныне они представляют собой безводную пустынную зону, почти сплошь засыпанную густыми барханами, среди которых хорошо прослеживаются следы южного ответвления сухого русла Гуджайли. Все памятники первобытной культуры в этом районе расположены на берегах русла Гуджайли.

Во время разведок 1960 г. на восточной окраине обследуемого района в трех пунктах отрядом были зафиксированы остатки разветвленных стоянок степной бронзы андроновского типа — Каптарникуми 1,2,3. Количество стоянок, обнаруженных в этом районе, намного увеличилось; в трех пунктах нами найдены остатки поселения эпохи энеолита Каптарникуми 4,5,7 и в одном пункте — остатки поселения андроновской культуры. Кроме того, энеолитические поселения встречены и на юге Большого Тузкана.

1. Стоянка Большой Тузкан 35 (БТ 35) находится в южной части озера, где р. Гуджайли впадает в Большой Тузкан, в 700—800 м к востоку от стоянки БТ 28. Площадь распространения кремневых орудий равна примерно 0,6 га. Здесь найдены многочисленные культурные остатки: наконечники стрел (5 экз.), сверла (1 экз.), проколки (3 экз.), вкладыши ножа (6 экз.), нуклеусы (3 экз.), украшения (1 экз.), обломки зернотерок (5 экз.), пластинки с ретушью (15 экз.), а также отбросы производства.

2. Стоянка Каптарникуми 4 (КК 4) расположена на правом берегу южного ответвления сухого русла Гуджайли, в 1 км к северо-востоку от колодца Хукизкудук. Заложенные в трех местах небольшие шурфы показали, что культурный слой на стоянке сильно разрушен. Материальные остатки распространены на площади примерно 0,6 га и лежат прямо на поверхности такры. Поэтому мы ограничились сбором подъемного материала с поверхности поселения. Здесь обнаружено 388 черепков не менее чем от 12 сосудов, пять наконечников стрел листовидной формы с двусторонней обработкой; семь вкладышей составных серпов; восемь микропластинок; две пластинки с ретушью; 17 отщепов различных размеров; причем, некоторые из них ретушированы; три обломка медных изделий; остальное — отбросы производства.

3. Стоянка Каптарникуми 5 (КК 5) расположена также на правом берегу южного ответвления сухого русла Гуджайли, в 4 км к западу от колодца Хукизкудук. Культурный слой стоянки, как и предыдущего памятника, сильно разрушен; материальные остатки лежат на древней поверхности. Здесь собрано незначительное количество остатков мате-

⁸ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, рис. 56, 3.

⁹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1.

риальной культуры: 71 мелкий обломок глиняной посуды, не менее чем от шести сосудов; две микропластинки; шесть отщепов и др.

4. Каптарникуми 7 (КК 7) расположен на левом берегу русла, среди барханных песков, в 3 км к юго-востоку от стоянки Каптарникуми 5. Материальные остатки лежат на поверхности выдува стоянки. Подъемный материал состоит из более чем 130 черепков примерно от 15 сосудов; одного обломка медного шила, одного кремневого вкладыша серпа, трех пластинок, нескольких отщепов и отбросов производства.

Отмеченные нами остатки поселений энеолитического времени дали довольно большой, но однородный материал, состоящий из каменных изделий и фрагментов глиняной посуды. Для большего удобства и во избежание излишних повторений мы сочли нужным дать общую характеристику материала, собранного на всех этих стоянках.

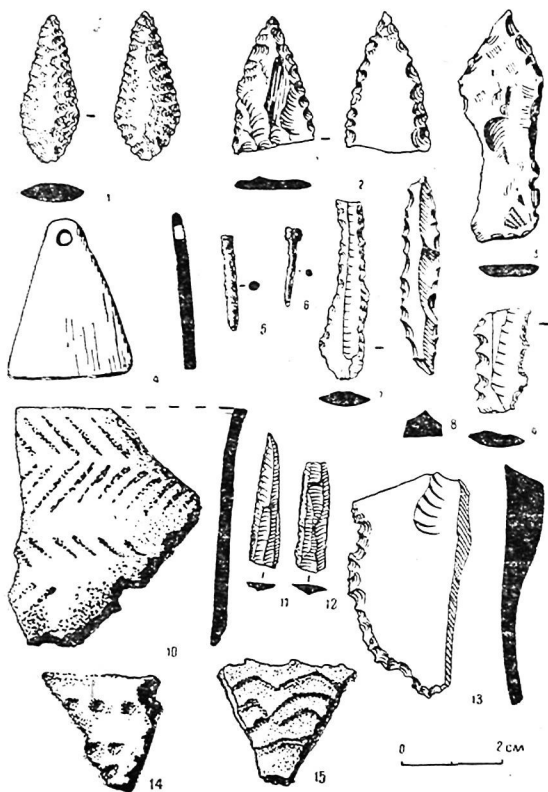

Рис. 35. Орудия с тузканских стоянок.

Орудия охоты здесь представлены наконечниками стрел.

1. Наконечники стрел с двусторонней сплошной обработкой подтреугольной или листовидной формы (10 экз.). Они очень хорошо обработаны отжимной ретушью с двух сторон. Черенка не имеют. Найдены на стоянке Каптарникуми 4 (5 экз.) и БТ 35 (5 экз.) (рис. 35, 1).

2. Единственным экземпляром является наконечник стрелы, сделанный из пластинки треугольной формы. Он обработан тщательной отжимной ретушью со всех сторон (по краям), обнаружен на стоянке Каптарникуми 4.

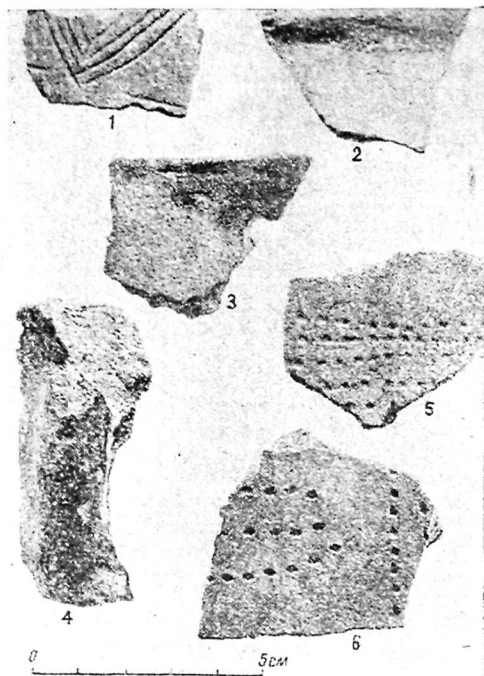

Рис. 36. Керамика с тузканских стоянок.

3. Наконечник стрелы из желтого кремня, удлиненной формы найден на стоянке БТ 35. На основании наконечника — боковая выемка с крутой затупляющей ретушью. Наконечник обработан со всех сторон (по краям и на поверхности). У кончика его четко видны круговые линейные следы, что указывает на использование его и как наконечника стрелы, и как сверла (рис. 35, 3).

Скобели, изготовленные из призматических пластинок, имеют незначительные углубления, подправленные крутой заостряющей ретушью со стороны спинки и брюшка (4 экз.); на стоянке БТ 35 обнаружено три экземпляра, из них один — на Каптарникуми 7. Выемки узкие, неглубокие обычно расположены по

одному, а иногда и по обоим краям пластинки (рис. 35, 7).

Сверла на узких и тонких пластинках. Это наиболее часто встречающаяся форма сверла, найдено четыре экземпляра. На БТ 35 — один и Каптарникуми 4 — три. Кончик пластины заострен в виде хорошо отретушированного стерженька. Острие и ребро стерженька затуплены (рис. 35, 8).

Проколки изготовлены из узких и тонких призматических пластинок (2 экз. из БТ 35). Это правильные призматические пластинки с острым кончиком, ретушированные со стороны брюшка (рис. 35, 11). Две таких проколки обнаружены на стоянке БТ 35.

Вкладыши ножей изготовлены из призматических пластинок (рис. 35, 12). Правый или левый край и основание пластинки ретушированы притупляющей ретушью, другой край оставлен острым. По характеру ретуши такие пластинки мы считаем вкладышами ножа, хотя следов работы на них нет. Найдено 16 экземпляров, из них семь — на стоянке БТ 35, два — на Каптарникуми 5 и семь — на Каптарникуми 7.

Серпы, изготовленные из узких и тонких призматических пластинок. Всего 13 экз., из них на стоянке Каптарникуми 4 — семь, Каптарникуми 7 — один и БТ 35 — пять. Они ретушированы по одному продольному

краю зубчатой ретушью. Характер следов на них свидетельствует о том, что они использовались в качестве вкладышей серпов (рис. 35, 13).

Две подвески, изготовленные из белого мрамора, найдены на стоянке БТ 35. Одна из них имеет овальную, а другая — треугольную форму. Подвески треугольной формы очень хорошо отшлифованы и отполированы до зеркального блеска (рис. 35, 4).

Встреченные нуклеусы изготовлены из разноцветного кремня, обычно предельно использованные.

В основном были найдены односторонние нуклеусы (три экз. на стоянке БТ 35). С одной стороны на них видны следы последовательных сколов, с другой же сколов не производили, и нуклеус сохраняет желвачную корку.

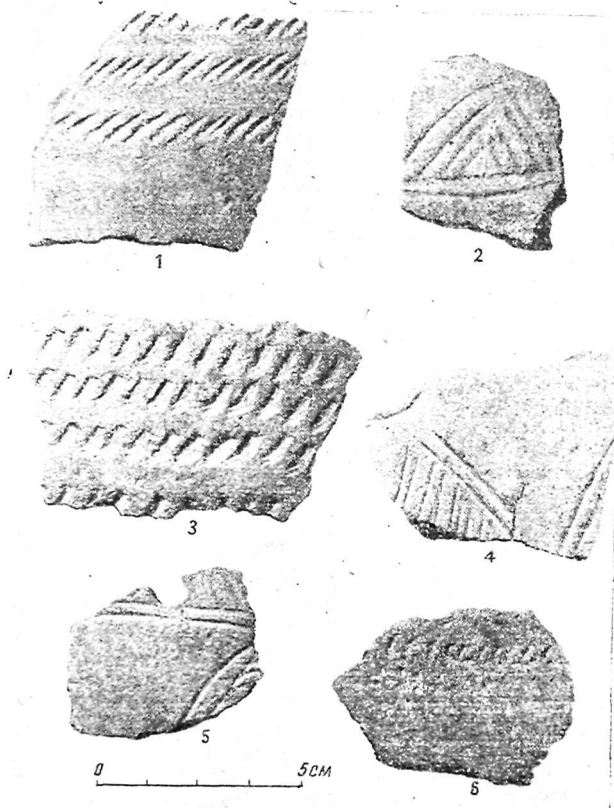

Рис. 37. Керамика с тузканских стоянок.

Обнаружены также: пластинки с ретушью (15 экз.); пластинки без ретуши (18 экз.); отщепы с ретушью (21 экз.) различных неправильных форм с ретушированными краями; остальную часть кремневого инвентаря составляют отбросы производства (отщепы, чешуйки и кусочки кремня — всего 96 экз.).

Большой интерес представляет глиняная посуда с этих стоянок. Основную массу находок составляет керамика, представленная довольно мелкими обломками, но имеются и целые сосуды. Кроме того, судя по венчику, можно восстановить некоторые формы сосудов.

1. Сосуд удлиненно-полумяцевидной формы, со слегка отогнутым наружу венчиком. Край венчика округлый и утонченный. Эти сосуды обнаружены на стоянках БТ 35, Каптарникуми 4,7.

2. Сосуд прямоугольной формы, обнаруженный на стоянке БТ 35 (рис. 36,41), аналогичен сосудам-кормушкам, известным по материалам Заманбаба¹⁰. В керамике имеются фрагменты орнаментированных сосудов. Орнамент в основном состоит из двух, трех или нескольких рядов горизонтальных полос, вдавленных палочкой.

Кроме того, некоторые черепки орнаментированы простыми насечками и елочкой (рис. 36,1; 37,2). Остальные совсем не имеют украшений. Все черепки серого цвета, поверхность сильно выветрена. Керамика стоянок по облику и составу теста довольно сходна с керамикой тузканского неолита. Однако в отличие от них она сравнительно грубая и толстостенная.

Кроме того, найдены неорнаментированные сосуды. Они составляют 98% всей керамики.

Итак, суммируя изложенный выше фактический материал, перейдем к датировке неолитических и энеолитических памятников, расположенных в низовьях Зарафшана.

¹⁰ А. Аскаров. Поселение Заманбаба, КСИА АН СССР, 1963, № 93.

Глава вторая ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Памятники кельтеминарской культуры распространены на довольно обширной территории. В нее входит часть Западного Казахстана (бассейны рек Уила, Сагиза, Эмбы, Иргиза и Тургая); на юге — Северо-восточное Приаралье, нижнее течение Сырдарьи, почти вся пустыня Кызылкум, нижнее и среднее течение Амударьи, значительная часть Каракумов (в том числе Сарыкамыш и Узбой) и нижнее течение Зарафшана.

А. В. Виноградов, изучая кельтеминарскую культуру, разделил ее на два этапа — ранний и поздний¹. Он отмечает, что каменная индустрия раннего кельтеминара имеет ярко выраженный микролитовидный облик, прежде всего проявляющийся в наконечниках стрел, на пластинках с подтреугольным коротким пером, асимметричной боковой выемкой и со скошенным основанием, вкладышах с притупленной спинкой и прямыми необработанными концами, ножевидных пластинок с широкими асимметричными выемками по бокам, узких и длинных проколках на пластинках. Было встречено и несколько изделий геометрической формы — мелких симметричных трапеций.

Из остальных форм попадались сверла на тонких пластинках, концевые скребки, скребки на отщепах, многочисленные ножевидные пластины с ретушью различного рода, односторонние нуклеусы призматической или усеченно-конической формы, рыболовные грузила, зернотерки. На раннекельтеминарских стоянках, наряду с наконечниками стрел, изготовленными на пластинках, изредка встречаются и двусторонние обработанные наконечники, обычно листовидной формы с округленным или выемчатым основанием. Следует отметить, что обитатели раннекельтеминарских стоянок владели всеми основными приемами обработки камня, характерными для позднего неолита.

Каменный инвентарь позднего кельтеминара во многом продолжает старые микролитовидные традиции. Наконечники стрел кельтеминарского типа, вкладыши с притупленной спинкой, пластины с выемками еще часто встречаются в инвентаре стоянок. Но кое в чем они уже отличаются от аналогичных изделий раннего этапа. Увеличиваются количественно и становятся более разнообразными скребки на отщепах. Дальнейшее развитие получают двустороннеобработанные наконечники стрел; кроме листовидных наконечников, появляются наконечники

¹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1, стр. 28.

подтреугольной и ромбовидной форм. Преобладают листовидные наконечники с выемкой в основании. Характерными для позднекельтеминарского инвентаря являются два новых типа изделий, немикролитонидные по характеру. Это — двусторонне обработанные наконечники копий или дротиков, сделанные на массивных отщепах и достигающие в длину 15 см, и широкие ножи с вогнутым рабочим краем и острым или округленным концом, со средней длиной — 8—10 см, изготовленные либо на отщепах, либо на широких ножевидных пластинках. В материалах позднекельтеминарских стоянок (Бешбулак, Иргиз) имеются прямые указания на то, что их обитателям была знакома технология выплавки меди — они изготовляли из нее простейшие орудия и украшения.

Что касается кельтеминарской керамики, А. В. Виноградов и М. А. Итина разделяют ее на два этапа — ранний и поздний. М. А. Итина по технике изготовления делит сосуды стоянки Джанбас 4 на две большие группы. К первой она относит сосуды из коричневатой глины с примесью песка. В том случае, когда эта примесь очень велика, черепок с коричневатой или красновато-желтоватой поверхностью бывает на ощупь шероховатым, толщина его достигает 3—5 мм. Большую часть находок составляют фрагменты сосудов из тонкозернистой глины с очень незначительной примесью песка. Поверхность у них коричневатого цвета, они хорошо обожжены, очень тонкостенны (3—4 мм), поверхность, как правило, залощена.

Ко второй группе сосудов относятся изделия из грубой глины с примесью песка и толченых раковин. Все фрагменты имеют при коричневатом, желтоватом или красноватом цвете поверхности серый или черный излом. Поверхность их обычно неровная. Кроме того, огромное большинство черепков, имеющих примесь мелких или крупных частиц раковин, покрыто мелкими или крупными белыми точками — кусочками этих раковин. Сосуды этой группы сравнительно толстостенны (5—8 мм)².

Раннекельтеминарская керамика имеет следующие основные формы.

1. Большие сосуды вертикально удлинённых пропорций со слегка изогнутым наружу венчиком и несколько раздутым туловом, дно круглое.
2. Широкогорлые низкие чашки с прямым венчиком и резко сужающимися книзу стенками, дно круглое или заостренное.
3. Сосуды ладьевидной формы.
4. Большие сосуды с шаровидным туловом и прямым, изогнутым наружу венчиком, дно круглое.

Преобладают сосуды первой и второй групп.

Почти вся раннекельтеминарская керамика орнаментирована. Орнамент покрывает от $\frac{1}{3}$ до $\frac{9}{10}$ поверхности сосуда. Наиболее широко распространен орнамент, нанесенный насечками и вдавливанием, а также прочерченный, волнистый и прямолинейный. Значительно реже встречается зубчатый орнамент и изредка — ямочный (круглоямочный), трубчатый, нанесенный отступающей палочкой и ногтевым вдавливанием.

Можно различить три основных приема орнаментального заполнения пространства.

1. Сплошное покрытие стенок сосуда простыми повторяющимися элементами орнамента (елка, зигзаг, горизонтальные полосы насечек, оттиски зубчатой качалки).
2. Сплошное заполнение поверхности, разделенное, кроме того, на ряд крупных геометрических фигур — прямоугольных, треугольных, ромбовидных.

² М. А. И т и н а. Первобытная керамика Хорезма, ТХЭ, т. IV, 1959, стр. 5—30.

3. Заполнение поверхности сосуда прочерченными линиями, полосами, насечками, вдавлениями и т. д. Орнамент делится на ряд правильных геометрических фигур, чаще всего прямоугольников, образующих орнаментальные пояса. Фигуры заполняются параллельными волнистыми или прямыми линиями (вертикальными, горизонтальными или наклонными), различными системами насечек, лесенок, ромбовидной решеткой — последний прием наиболее сложен и интересен. Изредка встречается раскраска и роспись сосудов красной и желтой охрой.

В керамике позднелетеминарских стоянок число сосудов, в глиняном тесте которых преобладает примесь песка, резко уменьшается. Большинство сосудов изготовлено из глины с примесью толченых раковин или шамота. Изменяется и форма сосудов.

Наряду с полуяйцевидными формами часто встречается форма с уплощенным и плоским дном. Кроме того, край сосуда выделяется не только небольшим утолщением, но и уже вполне определившимся венчиком; более четко выражена горловая часть сосуда. Сосуды теряют вертикально-вытянутые пропорции, становятся более приземистыми. Это своеобразный переход к горшковидным и баночным сосудам эпохи бронзы.

Значительные изменения происходят в орнаментации керамики. Исчезают сложные композиции с применением прочерченно-волнистого и прямолинейного орнамента, случаи употребления волнистого орнамента становятся более редкими. Большое значение приобретает орнамент, нанесенный качалкой (зубчатой и гладкой), штампом, насечками, вдавливанием. Орнаментальное пространство заполняется, как правило, простыми повторяющимися элементами: горизонтальными лентами из отпечатков качалки и полосами зубчатого штампа, зигзагом, елкой, лесенками. Встречаются орнаментальные пояски, состоящие из мелких геометрических фигур, в том числе заштрихованных треугольников. Орнаментированная площадь на стенках сосудов сокращается, часть сосудов вообще не орнаментирована.

Из сказанного следует, что летеминарская керамика делится на два этапа — ранний и поздний. В связи с этим следует остановиться на датировке комплексов поселения Дарбазакыр I.

Как мы уже отмечали, поселение это многослойное. Все сосуды, найденные здесь, вылеплены от руки, сравнительно тонкостенны и равномерно обожжены. Тесто керамики изготовлено из местных лессовидных глин с примесью песка. Орнамент сосудов в основном прочерченный и образованный вдавлениями палочкой и лопаточкой.

В первую очередь привлекает внимание обилие орнамента в нижнем слое керамики. Здесь имеются в основном волнисто-струйчатые линии, треугольники, заполненные штрихами, мелкие горизонтальные вдавления.

Столь богатых композиций не встречается в керамике среднего и верхнего слоев. Так, на керамике среднего слоя мы встречаем ряды вдавления тонкой, изогнутой лопаточкой, горизонтальные полосы параллельных вдавлений отступающей палочкой, ряды вдавлений острой палочкой, обведенные слабой двойной линией.

Керамика верхнего слоя украшена двумя рядами параллельных полос, вдавленных палочкой, и соединяющими их вертикальными короткими полосками, также вдавленными палочкой, и т. д. Здесь нет таких богатых орнаментов, как в среднем и нижнем слоях. Орнамент беднеет.

Мы уже видели, что поселение Дарбазакыр и остальные стоянки в районе Тузкана не относятся к одному и тому же времени. Можно наметить их относительную хронологию. По общему облику кремневого

инвентаря и керамики можно предполагать, что стоянки Дарбазакыр I и II принадлежат к раннему этапу кельтеминарской культуры. Это подтверждается сопоставлением кремневых орудий и керамики со стоянки Дарбазакыр и других стоянок в районе Тузкана с материалами классической раннекельтеминарской стоянки Джанбас 4 и другими раннекельтеминарскими стоянками Куняк I и Балаишим 9.

Материалы стоянки Джанбас 4 полностью не опубликованы, поэтому с Тузканом ее можно сопоставлять только по формам и различным категориям орудий, но не по статистическим данным.

Стоянка Джанбас 4 представляет собой большую линзу культурного слоя, достигающего вместе с такырным лессовидным суглинком мощности 40 см и подстилаемого песком. Здесь было вскрыто огромное жилище из дерева и камыша размером 26 × 17 м.

Орудия труда изготовлены из керамики и кварцита. В основном это ножевидные пластинки, среди которых много концевых скребков, скобелей, проколов, вкладышей с притупленной спинкой и т. д. Характерными для кельтеминарского инвентаря являются одношипные наконечники стрел из пластинок, однако встречаются и наконечники с выемкой в основании, обработанные с двух сторон прекрасной отжимной ретушью. На стоянке найдены также костяные орудия и украшения из морских раковин³.

Все перечисленные орудия встречаются и на Тузкане. Например, на стоянке Джанбас 4 имеются концевые скребки, количество их неизвестно. В Тузкане же таких скребков насчитывается 165 экз., скобелей — 530, проколов — 103, вкладышей с притупленной спинкой — 199 экз.; одношипных наконечников стрел, по опубликованным материалам, в Джанбас 4 было найдено всего три экземпляра, а на тузканских стоянках — 21.

Приведенные примеры доказывают, что тузканские стоянки принадлежат к раннему этапу кельтеминарской культуры.

Для большей убедительности нашего заключения охарактеризуем каждый тип орудия отдельно.

1. Наконечники стрел с боковой выемкой характерны для тузканских стоянок и для раннего кельтеминара вообще. Наконечники с боковой выемкой известны в раннекельтеминарских стоянках Джанбас 4⁴ и Куняк 1⁵.

2. Пластинки с притупляющей ретушью и скошенным концом характерны для тузканских стоянок. Известны они и в раннекельтеминарских стоянках Джанбас 4⁶ и Балаишим 9⁷.

3. Скребки из пластинок. Миниатюрные скребки из пластинок и отщепов с округлым лезвием найдены на Тузкане в большом количестве. Они встречаются в Джанбас 4⁸, Куняк 1⁹ и Балаишим 9¹⁰.

4. Пластинки с выемкой асимметричной формы, подправленные крутой заостряющей ретушью со спинки и брюшка, т. е. скобели, встре-

³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948, табл. 11—16; А. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры..., СЭ, 1957, № 1, рис. 3.

⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм..., рис. 3; А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., рис. 1, 2, 3.

⁵ А. В. Виноградов. Раннекельтеминарская стоянка Куняк 1, КСИЭ, XXX, М., 1958, рис. 1,6.

⁶ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., рис. 3,2,3,4,5.

⁷ М. А. Итина. Памятники первобытной культуры верхнего Узбоя. Археолого-этнографические работы Хорезмской экспедиции 1940—53 гг., т. II, М., 1958, рис. 10, 4.

⁸ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., рис. 3,18,25.

⁹ А. В. Виноградов. Раннекельтеминарская стоянка..., рис. 1,9,10.

¹⁰ М. А. Итина. Памятники первобытной культуры..., рис. 10, 12—26.

чаются на стоянке Дарбазакыр значительно чаще, чем другие виды орудий. Они известны и на стоянках Джанбас 4¹¹ и Кунык 1¹².

5. Односторонние нуклеусы тоже попадают в раннекельтеминарских стоянках, например, в Джанбас 4¹³.

Эти орудия встречаются в основном на раннем этапе кельтеминарской культуры.

Типы изделий из кремня, формы и приемы орнаментации керамики Дарбазакрыра исключительно близки к материалам Джанбас 4 и Кунык 1.

Основная форма сосудов Дарбазакрыра — это большие сосуды вертикально удлинённых пропорций со слегка отогнутым наружу венчиком и несколько раздутым туловом. Дно круглое или слегка заостренное. На Тузкане они встречаются на всех стоянках. Основным считается эта форма и для Джанбас 4¹⁴.

В нижнем слое Дарбазакрырской стоянки, сосудов, сплошь покрытых орнаментом, вдвое больше, чем сосудов, орнаментированных только по венчику или в верхней половине. В верхнем слое преобладают сосуды, орнаментированные только по венчику. Сосуды, сплошь покрытые орнаментом, характерны для раннего кельтеминара¹⁵.

Основные орнаменты Дарбазакрырской керамики — волнисто-струйчатые линии, мелкие горизонтальные вдавления и т. д. Встречаются они, главным образом, в нижних слоях. Эти орнаменты аналогичны орнаментам Джанбас 4¹⁶.

Орнамент в виде двух рядов горизонтальных полос параллельных вдавлений палочкой и соединяющих их вертикальных коротких полос, вдавленных палочкой, встречается в Дарбазакрыре только в верхнем слое. Аналогичный ему орнамент есть и в коллекции Джанбас 4¹⁷.

Важно отметить близость кремневых орудий тузканских стоянок к кремневым орудиям пещеры Джебел, так как Джебелская пещера дает полную колонку для относительной хронологии среднеазиатского мезолита и неолита, тем более, что IV слой её датирован радиоуглеродным методом в 6030—240 лет, т. е. IV тысячелетием до н. э.¹⁸

В материалах Джебелской пещеры есть кремневые орудия, аналогичные основным типам кремневых орудий тузканских стоянок — накопечники стрел с боковой выемкой и длинным черешком, пластинки со скошенным краем, вкладыши с притупленной спинкой, пластинки с выемкой асимметричной формы, скребки из пластинок подтреугольных очертаний и сверла из узких и тонких пластинок¹⁹.

¹¹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., рис. 3,8.

¹² А. В. Виноградов. Раннекельтеминарская стоянка..., рис. 1,7,8.

¹³ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., рис. 3,26.

¹⁴ А. В. Виноградов. К вопросу о южных границах..., стр. 26.

¹⁵ М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма, ТХЭ т. IV, 1959, стр. 5—30.

¹⁶ Там же, стр. 10, 25.

¹⁷ Коллекция стоянки Джанбас 4 хранится в Государственном историческом музее.

	ГИМ	ГИМ	ГИМ
Цифры черепка	80821	80821	80821
	6509	9884	1135

¹⁸ К. В. Протопопов, С. Б. Бутумо. Развитие техники жидких сцинтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (C), СА, 1959, № 2, стр. 32.

¹⁹ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, рис. 56, 2,3; 54,5, 7; 54,3,6; 51,1,2, 4—9; 52,5—9; 53,1,4,6; 55,5,11,13.

Мы сравнивали основные кремневые орудия и керамический материал Тузкана с раннекельтеминарскими памятниками и IV слоем Джебелской пещеры. Основной кремневый и керамический материал Тузканских стоянок оказался тождественным основному кремневому и керамическому материалу раннего кельтеминара и IV слоя Джебела. На тузканских стоянках более поздние элементы, например, большие охотничьи ножи, отсутствуют. Их керамика, как мы уже отмечали, коренным образом отличается от позднекельтеминарских. Керамика Тузкана находит аналогии в материалах Джанбас 4. Все эти данные позволяют без особых сомнений отнести тузканские стоянки к раннему этапу кельтеминарской культуры.

До сих пор очень трудно было определить, относятся формы кремневых орудий Тузкана к ранним кельтеминарским памятникам или к поздним. Знакомство с материалами раннего и позднего этапов кельтеминарской культуры показывает, что в ряде случаев ранние формы орудий доживают до позднего этапа. Например, наконечники с выемкой, со скошенным основанием встречаются на позднекельтеминарских стоянках Аккумсагиз²⁰, Коктубек²¹, Бешбулак²²; пластинки со скошенным краем (проколки) — на позднекельтеминарских стоянках Улькян²³, Бешбулак²⁴; вкладыши с притупленной спинкой — на позднекельтеминарских стоянках. Улуйргиз²⁵, Аккумсагиз²⁶; пластинки с выемкой — на стоянках Приаральских Каракумов²⁷, Текбаша²⁸; пластинки геометрических форм, трапеции зафиксированы на позднекельтеминарской стоянке Башекуль²⁹.

Как видно, ранний кельтеминар почти не отличается от позднего, поэтому возникает вопрос, можно ли отличить ранние стоянки от поздних по кремневым материалам. Нам кажется, что можно, но только при статистическом учете некоторых типов орудий. Основные или характерные для раннего кельтеминара орудия на ранних стоянках встречаются гораздо чаще, чем на поздних. Например, наконечники стрел с боковой выемкой, или, как их называет С. П. Толстов, одношпильные очень архаичны. Такой же формы наконечники, только более крупных размеров и очевидно, не для стрел, а для копий или дротиков, найдены в Виллендорфе (Австрия) в верхнеориньякском слое³⁰, в пещерах Гримальди близ Монако³¹ и в гроте Реверди (Дардонь)³². На территории СССР они встречались на поселении Костенко I³³, на Авдеевской³⁴ и Бердыжской³⁵ палеолитических стоянках.

²³ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в западном Казахстане, КСИИМК, XXV, 1949, стр. 53, рис. 16, 27.

²⁴ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., рис. 5, 6.

²⁵ А. А. Формозов. Новые материалы..., стр. 145, рис. 51.

²⁶ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении..., стр. 13, рис. 26, 14.

²⁷ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура..., стр. 53, рис. 16, 18.

²⁸ А. А. Формозов. Новые материалы..., стр. 145, рис. 51, 15—16.

²⁹ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении..., стр. 8, рис. 2, 16.

³⁰ H. Breul. Notes de voyage paleolithique en Europe Central, L'Anthropologie, t. 34, 1924, p. 526.

³¹ H. Breul. Les subdivisions du paleolithique superieur et leur significations. Congres internat. d'Antropol. et d'Archeol. Pehistorique J. 1913, p. 169.

³² D. Delage. Les roches de sergeac (Dordogne), L'Anthropologie, t. 45, 1935, p. 235.

³³ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине, МИА, 1957, № 59, рис. 7, 1, 2, 4.

³⁴ М. Д. Гвоздовер. Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки, КСИИМК, вып. 82, 1961, рис. 51, 4, 5.

³⁵ С. Н. Замятин. Раскопки Бердыжской палеолитической стоянки у 1927 г., АН БССР, 1930, стр. 486.

Население этих стоянок использовало наконечники с боковой выемкой, очевидно, как предполагает С. А. Семенов, не только в качестве наконечников копья, но и в качестве ножа. А выемка служила и для укрепления наконечника копья в рукоятке, и для того, чтобы удобно было держать его в руке без рукоятки³⁶.

В Средней Азии такие наконечники встречались только на стоянке Джанбас 4 и в Джебелской пещере, а в последние годы были найдены и на тузканских стоянках. Из этого следует, что эти наконечники — наиболее архаичная форма наконечников стрел, сохранявшаяся до энеолитической эпохи. Таких наконечников стрел в памятниках раннего этапа кельтеминарской культуры найдено больше, чем в памятниках позднего этапа; обработаны они отжимной ретушью, очень тщательно, обычно с одной стороны. На тузканских стоянках из 29 наконечников 21 — с выемкой, остальные — подтреугольной и листовидной формы. В позднем кельтеминаре, судя по опубликованным материалам, из 20 наконечников четыре — с выемкой, остальные — подтреугольной или листовидной формы.

Характерные для раннего кельтеминара орудия (пластинки со скошенным краем, пластинки с выемкой, пластинки с притупленной спинкой) в позднем этапе встречаются редко, а в раннем — часто. Например, пластинок со скошенным краем на позднекельтеминарских стоянках было найдено всего четыре, а на тузканских стоянках — 50; пластинок с выемкой в поздних стоянках найдено три, а на тузканских стоянках — 557 экземпляров, причем, пластинки с асимметричной боковой выемкой на поздних стоянках почти не встречаются. На Тузкане их было найдено 227 экземпляров; пластинок с притупленной спинкой на поздних стоянках всего шесть, а на Тузкане — 199.

Итак, только по статистическим данным, кельтеминарскую культуру по кремневым орудиям можно разделить на два этапа — ранний и поздний, датированные С. П. Толстовым, А. В. Виноградовым, М. А. Итиной, А. А. Формозовым и другими авторами. Датировка раннекельтеминарской стоянки Джанбас 4 концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. впервые была предложена С. П. Толстовым еще в 1946 г.³⁷ Она была подвергнута критике А. А. Формозовым³⁸, предложившим датировать стоянку не ранее, чем началом III тысячелетия до н. э. Позже эту датировку приняла и В. М. Раушенбах³⁹. Основанием для выводов А. А. Формозова и В. М. Раушенбах послужило наличие в материалах стоянки Джанбас 4 плоскодонных сосудов веревочного орнамента, а также сосудов с окрашенными стенками. Однако А. В. Виноградов⁴⁰, а позже и М. А. Итина⁴¹ опровергают выводы А. А. Формозова и В. М. Раушенбах, ссылаясь на то, что при обработке материалов стоянки Джанбас 4 они не обнаружили ни плоскодонных сосудов, ни веревочного орнамента. Что же касается следов окрашивания на кельтеминарских сосудах, то они считают, что этот факт никоим образом не может служить основанием для датировки стоянки второй половиной III тысячелетия до н. э., ибо древнейшая расписная керамика на юге Туркмении,

³⁶ С. А. Семенов. Первобытная техника, МИА, № 54, 1957, стр. 118.

³⁷ С. П. Толстов. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1.

³⁸ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении..., стр. 6—7.

³⁹ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, М., 1956, стр. 147—149.

⁴⁰ А. В. Виноградов. Кельтеминарская культура, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1957.

⁴¹ М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма, ТХЭ, т. 4, 1959.

откуда этот прием мог быть заимствован кельтеминарцами, датируется V тысячелетием до н. э.

Мы полностью присоединяемся к датировкам, предложенным С. П. Толстовым. Их подтверждают и материалы некоторых памятников, в первую очередь инвентарь раннего кельтеминара, аналогичный и кремневым орудиям Джебельской пещеры (IV слой). Мы еще раз подчеркиваем, что IV слой Джебельской пещеры датирован радиоуглеродным методом IV тысячелетием до н. э., и приемы орнаментации керамики аналогичны приемам орнаментации сосудов со стоянки Андреевское озеро I, Козлова перейма (VIII пункт), Стрелка (нижний слой) и др. Кроме того, они очень близки к приемам орнаментации в Анау, Намаз-га I—II, Дашлыджи-депе, поселение Геоксюр, Кара-депе и других, датируемых IV тысячелетием до н. э. Все эти данные позволяют с уверенностью датировать ранний этап кельтеминарской культуры концом IV — первой половиной III тысячелетия до н. э.

Основываясь на хронологии раннего кельтеминара, нижний III слой Дарбазакырской стоянки можно предварительно датировать концом IV или самым началом III тысячелетия до н. э., потому что в III слое сосудов, сплошь покрытых орнаментом, вдвое больше, чем сосудов, орнаментированных только по венчику или в верхней половине. Кроме того, в III слое в основном встречаются волнисто-струйчатые линии и прочерченные орнаменты, характерные для раннего этапа кельтеминарской культуры. Во II слое наряду с волнистыми орнаментами появляется вдавленный орнамент — признак позднего кельтеминара. Стройность и сложность орнамента ослабляется, чаще встречается орнамент, вдавленный палочкой. Поэтому второй, средний слой предварительно датируется 1-й половиной III тысячелетия до н. э. В верхнем слое преобладает орнамент, вдавленный палочкой. Верхний слой можно датировать серединой III тысячелетия до н. э. (рис. 5а, б).

Опираясь на датировку многослойного памятника Дарбазакыр, попытаемся датировать остальные стоянки на Махандарье.

На стоянке Дарбазакыр II был найден 921 предмет. Среди кремневых орудий имеются концевые скребки, скобели асимметричной формы, сверла, сегмент и другие, аналогичные орудиям стоянки Дарбазакыр I (III слой)⁴², Джанбас 4⁴³ и Куняк 1⁴⁴, датируемые именно ранним этапом кельтеминарской культуры. Особо надо отметить сегмент, появившийся в мезолите, а в позднем неолите уже исчезнувший.

На стоянке Дарбазакыр II элементы более позднего периода в кремневом инвентаре отсутствуют. Все изделия относятся к раннему этапу кельтеминарской культуры.

Керамика стоянки в основном с волнистым орнаментом (рис. 10), аналогичным орнаменту керамики III слоя стоянки Дарбазакыр I⁴⁵, а также волнистому орнаменту керамики стоянок Джанбас 4⁴⁶ и Куняк 1⁴⁷.

Почти все сосуды сплошь покрыты орнаментом. Преобладают орна-

⁴² У. Исламов. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана, в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963.

⁴³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксорта, М., 1962, стр. 27—40.
⁴⁴ А. В. Виноградов. Ранняя кельтеминарская стоянка Куняк I, КСИЭ, вып. XXX, 1958.

⁴⁵ У. Исламов. Многослойная стоянка...

⁴⁶ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1.

⁴⁷ А. В. Виноградов. Ранняя кельтеминарская стоянка Куняк I, КСИЭ, вып. XXX, М., 1958.

менты волнистые и прочерченные, встречающиеся в основном на ранне-кельтеминарских стоянках.

На основе этого анализа мы склонны датировать стоянку Дарбазакыр II концом IV — началом III тысячелетия до н. э. Решить вопрос датировки очень трудно, так как в некоторых стоянках слои были перемещены. Об этом свидетельствует тот факт, что на некоторых стоянках, например на МТ 2 и 3, БТ 17, 19, 21 встречаются характерные для раннего кельтеминара сосуды, сплошь покрытые волнистым орнаментом. Наряду с ними встречаются и плоскодонные сосуды, характерные для позднего кельтеминара (рис. 34, 14). Кремневый инвентарь этих стоянок также разнообразен. Вместе с раннекельтеминарскими микролитическими орудиями как, например, пластинками со скошенным краем, с выемкой, вкладышами ножа с притупленной спинкой, встречаются и двусторонние наконечники стрел, например на БТ 19 (рис. 19, 1, 2, 6). Поэтому абсолютная датировка этих стоянок очень затруднительна. Несмотря на появление двустороннеобработанных наконечников стрел, плоскодонных сосудов и преобладание неорнаментированных сосудов, эти стоянки нельзя датировать концом III и началом II тысячелетия до н. э. по следующим соображениям.

Во-первых, тузканские стоянки коренным образом отличаются от позднекельтеминарских. Здесь мы не встречаем орудий, характерных для позднего кельтеминара, например больших ножей, двустороннеобработанных наконечников копий или дротиков, сделанных на массивных отщепах, широких ножей с вогнутым рабочим краем и острым или округленным концом.

Во-вторых, в нижнем слое заманбабинского поселения обнаружено два черепка, орнаментированных ногтевыми вдавлениями, характерными для позднего кельтеминара. В их тесте содержится в основном песок. По облику они напоминают керамику Заманбабы⁴⁸. Вообще кремневый и керамический материал не дает основания отнести тузканские стоянки к эпохе позднего кельтеминара.

Мы считаем, что стоянки, расположенные в юго-западной и южной части озера, относятся к раннему этапу кельтеминарской культуры. Здесь обнаружено 14 стоянок эпохи неолита. Рассмотрим каждую из них.

На стоянке БТ 2 был найден 61 предмет (три скребка подтреугольной формы, одно сверло и 10 пластинок с ретушью, остальное — отбросы производства). Это очень небольшое количество, и поэтому ничего достоверного об этом материале, кроме его принадлежности к кельтеминарской культуре, сказать нельзя.

На стоянке БТ 3 было найдено 415 предметов. Среди них семь наконечников стрел кельтеминарского типа, девять скребков, девять скобелей асимметричной формы, 36 сверл, восемь пластинок со скошенным краем и т. д. Все кремневые изделия относятся к раннему этапу кельтеминарской культуры. Все кремневые орудия аналогичны кремневому инвентарю стоянок Джанбас 4 и пещеры Джебел (IV слой)⁴⁹, например пластинки с выемкой, вкладыши с притупленной спинкой, пластинки со скошенным концом и др. Стоянка Джанбас 4 и Джебел (IV слой), как известно, датируются IV тысячелетием до н. э. Подводя итоги нашим

⁴⁸ А. Аскаров. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1962.

⁴⁹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, Эт., 1957, № 1, рис. 3, 1, 2; А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, рис. 56, 3.

сравнениям, мы предварительно датируем стоянку БТ 3 концом IV тысячелетия до н. э.

Такой же состав кремневого инвентаря наблюдается на стоянках БТ 4, 10, 12, 13.

На стоянках БТ 1, 2, 3, 4, 5, 6 керамики нет, следовательно, их мы тоже датируем концом IV тысячелетия до н. э. На стоянке БТ 7 обнаружены фрагменты глиняных сосудов, один из них полусферической формы, украшенный волнистым орнаментом (рис. 34,17), аналогичный орнаментам сосудов с поселения Джейтун⁵⁰ и Джанбас 4⁵¹. На этой стоянке также не встречено поздних элементов. Она относится к раннему этапу кельтеминарской культуры и, следовательно, датируется концом IV тысячелетия до н. э.

На других стоянках юго-западной части озера кремневый инвентарь такой же, а керамика — без орнамента. На стоянках БТ 11 и 14 обнаружены двустороннеобработанные наконечники стрел. Вместе с ними найдены четыре скобеля, девять сверл и шесть пластинок со скошенным краем. Все эти орудия микролитической формы. Но поскольку в инвентаре есть двустороннеобработанные наконечники стрел, эти стоянки можно датировать более поздним временем, чем остальные, расположенные в этой части озера. Если мы датировали стоянки БТ 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13 концом IV тысячелетия до н. э., то стоянки БТ 11 и 14 — предварительно началом или серединой III тысячелетия до н. э.

В южной и юго-восточной части озера расположены три стоянки — БТ 28, 15, 16.

На стоянке БТ 28 наряду с кремневыми орудиями была найдена и керамика. В основном здесь встречены большие сосуды вертикально удлиненной формы (рис. 34,9). Имеются волнистые и вдавленные орнаменты. Черепки очень хорошо обожжены и звонкие. На этой стоянке найдены два черепка от одного сосуда с волнистым орнаментом. Остальные черепки орнаментированы вдавлениями палочкой, причем только по венчику. Керамика стоянки БТ 28 аналогична керамике верхнего слоя стоянки Дарбазакыр I, поэтому стоянку БТ 28 можно предварительно датировать серединой III тысячелетия до н. э.

Стоянки БТ 15 и 16 по кремневому инвентарю и керамике аналогичны стоянке БТ 28. Поэтому их можно датировать тем же временем.

Стоянка БТ 17, расположенная у северо-восточной части озера, по керамике несколько отличается от стоянок, расположенных в юго-восточной части, а по кремневому инвентарю не отличается от других стоянок Большого Тузкана. На этой стоянке было найдено 55 фрагментов глиняных сосудов с орнаментом. Здесь встречается елочный орнамент, выполненный волнистыми линиями (рис. 34), и, кроме того, волнистый орнамент, прочерченный палочкой с четырьмя-пятью зубчиками. Все сосуды сплошь покрыты орнаментом. Как видно, здесь преобладают волнистые и прочерченные орнаменты, которые чаще встречаются на раннекельтеминарских стоянках. На стоянке Дарбазакыр I эти орнаменты встречаются в нижнем и среднем слоях. Поэтому мы предварительно датируем стоянку БТ 17 к. IV — нач. III тысячелетия до н. э.

Остальные стоянки на Большом Тузкане, расположенные у северной и северо-западной части озера, по кремневому инвентарю и керамике аналогичны стоянке БТ 17. Поэтому ориентировочно их можно датировать началом III тысячелетия до н. э. Нам представляется, что сто-

⁵⁰ В. М. Массон. Джейтунская культура. Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, табл. XXX, рис. 2,3,5,6,9,11,21.

⁵¹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., рис. 2,8,9,14,15.

янки, расположенные у севера и северо-восточной части озера (БТ 30, 31, 32) относятся к раннему этапу кельтеминарской культуры, т. е. к III, нижнему слою стоянки Дарбазакыр I.

На стоянке БТ 30 было найдено 1 292 каменных предмета — 10 наконечников стрел, два сегмента, 10 скребков, 67 скобелей, 57 сверл и т. д. В кремневом инвентаре этой стоянки отсутствуют элементы более позднего периода. Здесь имеются 10 наконечников стрел кельтеминарского типа, с выемкой, ромбовидной и миндалевидной форм. Особо надо отметить имеющиеся здесь сегменты, которые появляются в мезолите, а в позднем неолите исчезают. На стоянке БТ 30 найдены и фрагменты керамических сосудов с орнаментом. Встречается волнистый орнамент, нанесенный на поверхность сосуда относительно толстой палочкой и расположенный горизонтальными рядами, прочерченный в виде елочки; орнамент гребенчатый, в виде чередующихся вертикальных полос, нанесенный путем вдавливания, ниже расположены волнистые и прямые линии, прочерченные палочкой; два, три и несколько рядов горизонтальных параллельных полос, вдавленных палочкой. Эти орнаменты чаще всего встречаются на раннекельтеминарских стоянках. На стоянке Дарбазакыр I они встречаются в III и II слое, поэтому предварительно стоянку БТ 30 можно датировать к. IV — нач. III тысячелетия до н. э.

На стоянке БТ 32 обнаружены те же кремневые орудия и орнаменты, что на БТ 30, поэтому ее можно также предварительно датировать началом III тысячелетия до н. э.

На стоянке БТ 31 было найдено 1 218 каменных предметов, из них один наконечник стрелы кельтеминарского типа, 17 скребков, 92 скобеля, 37 сверл, 12 проколов и др. Кремневые орудия аналогичны кремневым орудиям Джанбас 4⁵², Дарбазакыр I, нижнего слоя⁵³ Дарбазакыр II.

Кремневый инвентарь этой стоянки исключительно ранний, поэтому стоянку БТ 31 мы предварительно датируем концом IV — началом III тысячелетия до н. э. На стоянке БТ 30 было найдено всего 38 предметов (один скребок, три скобеля, три сверла, одна прокола и т. д.). Так как материала этого явно недостаточно, то ничего достоверного о нем сказать нельзя, кроме того, что он относится к кельтеминарской культуре.

На стоянке БТ 34 было найдено 82 каменных предмета (два наконечника стрел с выемкой, три скребка, пять скобелей, пять сверл, две проколки и т. д.). Элементы более позднего периода в инвентаре отсутствуют. Наконечники стрел со стоянки БТ 34 аналогичны наконечникам со стоянки Джанбас 4, Джебел (IV слой)⁵⁴ и БТ 3. Остальные кремневые орудия, например пластинки с выемкой, вкладыши ножа с притупленной спинкой, пластинки со скошенным концом и т. д., также аналогичны кремневному инвентарю стоянки Джанбас 4, Джебел (IV слой) и Дарбазакыр I (III слой). Поэтому стоянку БТ 34 мы датируем IV — началом III тысячелетия до н. э.

На Малом Тузкане обнаружены три стоянки, из них особенно характерны МТ 2 и 3. На стоянке МТ 2, наряду с кремневыми орудиями, были найдены фрагменты глиняных сосудов, в основном орнаментированные. Встречается елочный орнамент, прочерченный палочкой, и орнамент, нанесенный отступающей палочкой, и плоскодонный сосуд. Эти орнаменты на стоянке Дарбазакыр I встречаются в верхнем слое, что

⁵² А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1.

⁵³ У. Исламов. Многослойная стоянка Кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана, в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 4, 1963.

⁵⁴ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956.

дает возможность считать стоянки Малого Тузкана более поздними, чем стоянки Большого Тузкана. Анализируя материалы стоянки МТ 2, ее можно предварительно датировать серединой III тысячелетия до н. э.

На стоянке МТ 3 найдены фрагменты глиняных сосудов с орнаментом в виде сетки или ромба. Кроме того, встречаются вдавленный, прочерченный и волнистый орнаменты, аналогичные II слою Дарбазакырской стоянки. Это послужило основанием для того, чтобы стоянку МТ 3 предварительно датировать началом III тысячелетия до н. э.

На стоянках Эчки-Кирон и Каптарникуми собрано очень мало орудий (четыре скребка, два скобеля, четыре сверла, один двусторонний нуклеус и 14 пластинок с ретушью, остальное — отбросы производства). Из-за малого количества материалов ничего достоверного о них, кроме принадлежности к кельтеминарской культуре, сказать нельзя.

На стоянке Коронги-Шор также было найдено большое количество фрагментов глиняных сосудов, 94 черепка — орнаментированные.

Имеются волнистый, прочерченный и вдавленный орнаменты, встречающиеся большей частью на раннекельтеминарских стоянках. На стоянке Дарбазакыр I они встречаются в III и II слоях, поэтому стоянку Коронги-Шор предварительно можно датировать началом III тысячелетия до н. э.

На основании этих данных мы попытаемся датировать и другие кельтеминарские стоянки на территории Бухарской области.

Кремневый инвентарь стоянок, расположенных в низовьях Кашкадарьи, вполне типичен для неолитической культуры охотников и рыболовов и связан со многими традициями эпохи мезолита. Его полное сходство с комплексом кельтеминарских стоянок соседних районов совершенно очевидно и выражается в идентичности форм и пропорций орудий.

Но в кремневом инвентаре стоянок низовьев Кашкадарьи и Тузкана имеются некоторые различия. Например, в районе Тузкана большая часть орудий сделана из пластинок белого кремня, в Кашкадарье преобладает кремень коричневатого-желтого цвета, а орудия представлены в виде отщепов.

На стоянках, расположенных в низовьях Кашкадарьи, было найдено 933 предмета (четыре наконечника стрел, 45 скребков, 16 скобелей, 15 вкладышей ножа, 12 сверл и т. д.). Но отдельные типы изделий, например наконечник стрелы с длинным основанием (рис. 18,6—7), аналогичны материалам IV слоя пещеры Джебел⁵⁵. В инвентаре этих стоянок имеются также скобели асимметричной формы, вкладыши с притупленной спинкой, пластинки со скошенным концом и т. д. Они находят многочисленные аналогии в материалах раннекельтеминарских стоянок Дарбазакыр I (III слой)⁵⁶, Джанбас 4⁵⁷ и Куняк I⁵⁸.

Совершенно отсутствуют предметы, характерные для позднего этапа кельтеминарской культуры (наконечники копий и дротиков, массивные охотничьи ножи на отщепах или на крупных ножевидных пластинках). Правда, на стоянке Пайкент I имеются наконечники стрел с двусторонней обработкой. Но общий облик кремневого инвентаря типичен для развитого этапа кельтеминарской культуры.

Все эти данные позволяют отнести стоянки, расположенные в низовьях Кашкадарьи, к этапу развитой кельтеминарской культуры (к первой половине III тысячелетия до н. э.).

⁵⁵ А. П. Окладников. Пещера Джебел...

⁵⁶ У. Исламов. Многослойная стоянка...

⁵⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм...

⁵⁸ А. В. Виноградов. Ранняя кельтеминарская стоянка...

Кызылкырская неолитическая стоянка, находящаяся в 400—500 м к северо-востоку от развалин Кызылкыра в Ромитанском районе Бухарской области, была открыта в 1953 г. Я. Г. Гулямовым⁵⁹. Здесь зафиксирован 1751 предмет, 95% составили отбросы производства и лишь 5% — орудия, представленные скребками, двустороннеобработанными наконечниками стрел, пластинками с выемкой и т. д. Эту стоянку М. Р. Касымов датирует частично мезолитом, вплоть до позднего неолита, ссылаясь на найденные здесь пластинки с вогнутыми лезвиями, которые он относит к мезолитическому инвентарю. На Тузканских стоянках обнаружено 228 таких пластинок, мы относим их к периоду неолита. Вообще пластинки с вогнутым краем, или скобели, характерны для среднеазиатского неолита. Поэтому датировка М. Р. Касымова представляется нам ошибочной.

Зафиксированные на стоянке Кызылкыр двустороннеобработанные наконечники стрел позволяют нам предварительно датировать ее серединой III тысячелетия до н. э.

Около городища Варахша найдено очень небольшое количество кремневых орудий, представленных двустороннеобработанными наконечниками стрел и пластинками с ретушью⁶⁰. Эти находки не выходят за рамки кельтеминарской культуры и датируются примерно серединой или концом III тысячелетия до н. э.

На стоянке Ляхча А. И. Тереножкиным⁶¹ были найдены фрагменты глиняных сосудов с вдавленными орнаментами⁶², призматические нуклеусы, призматические пластинки микролитического облика, скребки из пластинок и скребки из отщепов с округленным лезвием.

Автору удалось ознакомиться с коллекцией материалов со стоянки Ляхча, хранящейся в Самаркандском государственном университете. Она содержит очень много призматических пластинок с ретушью, вкладышей с притупленной спинкой и других орудий. Вообще кремневый и керамический материал стоянки Ляхча, даже по опубликованным материалам, можно сопоставить с верхним слоем Дарбазакырской стоянки. Как нам уже известно, керамика верхнего слоя этой стоянки в основном украшена вдавленным орнаментом. На стоянке Ляхча мы наблюдаем этот же орнамент, а ее кремневый инвентарь почти аналогичен тузканскому. Поэтому ее можно датировать не II тысячелетием до н. э., как это делает А. И. Тереножкин, а примерно второй половиной III тысячелетия до н. э.

Итак, мы можем суммировать изложенный выше фактический материал по датировке кельтеминарских памятников следующим образом.

Нижняя хронологическая граница кельтеминара определяется ранними памятниками кельтеминарского типа, аналогичными IV слою Джебела. Последний датирован радиокарбонным методом концом V — началом IV тысячелетия до н. э. Это подтверждают и археологические данные, как показывает А. П. Окладников⁶³.

Верхняя граница кельтеминарских памятников изучаемого нами района, т. е. заключительный этап раннекельтеминарской культуры, не

⁵⁹ М. Р. Касымов. Кызылкырская стоянка каменного века в окрестностях г. Бухары, в кн.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1962, стр. 19—26.

⁶⁰ Л. Х. Шарипова. Новые находки каменных орудий в Бухарской области, в кн.: «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961, табл. 1, рис. 7.

⁶¹ А. И. Тереножкин. Археологическая рекогносцировка в Западной части Узбекистана, ВДИ, 1947, № 2, рис. 4, 1—13.

⁶² Там же, рис. 4, 1, 2.

⁶³ А. П. Окладников. Пещера Джебел...

может быть моложе памятников типа найденных в нижних слоях поселения Заманбаба, относящихся к позднему периоду кельтеминарской культуры. Исследователи считают, что заманбабинские памятники относятся к первой четверти II тысячелетия до н. э.⁶⁴ Отсюда следует, что время кельтеминарской культуры — IV—III тысячелетия до н. э., причем, раннекельтеминарские памятники относятся, скорее всего, к IV, а поздние — к III тысячелетию до н. э.

Разумеется, предложенные выше датировки имеют только предварительный характер, но нам кажется, что они сейчас наиболее вероятны, так как к подобным выводам пришли С. П. Толстов, А. В. Виноградов и А. П. Окладников.

Энеолитические стоянки по кремневому инвентарю и по керамике несколько отличаются от других стоянок, расположенных на берегах оз. Большой Тузкан. На этих стоянках было найдено 10 наконечников стрел, 4 сверла, 16 вкладышей ножа, 13 вкладышей серпа, 5 обломков зернотерок и др. Наконечники, в основном, листовидной формы, с двусторонней обработкой, имеются также наконечники стрел с боковой выемкой и двусторонней обработкой. Ранние формы — скобели, пластинки со скошенным краем, сегменты — не встречаются.

Формы керамики этих стоянок также отличаются от форм керамики раннего кельтеминара. Здесь обнаружены сосуды прямоугольной формы — кормушки для птиц, аналогичные заманбабинским⁶⁵.

Имеются также фрагменты сосудов, орнаментированных простыми насечками и елочкой. Остальная керамика (98%) не имеет наружных украшений. Кроме того, встречены подвески треугольной формы, тщательно отшлифованные со всех сторон, также аналогичные подвескам с поселения Заманбаба⁶⁶.

На стоянке Каптарникуми 7 (КК7) были найдены обломки медного шила, еще раз подтвердившие, что стоянки, расположенные в Каптарникуми, не неолитические, а энеолитические. Исходя из анализа этого материала, мы считаем, что стоянки БТ 35, КК 5, КК 7, КК 4 датируются энеолитом — периодом перехода от кельтеминарской культуры к заманбабинской, т. е. самым концом III тысячелетия до н. э.

Таким образом, в низовьях Зарафшана открыты и исследованы памятники двух исторических периодов — эпохи неолита (кельтеминарская культура) и энеолита — переходного этапа от дарбазакырского неолита к заманбабинской бронзе.

⁶⁴ А. Аскаров. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ленинград, 1962.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

Глава третья

НИЗОВЬЯ ЗАРАФШАНА В ПОРУ НЕОЛИТА

За последние годы накопился большой археологический материал с тузканских стоянок, освещающий многие стороны жизни населения, обитавшего на указанной территории с конца IV до середины III тысячелетия до н. э. В настоящей главе мы рассмотрим эти материалы и попытаемся представить общую картину жизни носителей кельтеминарской культуры.

Хозяйство и общество

Основными видами хозяйственной деятельности населения низовьев Зарафшана в эпоху неолита были охота и рыболовство. Об этом говорит не только характер самих поселений, расположенных только по берегам рек и озер, но и найденные при раскопках орудия труда, оружие и кости животных.

Наибольшее значение, по-видимому, придавалось охоте на джейрана, кости которого встречаются чаще всего. В Средней Азии охотой на джейрана занимаются с времен палеолита и до наших дней.

Кроме того, объектом охоты являлись лошадь (кости ее были найдены при раскопках стоянки Дарбазакыр) и дикая свинья, которая и до сих пор водится в болотистых местах Средней Азии, а также олень, косуля и дикие птицы, чьи кости мы встречали на стоянке Джанбас ⁴¹.

На тузканских стоянках найдено много наконечников стрел разнообразной формы, сделанных из камня. Это позволяет нам утверждать, что лук и стрелы были основным вооружением древнего тузканского охотника.

Наконечники стрел тузканцев сделаны из кремневых пород. Здесь мы встречаем наконечники с выемкой, кельтеминарского типа; треугольные, ромбовидные, листовидные, сделанные из ножевидных пластинок. Наиболее характерны наконечники с выемкой.

По форме и величине наконечники стрел чрезвычайно разнообразны. Это, по-видимому, объясняется их различным назначением. Так, салымские ханты (остяки) употребляли для охоты на медведя стрелы с железным треугольным наконечником, на выдру — с зубцом на острие и колечком внизу, на птиц — с развилиной, на белок — с тупым деревянным наконечником, который оглушал или убивал зверька, но не портил

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948.

шкурки². К сожалению, мы не можем сказать точно, какие стрелы употребляли тузканцы для охоты на различных животных.

Техническая отделка наконечников, как правило, тщательная и очень изящная. Наконечники в основном маленького размера, что свидетельствует о совершенстве охотничьего орудия. Костяные и деревянные наконечники стрел на тузканских стоянках найдены не были. Очень может быть, что они просто не дошли до нас.

Кроме лука со стрелами, охотник имел каменный нож, функции которого выполняли массивные пластинки и вкладыши, маленькие хорошо обработанные пластинки, насаживаемые на деревянную или костяную рукоятку. Нож применялся для ближнего боя, для самозащиты или для разделывания зверя.

Несомненно, тузканским охотникам были знакомы различные ловушки, капканы, загоны и прочее, но пока это не подтверждено документальными данными.

В эпоху неолита, когда основным оружием были лук и стрела, охота требовала участия большого и хорошо слаженного коллектива. Такой вид охоты типичен для среднеазиатского родового общества. Индивидуальная охота, вероятно, тоже существовала, но имела второстепенное значение.

На Тузкане в эпоху неолита, наряду с охотой, большое значение в хозяйстве имело рыболовство. Мы уже видели, что топография поселений характерна для охотничье-рыболовецких обществ. Поселения располагались по берегам рек и больших водоемов. Длительное существование поселений объясняется, видимо, тем, что рыболовство регулярно обеспечивало население необходимыми продуктами питания.

По предварительным определениям Н. К. Верещагина, на Тузкане встречаются кости щуки, сазана, сома и других рыб. Все эти виды рыб сейчас водятся либо в дельте Зарафшана, либо во внутренних замкнутых водоемах того же района и являются промысловыми.

Остатки костей рыб найдены на стоянке Джанбас 4. Изучение их позволило сделать ряд ценных выводов относительно экономических условий того времени, орудий и приемов ловли рыбы. Поскольку преобладают щука и сазан, можно сделать вывод, что, по-видимому, лов рыбы осуществлялся главным образом колющими орудиями типа гарпуна; возможно, хищные рыбы добывались также и на крючки³. Найденные грузила говорят о наличии рыболовных сетей.

На стоянках Тузкана было найдено четыре грузила. Они изготовлены из камня или глины. Одно из них имеет удлиненную форму, отшлифовано с двух сторон, в середине — углубление для привязывания к сети. Глиняные грузила очень своеобразны. Некоторые из них круглые, обточены в виде кружочков, с отверстием посередине. В неолитических памятниках Средней Азии глиняные грузила встречались в самых различных районах. Некоторые не считают их грузилами. Так, описывая кельтеминарский комплекс Приаральских Каракумов, А. А. Формозов упоминает о таком же предмете, называя его пряслицем⁴. С. П. Толстов, описывая такие же предметы со стоянки Джанбас 4, называет их более

² П. А. Дмитриев. Культура населения среднего Зауралья в эпоху бронзы, МИА СССР, 1951, № 21, стр. 17.

³ См. Г. В. Никольский, Д. В. Радаков, В. Д. Лебедев. Остатки рыб из неолитической стоянки Джанбас-Кала 4, 1952, стр. 212.

⁴ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в западном Казахстане, КСИИМК, вып. XXV, 1949.

осторожно — керамическими дисками⁵. По мнению М. А. Итиной, это — грузила⁶. Мы присоединяемся к этому мнению.

О самих сетях мы не имеем представления, так как до нас они не дошли, но этнографические данные позволяют представлять себе организацию рыболовства у первобытных племен. Жившие в области оз. Эйр австралийцы, чей уровень развития техники и хозяйства приблизительно соответствовал мезолиту и раннему неолиту, употребляли ставные тростниковые сети. Сеть постоянно была в воде, и когда ее владельцу было нужно, он подплывал к ней и выбирал из нее рыбу.

Способы ловли рыбы и водных животных были самыми разнообразными. В некоторых местах рыбу ловили просто руками. В Центральной и Северной Австралии часто ловили рыбу коллективно в небольших водоемах: мужчины и подростки входили в воду цепью с одного конца и с шумом гнали рыбу к другому. Напуганная рыба выбрасывалась на отмель, где ее хватали руками и кидали стоящим на берегу женщинам. В бездождевой сезон водоемы пересыхали, и ловить рыбу таким способом становилось еще легче.

Иногда для ловли рыбы перегораживали реку заколами, проходы в которых заделывали хворостом или сетью, где рыба и оставалась.

Очень широко был распространен лов рыбы корзинами. Чаще же всего брали полый обрубок дерева, опускали его на какое-то время в воду, а потом вынимали вместе с попавшей туда рыбой⁷.

Возможно, подобного рода приемы охоты и рыболовства в эпоху неолита существовали и у племен низовьев Зарафшана.

Наряду с охотой и рыбной ловлей древнее население низовьев Зарафшана занималось простым собирательством. Чем ниже уровень технического развития, тем большее значение имеет собирание готовых продуктов питания. Человек не может жить без растительной пищи, и тузканские охотники, несомненно, широко пользовались дарами природы Средней Азии, дающей много съедобных растений — фрукты, ягоды, корни, зерна и т. д. Какие растения служили объектами собирательства в эпоху неолита, мы точно не знаем. С собиранием съедобных растений могли быть связаны различные орудия труда, остатки которых встречаются на стоянках.

Некоторые ученые утверждают, что на стоянках кельтеминарской культуры не встречается вкладышей серпов. Например, В. М. Массон, показывая существенное различие между кремневыми орудиями стоянок кельтеминарской культуры и стоянки Джейтун, пишет, что «ни на одной кельтеминарской стоянке нет вкладышей от серпов, тогда как среди орудий, найденных на Джейтуне, их насчитывается несколько сотен»⁸.

О различиях между кремневыми орудиями кельтеминара и Джейтуна можно сказать следующее. Найденные на стоянке Джейтун кремневые орудия в основном изготовлены из микролитических пластинок и имеют геометрические формы. На кельтеминарских стоянках микролитические орудия и пластины геометрических форм единичны.

На поселениях Джейтуна насчитываются сотни вкладышей серпов, а на всех стоянках в районе Тузкана их было найдено всего 18 экз.

Таким образом, нельзя согласиться с В. М. Массоном, отрицающим

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм...

⁶ М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма, ТХЭ, 1959.

⁷ С. А. Токарев. Хозяйство и материальная культура австралийцев до начала европейской колонизации, в кн. «Народы Австралии и Океании», гл. III—VII, М., Изд-во АН УССР, 1956.

⁸ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., Изд-во «Наука», 1964, стр. 176.

вообще наличие вкладышей серпов на стоянках кельтеминарской культуры.

На стоянках БТ 12, 20, 21 и МТ 1, 2, 3 имеются вкладыши серпов, изготовленные либо из довольно крупных отщепов, либо из пластин. Рабочий край пластин ретуширован зубчатой ретушью. В результате длительного употребления поверхность орудий заполирована до зеркального блеска. На спинке и брюшке видны линейные следы работы, параллельные краю орудий. Все они могли употребляться только в качестве вкладышей и насаживались на костяную или деревянную рукоятку.

Кроме того, на стоянках БТ 3, 8, 9 найдены зернотерки, представляющие собой части каменных плит удлиненной формы с вогнутой рабочей поверхностью, образовавшейся в процессе работы. Вытертая средняя часть зернотерок, близкая по форме к кругу, показывает, что растирание производилось другим камнем. Для этого были вполне пригодны песты в виде усеченного конуса, найденные на стоянке БТ 3.

Этот способ растирания представляется нам очень примитивным, ибо кругообразное растирание непродуктивно. Позднее, в эпоху бронзы растирание производилось движениями взад и вперед, отчего и образовались углубления по всей длине зернотерки.

Нужно оговориться, что наличие орудий для толчения и растирания не всегда свидетельствует о земледелии. Подобные орудия могли служить и для растирания дикорастущих плодов ячменя, пшеницы, корений, высушенных ягод, фруктов и др.

Собирательство содействовало развитию земледелия, так как, наблюдая за ростом растений и заготовляя зерно впрок, человек накапливал опыт, необходимый для культивирования полезных растений. Наиболее простое орудие собирательства заостренная палка-копалка постепенно приобретала более удобную форму.

Постоянно занимаясь рыболовством, бесперебойно обеспечивавшим его пищей, человек надолго селился на берегах рек и озер, переходил к оседлой жизни, что благоприятствовало возникновению технически подготовленного земледелия. В последующую, Заманбабинскую эпоху земледелие уже стало важным фактором в хозяйстве, и некоторые земледельческие орудия приобрели очень развитую форму⁹.

Видимо, база для земледелия заманбабинцев начала создаваться в эпоху неолита.

Австралийцам, например, были знакомы жатва, или копка; вымочивание; провеивание; размол зерна и замешивание теста; печение лепешек. Им не хватало лишь умения вскапывать землю и сажать растения. Но этому они так и не научились, оставшись, по выражению А. Н. Максимова, «накануне земледелия»¹⁰.

На основании приведенных данных можно предположить, что обитатели низовьев Зарафшана в эпоху неолита занимались охотой, рыболовством, собирательством и первыми опытами выращивания полезных растений.

Выше уже отмечалось, что основными материалами для изготовления оружия и орудий труда служили камень, кость и дерево. Примечательны высокая техника изготовления орудий труда, бытовой утвари и вооружения, приемы обработки камня, кости, способы выделки посуды и, разумеется, ее качество и формы, в чем тузканцы достигли весьма больших успехов. В условиях неолита они, пожалуй, во многом, особен-

⁹ А. Аскар-ов. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1962.

¹⁰ С. А. Токарев. Хозяйство и материальная культура...

но в технике ретуширования камня, не уступали лучшим мастерам других районов того же периода.

Каменные орудия выделялись из разнообразных местных пород кремня. Технические приемы обработки камня были различны, особое же распространение получил отжим пластинок от кремневого нуклеуса при помощи специального отжимника. На всех стоянках и, главным образом, там, где уже производились раскопки, было найдено множество нуклеусов и призматических пластинок всевозможных размеров. Длинные пластинки употреблялись в качестве ножей, они и до сих пор сохранили свою остроту. Из мелких пластинок и их обломков изготовляли наконечники стрел. Скребки получались в результате вторичной оббивки краев пластинки. Миниатюрные ножевидные пластинки использовались как лезвия вкладышевых костяных орудий.

Обычно первичную обработку камня и последующее ретуширование производили с помощью сначала каменных отбойников, а затем костяных отжимников. На стоянках Большого Тузкана найдено шесть отбойников — продолговатых, овальных или круглых речных галек длиной от 10 до 15 см; концы их в результате длительного употребления сплошь покрыты выбоинами.

О технике шлифования камня можно судить по теслам-топорам и долотам, для которых характерна тщательность отделки.

На стоянке Дарбазакыр 4 были найдены четыре тесло-топорика удлиненной прямоугольной формы. Если сопоставить тузканские топоры с неолитическими топорами других районов, например с прибайкальскими, то они довольно примитивны — шлифованы с двух сторон только в рабочей части орудия.

Долот было найдено шесть. По оставшимся фасеткам можно предполагать, что они изготовлены из нуклеуса. Первобытные люди при недостатке кремня откалывали от нуклеуса пластинки до предела, а концы подтесывали, хорошо оттачивали и использовали в качестве долота. Долота имеют по одному или два лезвия.

Найдены два точила. Одно — на стоянке Дарбазакыр II, другое — на БТ 30. В эпоху неолита начали систематически шлифовать каменные орудия. Именно в это время в первобытном хозяйстве приобретает какое-то значение обработка дерева. Человек был знаком с полезными свойствами дерева с древнейших времен и умел пользоваться им в течение всего палеолитического периода. Но средств для широкого использования дерева у него не было. Роль дерева как материала и орудия труда особенно усилилась с появлением долговременных оседлых форм быта. Эти формы вызвали необходимость совершенствования деревообделочных орудий (топоров, тесел, долот), жилых построек более прочных конструкций, более сложного хозяйственного инвентаря.

По мнению С. А. Семенова, орудия шлифовали на абразивных плитках, судя же по следам царапин на поверхности лезвия, его окончательно обрабатывали при помощи точильного инструмента — оселка. Оселками чаще всего служили мелкозернистые известковые или глинистые песчаники средней и малой плотности. Они были хрупкими, быстро изнашивались.

Следы от затачивания орудий и следы шлифования весьма различны¹¹. Можно предполагать, что эти приемы и способы были известны и древним племенам, жившим в низовьях Зарафшана в эпоху неолита.

Найденные пилки (5 экз.) позволяют предполагать, что древним было известно пиление камня. Пилки изготовлены из призматических

¹¹ С. А. Семенов. Первобытная техника, МИА, 1957, № 54.

пластин. Отжимной ретушью обработан один, а иногда и оба продольных края пластины, на всех пилках имеются линейные следы пиления в виде прямых царапин, расположенных на боковых поверхностях орудия, параллельно его рабочему краю.

Твердые каменные породы стали систематически пилить только в период неолита. С помощью двусторонних надпилов камня различной глубины можно было делить пластины на части, а затем шлифовать заготовки. Пиление камня, таким образом, играло вспомогательную роль.

Очень широко применялось сверление. В эпоху неолита техника сверления камня поднимается на новый уровень главным образом благодаря изобретению простейшего сверлильного станка — лучковой и дисковой дрели, а также применению полного сверления.

Сверла были найдены на всех стоянках Большого и Малого Тузкана (250 экз.). Они играли в хозяйстве немаловажную роль. С помощью их делались отверстия в каменных и костяных поделках. В керамике они применялись для связывания разбитых сосудов, просверливались украшения из раковин и т. д. Сверла изготавливались из узких призматических пластин. Конец пластин заострен в виде хорошо отретушированного стерженька. На рабочей части сверла прослеживаются круговые линии, перпендикулярные его оси, образовавшиеся вследствие вращения¹². Среди сверл встречаются экземпляры с обломанными концами. Эти поломки, вероятно, произошли во время работы, так как каменные сверла, несмотря на их твердость, были довольно хрупкими и легко ломались от крутых поворотов.

В коллекции встречаются сверла миниатюрных размеров, изящных форм и превосходной обработки. На стерженьках четко прослеживаются линейные следы. Подобные сверла могли употребляться для изготовления украшений (бус, подвесок и т. д.). Найденные на этих стоянках каменные подвески оказались просверленными именно такими сверлами, так как отверстия их подходят по диаметру и имеют характерные следы сверления.

Шкуры и кожи животных нужны были человеку для покрытия жилищ, изготовления одежды, обуви и т. д. О технике изготовления кожаных и меховых изделий мы можем судить только по древним орудиям, дошедшим до нас. На поселениях Тузкана были широко распространены скобящие орудия. Среди них следует различать скребки и скобели.

Концевые скребки употреблялись для обработки кожи, выскабливания и размягчения снятой с животного шкуры. Это очень важный процесс, так как после него кожа становилась эластичной и мягкой, пригодной для изготовления одежды.

Первое место по количеству на тузканских стоянках занимают концевые скребки (130 экз.). Все они сделаны из призматических коротких пластин или из отщепов с выпуклым овальным рабочим краем, обработанным мельчайшей ретушью, заходящей на продольный край пластинки. От длительной работы лезвия скребков затуплены, заполированы и носят линейные следы, поперечные рабочему краю орудия. В единичных случаях точно такие же следы прослеживаются и на боковых краях пластин. Следовательно, в работе участвовали все три лезвия попеременно.

Наибольший интерес вызывают особенности формы рабочего края скребка. Во-первых, он никогда не бывает прямым, а всегда полукруглый или с закругленными углами. По мнению С. А. Семенова, эта округлость нужна для работы над оборотной стороной шкуры (бахтармой), которая прогибается, когда на нее давит такое сравнительно узкое ору-

¹² С. А. Семенов. О каменных сверлах, МИА, 1953, № 39.

дие, как скребок. Прямоугольным орудием можно поцарапать кожу меха или даже порезать ее. Во-первых, линейные следы изнашивания на скребке состоят как бы из мельчайших желобков, пересекающих кромку лезвия в поперечном направлении. При внимательном изучении видно, что желобки несколько шире со стороны брюшка и сужаются по направлению к ретушированной спинке. Это говорит о том, что скребок во время работы движется по материалу фронтально, брюшком вперед¹³.

Очень характерны боковые скребки (98 экз.). Орудия этого типа до сих пор относили к разряду ножей, пластинок с ретушью и т. д. Г. Ф. Коробкова приходит к выводу, что эти орудия являлись скребками, т. е. использовались в качестве скребков. Рабочая часть их состоит из одного или двух продольных краев¹⁴. Лезвия таких скребков сильно сглажены от длительного употребления и затуплены, почти на всех рабочих краях прослеживаются четкие линейные следы, поперечные рабочему краю орудия; они располагаются строго по лезвию, не заходя на спинку и брюшко (рис. 21). Такой скребок было удобно держать в руке без рукоятки, попеременно пользуясь двумя рабочими краями. Боковыми лезвиями, вероятно, производилась очистка шкуры от мездры и волокон мышц, оставшихся на свежесодранной шкуре; концевыми лезвиями пользовались для обработки кожи, сглаживания бахтармы.

Большое место в кремневой индустрии тузканцев занимали многочисленные микролитические скребки самых разнообразных очертаний. Всего их найдено 43 экз. Изготовлены они из отщепов на сечениях призматических пластин, с выпуклым овальным рабочим краем, обработанным мельчайшей, заостряющей лезвие ретушью. На выпуклом рабочем конце видны следы изношенности.

Обилие скребков разнообразной формы говорит о широком использовании тузканскими обитателями всевозможных орудий для производства меховой одежды и обработки шкур.

Первичную обработку шкуры животного — мездрение и удаление остатков мяса — производили, по всей вероятности, боковыми скребками и скребками на отщепе. Концевыми же и микролитическими скребками пользовались для окончательной отделки. У этих скребков округлые выпуклые рабочие края, ими хорошо работать по бахтарме при сглаживании ее.

Широко использовались и скобели (162 экз.), сделанные из призматических удлиненных пластин с вогнутыми краями или из пластин с выемками, подправленных крутой заостряющей ретушью со спинки и брюшка. Лезвия таких пластин сильно затуплены и на большинстве из них под микроскопом хорошо заметны линейные следы, идущие по диагонали от рабочего края к оси пластины. Эти следы свидетельствуют о том, что скобелями работали по твердому материалу (дереву или кости). Что касается выемки, то можно предположить, что при строгании пластинами древков копий, стрел, рукояток для топоров и тесел острые края пластинок быстро затуплялись, их постоянно подправляли ретушью с двух сторон лезвия (со спинки и брюшка), от чего выемка углублялась. Такие пластинки могли употребляться без рукояток, на что указывает легкая заполированность нерабочей части орудия.

Найденные на стоянках проколки и шила позволяют предположить, что в эпоху неолита жители низовьев Зарафшана носили шитую меховую одежду. Прокалывание, вероятно, производилось кремневыми инструментами-проколками. С их помощью шкуры и кожаные изделия можно

¹³ С. А. Семенов. Первобытная техника., стр. 108.

¹⁴ Г. Ф. Коробкова. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун. По следам работы, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, стр. 116.

было сшивать без иглы, пропуская упругое сухожилие непосредственно через отверстие. На стоянках Тузкана найдено большое количество проколов (47 экз.). Мы их разделили на два типа:

1) проколки, изготовленные из пластин со скошенным краем (рис. 29, 1—2);

2) проколки, изготовленные из узких и тонких призматических пластинок (рис. 29, 3—4).

Кремневые проколки, имевшие острый конец, расширялись к основанию, что позволяло протыкать в коже отверстие для нитки. Но, вместе с тем, проколка с очень широким основанием могла при сильном давлении даже порезать шкуру. Да и острие кремневых проколов, вероятно, легко ломалось во время работы, особенно если шкура была толстой. Таким образом, возникла необходимость получения отверстия нужного диаметра с помощью костяного шила.

В нижнем слое стоянки Дарбазакыр II обнаружены два шила, сделанные из трубчатых костей животных. Они очень плохо сохранились. Линейные следы прослеживаются только на конце острия. Одно из них имеет форму, близкую к правильной призматической пластинке, на конце которой слева срезан боковой угол. На остром конце имеются линейные следы. Длина шила — 5 см, ширина — 0,9 см; другое — правильной призматической формы. Один конец тщательно заострен. Отверстие намечали проколкой, а раздвигали и растягивали волокна кожи именно круглым в сечении шилом.

Орудия, которые мы называем ножами, могли использоваться для резания материалов, однако характер и особенности этой работы еще не выяснены.

Действительно, в каменном веке одно орудие можно было использовать в разных целях. Однако деление орудий произошло очень рано, еще до появления металлических. Каменные орудия были слишком хрупки, чтобы ими можно было пользоваться для работ с различными силовыми нагрузками. Взять, к примеру, пластинку с затупленным краем и неретушированным рабочим лезвием. У нее очень тонкое сечение, поэтому строгать дерево и кость ею нельзя, но можно резать мясо, кроить шкуры, если они тонкие.

Для работ по дереву и кости, начиная с верхнего палеолита, по мнению С. А. Семенова, употребляют особое орудие — строгальный нож¹⁵.

Наличие таких ножей на стоянках Тузкана (2 экз.) свидетельствует о том, что тузканским обитателям была известна техника строгания. Они умели изготавливать орудия из кости и дерева. В результате работы этим ножом изнашивалась лишь одна сторона его лезвия. Ножи изготавливались из призматических пластин, были тщательно ретушированы приостряющей ретушью со стороны брюшка. Со стороны спинки видны линейные следы, идущие по диагонали к рабочему краю. Микроскопический анализ доказывает наше предположение, что этим ножом работали по кости или дереву.

Глина использовалась древними туземцами как материал для изготовления сосудов различного назначения, грузил и т. д.

В тесте керамики Большого Тузкана содержались мелкие песчинки кварца, полевые шпаты и цветные минералы. Сосуды, в основном, изготавливались из коричневатой глины с примесью песка.

Многочисленные обломки глиняных сосудов, а иногда и целые сосуды позволяют довольно точно восстановить технику их лепки и обработки поверхности. Сосуды лепились от руки, без гончарного круга. Гли-

¹⁵ С. А. Семенов. Первобытная техника..., стр. 134.

няное тесто раскатывали в виде жгутов, которые накладывали друг на друга, затем им придавалась нужная форма. После формовки стенки сосудов сглаживались. Следы от сглаживания сохраняются очень часто на внутренних стенках в виде штрихов. На наружную поверхность, заглаженную до исчезновения всяких штрихов, наносился орнамент, чаще всего при помощи палочки, после чего сосуд просушивался и обжигался.

Сосуды, найденные на тузканских стоянках, по размеру неодинаковы. Они имеют следующие формы:

1) большие, вертикально удлинённые сосуды со слегка отогнутым наверху венчиком;

2) небольшие сосуды удлинённой полуяйцевидной формы;

3) широкогорлые низкие чашки с прямым венчиком;

4) сосуды полусферической формы, с прямым венчиком, слегка суживающимися книзу стенками и круглым дном;

5) широкогорлые маленькие чашки с прямым венчиком, без орнамента, с круглым дном.

Более крупные сосуды могли служить для хранения семян, корней, фруктов, а маленькие, скорее всего, имели культовое назначение и употреблялись при исполнении религиозных обрядов. Но это могли быть и детские сосуды, в том числе игрушечные. Средние глиняные сосуды служили для приготовления пищи на очагах или кострах. Основная часть сосудов имела заостренное или закругленное дно. Один целый маленький плоскодонный сосуд со стоянки МТ 2 напоминает по форме чашки, найденные в Кара-депе, в Южной Туркмении¹⁶.

Сосуды украшались разнообразными узорами — волнистыми, прочерченными, вдавленными, которые иногда покрывали сплошь всю поверхность сосуда, а иногда размещались только в верхней части. Последнее относится лишь к верхнему слою стоянки Дарбазакур.

Орнамент наносился, в основном, тупой палочкой (прочерченный) и каким-то заостренным орудием (резной). Кроме того, широко распространены круглые и треугольные вдавления.

Судя по описанию М. А. Итиной керамики со стоянки Джанбас 4, орнамент наносился в зависимости от формы сосудов. Например, большие сосуды цилиндро-конической формы орнаментированы сплошь, а маленькие (чашки, миски, ладьевидные сосуды) — только по венчику¹⁷. Эти сосуды отличаются от обнаруженных в Джанбас 4 и Дарбазакуре тем, что нанесение орнамента на них зависит не от формы сосуда, а от вида орнаментации. Орнаментом, нанесенным вдавлением палочкой, покрывают только венчик или половину сосуда, а прочерченным или резным — сосуд покрывают сплошь. Например, найденные в верхнем слое стоянки Дарбазакур большие сосуды цилиндро-конической формы орнаментированы только по венчику (рис. 11, 1, 4) двумя рядами горизонтальных полос — параллельных вдавлений палочкой — и соединяющими их вертикальными короткими полосами. Такой же большой сосуд из II и III слоев орнаментирован сплошь волнисто-струйчатой линией и треугольниками, заполненными штрихами, прочерченными палочкой. Полу-сферический сосуд, найденный на стоянке Большой Тузкан 7, орнаментирован сплошь волнистым орнаментом, прочерченным палочкой и т. д. Следует отметить, что волнистый или струйчатый орнамент вообще характерен для стоянки Дарбазакур.

¹⁶ В. М. Массон. Джайтун и Кара-депе, СА, 1957, № 1.

¹⁷ М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма, ТХЭ, т. IV, 1959, стр. 15.

Из глины изготовлялись, кроме сосудов, различные по форме грузила для сетей, пряслища и т. д. Глиняные грузила имеют правильную форму. Они представляют собою плоские кружочки с отверстием посередине.

Бусы и подвески овально-удлиненной формы, изготовленные из белого мрамора, бирюзы, лазурита, известняка и разных яшмовидных пород, встречаются в большом количестве в памятниках бронзовой эпохи данного района²².

* *

*

Переходя к рассмотрению социальной структуры общества и его идеологии, мы должны отметить, что археологический материал сам по себе не дает в этом отношении каких-либо точных сведений. Поэтому огромное значение имеют этнографические сравнения, хотя они позволяют нарисовать только самую общую картину жизни древних обитателей низовьев Зарафшана.

Суммируя наши сведения о тузканском обществе, мы можем характеризовать его следующим образом.

Основными отраслями хозяйства на Тузкане в эпоху неолита были охота и рыболовство, настолько развитое, что обеспечивало возможность длительного обитания на одном месте. А это, в свою очередь, способствовало развитию зачатков земледелия. Занятия населения определяли топографию отдельных поселений, их характер.

Найденные на стоянках орудия рыболовства и охоты показывают, что господствовавшей формой хозяйственной деятельности был коллективный труд. Даже индивидуальные орудия охоты и рыболовства давали эффект только при коллективном труде.

Уровень техники в обществе определяется каменными орудиями. Сравнение материала отдельных стоянок показывает, что на каждой из них производилось все необходимое для жизни ее обитателей. На этом основании можно утверждать, что хозяйство было натуральным, присваивающим.

Рыболовство и охота, разнообразные домашние ремесла и особенно добыча и обработка материала требовали специализации и некоторого разделения труда внутри одной производственной группы.

Разделение труда, повысившее производительность, способствовало возникновению обмена между отдельными группами населения, отдельными племенами. Возникает вопрос: на чем же, собственно, была основана система обмена в низовьях Зарафшана? Являлся ли обмен действительно необходимым на этом столь низком уровне хозяйственного развития, при тех несложных потребностях, которые из него вытекают, при сравнительном однообразии физико-географических условий? Несомненно, в основе отношений обмена у среднеазиатцев в эпоху неолита лежало различие природной среды и физико-географических условий. При всей примитивности своих материальных потребностей тузканцы далеко не всегда могли удовлетворять их за счет окружающей среды, не прибегая к получению того, чего им не хватало, от соседних или более отдаленных племен.

Предположение об обмене подтверждается и этнографическими данными. В Австралии, в области оз. Эйр нет камня для шлифовки, и ее обитатели вынуждены были искать уже шлифованные топоры в других местах. В этой области нет также мягких и легких сортов дерева для щитов,

²² А. Аскаров. Низовья Зарафшана в эпоху бронзы...

их тоже приходилось добывать на стороне. Примечательно, что человеку приходилось иногда переносить на далекое расстояние большие тяжести. Например, в западном Квисленде тяжелые каменные плиты для зернотерок приносились только из района Ваоайя и хребта Токо. Здесь их вытесывали и шлифовали, а затем отправляли в Карандорра и Роксбург, где их приобретали представители племени калкадун и других племен хребта Ляйхардт-Сельвин, которые в свою очередь передавали плиты жителям других местностей. Очень велико было влияние разнообразия естественной среды на развитие обмена, особенно если ему подлежали такие предметы, как наркотик питчеры, растущий только в одном ограниченном районе, или морские раковины, которые добывались только в некоторых местностях северного и восточного побережий. При обмене, происходившем между береговыми жителями и племенами внутренних областей, рыба, раковины и другие продукты моря менялись на товары сухопутного хозяйства²³.

Однако не все можно объяснить природными условиями. Для обмена были и другие причины. Например, жители местности Алис-Спрингс выменивали себе щиты у северных племен, хотя сами имели достаточное количество бобового дерева, из которого изготовлялись щиты, и хорошие корытца «питчи». Нельзя объяснить естественными условиями и тот факт, что обитатели Алис-Спрингс обменивали свои копы на бумеранги у восточных племен. Обмен этот основывался на том, что определенные племена считались специалистами по изготовлению тех или иных изделий. Племя варрамунга испокон веков выделяло щиты из «бобового дерева», северные аранда (к западу от Алис-Спрингс) — копы, иль-пирра, легкие корытца, юго-западные племена — копьеметалки и пр.²⁴

Возможно, в эпоху неолита у обитателей низовьев Зарафшана тоже существовал обмен. Об этом говорят найденные на тузканских стоянках кремневые орудия и подвески из белого мрамора. Месторождений кремня и других пород камня в районе Тузкана нет. Следовательно, он был получен путем обмена из отдаленных мест, как, например, Алтынтау, Каратау, Нурататау, расположенных не менее чем в 200 км от изучаемого нами района.

По имеющемуся археологическому материалу нельзя судить о форме семейно-родовых отношений, но общий уровень производства и некоторые детали быта позволяют предположить, что в период кельтеминарской культуры господствовал материнский род. Некоторый материал для подтверждения этого может дать изучение жилищ.

Жилище

Как отмечалось, площадь дарбазакырского жилища достигала 81 м², в нем могло разместиться 30—35 взрослых людей. Это дает основание считать его большим домом материнского рода, в котором обитало несколько парных семей.

Следует подчеркнуть, что археологические и этнографические материалы свидетельствуют о высоком развитии матриархально-родовых отношений у древних охотников и рыболовов Средней Азии.

Сейчас нам известно около сотни кельтеминарских стоянок, но только на двух сохранился культурный слой. Эти стоянки — Джанбаскалин-

²³ С. А. Токарев. Хозяйство и материальная культура австралийцев до начала европейской колонизации, в кн. «Народы Австралии и Океании», гл. III, VII, 1956.

²⁴ Там же.

ский дом, исследованный в 1938 и 1945 гг. С. П. Толстовым, и Дарбаза-кырский дом, исследованный Махандарьинской экспедицией в 1961 г.

Площадь Джанбаскалинского дома — около 270 м^2 (24×17). В центре жилища находился большой центральный очаг, круглый в плане, диаметром 1,2 м, по типу резко отличающийся от многочисленных бытовых очагов, расположенных в несколько рядов по периферии жилища. Судя по расположению столбов, жилище имело овальную форму, было наземным с деревянным каркасом в виде системы столбов и балок, перекрытым сверху камышовой кровлей. Глина при постройке жилища не использовалась²⁵.

Площадь Дарбазакырского дома — 81 м^2 ($7 \times 11,6$). Жилище вытянуто с востока на запад, в плане прямоугольное. В центре обнаружены две круглые ямки для больших опорных столбов. Такие ямки встречены и в четырех углах жилища. От стен его остались два ряда ям, внешний и внутренний, служившие для установки каркаса стен и кровли. Очаги расположены за пределами жилища, к СЗ и ЮЗ от него. Очаг с северо-западной стороны в плане вытянутый с севера на юг, размером $2,4 \times 1,6 \text{ м}$. Южный очаг также вытянут, размером $40 \text{ см} \times 1,2 \text{ м}$. Кроме того, в южной части раскопа встречено несколько кострищ.

Жилище, вероятно, было наземным, типа четырехстенного шалаша и имело деревянный каркас в виде системы столбов и балок, перекрытых сверху камышовой кровлей. Вход в жилище — с восточной стороны.

Таким образом, в кельтеминарской культуре существовали такие большие дома, как Джанбаскалинский, и дома меньшего размера, как Дарбазакырский. Различались они и по форме. Дарбазакырский дом прямоугольный, а Джанбаскалинский — овальный.

Возникает вопрос, в чем сходство дарбазакырского дома с Джанбаскалинским. Во-первых, это наземные дома, во-вторых, судя по оставшимся ямкам от столбов, оба они столбовой конструкции.

Заманбабинские и тазабагъябские жилища эпохи бронзы напоминают дарбазакырское в общих чертах, но, в отличие от него, они углублены в землю. Заманбабинское жилище имеет овальную форму, пол покатым к центру. Площадь его 170 м^2 . В стенах хорошо видны остатки ям от столбов.

Тазабггъябское жилище (Ангка 5) представляло собой слабоуглубленное жилище, размером $10,5 \times 15 \text{ м}$, столбовой конструкции. Столбовые ямы располагались, главным образом, вдоль стены жилища. В центре дома находился очаг. Жилище имело форму, приближающуюся к прямоугольной, вход был с восточной стороны²⁶.

В эпоху бронзы форма жилищ не изменилась. Можно предполагать, что прямоугольная форма перешла к тазабаггъябцам из неолита.

Известно, что в одно и то же время могут существовать несколько типов жилищ. Например, в трипольской культуре встречаются разные по форме дома. В поселении Коломийщина 1 имеются дома прямоугольной, квадратной и треугольной форм. Размеры этих домов также разные, малые — от 8 до 28 м^2 , средние — от 43 до 91 и большие — от 105 до 136 м^2 .

В трипольской культуре преобладают жилища прямоугольной формы, средних размеров²⁷. Если сравнить дарбазакырский дом с трипольскими, то по размерам он совпадает со средними из них.

²⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм....

²⁶ М. А. Итина. Раскопки стоянок тазабаггъябской культуры в 1957 г. МХЭ, вып. 4, 1960.

²⁷ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений, МИА СССР, 1949, № 10, стр. 131—140.

В трипольских домах большие опорные ямы от столбов встречаются очень редко — 2—3 в каждом жилище, а иногда вообще не встречаются. В Средней Азии в жилищах рыболовно-охотничьих племен ямки от столбов встречаются почти всегда. По мнению автора, это объясняется тем, что среднеазиатские жилища строились по традиции. У рыболовно-охотничьих племен Средней Азии — жилища столбовой конструкции, а у земледельческих племен — глинобитной.

Очаги встречены во всех неолитических жилищах, но автор считает не обязательным его нахождение внутри жилища. На стоянке Дарбазакыр I очаг расположен вне его. Раскрытое О. Н. Бадером жилище на втором Ново-Ильинском поселении очень интересно. Оно прямоугольной формы, размером 42 м² (7,5 × 6 м). Очаг находится также вне жилища²⁸, несмотря на суровый климат северного района.

Следовательно, в Средней Азии в период кельтеминарской культуры существовало два типа жилищ, разных по форме, размерам и устройству. Сохранились они и в эпоху бронзы (заманбабинские и тазабагьябские жилища).

Культурно-исторические связи Средней Азии в IV—III тысячелетиях до н. э.

В археологической литературе уже не раз говорилось о том, как широки были культурно-исторические связи Средней Азии в IV—III тысячелетиях до н. э. Их отмечали С. П. Толстов, А. В. Виноградов, М. А. Игина, А. В. Збруева, А. А. Формозов и др. Уже в первых публикациях о памятниках кельтеминарской культуры С. П. Толстов говорил, что кельтеминарская культура, существовавшая в Средней Азии в конце IV — начале III тысячелетия до н. э., по характеру орнаментации керамики и каменному инвентарю входит, «как наиболее раннее зерно, в комплекс культур энеолита северо-восточной Европы и северо-западной Азии»²⁹.

Для изучения этих связей мы можем использовать в первую очередь материалы тузканских неолитических стоянок. Начнем со связей неолитических племен Бухарского оазиса с племенами охотников и рыболовов соседних территорий. Наиболее близки им по территории были племена кельтеминарской культуры низовьев Амударьи, с которыми тузканцы, несомненно, имели не только культурные, но и генетические связи. Об этом свидетельствуют все кремневые и керамические материалы Тузканских стоянок — характер их орнаментации, форма сосудов, техника обработки кремневых орудий, одним словом все, что мы находили на Тузкане, аналогично материалам стоянок Джанбас 4, Куняк 1, Балаишим 9 и другим, находившимся в низовьях Амударьи.

Если говорить обо всей Средней Азии, то в эпоху неолита между племенами этой обширной территории существовали тесные культурные связи. Подтверждением этому служит то, что основные типы кремневых орудий, характерные для тузканских стоянок, встречаются в материалах Джебельской пещеры. Так, там были обнаружены наконечники стрел с боковой выемкой и длинным черешком, пластинки со скошенным краем, вкладыши с притупленной спинкой, пластинки асимметричной формы с выемкой, скребки из пластинок подтреугольных очертаний, сверла из узких и тонких пластинок. Все это можно найти и на Тузкане. Так, нако-

²⁸ О. Н. Бадер. Второе Ново-Ильинское поселение. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции ИА АН СССР, вып. 2, М., 1961, стр. 23.

²⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948: Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948.

нечники стрел с боковой выемкой найдены на тузканских стоянках в 29 экз., пластинки со скошенным краем — 50 экз., вкладыши с притупленной спинкой — 199, пластинки с выемкой, асимметричной формы — 227, скребки из пластинок подтреугольных очертаний — 102 экз., сверла из узких и тонких пластинок в 336 экз. Что касается Гиссарской культуры в Таджикистане³⁰, то она очень своеобразна и ни по керамическому, ни по кремневому материалу не похожа на кельтеминарскую. Здесь мы встречаем толстостенные сосуды и грубые галечные орудия, которые в кельтеминаре не наблюдаются. Дальнейшее изучение этих культур, быть может, изменит или подтвердит наши наблюдения, но сейчас, по-видимому, еще рано говорить о культурных связях между этими племенами.

Остановимся на вопросе о культурных связях неолитических племен низовьев Зарафшана с племенами охотников и рыболовов более отдаленных территорий и, прежде всего, с племенами южного Урала. Эти связи были впервые отмечены С. П. Толстовым³¹, А. В. Збруева посвятила им специальную статью³². Упоминаются они и в работах А. П. Окладникова³³, О. Н. Бадера³⁴, М. Е. Фосса³⁵, В. Н. Чернецова³⁶, Л. Я. Крижевской³⁷, М. А. Итиной³⁸, А. В. Виноградова³⁹, А. А. Формозова⁴⁰ и др.

Указывая на связи кельтеминарской культуры, С. П. Толстов говорит о том, что она пока занимает обособленное место среди окружающих культур. Ее в качестве наиболее раннего звена можно включить в комплекс культур неолита северо-восточной Европы и северо-западной Азии. Она сближается с древнейшей культурой восточной Европы и особенно с афанасьевской культурой южной Сибири, хотя гораздо архаичнее их. Наибольшее сходство с кельтеминарской керамикой и кремневыми орудиями наблюдается на далеком северо-западе, в Прикамье, в Левшинской неолитической стоянке у устья р. Чусовая. Керамика памятников нижнеобского неолита тоже, хоть и более отдаленно, связана с кельтеминарской культурой⁴¹.

Особый интерес вызывают параллели с культурами, обнаруженными к северу, северо-западу и северо-востоку от района распространения кельтеминарской культуры.

По мнению А. В. Збруевой, есть какая-то общность между памятниками Средней Азии и Прикамья эпохи позднего неолита. Оба эти района входили в одну большую группу древних культур Евразии, характеризо-

³⁰ А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии, М.—Л., 1959.

³¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 63.

³² А. В. Збруева. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья, ВДИ, 1946, № 3, стр. 182—190.

³³ А. П. Окладников. К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири. Первое уральское археологическое совещание при Пермском университете, Пермь, 1948, стр. 20.

³⁴ О. Н. Бадер. Каменный век на Урале, там же, стр. 16.

³⁵ М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР, МИА, 1952, № 20, стр. 172.

³⁶ В. Н. Чернецов. Древняя история нижнего Приобья, МИА, 1953, № 35, стр. 59—60.

³⁷ Л. Я. Крижевская. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии, СА, вып. 2, 1962, стр. 27—33.

³⁸ М. А. Итина. Первобытная керамика..., стр. 26—28.

³⁹ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР, 1957, МХЭ, вып. 4, 1960, стр. 63—81.

⁴⁰ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в западном Казахстане, КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 49—58; Он же. К вопросу о происхождении андроновской культуры, КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 3—18.

⁴¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 63.

вавшейся так называемой гребенчатой керамикой. Кельтеминарская стоянка, видимо, — одно из самых древних поселений этой группы⁴².

Об этой же общности говорил А. П. Окладников, заметивший, что восточноуральская культура неолита и ранней бронзы на западе во многом сходна с шигирской и западноуральской культурами. В Казахстане эта культура постепенно переходит в микролитическую степную культуру, уходящую в Заволжье, а еще дальше, к югу, оказывается тесно связанной с кельтеминарской культурой низовьев Амударьи⁴³.

Наличие определенных черт кельтеминарской культуры в материалах раскопок на Среднем Урале (на Полуденке и в Левшино) отмечал и О. Н. Бадер⁴⁴.

Анализируя хронологические данные, можно присоединиться к мнению Толстова о том, что эти связи шли из Приаралья. На северо-западе сфера влияния кельтеминарских элементов тянется до низовьев Чусовой, а на северо-востоке — до устья Оби. По мнению Толстова, «можно смело утверждать, что на ранние комплексы культур шигирского круга очень сильно влияли неолитические культуры Аральского бассейна»⁴⁵.

Эту точку зрения поддерживает и В. Н. Чернецов, считающий, что в эпоху позднего неолита и ранней бронзы существовала глубокая культурно-этническая общность. По области распространения аральской неолитической культуры можно, очевидно, судить и о том, как расселялись ее носители. Кельтеминарская культура обусловила сложение неолитических культур Нижнего Приобья⁴⁶.

Что касается северных областей, то, как указывала М. Е. Фосс, культурных связей даже между Уралом, тем более кельтеминаром, с северным неолитом не наблюдается.

Следует отметить наконечники стрел кельтеминарского типа с боковой выемкой. Они найдены в Палкинской и первой Андреевской стоянках⁴⁷, в стоянке Чебаркуль II⁴⁸, в первой и второй Карасей стоянках на Черном озере, в Шигирском торфянике⁴⁹.

П. А. Дмитриев полагает, что такие наконечники на уральских стоянках эпохи бронзы появляются одновременно с металлом. Нам это мнение кажется неверным, потому что они, как теперь стало известно, имеются в памятниках эпохи неолита, например, в Палкинской стоянке, первой Андреевской⁵⁰ и Чебаркуль II⁵¹, датированных IV—III тысячелетиями до н. э. Но наконечники кельтеминарского типа для уральских стоянок не характерны. Это указывает на то, что они не местного происхождения, а заимствованы с юга, у кельтеминарских племен.

На Тузкане найдено очень много пластинок со скошенным краем. Известны они и на стоянке Чебаркуль II. Характерные для тузканских стоянок орудия (концевые скребки и призматические нуклеусы) тоже встречались на Чебаркуль II и первой Андреевской стоянках. Вообще

⁴² А. В. Збруева. Древние культурные связи..., стр. 186.

⁴³ А. П. Окладников. К изучению неолита Восточного Приуралья..., стр. 20.

⁴⁴ О. Н. Бадер. Каменный век на Урале..., стр. 18.

⁴⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 64—65.

⁴⁶ В. Н. Чернецов. Древняя история...

⁴⁷ Там же, табл. XX, рис. 1—3; табл. VIII, рис. 3.

⁴⁸ Л. Я. Крижевская. Неолитические поселения..., рис. 10, 3.

⁴⁹ П. А. Дмитриев. Культура населения среднего Зауралья в эпоху бронзы, МИА СССР, 1951, № 21, рис. 1, 18, 19.

⁵⁰ В. Н. Чернецов. Древняя история...

⁵¹ Л. Я. Крижевская. Стоянка Чебаркуль II эпохи неолита и раннего металла, «Вопросы археологии Урала», вып. 2, 1962.

облик кремневого инвентаря этих двух стоянок по форме и технике изготовления орудий очень напоминает тузканский.

Что касается керамики, то в кельтеминаре она тонкостенная, хорошо обожжена и орнаментирована прочерченным и вдавленным орнаментом.

Керамика уральских стоянок в основном толстостенная, пористая, незвонкая, орнамент нанесен, главным образом, гребенкой. Кроме того, имеются ямочные орнаменты, треугольники, заполненные штрихами, и волнистые орнаменты, нанесенные гребенкой.

Только на стоянке первого Андреевского озера, на раннем и среднем этапах горбуновской культуры, сосуществовали гребенчатый и прочерченный орнамент. Здесь встречаются треугольники, заполненные штрихами и прочерченные палочкой⁵². Такой орнамент наблюдался и в неолитических памятниках Нижнего Приобья⁵³. Волнистые орнаменты, прочерченные палочкой, имеются в Нижнем Приобье⁵⁴ и памятниках Горбуновской культуры⁵⁵.

Композиция орнамента — волнистые линии, треугольники, елочка — аналогична орнаментам Левшинской стоянки на западном склоне Урала⁵⁶. Эти же типы орнамента наблюдаются на стоянках Чэсый-яг, «VIII пункт», Козлова перейма⁵⁷ и Чебаркуль II⁵⁸.

Очень характерную для кельтеминарской культуры композицию орнамента можно встретить в керамике стоянки первого Андреевского озера. Здесь, кроме уже отмеченных выше гребенчатых елочных и волнистых узоров, мы обнаруживаем чрезвычайно специфичную и характерную композицию орнамента. По краю сосудов чаще всего след за полоской, выполненной гребенкой и палочкой, следуют своеобразные «лесенки», спускающиеся вертикально и выполненные тем же инструментом, что и основной орнамент, т. е. гребенкой или палочкой. По обе стороны «лесенок» идет косая штриховка или заштрихованные треугольники, выполненные прямыми или волнистыми линиями. Таковы, например, орнаменты керамики, представленные на рис. 11 и 34, полностью аналогичные тем, что мы находим в табл. IX, рис. 4, 6 работы В. Н. Чернецова.

Таким образом, весьма вероятно, что в позднем неолите происходил процесс проникновения племен, населявших степные пространства Средней Азии, на север, северо-восток и северо-запад, в лесостепные и лесные районы Урала, Приуралья и Западной Сибири.

В IV и III тысячелетиях до н. э. какие-то культурные связи существовали между племенами Восточного Казахстана и Средней Азии. Об этом свидетельствует определенное сходство кремневого инвентаря. Так, кремневые орудия из нижнего слоя поселения Усть-Нарым и орудия тузканских стоянок довольно близки, например, концевые скребки подтреугольной формы⁵⁹, сверла из узких и тонких пластинок⁶⁰, наконечники стрел с выемкой у основания⁶¹.

⁵² В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956, рис. 6, 10; 10, 7.

⁵³ В. Н. Чернецов. Древняя история..., табл. IX, рис. 6.

⁵⁴ Там же, табл. IX, рис. 4, 5.

⁵⁵ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье..., рис. 4, 12; 7, 6; 16, 12.

⁵⁶ А. В. Збруева. Древние культурные связи....

⁵⁷ В. Н. Чернецов. Древняя история..., табл. III, рис. 9, 11, 12.

⁵⁸ Л. Я. Крижевская. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии, СА, вып. 2, 1962, рис. 9, 1, 5, 9, 11, 12.

⁵⁹ С. С. Черников. К изучению древней истории Восточного Казахстана, КСИИМК, вып. 69, 1957, рис. 2.

⁶⁰ С. С. Черников. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 г., КСИИМК, вып. 73, 1959, рис. 39, 23, 24, 25, 30.

⁶¹ Там же, рис. 39, 7.

Конечно, культурные связи племен Восточного Казахстана и Средней Азии были не такими тесными, как с племенами южного Урала. Здесь было не прямое проникновение племен из Средней Азии, а имело место лишь культурное влияние, подобное влиянию древнеземледельческих племен на кельтеминарцев. О культурных связях III тысячелетия до н. э. между племенами Средней Азии и Восточного Казахстана писал в свое время и А. П. Окладников⁶².

Теперь остановимся на вопросе о культурных связях неолитических племен низовьев Зарафшана с земледельческими племенами соседних территорий и, прежде всего, с племенами Южной Туркмении.

В культурном слое поселения Джейтун, датированном V тысячелетием до н. э., вместе с древнейшей расписной керамикой найдено большое количество изделий из кремня. Подавляющее большинство их — правильно ограненные треугольные и трапециевидные в сечении ножевидные пластинки. Из орудий следует отметить серию трапеций, сверла на узких и тонких пластинках, пластинки со скошенным краем, пластинки с выемкой, концевые скребки на пластинках, округлые скребочки на пластинках и отщепах и призматические нуклеусы⁶³.

Все эти типы изделий в той или иной степени характерны для кельтеминарских стоянок.

Большой интерес представляет сравнительное изучение керамики кельтеминарской и южных земледельческих культур, ее форм и орнаментации.

Реконструкция основных форм сосудов, характерных для тузканской керамики, показала, что они не совсем сходны с керамикой неолита и энеолита северных племен, у которых встречаются большие сосуды с несколько отогнутым венчиком и слегка раздутым туловом. Эта форма известна на всех неолитических стоянках. Наибольший интерес представляют формы, отличающие кельтеминарскую культуру даже от наиболее близких, а может быть, и родственных ей культур севера и связывающие ее, как нам представляется, с южными земледельческими культурами. Мы имеем в виду следующие формы тузканской керамики:

1. Полусферический сосуд с прямым венчиком, дно круглое;
2. Широкогорлая низкая чашка, стенки которой резко суживаются к круглому дну;
3. Маленькая плоскодонная чашка с прямым и широким венчиком.

Эти формы не встречаются в Нижнеобском, Уральском, Прикамском и Южносибирском неолите, но зато почти полностью аналогичны им сосуды с раннеземледельческих поселений юга Средней Азии. Например, широкогорлые низкие чашки с круглым дном встречаются почти во всех памятниках Южной Туркмении. Их находили в Дашлыджи-депе⁶⁴, Намазга II⁶⁵ и т. д.

Следует отметить, что на юге среди грубой керамики Анау⁶⁶ встречаются и сосуды, совершенно аналогичные большим сосудам со слегка отогнутым венчиком.

Исключительное значение для выяснения южных связей кельтеминарских племен имеют довольно многочисленные факты окрашивания сосудов, наблюдаемые в керамике стоянки Джанбас 4. Окрашивали со-

⁶² А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 207.

⁶³ В. М. Массон. Джейтунская культура, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961.

⁶⁴ И. Н. Хлопин. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, табл. V, рис. 6, 8.

⁶⁵ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, табл. II, рис. 1, 4.

⁶⁶ R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, vol. 1, Washington, 1908, plan. 21, 2.

суды красной или желтой охрой. По сообщению С. П. Толстова, окраска имела характер сплошного покрытия, в настоящее время слой краски местами отпал и керамика выглядит пятнистой⁶⁷.

Наибольший интерес представляет сравнительное изучение элементов орнамента и приемов орнаментального заполнения пространства в керамике кельтеминарской и раннеземледельческой культур юга.

При изучении керамического материала кельтеминарских стоянок (Джанбас 4, тузканские стоянки) установлено, что в орнаментации керамики, наряду с различными комбинациями элементов вдавленного и насеченного орнамента довольно значительное место занимает прочерченный волнистый орнамент, имеющий, на наш взгляд, южное происхождение. Волнистый орнамент, характерный для кельтеминарской керамики, на севере встречается только в памятниках нижнеобского⁶⁸ и верхнеобского неолита⁶⁹. В керамике даже таких близких к кельтеминару культур, как шигирская и горбуновская, орнамента, сходного с кельтеминарским, не встречается.

В то же время весьма аналогичны волнистому орнаменту кельтеминара, а иногда совершенно сходны, композиции культуры крашеной керамики, но в земледельческих поселениях орнамент на изделия наносился краской с помощью кисти, а в Тузкане и в сибирско-уральских поселениях прочерчивался палочкой.

Исследования в Южной Туркмении и Передней Азии показали, что основным там был волнистый орнамент. Об этом свидетельствует керамика с поселений Джейтун в Южной Туркмении⁷⁰, Кара-депе⁷¹ и Намазга-депе⁷².

Эти факты подтверждают связь между волнистым орнаментом земледельческих и кельтеминарских племен.

Подтверждением предположения о южном происхождении волнистого кельтеминарского орнамента служит большое сходство форм. Одной из наиболее характерных приемов является заштрихованные волнистыми линиями различные геометрические фигуры, чаще всего прямоугольники или треугольники. То же самое мы наблюдаем и в расписной керамике, например, поселения Кара-депе⁷³. Чрезвычайно распространенный в расписной керамике орнамент из вертикальных, спускающихся от венчика волнистых линий, иногда двойных, тройных, или даже сплошных, тоже встречается в Тузкане. Для обеих культур характерны употребление различных сочетаний волнистого и линейного орнаментов и заполнение пространства прямыми параллельными линиями, образующими неправильные геометрические фигуры.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что древние культурные связи охотников и рыболовов северных областей Средней Азии с земледельцами предгорий были значительно более тесными и оживленными, чем мы предполагали раньше.

⁶⁷ С. П. Толстов. Древний Хорезм...

⁶⁸ В. Н. Чернецов. Древняя история..., стр. 28—31, табл. IX.

⁶⁹ М. Н. Комарова. Неолит верхнего Приобья, КСИИМК, вып. 64, 1956, рис. 40, 13, 14; 41, 20.

⁷⁰ В. М. Массон. Джейтунская культура, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, табл. XX, рис. 1—24.

⁷¹ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, Кара 2, табл. VII, 6, 9—11; Кара 3, табл. V, 11, 16; VI, 4—6, 8, 21—22, 25.

⁷² Там же, Намазга III, табл. XXIII, I; XXV, 6—10, 12; XXV—7.

⁷³ Там же, I б, табл. VIII, 20; Намазга I—II, табл. XIV, 8—16; Намазга II, табл. IX, 12.

Остановимся теперь на вопросе о культурных связях неолитических племен низовьев Зарафшана с сельскохозяйственными племенами более отдаленных территорий, в первую очередь Ирана.

В материалах I—II периодов в Сялка⁷⁴ и третьего слоя Шах-тепе⁷⁵, кроме некоторого количества ножевидных пластин — вкладышей серпов, встречаются проколы на пластинках, концевые скребки, изредка — пластинки с выемкой. Большинство этих форм близко к тузканским, но близость эта значительно меньше той, что отмечалась выше и зачастую ограничивается общим сходством характера инвентаря.

Большой интерес представляет сравнительное изучение керамики кельтеминарской и южных сельскохозяйственных культур, сравнение ее форм и орнамента. Полусферические сосуды с прямым венчиком со стоянки Большой Тузкан 7 почти полностью аналогичны большинству сосудов раннеземледельческих памятников юга (правда, там это часто сосуды с плоским дном, но попадаются круглодонные, и даже остродонные). Как пример можно привести керамический материал III слоя Шах-тепе (конец IV — начало III тысячелетия до н. э.)⁷⁶ и Талл-и-Бакуна⁷⁷.

В то же время весьма близкие аналогии тузканским орнаментам, доходящие иногда почти до полного композиционного сходства, мы находим в культуре крашеной керамики. Материалы поселения Сялка в Иране⁷⁸ показывают, что в основном сосуды земледельческих племен юга украшались волнистым орнаментом. Этот орнамент присущ и кельтеминарской культуре в Средней Азии. Наиболее характерным для кельтеминара орнаментальным приемом является штриховка волнистыми линиями плоскостей различных геометрических фигур, чаще всего прямоугольников и треугольников. Точно то же мы видим и в материалах поселения Сялка, II период⁷⁹.

Основываясь на этих фактах, можно сказать, что древние культурные связи охотников и рыболовов низовьев Зарафшана с земледельцами Ирана были довольно тесными и оживленными.

Б связи с отмеченными аналогиями между кельтеминарской культурой и археологическими материалами Ирана нельзя обойти и вопрос о более далеких южных связях, поставленный С. П. Толстовым.

На основании лингвистических материалов, он связывает неолит Средней Азии с Индией, и выдвигает гипотезу о том, что корни «глубоких и достаточно хорошо прослеживаемых связей» между финно-угорскими (особенно угорскими и доарийскими дравидскими и мунда) языками Индии восходят к III тысячелетию до н. э., или несколько более раннему периоду⁸⁰. В последних своих работах С. П. Толстов также утверждает, что культурные связи между Средней Азией и Индией существовали уже в IV—III тысячелетиях до н. э.⁸¹ Проведенные в последние годы исследования индийских археологов показывают, что вопрос этот очень сложен и не может быть сейчас решен полностью. Для этого необходимо рассмотреть некоторые неолитические памятники Индии. Стоян-

⁷⁴ R. Chirshman. Fouilles de Sialk. Paris, 1938, vol. I, plan. V.

⁷⁵ T. I. Arne. Excavations at Chah tepe, Iran, Stockholm, 1945, vol. I, plan. 467B.

⁷⁶ T. I. Arne. Excavations at..., pic. 466B.

⁷⁷ A. Langsdorff and D. E. McCown. Tall-i-Bakun A. Season of 1932, Chicago, 1942, plan. X, 10, 11, 12; XX, 2, 10, 14.

⁷⁸ R. Chirshman. Fouilles de Sialk, 1938, I period, plan. XB, 2, 3; C, 2; plan. XLIII A, 3—5, 10; II period, plan. 1B, 1—13; III period, plan. XII, 2, 3; XVII, 1—2, 5.

⁷⁹ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, plan. XLVII D, 4; C, 1—2, 7, 10; plan. XLVIII A, S, 11; C, 5, 18.

⁸⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм...

⁸¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 46—47.

ки и пещеры с микролитическим инвентарем открыты в настоящее время в большинстве провинций, и индийские археологи широко изучают древние рыболовно-охотничьи племена своей страны. К числу таких памятников следует отнести ряд пунктов в районе Гуджарат. Наиболее хорошо исследованными памятниками в этом районе являются Nigruha и Laughnaj⁸². Здесь, судя по опубликованным данным, преобладают микролитические орудия в виде сегментов, грубые неретушированные пластинки и призматические нуклеусы. Кроме того, встречаются пластинки с притупленной спинкой или вкладыши ножа, проколки, изготовленные из узких и тонких пластинок, и сверла.

Ведущие формы кремневых орудий в этом памятнике — сегменты, которых у нас совершенно нет. Аналогичны тузканским орудиям здесь только пластинки с притупленной спинкой и сверла на узких и тонких пластинках. В целом же облик кремневого инвентаря не имеет ничего общего с тузканскими кремневыми орудиями.

Второй памятник — Laughnaj. Здесь встречен обильный материал микролитического облика — сегменты, маленькие треугольные острья, грубые треугольные пластинки и отщепы, а также пластинки без ретуши. Ведущими орудиями являются треугольные острья в виде проколки и сегментов. Есть также несколько округлых скребков, аналогичных тузканским. В целом же комплекс кремневых орудий этого поселения ничего общего с тузканскими стоянками не имеет.

Кроме Laughnaj, микролитические орудия были найдены в местностях Akhaj и Valasna⁸³. Здесь обнаружены сегменты, пластинки со скошенным краем, в основном треугольные отщепы с острым кончиком, сверла, скребки на пластинках и отщепах, грубые ретушированные отщепы и один призматический нуклеус.

Для этих стоянок характерны сегменты и треугольные отщепы с острым кончиком, которые могли использоваться в качестве сверл или проколки. Из материалов, обнаруженных на тузканских стоянках, аналогичны индийским только пластинки со скошенным краем. Остальная кремневая индустрия этого района Индии вскоре отличается от тузканских стоянок.

К числу весьма ранних комплексов относятся находки на песчаных дюнах в округе Тинневелли на крайнем юге Индии⁸⁴. Возле этих дюн в позднеатлантический период находилось море и поэтому основной комплекс вещей из Тинневелли ориентировочно датируется примерно около IV тысячелетия до н. э. Здесь были найдены ретушированные острья, сегменты и скребки, а также отщепы и треугольные острья, служившие, по мнению автора, проколками. Встречаются и пластинки со скошенным краем, и наконечники стрел, обработанные двусторонней отжимной ретушью.

Кремневые орудия из Тинневелли, за исключением пластинок со скошенным краем, совершенно отличны от тузканских.

Большой интерес представляет ранняя мезолитическая стоянка в западной Бенгалии, Бирбханпур⁸⁵. Материальные остатки здесь были сосредоточены на берегу реки.

⁸² H. D. Sankalia. Investigations into prehistoric, Archeology of Gujarat. Boroda, 1946.

⁸³ H. D. Sankalia and I. Karve. Early primitive microlithic and People of Gujarat, American Anthropologist, vol. 51, N 1, 1949.

⁸⁴ F. E. Zenner, B. Allchin. The microlithic sites of Tinnivelly, Madras state, AI, 1956, No 12.

⁸⁵ B. B. Lal. Birbhaupur, A. Microlithic site in the Damodar Valley, West Bengal, AI, 1958, No 14.

Кремневая индустрия представлена призматическими нуклеусами, ножевидными пластинками, сегментами, трапециями, наконечниками стрел листовидной и ромбовидной форм и скребками, изготовленными из пластинок и отщепов. Б. Б. Лал обнаружил в Бирбханпуре 282 орудия. Из них пластины составляют 37,5%, сегменты — 14,8, наконечники — 21,2, сверла — 6,6, резцы — 4,2, скребки — 15,3%. Трапеция найдена всего одна.

Наконечники стрел и скребки изготовлены из очень грубых пластин и отщепов и очень отличаются от изящных тузканских орудий.

В Центральной Индии микролитические орудия найдены в Гиддаларе (Giddalur)⁸⁶. Здесь микролитические орудия (по опубликованным материалам) представлены ножевидными пластинками, острокопечниками, наконечниками в виде острокопечников, сегментами и скребками. Это, видимо, мезолитический комплекс, так как в нем преобладают резцы и острокопечники. Поэтому его нельзя сравнивать с неолитическими комплексами Индии и Средней Азии.

Микролитические орудия были найдены также в Мирзапуре, в бассейне Ганга⁸⁷. Они состоят из ножевидных пластинок, сегментов, пластинок с уплощенной спинкой, треугольных отщепов в виде острокопечников, наконечников стрел ромбовидной формы, треугольных острий в виде проколов, нуклеидных отщепов, обработанных отщепов или отщепов с ретушью.

Из сказанного ясно, что основные орудия здесь — сегменты и треугольники в виде острокопечников. Вообще коллекция очень архаична и не имеет ничего общего с неолитическими памятниками Средней Азии.

В Беллари были найдены многочисленные каменные топоры⁸⁸. Кроме них, обнаружены сегменты, пластинки с притупленной спинкой, пластинки со скошенным краем, пластинки с выемкой и различных размеров пластинки с ретушью. Эти типы орудий отчасти напоминают тузканские орудия, особенно пластинки с выемкой, пластинки со скошенным краем, пластинки с притупленной спинкой. Но общий облик кремневого инвентаря Беллари не схож с материалами тузканских стоянок. Здесь часто встречаются грубые отщепы, резцы, сегменты и очень много топоров, которых нет в Тузкане.

После того, как мы рассмотрели кремневый микролитический инвентарь некоторых мезолитических по облику памятников на территории Индии, следует остановиться на анализе более поздних стоянок, где наряду с кремневым инвентарем найдена керамика.

Несмотря на позднюю датировку керамики, найденной в районе Майсури, в тепе Нарисипур, она очень напоминает тузканскую: так же тонкостенная, желтоватая, хорошо обожжена, украшена прочерченным орнаментом⁸⁹.

Поселения Навдатоли и Махешевар расположены в Центральной Индии, в бассейне р. Нарбазда⁹⁰. Они датируются серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э. Здесь встречена расписная керамика, сде-

⁸⁶ K. V. Rajan. Saundava. Stone age industries near Giddalur, District Kurnool, AI, 1952, No 8.

⁸⁷ V. D. Krishnaswami, Rajan K. V. Saundava. Lithic tool-industries of the Sigravli Basin, AI, 1951, No 7.

⁸⁸ B. Subbarao. Stone age cultures of Bellary, Poona, 1948, plan. XI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI.

⁸⁹ Indian Archaeology, 1959—1960, New-Dehli, 1960, p. 37—38, tabl. XXXVI.

⁹⁰ H. D. Sankalia, B. Subbarao and S. B. Deo. The Excavations at Maheshwar and Navdatoli 1952—1953, Poona-Baroda, 1958.

ланная на гончарном круге, и медные изделия⁹¹. В целом комплекс материалов с этих стоянок не имеет ничего общего с тузканским, за исключением форм сосудов. Именно здесь, в бассейне р. Нарбазда, обнаружены небольшие сосуды, приближающиеся по форме к грушевидным, с сильно отогнутым наружу венчиком⁹², и низкая чашка с широким горлом⁹³.

Таким образом, в Центральной Индии в конце III — начале II тысячелетия до н. э. существовала неолитическая культура, уходящая своими корнями в мезолит, а возможно, и в палеолит. Это была развитая культура охотников и рыболовов, уже знакомых с зачатками земледелия и скотоводства.

Вопрос о происхождении неолитической культуры в Индии пока еще окончательно не решен. Одни исследователи выдвигают предположение о восточно-азиатских истоках всех неолитических комплексов в Индии⁹⁴, другие считают истоки индийского неолита местными⁹⁵.

Несмотря на ограниченное количество археологических материалов, они достаточно определенно свидетельствуют о том, что в Индии в IV тысячелетии до н. э. получают распространение две главные основы производящего хозяйства древности — скотоводство и земледелие. Для этого периода характерно сосуществование племен охотников и рыболовов, занимающих большую часть территории Индии и сохраняющих весьма архаический облик культуры, а также племен оседлых земледельцев и скотоводов, впервые появляющихся на северо-западе страны. Это явление схоже с сосуществованием в Средней Азии охотничье-рыболовецких племен земледельческих общин анауского типа. В свое время С. П. Толстов писал, что неолитическая кельтеминарская культура входит в широкий круг весьма архаических культур, охватывающих территорию Индии. Это заключение представляется совершенно справедливым в том смысле, что и кельтеминар Средней Азии, и мезолит Индии представлены племенами зоны охотничье-рыболовецких племен, примыкающей к зоне оседлых земледельцев и скотоводов.

Наблюдается даже некоторое сходство керамики и кремневых орудий у охотничье-рыболовецких племен Средней Азии и Индии. Но это свидетельствует лишь о сходстве закономерностей развития Средней Азии и Индии. Вряд ли был какой-либо прямой культурный контакт между племенами рыболовов и охотников Средней Азии и Индии, так как их разделяют высокие горы Гиндукуша. На пути из Средней Азии в Индию обитали племена с более развитой культурой, например, племена — носители гиссарской культуры в Таджикистане, земледельческое племя Мохенджо-Даро в северной Индии. И, конечно, рыболовно-охотнические племена Средней Азии и Индии не могли поддерживать через них свои культурные связи. Невероятность связи между ними подтвердили и раскопки А. Я. Аркеля, в 1945 г. в Судане он обнаружил многослойное поселение Хартум, в неолитическом слое которого были найдены остатки серой керамики с прочерченным орнаментом. Неолитическая керамика этого поселения неожиданно близка к кельтеминарской. Она тонкостен-

⁹¹ В. М. Массон. Рецензия на книгу M. W. Wheeler «Early India and Pakistan to Ashoka» N. V., 1959, BDU, 1962, No 3.

⁹² H. D. Sankolia, B. Subbarao and S. B. Deo. The Excavation at..., pic. 34, t. 39a, 39c, 39f, 39j, pic. 35, p. 44.

⁹³ H. D. Sankalia, B. Subbarao and S. B. Deo. The Excavations at..., 1958, pic. 12, p. 16.

⁹⁴ E. C. Warman. The Neolithic. Problem in the prehistory of India, Journal of the Washington Academy of Sciences, 1949, No 31.

⁹⁵ B. Subbarao. The personality of India, Barada, 1958, p. 84.

на, хорошо обожжена, с круглым или острым дном⁹⁶. Все виды орнамента, встречающиеся в кельтеминаре, наблюдаются и в Хартуме, например, волнистый орнамент⁹⁷, прямолинейный⁹⁸, треугольники, заполненные штрихами⁹⁹, елочка¹⁰⁰, орнамент, прочерченный отступающей палочкой¹⁰¹ и вдавливания маленькой треугольной палочкой¹⁰².

Чем же можно объяснить такое поразительное сходство? Конечно, взаимосвязи между этими племенами не было никакой. Сходство керамики свидетельствует лишь об аналогичности пути развития культур Средней Азии и северо-восточной Африки.

Вопрос о происхождении и формировании кельтеминарской культуры весьма важен, но на данном этапе изучения еще окончательно не решен. Новейшие археологические исследования выявили, что как земледельческие, так и охотничье-рыболовецкие неолитические культуры на территории Туркмении, Ирана, Ирака и других стран Азии имеют глубокие местные корни, восходящие к эпохе раннего неолита и мезолита.

Об этом свидетельствуют материалы раскопок Р. Брайдвуда на территории Ирака и исследования Б. А. Куфтина, В. М. Массона, А. П. Окладникова и других в Южной Туркмении.

Некоторые авторы указывали, что культуры среднеазиатских неолитических племен охотников и рыболовов, обитавших к северу от предгорий Копет-Дага, тоже имели глубокие местные корни: они сложились на культурной основе типа прикаспийского мезолита (Джебел, Дам-Дам, Чашма и др.)¹⁰³.

Именно археологические данные, по нашему мнению, позволяют генетически связывать кельтеминарскую культуру с более древней прикаспийской позднемезолитической культурой, следы которой обнаружены в пещере Джебел. Во всех слоях Джебелской пещеры встречаются орудия, характерные для тузканских стоянок.

В VIII слое, несмотря на его очень раннюю датировку (VIII тысячелетие до н. э.) и позднелеолитический обмен инвентаря, можно встретить орудия, характерные для тузканских стоянок, например, микропластинки с притупленной спинкой¹⁰⁴, скребки из пластинки подтреугольной формы¹⁰⁵.

В VII слое появляются очень характерные для раннего кельтеминара орудия — пластинки с выемкой¹⁰⁶. В VI слое количество пластинок с выемкой увеличивается и появляются сверла из узких тонких пластинок¹⁰⁷. Такие сверла в большом количестве были найдены и на Тузкане. В V слое появляются, вместе с трапециями, пластинки со скошенным краем¹⁰⁸ — основные датирующие орудия тузканских стоянок. В IV слое

⁹⁶ A. I. Arkell. Early Khartoum, An account of the Excavation of an early occupation site carried out by the Sudan Government Antiquities Service in 1944—45, London, 1949.

⁹⁷ Ibidem, tabl., 59, 1; 60, 61, 62, 66, 67.

⁹⁸ Ibidem, tabl., 62, 2.

⁹⁹ Ibidem, tabl., 90, 3.

¹⁰⁰ Ibidem, tabl., 82.

¹⁰¹ Ibidem, tabl., 83, 4; 84, 3.

¹⁰² Ibidem, tabl., 88, 2.

¹⁰³ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 212—215; А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1, стр. 43—44; В. М. Массон. Джейтунская культура, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, стр. 13.

¹⁰⁴ А. П. Окладников. Пещера Джебел..., рис. 118, 1.

¹⁰⁵ Там же, рис. 117, 3, 4, 5.

¹⁰⁶ Там же, рис. 110, 7; 111, 3; 112, 8.

¹⁰⁷ Там же, рис. 104, 1, 3.

¹⁰⁸ Там же, рис. 87, 1, 2, 4, 5, 11; 94, 1, 4, 5.

резко увеличивается число пластинок с выемкой¹⁰⁹, появляются остродонные глиняные сосуды и наконечники стрел с боковой выемкой¹¹⁰. Весь кремневый и керамический материал IV слоя Джебелской пещеры аналогичен материалам тузканских стоянок и вообще материалам раннекельтеминарской культуры. IV слой датируется радиокарбоновым методом V—IV тысячелетием до н. э.

В I, II и III слоях Джебелской пещеры резко сокращается количество пластинок с выемкой, пластинок со скошенным краем, скребков из пластинок подтреугольной формы. Исчезают наконечники стрел с боковой выемкой. Появляются двустороннеобработанные наконечники стрел подтреугольной или листовидной формы, грубые массивные отщепы и скребки из них. Эти признаки мы наблюдаем в позднекельтеминарских стоянках. Поэтому первые три слоя Джебелской пещеры мы сопоставляем с поздним этапом кельтеминарской культуры.

Такое сходство показывает, что отмеченные выше кремневые орудия появились в Прикаспии за 4 тыс. лет до появления кельтеминарских стоянок. Можно предполагать, что тузканские орудия возникли из местной культуры типа позднего прикаспийского мезолита.

В настоящее время в Средней Азии известно несколько мезолитических стоянок. В Таджикистане — стоянка Чиль-Чор-Чошма, вблизи Шаарпуза¹¹¹, а также поселения у Даганы и Куй-Бульен¹¹². Особый мезолитический комплекс открыт в последнее время В. А. Рановым на Памире — стоянка Ош-Хана¹¹³ и стоянка на озере Кара-Куль¹¹⁴.

В Бухаре открыто несколько кремнеобрабатывающих палеолитических мастерских¹¹⁵, в которых найдены орудия разных периодов от палеолита до неолита. Верхнепалеолитических или мезолитических стоянок в районе Бухары мы еще не встречали. Дальнейшие поиски и разведки, несомненно, дадут новый интересный материал.

Кремневые орудия мезолитической или раннеолитической стоянки Чкл-Чор-Чашма¹¹⁶ по форме и технике обработки напоминают орудия, найденные на неолитических стоянках Тузкана. Таковы, например, пластинки с выемкой, концевые скребки из пластинок, призматические нуклеусы, керамика не обнаружена. Эта стоянка ориентировочно датируется V—IV тысячелетием до н. э.

Учитывая все приведенные выше факты и соображения, можно предположить, что вся кельтеминарская культура сформировалась на местной мезолитической основе типа прикаспийского мезолита. Кроме того, для решения вопроса о происхождении и формировании кельтеминарской культуры весьма важно изучить мезолитические комплексы юга,

¹⁰⁹ Там же, рис. 51, 1—9.

¹¹⁰ Там же. Обломки керамики в глубже лежащих слоях Джебела проникли из вышележащего IV слоя (устное сообщение А. П. Окладникова).

¹¹¹ А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана, МИА СССР, 1958, № 66.

¹¹² А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана. Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии, М.—Л., 1959.

¹¹³ В. А. Ранов. Изучение памятников каменного века на восточном Памире в 1958 г. Труды Института истории им. Ахмада Дониша, т. XXVII, Изд-во АН ТаджССР, 1961.

¹¹⁴ В. А. Ранов. Стоянка на озере Кара-Куль. «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. 1 (28), 1962.

¹¹⁵ М. Р. Касымов. Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века в Средней Азии, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1962.

¹¹⁶ А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового века в Таджикистане летом 1954 г., Труды ТАН, т. XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 13.

так как только тогда нам станет ясно их влияние на кельтеминарскую культуру.

Мы уже отмечали, что для кельтеминарского каменного инвентаря характерно сохранение многих архаических черт как в технике обработки камня, так и в формах изделий (наконечники стрел на пластинках, вкладыши с притупленной спинкой, пластинки со скошенным концом, пластинки с выемкой и др.).

Весьма аналогичны каменному инвентарю поселения Дарбазакыр материалы мезолитических и неолитических поселений Передней Азии, одна часть обитателей которых была рыболовами и охотниками, а другая — земледельцами или находилась на грани земледелия.

Кремневый инвентарь, найденный в пещере Палегаура (XI—XII тысячелетие до н. э.), обитатели которой занимались охотой и собирательством, — микролитический¹¹⁷. Здесь обнаружены сверла на узких и тонких пластинках, резцы, округлые скребочки на отщепах, призматические нуклеусы¹¹⁸, проколки, сегменты и трапеции¹¹⁹. Судя по материалу этой пещеры, культура ее обитателей очень архаична. Здесь имеются сегменты, трапеции и резцы, которых в Тузкане нет, так как они характерны для мезолитической эпохи, но сверла на узких и тонких пластинках и округлые скребочки напоминают тузканские.

Таким образом, эти орудия появились в Передней Азии за 7—8 тыс. лет до тузканских стоянок.

Основной комплекс кремневого инвентаря открытой раннеолитической стоянки Карим-Шахир (IX тыс. до н. э.), обитатели которой уже находились на грани земледелия, тоже имеет ярко выраженный микролитовидный характер¹²⁰. Найденные здесь кремневые изделия в большинстве своем идентичны тузканскому материалу. Таковы, например, пластинки с очень широкой, но неглубокой выемкой, расположенной асимметрично по обеим сторонам; пластинки со скошенным краем; сверла на узких и тонких пластинках; односторонние призматические нуклеусы; микропластинки с притупленной спинкой¹²¹.

К инвентарю тузканских стоянок наиболее близки материалы раннеземледельческого поселения Джармо (VI—VII тысячелетия до н. э.), где представлены формы, аналогичные всем основным формам каменного инвентаря тузканских стоянок. Например, скребки подтреугольных очертаний, пластинки с выемкой (скобели), пластинки со скошенным краем, призматические нуклеусы¹²², концевые скребки на пластинках, пластинки с выемкой¹²³, сверла с плечиками¹²⁴, пластинки со скошенным краем¹²⁵, округлые скребочки на отщепах¹²⁶. В отличие от Тузкана, здесь встречены ~~сегменты и трапеции~~¹²⁷, свидетельствующие о том, что Джармо тоже значительно древнее тузканских стоянок.

¹¹⁷ R. I. Braidwood and Howe. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan, Chicago, 1960.

¹¹⁸ R. I. Braidwood. The Near East and the foundations for civilization, Oregon, 1952, pic. 12.

¹¹⁹ R. I. Braidwood and Howe. Prehistoric investigations..., tabl. 24.

¹²⁰ R. I. Braidwood. The Near East...; R. I. Braidwood and Howe — Prehistoric investigations....

¹²¹ R. I. Braidwood. The Near East..., pic. 13.

¹²² R. I. Braidwood. The Near East..., pic. 14.

¹²³ R. I. Braidwood and Howe. Prehistoric investigations..., tabl. 17B.

¹²⁴ Ibidem, tabl. 18A.

¹²⁵ Ibidem.

¹²⁶ Ibidem, tabl. 18B.

¹²⁷ Ibidem.

Из всего сказанного можно предположить, что развитие мезолитической культурной основы, на которой выросли среднеазиатские неолитические культуры, было как-то связано с мезолитом более далеких южных областей Азии.

* *
*

Таким образом, мы рассмотрели почти весь археологический материал тузканских неолитических стоянок, позволивший представить себе различные стороны материальной и духовной культуры древних рыболовов и охотников и показавший, что она была составной частью культуры неолитических рыболовов, охотников и собирателей Средней Азии — кельтеминарской.

Наша работа имела целью ввести в научный обиход новые для кельтеминара археологические материалы, что важно для будущих обобщающих исследований.

Вместе с тем мы хотели осветить археологический материал в историческом разрезе, показать его в различных аспектах, в его связях с культурами мезолитических и неолитических племен Средней и Передней Азии. При этом мы делали основной упор на территорию Средней Азии.

Помня о том, что материалы тузканских стоянок полнее известных нам комплексов раннего этапа развития кельтеминарской культуры, мы не сочли возможным миновать те большие проблемы, которые встали перед нами в процессе их изучения.

Не все вопросы в нашем изложении освещены в одинаковой мере, не все проблемы, вытекающие из анализа материала, разработаны с одинаковой полнотой. Это вполне понятно, ибо остатки культуры древних рыболовов и охотников Тузкана количественно и качественно очень различны, что собственно и определяет возможность раскрытия отдельных научных положений.

В советское время изучение первобытной культуры в Средней Азии шагнуло далеко вперед. Огромные коллекции археологического материала, добытые трудами Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова, позволили А. В. Виноградову выявить последовательность памятников кельтеминарской культуры, создать канву хронологии культурно-исторической связи этих памятников, без которой невозможно пытаться сколько-нибудь плодотворно осветить кельтеминарскую проблему в целом, уже потому, что без хронологии памятников теряется историческая перспектива исследований.

Хорезмской экспедицией, работавшей под руководством С. П. Толстова, получены исключительно важные результаты изучения материальной культуры кельтеминарских племен. Стали ясными такие крупные проблемы, как устройство жилищ и хозяйственных сооружений. Намечены пути к изучению форм хозяйства и условий жизни кельтеминарских рыболовов и охотников, сделаны очень важные попытки восстановить устройство кельтеминарского общества и некоторые черты верований его носителей.

Можно ли, однако, сказать, что наши знания о кельтеминарской культуре Средней Азии достигли такого предела, при котором новые исследования будут пополнять их лишь сведениями частного порядка, детализировать в общем уже решенные исторические вопросы? Нет. История кельтеминарской культуры во многом остается еще именно проблемой, важность разработки ее становится все более очевидной. В самом деле, еще не может считаться выясненным вопрос о происхож-

дении кельтеминарской культуры. Остаются неясными в деталях, и не только в деталях, взаимоотношения кельтеминарской культуры с другими неолитическими культурами Азии, Индии, Ирана, Передней Азии, а также Южного Урала. Не произведен достаточно полный анализ форм хозяйства, не выяснены значение и характер рыболовства, охоты и собирательства на разных ступенях развития этой культуры. Недостаточно широко исследованы конкретные вопросы общественного мировоззрения, в том числе и религиозного, у неолитических племен Средней Азии. Следует подчеркнуть, что эти и другие вопросы не разработаны и в отношении раннего и позднего этапов кельтеминарской культуры.

Этим объясняется внимание, с которым мы отнеслись к раннекельтеминарскому памятнику Дарбазакыр, как к одному из исходных для понимания исторического развития кельтеминарской культуры в целом, и стремление к постановке сложных проблем, вытекающих из анализа археологического материала.

Не возвращаясь к аргументации основных выводов, данных в каждой главе настоящей работы, коротко остановимся только на некоторых итоговых положениях.

Прежде всего, в связи с открытием таких мезолитических памятников в Средней Азии, как Джебел, Дам-Дам, Чашма, Чиль-Чор-Чашма и других, можно утверждать, что кельтеминарская культура оформилась на местной основе типа прикаспийского мезолита.

К началу V тысячелетия до н. э. развитие хозяйства мезолитического населения Средней Азии пошло по двум различным направлениям.

Первая группа племен, обитавшая в предгорьях Копет-Дага и других местах, удобных для первобытного земледелия с искусственным орошением, перешла от первобытного собирательства, сочетавшегося с охотой и рыбной ловлей, к разведению культурных растений. Хозяйство этих племен развивалось очень быстро. В частности, у них сравнительно недолго удерживались в быту древние микrolитические изделия. Они прослеживаются только в самых ранних комплексах этой земледельческой культуры, наиболее ярким древнейшим памятником которой является поселение Джейтун, где обнаружены характерные черты древней микrolитической техники изготовления орудий — специфическая микrolитическая ретушь, виртуозные приемы расщепления кремня. Имеются здесь в большом количестве и характерные для микrolитической культуры каменные изделия геометрической формы. Но в памятниках более позднего периода ничего этого уже не встречается.

Вторая группа племен, заселявшая суровые пространства северных степей и пустынь Средней Азии, продолжала идти по пути развития охоты и рыболовства еще несколько тысячелетий. Это обусловило длительное сохранение микrolитического инвентаря и, в частности, многих форм, исчезавших, или же исчезнувших на юге с появлением земледелия. Вместе с остальными племенами Среднеазиатского севера эта судьба постигла и племена, обитавшие в Бухарском оазисе, которым принадлежат изученные нами тузканские поселения.

Интересно, что длительное сохранение охотничьего и рыболовческого уклада хозяйства и соответствующей ему материальной культуры наблюдалось, по-видимому, не только на севере, но и на юге.

Например, в Центральной и Южной Индии известны многочисленные стоянки охотников и рыболовов в непосредственной близости от памятников древнейших земледельческих культур, существовавших длительное время параллельно с ними. Причиной такого застоя в развитии культуры, очевидно, явились неблагоприятные природные условия.

Что же касается интересующих нас племен, оставивших после себя памятники Зарафшанского неолита, то они, преодолевая суровую

Сводная таблица кремневых и керамических материалов, найденных

Памятник	Наконечники стрел с вьем- кой	Наконечники стрел с длин- ным черешком	Наконечники стрел с двусто- ронней обработкой	Боковые скребки	Концевые скребки подтре- угольной формы	Концевые скребки на плас- тинках	Скребки на отщеплах	Скребки асимметричной фор- мы	Скребки (пластинки с вьем- кой)	Сверла на массивных плас- тинках	Сверла на узких и тонких пластинках	Сверла миниатюрные	Проклады (пластинки со ско- шенным краем)	Проклады на узких и тонких пластинках	Вкладыши серпа	Пилы	Долота	Строгальные ножи
БТ	—	—	—	—	—	—	2	2	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
БТ 1	—	—	—	—	2	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
БТ 3	6	1	—	5	1	8	1	9	12	5	20	11	8	2	—	2	2	2
БТ 4	3	—	—	13	—	3	—	4	12	3	10	3	2	1	—	—	—	—
БТ 5	1	—	—	14	1	3	—	7	5	—	12	4	2	1	—	—	1	—
БТ 6	3	—	—	2	1	—	—	1	—	—	3	—	1	—	—	—	—	—
БТ 7	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	2	—	1	1	—	—	—	—
БТ 8	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
БТ 9	—	—	—	—	2	1	1	2	1	1	3	—	—	—	—	—	—	—
БТ 10	1	—	—	2	1	1	—	2	2	—	2	—	—	1	—	—	—	—
БТ 11	—	—	1	5	1	2	1	1	3	2	7	—	6	—	—	—	—	—
БТ 12	1	—	—	15	5	—	—	13	17	3	25	11	2	4	—	—	—	—
БТ 13	—	—	—	—	—	1	—	1	3	—	4	—	—	—	—	—	—	—
БТ 14	—	—	1	2	9	5	3	1	—	1	7	—	4	—	—	—	—	—
БТ 15	—	—	—	—	3	3	—	2	1	1	3	1	1	—	2	—	—	—
БТ 16	—	—	1	2	2	1	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—
БТ 17	—	—	1	1	1	1	—	1	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—
БТ 18	1	1	—	7	7	7	—	8	15	—	16	7	1	—	—	—	—	—
БТ 19	—	—	2	—	2	2	—	3	1	1	1	3	—	1	—	—	—	—
БТ 20	—	—	—	2	1	3	—	4	3	—	6	—	1	1	1	2	—	—
БТ 21	1	—	—	1	1	—	—	—	3	—	3	—	—	—	2	1	—	—
БТ 22	2	—	—	3	3	9	—	1	—	—	3	1	—	—	—	—	1	1
БТ 23	—	—	—	2	—	1	1	—	—	—	5	—	1	—	—	—	2	—
БТ 24	—	—	—	—	3	1	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
БТ 25	2	—	1	—	12	5	2	110	51	16	103	15	6	27	1	—	—	—
БТ 26 (Дарбазакыр I)	—	—	—	—	4	—	—	4	40	7	12	3	3	1	—	—	—	—
I слой	—	—	—	—	—	—	—	20	55	—	12	—	1	2	—	—	—	—
II слой	—	—	—	—	5	—	1	17	75	4	18	—	2	2	—	—	—	—
III слой	—	—	—	—	4	3	—	9	25	3	26	6	5	8	—	—	—	—
Верхний слой	—	—	—	—	2	1	—	—	3	—	3	—	—	—	—	—	—	—
БТ 27	—	—	1	—	1	—	—	—	1	—	14	—	1	1	1	1	—	—
БТ 28	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
БТ 29 (Дарбазакыр II)	—	—	—	—	—	—	—	5	25	5	7	—	2	4	—	—	—	—
БТ 30	2	—	8	—	10	—	—	30	37	—	57	—	5	10	—	—	—	—
БТ 31	1	—	—	—	17	—	—	42	50	—	37	—	2	10	—	—	—	—
БТ 32	1	2	—	—	17	—	—	25	35	—	54	—	7	14	—	—	—	—
БТ 33	—	—	—	—	1	—	—	3	—	—	3	—	—	1	—	—	—	—
БТ 34	2	—	—	—	3	—	—	5	—	—	5	—	—	2	—	—	—	—
Пайкент 1	—	—	1	—	—	3	—	5	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Пайкент 2	—	—	1	—	5	—	—	4	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Пайкент 3	—	1	—	—	6	—	—	7	—	—	6	—	—	3	—	—	—	—
Пайкент 4	—	—	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пайкент 5	—	—	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
Пайкент 6	—	—	1	—	9	—	—	2	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—
МТ 1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	2	—	—	—	1	—	—	—
МТ 2	—	—	—	—	2	—	1	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—
МТ 3	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Эчки-Кирон	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Каптарникуми	—	—	—	—	2	1	—	2	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—
Коронги-Шор	—	—	—	—	17	2	1	2	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Итого	27	5	19	78	89	163	21	355	476	56	511	65	66	99	10	6	6	3

Таблица

на неолитических поселениях, расположенных в низовьях Зарафшана

Вкладыши серпа	Песты	Микропластинки с ретушью	Микропластинки без ретуши	Реберчатые пластинки	Односторонние нуклеусы	Двусторонние нуклеусы	Пластинки, ретушированные только со стороны спинки	Пластинки, ретушированные по одному длинному краю	Пластинки с противополоскающей ретушью	Пластинки, ретушированные со стороны брюшка	Пластинки без ретуши	Отщепы с ретушью	Кусочки кремня	Отщепы и чешуйки кремня	Подвески	Раковины со сверлением	Керамика без орнамента	Керамика с орнаментом	Всего
1	—	1	—	—	1	—	4	2	1	—	—	—	—	4	—	—	—	—	20
8	1	8	—	2	1	—	10	—	—	9	2	12	21	55	1	—	—	—	60
5	—	5	—	—	3	—	112	17	23	51	7	28	55	—	—	1	—	—	415
4	—	4	—	—	2	—	—	2	7	15	—	14	11	—	—	—	—	—	119
—	—	—	—	—	1	—	46	5	16	25	5	21	5	2	2	—	—	—	192
—	—	—	—	—	—	—	6	5	2	3	—	—	—	—	—	—	—	—	30
1	—	—	—	—	—	—	7	5	2	3	3	8	2	—	—	—	15	1	55
1	1	1	—	—	—	—	18	6	5	14	4	8	9	—	—	—	—	17	90
—	—	—	—	—	—	—	21	2	8	2	4	—	—	—	—	—	—	—	53
—	—	—	—	—	—	—	28	1	1	3	1	5	6	—	—	—	1	—	57
2	—	5	—	—	—	1	—	23	8	1	49	18	17	3	—	—	—	10	166
1	—	1	—	11	—	—	284	23	34	9	83	7	64	43	4	—	—	10	670
1	—	1	—	—	—	—	50	4	—	3	50	—	22	5	—	—	—	—	146
1	—	1	—	1	1	1	26	2	—	4	26	3	21	36	—	—	1	5	161
1	—	1	—	—	—	—	13	—	—	—	30	3	14	19	—	—	—	—	123
—	—	—	—	1	1	—	31	3	3	3	6	1	1	3	—	—	5	46	83
—	—	—	—	—	—	—	224	7	20	2	177	15	38	131	2	—	55	89	234
3	—	2	—	4	7	—	17	—	4	11	5	56	411	1	—	—	3	9	707
—	—	—	—	—	—	—	46	4	15	75	11	21	34	—	—	—	—	75	587
4	—	1	—	—	—	—	35	1	—	30	—	26	10	2	—	28	99	—	359
2	—	3	—	—	5	—	95	2	8	36	—	43	27	1	—	1	23	—	159
1	—	2	—	—	1	3	44	—	6	36	—	46	31	—	1	—	—	—	246
—	—	—	—	—	1	—	8	—	—	7	9	31	—	—	1	—	—	—	184
—	—	55	38	19	32	9	445	139	127	115	1172	27	102	2038	2	—	147	991	64
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5809
—	—	15	2	11	16	4	125	46	14	13	267	7	28	327	—	—	31	101	1081
—	—	9	11	10	5	—	98	21	6	4	39	3	17	45	—	—	98	85	541
—	—	17	10	6	7	2	86	9	7	8	125	—	9	40	—	—	81	215	741
—	—	11	11	—	12	3	241	84	27	11	316	3	39	1124	—	—	34	301	2306
—	—	—	—	—	5	—	29	—	—	—	30	—	8	20	—	—	30	158	290
7	—	7	—	—	4	1	204	6	19	2	145	—	38	67	5	—	26	101	653
18	—	—	—	2	4	—	65	—	—	—	127	5	—	311	2	—	—	—	582
40	—	—	—	—	10	3	98	100	100	—	—	—	58	361	12	—	—	—	941
37	—	—	—	—	20	5	91	100	50	50	—	—	25	434	4	—	—	—	975
51	—	—	—	—	10	4	80	100	100	100	—	—	62	338	3	—	—	—	1003
1	—	—	—	—	2	—	—	7	—	—	—	—	—	19	—	—	—	—	37
4	—	—	—	—	3	—	—	16	—	—	—	—	—	41	1	—	—	—	82
1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	42
2	—	—	—	—	2	—	—	15	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	29
—	—	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	26
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
—	—	—	—	—	4	—	2	—	—	2	—	—	4	9	—	—	6	—	32
—	—	—	—	—	—	—	36	3	9	1	27	4	3	8	—	—	32	97	225
—	—	—	—	—	—	—	15	—	—	3	—	18	8	—	—	—	23	181	251
—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	6	—	27	32	—	—	—	—	1	77
—	—	—	—	—	1	—	4	1	1	10	—	—	16	—	—	—	—	—	42
—	—	—	—	—	8	—	11	—	—	45	78	37	—	—	—	—	94	427	724
210	2	154	72	67	183	40	2793	768	629	340	3079	208	985	6124	53	2	705	3048	21508

природу своей страны, не исчезли бесследно. Скорее всего, на их основе сложились заманбабинские племена. Следовательно, тузканцы были предками заманбабинцев. На это указывают многие археологические данные, которые генетически связывают кельтеминарскую культуру с более поздней местной культурой Заманбаба:

1) большие сосуды вертикально удлинённой формы, полусферические сосуды с круглым дном, аналогичные керамике поселения Заманбаба;

2) позднекельтеминарская керамика по сравнению с предыдущим этапом бедна орнаментом, а на значительной части сосудов его нет вообще; кельтеминарская керамика по фактуре сходна с керамикой Заманбаба;

3) один из черепков нижнего слоя поселения Заманбаба орнаментирован ногтевыми вдавлениями. Такой орнамент часто встречается в керамике позднего кельтеминара, хотя эти черепки не отличаются по фактуре и технике изготовления от керамики верхнего слоя поселения Заманбаба.

Видимо, на более раннем, ещё неизвестном нам этапе заманбабинской культуры бытовала керамика с орнаментом. Позднее же все внимание гончаров было направлено на усовершенствование форм сосудов и их качества, как это произошло несколько раньше на юге.

Кроме того, материальные остатки со стоянок неолитической эпохи очень близки к материалам заманбабинской культуры. На этих стоянках найдены наконечники стрел, сверла, вкладыши серпов, обломки зернотерки, вкладыши ножа и т. д. Наконечники в основном листовидной формы с двухсторонней обработкой, которые прямую аналогию себе находят в материалах Заманбабы. Формы керамики этих стоянок также отличаются от формы керамики раннего кельтеминара. Здесь имеются сосуды прямоугольной формы — кормушки для птиц. Эта форма находит себе аналогию в материалах поселения Заманбаба.

В керамике имеются фрагменты сосудов, орнаментированных простыми насечками и елочками. Все остальные черепки не имеют наружных украшений.

Кроме того, обнаружены подвески треугольной формы, тщательно отшлифованные со всех сторон, аналогичные подвескам, найденным на поселении Заманбаба.

Все эти данные ещё раз подтверждают наше предположение о том, что заманбабинская культура ведёт свое происхождение от кельтеминарской культуры Тузкана. О том же свидетельствуют и открытые в этом районе около 50 могил и поселения заманбабинской культуры. Принципиально новым явлением в жизни заманбабинцев было земледелие. Это значит, что потомки кельтеминарцев вырвались из состояния экономического застоя и перешли, наконец, от присваивающего хозяйства к производящему.

Подведем теперь итоги нашего исследования. Они таковы:

1) открытие многочисленных поселений вблизи оз. Тузкан показало, что кельтеминарская культура распространялась и на низовья р. Зарафшан, где по берегам озер Большой и Малый Тузкан в эпоху неолита (конец IV — середина III тысячелетия до н. э.) обитали племена — носители кельтеминарской культуры, сложившейся как и вся кельтеминарская культура, на основе прикаспийского мезолита;

2) тузканские племена вели охотничье-рыболовецкое хозяйство и имели тесные культурные связи с племенами древнего Хорезма, Южной Туркмении и через Аральское море — с Южным Уралом.

3) несомненно, наследием кельтеминарской культуры района Тузкана явилась заманбабинская — культура первых земледельцев Узбекистана.

РАЗДЕЛ II

ОСВОЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ ДРЕВНЕГО ОБВОДНЕНИЯ И ОРОШЕНИЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ В НИЗОВЬЯХ ЗАРАФШАНА И КАШКАДАРЬИ

Изучение древнейшего прошлого любого народа, в том числе и народов Узбекистана, является весьма важным этапом в изучении одной из основных проблем первобытной истории нашей страны.

Ф. Энгельс писал, что «седая древность», при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего, более высокого развития»¹.

Настоящий раздел данной книги посвящен изучению бронзового века в конкретном районе нашей республики.

Выше отмечалось, что проблемы истории материальной культуры и общественной жизни, а также идеологии древнейших племен Средней Азии до недавнего времени изучались слабо и неравномерно, а памятники бронзового века в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи вообще не исследовались.

Могильник Заманбаба, открытый нами в 1950 г., — первый исследованный памятник эпохи бронзы в этом районе². Вскоре после открытия могильника Заманбаба были найдены и другие могильники, остатки поселений и кратковременных стоянок эпохи бронзы (рис. 38).

Систематизация археологических материалов обеспечила возможность определения трех периодов эпохи бронзы в данном районе — заманбабинского, тазабагьябского и предсакского.

В своей работе мы в основном опирались на наши собственные исследования, но иногда, пытаясь охарактеризовать те или иные вопросы хозяйственной и общественной жизни, пользовались данными по другим памятникам того же типа и периода.

Не все затронутые нами проблемы в достаточной мере разрешены. Так, для более углубленного исследования вопросов о социальной структуре общества и абсолютной хронологии заманбабинской культуры необходимы новые материалы. Памятники поздней бронзы степного типа изучены еще в меньшей степени. Археологический материал весьма недостаточен для какого-либо определенного вывода о хозяй-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 118.

² Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса (предварительный отчет о работе за 1950—1953 гг.), Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956; В. М. Массон. Изучение неолита и бронзового века Средней Азии, СА, 1957, № 4, стр. 48—49; Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы, СА, 1958, № 3, стр. 49—53.

ственно-общественной жизни населения того времени. Несмотря на это, авторы сочли необходимым опубликовать результаты многолетних.

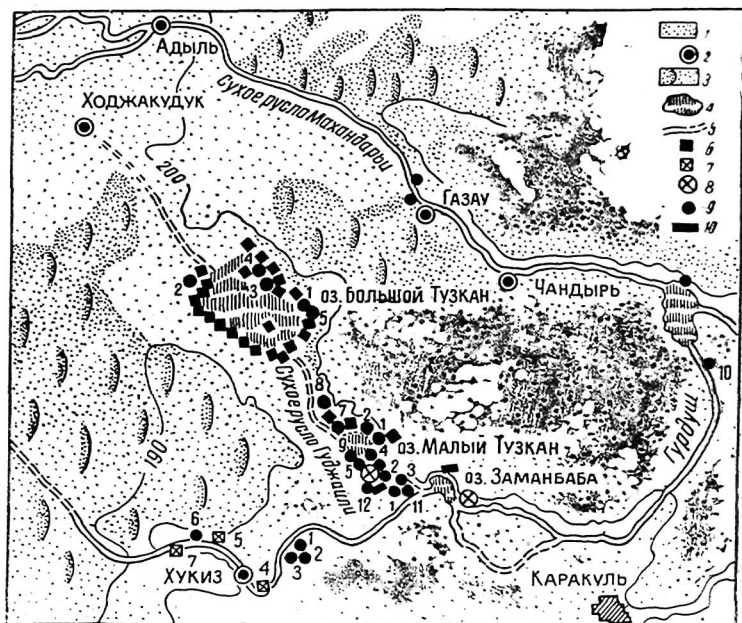

Рис. 38. Схематическая карта Махандарьи.

1—степь; 2—колодец; 3—барханные пески; 4—сухое озеро; 5—сухое русло; 6—неолитическая стоянка; 7—энеолитическая стоянка; 8—поселение культуры Заманбаба; 9—стоянка андроновского типа; 10—могильник эпохи бронзы.

исследований махандарьинского отряда, ибо их опыт систематизации и классификации археологических материалов этого древнейшего оазиса может быть использован в дальнейших исследованиях.

Глава первая

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ЗАМАНБАБА

Первым памятником первобытной истории, открытым в низовьях Зарафшана, был могильник Заманбаба, исследованный нами в 1950—1953 гг. В 1961 и 1964 гг. в двух пунктах были открыты и поселения этого периода.

Население данного района, как показали археологические находки, в эпоху бронзы (в первой половине II тысячелетия до н. э.) выработало настолько своеобразную культуру и этнографический облик, что рассматривать его просто как представителя какой-либо синхронной ему культуры невозможно. По первым могильным памятникам, исследованным на северном берегу оз. Заманбаба, давшим обильный и характерный материал, эту культуру мы называли заманбабинской.

Памятники эпохи бронзы степного типа характеризуют своеобраз-

ную культуру оседлых скотоводческо-земледельческих племен низовьев Зарафшана, сложившихся на периферии древнеземледельческих общин юго-западных областей Средней Азии. Хозяйство племен этой культуры, несомненно, испытало влияние более высокоразвитых современников.

Могильник Заманбаба

Могильник Заманбаба находится в 15 км к СЗ от районного центра Каракуль, на северном берегу оз. Заманбаба. Он обнаружен в 1950 г. Во время разведки сухого русла Гуджайли на такыровидных суглинках северного берега озера попадались отдельные предметы и мелкие человеческие кости из разрушенных могил. Это указывало на наличие здесь древнего могильника, который в настоящее время не имеет никаких внешних признаков. Поверхность его совершенно развеейна и не позволяет говорить о характере древних надмогильных сооружений.

Для раскопок была выбрана северная половина небольшого плоского бугра, где предполагалось присутствие древних погребений. Исследуемую площадь разбили на квадраты размером 2×2 м. Намеченный для раскопок участок освободили от навейного слоя песка, после чего по всей площади обнажился такыровидный суглинок. Местами удалось обнаружить контуры нескольких могильных пятен. В первый год работ здесь обнаружили 7 могил. Работы были продолжены отрядом в 1951, 1953, 1961 и 1964 гг. За 5 сезонов полевых работ вскрыли 572 м^2 и обнаружили 44 могилы (рис. 39). Несомненно, первоначально их было больше, об этом свидетельствуют предметы, найденные на площади могильника и подобные вещам из могил.

Могилы делятся на две группы — восточную и западную. В 1950 г. раскопали могилы 1—7, в 1951 г. — 8—27, в 1953 г. — 28—41, в 1961 г. — 42—45 и в 1964 г. — 46. В восточном секторе вскрыты могилы: 1, 3—6, 13—20, 23 и 45, а в западном — 2, 7—12, 21—22, 24—44, 46. В некоторых могилах (9, 10, 19, 20, 29) не оказалось остатков захоронения и сопровождающего его инвентаря. Одна могила (32) ошибочно помечена двумя номерами — 27 и 32, другая (37) оказалась какой-то ямой, на стенках которой имеются следы огня. В ряде случаев не удалось проследить контуры могильных ям. При расчистке верхнего слоя суглинка попадались в беспорядке кости погребенных и вещи, их сопровождающие. Там, где ямы хорошо оконтуривались, могилы оказывались глубокими, скелеты находились в подбоях ямы. В мелких могилах вещи разбиты; ориентировку погребенных определить невозможно. В трех могилах (1, 27, 36) скелеты погребенных находились в анатомическом порядке, в остальных кости человека были либо частично сдвинуты с прежнего места, либо лежали в разных местах, в обломках. При описании могил глубину их указывали от дневной поверхности такыра. Слой навейного песка и небольшой слой такыра, снятый до обнаружения могильных пятен или других признаков, свидетельствующих о наличии здесь могилы, не учитывались.

В 1956 г. раскоп был расширен на юг и с ЮВ на СЗ, на возвышенности южного края могильника заложена траншея 27×2 м, глубиной более 1 м. В траншее ничего, кроме одного кремневого наконечника стрелы, не обнаружено. В расширенном на юг раскопе также не найдено следов культурных остатков.

Раскопки могильника Заманбаба, несмотря на значительные его разрушения позволяют восстановить общую картину могильника, оха-

рактизовать основные его особенности и включить в число памятников, которые, несомненно, могут дать ценные материалы для изучения истории древних племен Средней Азии.

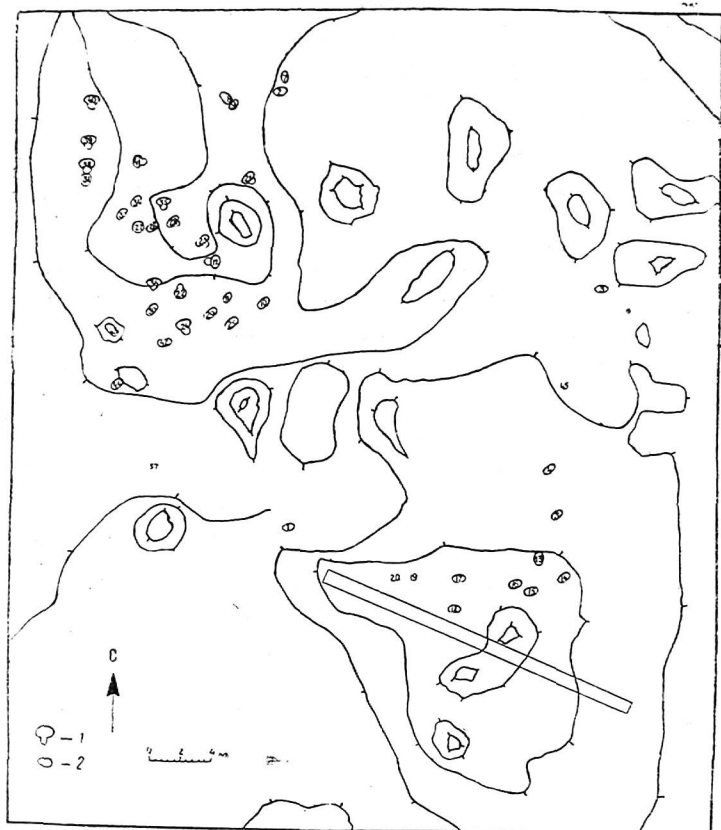

Рис. 39. Общий план могильника Заманбаба.
1—катакомбные могилы; 2—ямные могилы (остальные разрушены).

Могилы 1. Овальная яма, вытянутая с запада на восток. Обнаружено могильное пятно, но размеры его не установлены, глубина могилы — 40 см. На дне ямы — два истлевших скелета, головой на восток, судя по вещам, мужской и женский. Мужчина погребен на правом боку, женщина — на левом, оба в скорченном положении. Левая плечевая кость мужского скелета находилась на плече женского. В одном черепе отверстие, а в нем кремневый наконечник стрелы. Другой наконечник стрелы недалеко от черепа (табл. XIXa, 17). На женском скелете ожерелье, состоящее из цветных каменных бус. Около черепов — обломок рукоятки медной лопаточки с веревочным узором (табл. XVI, 3) и днище круглодонного глиняного сосуда.

Могилы 2. Овальная яма глубиной 15 см. Могила сильно разрушена. В разных местах находятся обломки костей человека и среди

них в восточной части ямы — фрагмент круглодонного сосуда и глиняная статуэтка (табл. V, 5), обломки двух каменных бус, 3 куса желтой массы и кусок мела величиной не больше горошины. Скелет, возможно, женщины старческого возраста.

Могила 3. Овальная яма глубиной 20 см, вытянутая с запада на восток. На поверхности такры и в яме — разрозненные кости погребенных, в обломках, судя по размерам, от трех скелетов — женского, детского, и, вероятно, мужского. Сопровождающие вещи — различные каменные бусы (табл. XX б, 7, 9, 10), два обломка медной лопаточки (табл. XVI, 5, 13), три кремневых наконечника стрел листовидной формы (табл. XIX а, 13, 16, 19), подвеска из известняка и обломки горшка плохого обжига — обнаружены в разных местах ямы.

Могила 4. Овальная яма размерами 195×125 см, глубиной 30—35 см, вытянутая с ЮЗ на СВ. Могила сильно разрушена, кости погребенных в беспорядке перемешаны с обломками. В восточной части ямы — череп мужчины, в западной — обломок второго черепа, возможно, женского. В разных местах найдено пять каменных бусин (табл. XX а, 5; XX б, 6); два кремневых листовидных наконечника стрел (табл. XIX а, 15; XIX б, 4), днище цилиндрического сосуда (табл. X а, 3), а в нем 13 галек; грушевидный сосуд с узким горлом, плоским дном (табл. X б, 2); верхняя часть круглодонного сосуда (табл. XIII, 2) и обломок кормушки.

Могила 5. Овальная яма размером 150×100 (?) см, глубиной 20—25 см, вытянутая с ЮЗ на СВ. Могила сильно разрушена. На выдувах такры и в яме — разрозненные кости погребенных, в обломках. Судя по обилию костей и их размерам, а также по инвентарю, это два скелета — мужской и женский. В разных местах ямы — мелкие фрагменты, возможно, от двух глиняных сосудов, два кремневых наконечника стрел (табл. XIX б, 13, 14), две ножевидные пластинки (табл. XIX б, 16), около 20 каменных бусин (табл. XX а, 11), два обломка медной лопаточки (табл. XVI, 15, 16) и комочки желтой массы, величиной не больше горошины.

Могила 6. Овальная яма глубиной 15 см. Могила сильно разрушена, кости погребенных разрознены в обломках. Судя по обилию костей и по инвентарю, это кости двух скелетов — мужского и женского. При расчистке ямы в разных местах обнаружены пять кремневых наконечников стрел (табл. XIX а, 2, XIX б, 6, 7, 8), обломок кухонного сосуда, каменные бусы (табл. XX б, 1, 2), комочки желтой массы величиной не больше горошины и четыре астрагала барана.

Могила 7. Овальная яма глубиной 25 см, вытянутая с юга на север. Могила сильно разрушена, кости погребенных лежали в беспорядке в разных местах, но, судя по бедренным и берцовым костям, которые находились на месте, скелеты обращены головой на север. В яме — два черепа, лицевые части обоих разрушены. У северной стенки ямы — небольшой сосудик (табл. IX а, 2), недалеко от него — днище большого блюда, в разных местах обнаружены три наконечника стрел, один из них с выемкой у основания, корундовый (табл. XIX а, 18), другие кремневые (табл. XIX а, 14; XIX б, 3). Около одного черепа найдена бирюзовая бусинка.

Могила 8. Овальная яма размерами 130×85 см, глубиной 20—25 см, вытянутая с СЗ на ЮВ (табл. IV, 6). Могила разрушена, разрозненные кости погребенного лежали по всей площади ямы. В западной половине ее — череп, под ним — трубчатые кости человека, в обломках. В северо-восточном углу — большая часть цилиндрического сосуда (табл. XV, 9), а в нем 106 галек. В юго-восточном углу ямы

обнаружены еще пять галек, недалеко от них — комочки охры. В середине ямы — полусферическая чаша (рис. 40, 1; табл. XI б, 4), около нее — древесные угольки.

Могила 9. Пятно овальной формы размерами 150×65 см, глубиной 10 см, вытянутое с СВ на ЮЗ, отделено от могилы 8 узкой

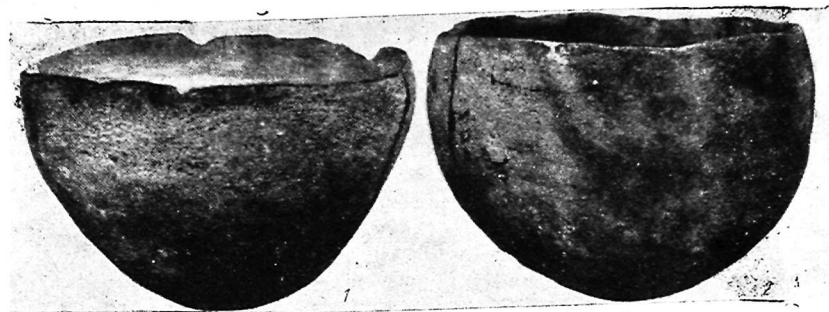

Рис. 40. Керамика из могильника Заманбаба.

1—из могилы 8; 2—из могилы 21.

полоской земли (10—12 см). Юго-западная часть его шире северо-восточной. Остатков погребенного не обнаружено.

Могила 10. Темное пятно овальной формы, размерами 140×100 см, вытянутое с СВ на ЮЗ. На глубине 4—5 см оно исчезло. Остатков погребенного не обнаружено.

Могила 11. Лукообразная яма, направленная выпуклой стороной на СВ; размером 108×85 см, глубина 5—6 см. Могила сильно разрушена. Костных остатков погребенного не обнаружено. При расчистке найдены в разных местах ямы две каменные бусины, обугленные зерна (проса?) и комочки темной массы величиной не больше горошины.

Могила 12. Овальная яма катакомбы размерами 240×140 (?) см, глубиной 110 см, вытянутая с севера на юг (табл. IV, 1). К западу от камеры — дромос размерами 185×85 см. Он с двумя ступеньками, глубина второй ступени — 80 см. Входное отверстие в камеру, находящееся у восточной стенки катакомбы, заложено четырьмя рядами глиняных комьев. По бокам дромоса между двумя выступами — выемка, в которую, вероятно, вставлялась какая-то заслонка, или эти выступы служили для укрепления входной двери в камеру. Потолок катакомбы выпуклый, сферический, высотой 97 см. Могила ограблена, кости погребенного разрозненны. В северной части ямы найдена челюсть, около нее — разбитый череп. На дне ямы — кости таза, бедро, берцовые кости. Судя по положению некоторых трубчатых костей, оставшихся на месте, скелет лежал головой на СВ. В разных частях ямы обнаружено несколько фрагментов глиняных сосудов: венчик горшка, изготовленного на круге (табл. XI б, 3); кормушка (табл. XV, 10); обломок венчика цилиндрического сосуда; несколько фрагментов стенки кухонного сосуда. У северо-восточной стенки катакомбы — каменные бусы (табл. XX б, 13), недалеко от них — плоская каменная подвеска (табл. XX б, 5), два навершия булавок (табл. XX б, 15, 16), кусок мрамора, кремневый нуклеус (табл. XIX б, 15), комочки красно-бурой краски и желтой массы величиной не больше горошины, несколько камешков и по всей площади ямы — куски древесных угольков.

Могила 13. Овальная яма размерами 163×127 см, глубиной 45 см, вытянутая с севера на юг. Могила сильно разрушена, кости погребенного разрозненны. В разных местах ямы найдены: кормушка (табл. VII, 1), фрагмент горшка, медная лопаточка (табл. XVI, 11, 14), каменный пестик (табл. XXI, 7), каменное навершие (табл. XX б, 17), несколько галек, золотая бусинка (табл. XX б, 23), комочки темной массы (сурьмы), мела, древесных угольков.

Могила 14. Овальная яма размерами 88×60 см, глубиной 25 см, вытянутая с СВ на ЮЗ. Могила сильно разрушена. Кости погребенного находятся в беспорядке на выдувах, в мелких обломках. На дне ямы — несколько кусков мела, величиной не больше горошины, и древесных угольков.

Могила 15. Овальная яма размерами 210×140 см, глубиной 40 см, вытянутая с запада на восток (табл. IV, 2). Могила разрушена, обломанные кости погребенного разрозненны. Некоторые кости и участок земли в середине ямы (110×50 см) окрашены красной охрой. В разных местах ямы — обломки глиняных сосудов: один черепок — стенка от кормушки, другой — от кухонного сосуда. Около северной стенки — обломок медной лопаточки (табл. XVI, 2), в восточной части ямы — каменные бусы (табл. XX а, 6), рядом — нарезное терракотовое украшение колоколовидной формы (табл. XX б, 19), плоская подвеска (табл. XX б, 8), несколько галек, куча красной охры, несколько кусков мела, величиной не больше горошины, комочки темной массы (сурьмы), желтой массы и древесных угольков.

Могила 16. Овальная яма размерами 135×118 см, глубиной 20 см, вытянутая с запада на восток. Могила сильно разрушена, разрозненные кости погребенного в обломках. В яме — фрагменты глиняных сосудов: один — от стенки кормушки, остальные — от кухонного сосуда. В восточной части ямы — каменные бусы (табл. XX а, 14) и несколько кусков мела величиной не больше горошины.

Могила 17. Овальная яма размерами 198×170 см, глубиной 10 см, вытянутая с запада на восток. Могила сильно разрушена, на выдувах ямы — обломанные кости погребенного. Сопровождающие покойника вещи — яйцевидный сосуд (табл. X а, 1), небольшой баночный сосудик (табл. X а, 4), дисковидное медное зеркало (табл. XVI, 9), медная лопаточка (табл. XVI, 18), вогнутый нож (табл. XVI, 12), каменные бусы, каменное навершие (табл. XX б, 21), комочки красной охры, темной массы и мела, величиной не больше горошины, сосредоточены у северной стены ямы.

Могила 18. Овальная яма размерами 145× (?) см, глубиной 10 см, вытянутая с запада на восток. Могила сильно разрушена, разрозненные кости погребенного в обломках. Сопровождающие покойника вещи сосредоточены у восточной стенки ямы. Это — венчик остродонного сосуда (табл. IX а, 11), две каменные бусины (табл. XX а, 7), обломок медной лопаточки (табл. XVI, 4), комочки красной охры и темной массы, величиной не больше горошины.

Могила 19. Овальная яма размерами 100×77 см, на глубине 3—4 см могильное пятно исчезает, дальше залегают чистый материковый песок. Остатков погребений не обнаружено.

Могила 20. Грушеобразная яма размерами 101×70 см. На глубине 2—3 см пятно ямы исчезает и появляется чистый материковый песок. Остатков погребений не обнаружено.

Могила 21. Овальная яма катакомбы размерами 210×160 (?) см, глубиной 130 см, вытянутая с ЮЗ на СВ. К юго-востоку от камеры — дромос круглой формы. Входное отверстие в камеру — у юго-восточной

стенки ямы. Основание дромоса наклонено в сторону катакомбы. Потолок камеры выпуклый, сферический. Узкое входное отверстие в камеру затрудняло расчистку катакомбы, в результате чего был разрушен ее потолок. Могила ограблена, обломанные кости погребенных разрознены, в яме лежали три черепа. Два черепа принадлежат взрослым, третий, очевидно, детский. В разных местах ямы найдены яйце-

Рис. 41. Керамика из могильника Заманбаба.

1—из могилы 22; 2—из могилы 23.

видный сосуд (табл. IX а, 1), полусферическая чаша (рис. 40, 2; табл. X б, 1), венчик чаши со следами красной краски (табл. V, 2; XII, 1), венчик горшка со следами красной краски (табл. V, 6), крестовидная бусина (табл. XX а, 9), каменные бусы (табл. XX б, 3), серпентиновое пряслице (табл. XX б, 18), кремневая ножевидная пластинка с ретушью (табл. XIX б, 17), медная лопаточка (табл. V, 4), и несколько комочков темной массы.

Могила 22. Круглая яма катакомбы диаметром 150 см, глубиной 93 см (табл. IV, 1, 5). К северу от камеры — дромос овальной формы, размерами 120×80 см, глубиной 28 см. Дромос ступенчатый. Могила ограблена, разрознены мелкие кости погребенного лежали на разных глубинах в заполнении катакомбы. Обнаружены горшковидный сосуд (рис. 41, 1; табл. XIV а, 5), крестовидная бусина (табл. XX б, 22), каменные бусы (табл. XX а, 8, 10) и овальный камень величиной не больше яйца, с выемкой.

Могила 23. Овальная яма катакомбы размерами 132×100 см, глубиной 70 см, вытянутая с ЮЗ на СВ. К юго-востоку от катакомбы — дромос овальной формы, мелкий. Основание дромоса наклонное. Потолок камеры выпуклый, сферический. Полom катакомбы служил твердый грунт. Могила ограблена, кости погребенного разрознены. На дне ямы — кучи костей человека, недалеко от них, под стенкой камеры — два горшка, один с плоским дном (табл. VII, 2; XI б, 2), другой круглодонный (рис. 41, 2; табл. X). Обнаружено еще два черепка от двух сосудов, один — фрагмент венчика кухонного сосуда (табл. IX а, 2), другой — часть кормушки; каменные бусы (табл. XX а, 3); обломок медной лопаточки (табл. XVII, 1); три астрагала барана; несколько комочков охры и темной массы, мела, величиной не больше горошины, и древесные угольки.

Могила 24. Яйцевидная яма катакомбы размерами 105×70 см, глубиной 65 см, вытянутая с ЮЗ на СВ (табл. IV, 4). К юго-востоку от камеры — дромос, круглой формы. Потолок катакомбы наклонный, прямой. Полom служил твердый грунт. Могила ограблена, в яме ока-

зались лишь два обломка трубчатых костей. Остальные кости погребенного, вероятно, выброшены из ямы грабителями. В разных местах ямы найдены прямоугольный сосуд (табл. XIV а, 3), часть кормушки, обломок пестика (табл. XXI, 8), каменные бусы (табл. XX а, 13) и комочки мела величиной не больше горошины.

Могила 25. Овальная яма размером 161×121 см, вытянутая с ЮЗ на СВ. На глубине 3—5 см могильное пятно исчезает. Могила сильно разрушена, на выдувах ямы разрозненные вещи: обломок керамики и несколько кусков мела, величиной не больше горошины. Остатков погребенного не обнаружено.

Могила 26. Овальная яма размерами 70×51 см, глубиной 50 см, вытянутая с запада на восток, с отклонением к северу. Могила сильно разрушена, кости погребенного разрознены, череп разбит. Среди костей — один обожженный обломок трубчатой кости, вероятно, животного. В разных местах ямы найдено два черепка от двух сосудов со следами красной краски (оба утрачены), несколько каменных бус и каменная подвеска.

Могила 27. Круглая яма диаметром 92 см, глубиной 27 см. Скелет погребенного частично потревожен. Покойник лежит на боку в скорченном положении, головой на СВ. Череп сдвинут, недалеко от него найдено днище биконического сосуда с росписью (табл. V, 1). В области шеи погребенного ожерелье, состоящее из разных каменных бус (табл. XX а, 1). В северо-восточной части обнаружено восемь черепков от двух сосудов. Один из них относится к кухонному сосуду (табл. IX б, 9), другой, вероятно, к столовому. Форму их установить не удалось.

Могила 28. Овальная яма катакомбы размерами 80×40 см, глубиной 63 см, вытянутая с СВ на ЮЗ. К юго-востоку от камеры — дромос с наклонным основанием. Могила ограблена, кости погребенного в обломках. Судя по их размерам, это детский скелет. Под северо-восточной стенкой ямы найден маленький разбитый горшок (табл. XI б, 7) и бирюзовая бусинка (табл. XX а, 2).

Могила 29. Овальная яма глубиной 8—10 (?) см, вытянутая с ЮЗ на СВ. Остатков погребения не обнаружено.

Могила 30. Яйцевидная яма размерами 145×120 (?) см, глубиной 15 см, вытянутая с ЮЗ на СВ. Дно ямы ладьеобразное. Могила сильно разрушена, череп погребенного разбит, кости разрознены, в обломках. По всей площади ямы попадались древесные угольки.

Могила 31. Овальная яма, сильно разрушена. В заполнении могилы разбросаны кости погребенного, в обломках. В северной части обнаружен обломок кормушки и по всей площади ямы — маленькие кусочки древесных угольков.

Могила 32 (могила 27, ошибочно помеченная двумя номерами — 27 и 32).

Могила 33. Овальная яма размерами 150×70 см, глубиной 35 см, вытянутая с ЮЗ на СВ. Могила сильно разрушена, костных остатков погребенного не обнаружено. В разных местах ямы лежали небольшая чаша с плоским дном (табл. V, 7, XI а, 1); две каменные бусины (табл. XX, 11); медная лопаточка, на рукоятке которой имеется веерообразный узор (табл. XVI, 10); пряслице; комочки темной массы и несколько древесных угольков.

Могила 34. Яйцевидная яма размерами 100×81 см, глубиной 12 см, вытянутая с ЮЗ на СВ. Могила разрушена, на выдувах ямы разбросаны обломки костей погребенного. Череп массивный, очень плохо сохранившийся. Судя по размерам трубчатых костей и зубов,

это, очевидно, скелет мужчины старческого возраста. В яме найдены три кремневых наконечника стрел (табл. XIX б, 1, 2, 5).

Могила 35. Овальная яма катакомбы размерами 250×140 (?) см, глубиной 1 м, вытянутая с востока на запад. К югу от камеры — дромос овальной формы, с наклонным основанием. Под северной стеной дромоса открыт вход в катакомбу. Потолок камеры наклонный, прямой. Полом камеры служил твердый грунт. Могила ограблена, разбросанные кости погребенных лежали в обломках. В восточной части катакомбы найден череп. Недалеко от него, под стенкой, — другой, оба разбитые. На дне ямы — две большие берцовые кости, как бы не тронутые. Судя по обилию человеческих костей разного размера, в могиле были захоронены три скелета — два взрослых и один детский. Среди костей встречено три астрагала барана и козла, обломки трубчатых костей животных, очевидно, мелкого рогатого скота. В разных местах ямы найдены фрагмент венчика цилиндрического сосуда, изготовленного на круге (табл. XIV а, 6); обломок кормушки; лепной горшок с плоским дном (табл. VII, 1; XI б, 1); обломок венчика горшковидного сосуда (табл. XIV б, 1); несколько черепков от кухонного сосуда (табл. IX а, 8); кремневый наконечник стрелы (табл. XIX а, 20); три вкладыша серпов (табл. XIX б, 9, 10, 12); ножевидная кремневая пластинка (табл. XIX б, 11), каменная плоская подвеска и на всей площади ямы — древесные угольки.

Могила 36. Овальная яма катакомбы размерами 200×160 см, глубиной 85 см, вытянутая с запада на восток. К югу от камеры — дромос округло-яйцевидной формы, диаметром сверху 120 см, а у основания — 108 см, глубиной 60 см. Под северной стенкой дромоса открыт вход в катакомбу, высота его более 40 см. Заполнение дромоса хорошо отслаивается от стенки, на которой четко прослеживаются прямоугольные, длиной 12—13 см, шириной 7—8 см следы металлического, довольно острого орудия. Дно катакомбы на 25 см ниже основания дромоса, полом служил твердый грунт. Потолок камеры наклонный, прямой. Внутри катакомбы скорченный костяк на левом боку, головой на восток. У голсви: — большой фрагмент горшка; у ног — аккуратно сложенные кости другого скелета. Последний костяк, очевидно, относится к первому захоронению, кости которого при втором погребении сложили у ног нового погребенного. Обломанные кости погребенных попадались и в других частях ямы. Так, в восточной части, рядом с черепом первого скелета лежал обломок другого черепа. Очевидно, он относится к первоумершему. Около костей второго скелета и под ними — кости крупного рогатого скота, среди них обломанные кости и челюсть овцы. При расчистке найдено поддонце сероглиняного сосуда (табл. V, 3); три фрагмента керамики, два из них — от двух кормушек; 12-ти сантиметровая серебряная трубочка (табл. XVII, 6). На дне ямы — несколько кусков мела величиной не больше горошины; древесные угольки и обломанная каменная бусинка.

Могила 37. Прямоугольная яма с закругленными краями, размерами 130×110 см. Заполнение ямы хорошо отслаивается от стенки, на которой видны следы огня. Остатков погребения не обнаружено. Возможно, это была хозяйственная или культовая яма.

Могила 38. Овальная яма катакомбы размерами 170×150 см, глубиной около 30 см, вытянутая с запада на восток. К югу от камеры — дромос круглой формы, мелкий. Верх свода катакомбы, т. е. потолок, разрушен, в результате чего перед нами предстала как бы двойная яма. Могила сильно разрушена. Разбросанные кости лежат в обломках. В восточной части ямы обнаружены каменные бусы

(табл. XX а, 4), глиняное навершие (табл. XX б, 20) и комочки охры, величиной не больше горошины.

Могила 39. Овальная яма катакомбы размерами 105×50 см, глубиной около 50 см, вытянутая с запада на восток. К югу от камеры — дромос круглой формы. В результате того, что верх свода катакомбы сильно развезен, образовались как бы два могильных пятна или ямы, соединенные друг с другом. Несомненно, одна из них принадлежит катакомбе, а другая — дромосу. Дромос мелкий, с основанием, наклонным в сторону камеры. Кости погребенного находятся в беспорядке, перемешаны с обломками, плохо сохранились, распадаются при расчистке. На дне ямы найдены несколько мелких фрагментов от одного горшка, обломанное острое кремневого наконечника стрелы, бирюзовая бусинка и древесные угольки.

Могила 40. Овальная яма катакомбы размерами 85×50 (?) см, вытянутая с запада на восток. К югу от камеры — круглый дромос с наклонным основанием. Могила сильно разрушена, кости погребенного разрозненны, в обломках. В разных местах катакомбы найдены обломанное острое кремневого наконечника стрелы, обуглившиеся зерна культурных злаков, у восточной стенки ямы — каменные бусы (табл. XX б, 4), комочки охры и мела, величиной не больше горошины.

Могила 41. Овальная яма катакомбы размерами 140×100 см, глубиной 80 см, вытянутая с юга на север. К востоку от камеры — дромос овальной формы размерами 100×70 см, с наклонным основанием. Верх свода катакомбы сильно развезен, в результате чего образовались как бы две ямы, соединенные друг с другом небольшим ходом. Обломки костей погребенного разбросаны по всей площади камеры и дромоса. Под южной стенкой катакомбы найден череп, рядом — нижняя челюсть. Это, очевидно, скелет взрослой женщины. В северо-западной части ямы обнаружены шаровидный сосуд (табл. XI а, 2) и обломанная каменная бусинка.

Могила 42. Овальная яма размерами 120×70 (?) см, глубиной 17 см, вытянутая с запада на восток. Могила сильно разрушена, на выдувах ямы разбросаны кости погребенного, в обломках. При расчистке найдено несколько мелких фрагментов глиняных сосудов, часть — от кухонной посуды, часть — от горшка и каменные бусы (табл. XX б, 12).

Могила 43. Овальная яма размерами 140×65 см, глубиной 20—25 см, вытянутая с ЮВ на СЗ (табл. IV, 3). Могила сильно разрушена, кости погребенного потревожены. Бедренные и берцовые кости как будто бы в первоначальном положении. Очевидно, это скелет взрослого мужчины, лежащий головой на СВ. На дне ямы найдены всего два кремневых наконечника стрелы листовидной формы (табл. XIX а, 11, 12).

Могила 44. Овальная яма, вытянутая с ЮЗ на СВ, размеры ее не установлены, глубина 20 см (табл. IV, 8). Могила сильно разрушена, кости погребенного разбросаны по всей площади ямы. В южной части обнаружена кормушка (табл. VII, 2; XIV б, 6), около нее — фрагмент горшка и кремневый наконечник стрелы (табл. XIX а, 1). Дном могилы служил твердый суглинистый грунт. Вблизи залегал грунтовый песок, при расчистке которого обнаружены еще семь кремневых наконечников стрел (табл. XIX а, 3—9).

Могила 45. Могила разрушена. Форму, размеры и глубину установить не удалось. На поверхности лежали мелкие осколки костей погребенного и несколько черепков от двух сосудов, 13 галек и каменные бусы (табл. XX а, 12).

Могила 46. Сильно разрушена. Форму, размеры и глубину установить не удалось. На поверхности лежали мелкие осколки костей

погребенного, обломок челюсти с тремя зубами, три черепка от одного сосуда, каменные бусы (табл. XVIII, 19, 24, 25, 32, 33) и бронзовый рыболовный крючок (табл. XVI, 17).

Из описания могил видно, что в восточном секторе они представляют собой овальные ямы, а в западном, наряду с погребениями в овальных ямах, встречаются ямы с подбоем — катакомбы. Сами могильные ямы в обоих секторах имеют овальную, округлую форму и ориентированы по линии С—Ю, СВ—ЮЗ и З—В.

Раньше считалось, что могильник Заманбаба состоял из разновременных ямных и катакомбных могил и что восточная часть его относится к более раннему периоду. Это предположение на первый взгляд как будто подтверждается некоторыми фактами. Глубина могил в ямных погребениях — от 10 до 50 см, а в катакомбах — от 70 до 130 см (от дневной поверхности). Катакомбные могилы отличаются от ямных богатым инвентарем. В предварительном отчете отряда о работах 1950—1953 гг. указывалось, что в восточном секторе могильника все погребения устроены в ямных могилах и содержат богатый кремневый инвентарь. В западном секторе наряду с ямными могилами имеются погребения в катакомбах, в которых не обнаружено кремневых наконечников стрел, имевшихся почти во всех могилах восточного сектора. Это предположение поддерживалось некоторыми исследователями³.

Однако дальнейшее исследование могильника Заманбаба и вскрытие еще нескольких могил показали, что кремневые орудия есть и в могилах западного сектора (№ 7, 21, 34, 35, 39, 40, 43 и 44). Детальное изучение устройства могил обоих секторов убедило нас в отсутствии ямных могил в могильнике Заманбаба. В могилах 38, 39 и 40 обнаружены двойные могильные пятна, соединяющиеся друг с другом. Очевидно, здесь развееи только верхний свод камеры. Дромос разрушиться не успел. Возможно, погребения в ямах являются остатками «катакомбных» (подбойных) погребений. Можно допустить, что все могилы были катакомбными, но одни из них были более глубокими, а другие — мелкими. Верхний свод неглубоких могил и входной дромос были развееи ветрами, в результате чего могилы потеряли свою первоначальную форму — от катакомбы осталась только неглубокая овальная яма. Часть вещей в таких могилах погибла по различным причинам. Более глубокие могилы не потеряли форму катакомбы (№ 12, 21, 23, 35, 36 и др.), вещи в них сохранились хорошо. Поэтому катакомбные могилы оказались более богаты инвентарем.

В свое время нами было отмечено⁴ отсутствие существенных различий в характере керамических изделий обоих секторов. Но после того, как в некоторых могилах западного сектора был обнаружен кремневый инвентарь (№ 7, 21, 34, 35, 39, 40, 43 и 44), мы не можем считать, что могилы восточного сектора относятся к более раннему периоду⁵.

Парные и коллективные захоронения встречались в обоих секторах могильника (№ 1, 3, 4, 5, 6, 7, 21, 35, 36). В могилах 3, 21, 35 вместе со скелетами взрослых были обнаружены остатки детских захоронений, а в могиле 28 детский скелет был захоронен отдельно. В могиле 36 наблюдалось повторное захоронение.

³ Б. А. Латынин. Указ. соч., стр. 50.

⁴ Я. Г. Гулямов. Археологические работы..., стр. 155.

⁵ Я. Г. Гулямов. Археологические работы..., стр. 155, Б. А. Латынин. Указ. соч., стр. 50—51.

В настоящее время не сохранилось ни одного надмогильного сооружения. Но, несомненно, первоначальная поверхность могильника была в древности значительно выше. Из-за разрушающего действия почвенных солей и ветра не представляется возможным судить ни о первоначальной глубине могил, ни о надмогильных сооружениях. Вскрытые в Заманбаба могилы, вероятно, были «катакомбные» (подбойные), в плане овальные, яйцевидные и круглые, вырытые в тапыровидном суглинке. Дромос их имеет вид овальной, часто округлой ямы. В большинстве случаев входное отверстие в погребальную камеру находилось у северной или западной стенки дромоса, дно которого снижается в сторону камеры иногда двумя или тремя ступеньками. Было встречено входное отверстие в катакомбу, сделанное со дна дромоса, а не из какой-нибудь стены. Вход в камеру подбойных могил закладывали отдельными комьями глиняных булок по 3—4 ряда до высоты отверстия (могила 12). Дно погребальных камер, как всегда, несколько ниже дна дромоса. Потолок камеры часто прямой, наклонный, а иногда — выпуклый, сферический.

Почти все могилы оказались потревоженными. Кости погребенных сдвинуты с прежних мест, разрознены, посуда сломана и разбросана, другие предметы также лежат в беспорядке. В трех случаях (могилы 1, 27, 36) скелеты погребенных находились в анатомическом порядке. По всем имеющимся наблюдениям, умерших хоронили на боку, в скорченном положении, головой на В, СВ и иногда на С. Около каждого скелета, чаще всего у головы, ставили небольшой кругло- или плоскодонный сосуд, не имеющий наружных украшений. В двух случаях были найдены привозные сосуды — донная часть биконического сосуда с росписью (№ 27) и поддон сероглиняного сосуда (№ 36). В некоторых могилах среди сопровождающего погребенных инвентаря были найдены кремневые орудия. Женские могилы сопровождалась комочками темной массы (сурьмы) и миниатюрными медными лопаточками. В некоторых могилах на дне камеры найдены древесные угольки. Женские могилы богаты украшениями, сделанными из различных пород полудрагоценных и простых камней. В одном случае (№ 2) найдена терракотовая статуэтка, а в другом (№ 46) — бронзовый рыболовный крючок. В могилах встречены также каменные пестики, обуглившиеся зерна культурных злаков и кости домашних животных (№ 6, 23, 26, 35 и 36) — барана, козла и коровы. В одном случае (№ 17) обнаружены дисковидное медное зеркало и вогнутый медный нож, а в другом (№ 13) — цилиндрическая золотая бусинка. В некоторых могилах найдены каменные навершия для булавок. Обнаружено одно шаровидное глиняное навершие.

Поселение 1

Это поселение было обнаружено во время разведки в 1961 г., а исследовано в 1961 и 1964 гг.⁶ Оно находится в полукилометре к востоку от оз. Заманбаба под поймой высохшего русла Гуджайли, в том месте, где оно делает крутой поворот к ЮЗ, направляясь с востока на СЗ (рис. 42). Расположение поселения весьма удобно. С северной стороны оно огорожено высокими щебнистыми платообразными буграми, защищающими его от сильных пустынных ветров, а с юго-восточной

⁶ А. Аскар-ов. Поселение Заманбаба, КСИА, вып. 93, М., 1963, стр. 86—92; Он же. Культура Заманбаба в низовьях Зарафшана, «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 11, стр. 59—65.

стороны его огибает русло реки. Между буграми и руслом, на западе, в сторону оз. Заманбаба проходит как бы широкий «коридор». Очевид-

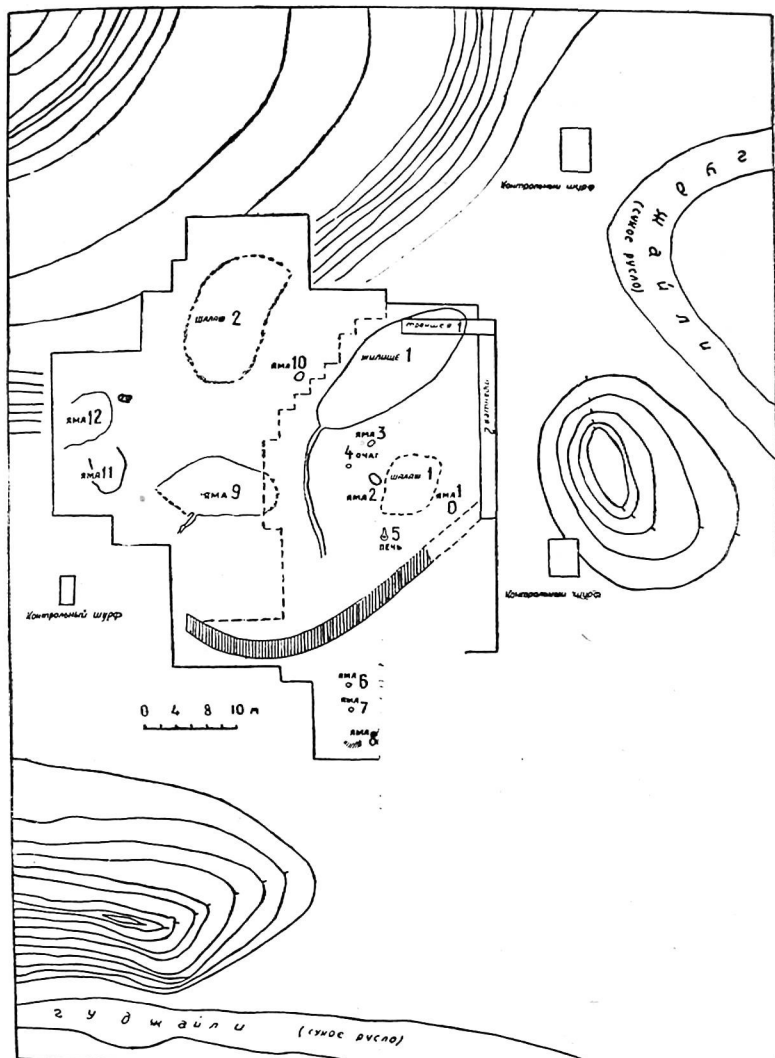

Рис. 42. Поселение Заманбаба, общий план раскопок.

но, в древности это была пойменная терраса русла Гуджайли, на которой и расположилось потом поселение носителей культуры Заманбаба. В древности эта терраса, по-видимому, не имела коридорообразной формы. Постоянные ветры со временем сдули с бугров пески, в результате чего густо растущие ныне тамариксы отгородили русло от

песков и вдоль берега образовались песчаные возвышенности, достигающие местами до 8—10 м.

Территория поселения, видимо, довольно обширна, но значительная часть ее засыпана дюнными песками, иногда толщиной до 4 м.

Площадь, где производились раскопки осенью 1961 г., невелика (1300 м²), и слой надутого песка здесь незначителен (30—40 см). На поверхности поселения в песке лежали обломки глиняных сосудов с орнаментом, мелкие обгорелые кости животных, бронзовые бусы, кремневые отщепы и пластинки. Собранные на поверхности песка культурные остатки в основном были сосредоточены в северо-западной части раскопа. Часть сосудов по форме, технике изготовления и орнаменту принадлежит к керамике табазгабского типа, а другая — к керамике более позднего периода (табл. XXXVII, 3).

Разбив прибрежную часть поселения на квадраты (2×2 м), мы заложили в северо-восточной части его траншею № 1 с В на З, размером 12×2 м. В западной части ее обнаружилось пятно углубления, которое, как потом оказалось, представляло собой заполненную песком большую землянку. Когда вся намеченная для раскопок площадь была освобождена от надутого песка, обнажился таковыидный суглинок и на его поверхности прослеживались остатки еще одного древнего жилища⁷. При раскопках на поселении в 1961 г. было исследовано одно жилище. На южной стороне его обнаружено основание земляной стены, остатки разрушенной керамической печи, один очаг и шесть разных ям. Во время раскопок весной 1964 г. было вскрыто еще около 0,16 га культурного слоя в западной и северо-западной частях поселения. Раскопанная площадь была покрыта мощным слоем песка, местами достигающего до 4 м. Удалив с площади поселения большую часть надутого песка, мы разбили прибрежную часть поселения на квадраты (2×2 м) и исследовали каждый из них.

В процессе раскопок на территории поселения в двух местах были исследованы остатки легких сооружений типа шалаша, несколько хозяйственных и мусорных ям, остатки кострищ и очагов, двухъярусной керамической печи, а также остатки обводной стены в южной части поселения.

Жилище № 1 исследовано в 1961 г. Оно представляет собой обширное, вырытое в таковыидном суглинке помещение овальной формы, вытянутое в направлении с СВ на ЮЗ. Длина его — 23,5 м, ширина — более 9 м, глубина — 80—90 см, местами 1 м. Общая площадь землянки около 170 м² (рис. 43 а). Стены ее с северной и южной сторон местами повреждены, вероятно, весенними водами, оплывы которых заполнили участки котлована около стен. При расчистке они легко отслаивались от нижней части стенки, что дало возможность более правильно определить контуры стен землянки. Борта землянки несколько приподняты над окружающей поверхностью. Возможно, в свое время они были выше, чем сейчас. При раскопке на поселении можно было наблюдать, как находящиеся в почве соли постоянно разрушают твердый суглинок. После снятия с него песка поверхность очень быстро покрывалась слоем белых солей. Со временем борта землянки и остальная площадь поселения продолжали разрушаться ветрами, поэтому сейчас трудно судить о первоначальной высоте ее стен.

По краям котлована, на участках, не пострадавших от разруше-

⁷ В результате раскопок 1964 г. было установлено, что углубление, частично прослеженное в западной части раскопа в 1961 г. и условно принятое нами тогда за остатки землянки № 2, — обычная мусорная яма, содержащая массу культурных остатков.

ния, с наружной стороны, имеются два мелких неправильных ряда наклонно вырытых ямок, вероятно, от столбов, служивших каркасом для перекрытия жилища. На юго-западной стороне борта землянки обнаружен узкий углубленный «ход» длиной 20 м, шириной 50 см. Дно этого «хода» выравнивается со дном землянки. Углубление (ход) было

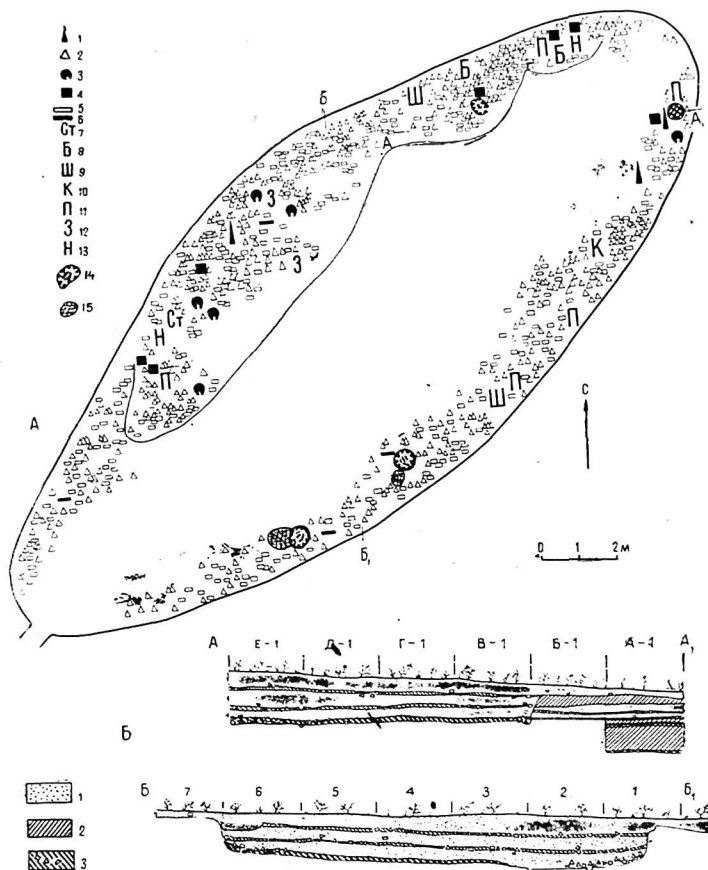

Рис. 43. Поселение Заманбаба

а—план жилища; 1—наконечники стрел; 2—черепок; 3—кость; 4—навершие; 5—отщеп; 6—пластинка; 7—обломок статуэтки; 8—бусы; 9—шило; 10—куртант; 11—пестик; 12—зернотерка; 13—нуклеус; б—разрез жилища; 1—песок; 2—такыр; 3—культурный слой.

заполнено чистым песком, на дне которого находились черепки, кости животных и другие предметы, аналогичные материалам землянки.

Пол землянки от центра к ЮЗ постепенно повышается. Середина его совершенно чистая. Очаги, хозяйственные ямы и культурные остатки были расположены вдоль стен жилища. У северной стены находится плоское углубление (10—12 см), вытянутое с востока на запад, длиною

17 м. Большая половина его заполнена мусорными отбросами. На дне, у южной и северной стен встречаются обгорелые участки земли. Один из них, расположенный у южной стены, бесспорно, представляет собой остатки разрушенного очага. В очаге и вокруг него найдены куски слабо обожженных сырцовых гuala, вероятно, от стенки очага, зола и древесные угольки, а также обгорелые кости животных. Очевидно, очаг был сооружен из глины на поверхности пола. Он хорошо обмазан саманом, о чем свидетельствуют куски найденной здесь глиняной обмазки. Рядом с очагом — овальная яма размерами 35×20 см, глубиной 15 см, заполненная золой, черепками, мелкими обломками костей животных. Возможно, она была предназначена для золы из очага. В 2 м к западу от них находился второй очаг, врытый в землю. Он в плане ближе к овалу, глубиной 17 см, на дне его — слой золы толщиной 1,5 см. Рядом овальная яма глубиной 12 см, вырытая, очевидно, раньше, чем очаг, так как очаг срезает ее восточную часть. Она заполнена культурными остатками и небольшим количеством золы.

У северной стены на полу землянки обнаружено пятно прокаленного докрасна песка. Размеры его — 50×30 см, толщина — до 7 см. В нем и вокруг много культурных остатков. У восточной стены жилища вырыта неглубокая круглая яма. Диаметр ее — 40 см, глубина — 8 см. Края ямы промазаны раствором глины с саманом. В ней обнаружен фрагмент сосуда с сильно уплощенным дном. На полу землянки были обнаружены ямки от столбов. Они почти одного размера, круглые, диаметром 14—16 см, глубиной от 5 до 12 см. От хозяйственных ям они отличаются меньшими размерами и упорядоченным расположением по одной линии.

При зачистке дна землянки обнаружена масса культурных остатков. Это культурный слой. Он имеет толщину 15—20 см, а местами и больше. В отличие от нижележащего светло-серовато-желтого плотного суглинка с зеленоватым оттенком, он весьма темный, гумусированный, как бы окрашенный. В нем найдено 1040 черепков более чем от 60 различных сосудов, из них 30 черепков от 4 сосудов, изготовленных на ручном круге. Два черепка от расписной лепной посуды (табл. XV, 6, 7). По облику и составу теста они ничем не отличаются от остальной посуды, найденной на поселении и в могильнике. На дне, у южной стены землянки, обнаружен другой черепок, вероятно, от стенки парадного сосуда, на котором было изображено солнце (табл. VII, 3).

Среди завалов на полу землянки найдены два кремневых наконечника стрел (табл. XVII, 1, 4), три вкладыша серпов (табл. XVII, 3, 7, 15), проколка (табл. XVII, 13). Извлечено два нуклеуса (табл. XVII, 5, 6), четыре кремневых ножевидных пластинки (табл. XVII, 11, 12, 14, 17), семь отщепов, три обломка зернотерок (табл. XXI, 2, 3, 4), пять обломков пестиков (табл. XXI, 1, 5, 6), две каменные бусинки (табл. XVII, 29, 36), шесть глиняных наконечников для булавок (табл. XVII, 22—24), терракотовая фигурка (табл. XVII, 31), два костяных шила (табл. XVII, 8, 18) и много костей животных.

После того, как землянку оставили ее жители, она стала постепенно заполняться набегаемыми песками. Спустя небольшой промежуток времени, на поселении, видимо, возобновляется жизнь, о чем свидетельствуют две прослойки с культурными остатками в заполнении жилища (рис. 436). Нижняя прослойка состоит из темно-серого песка, достаточно плотного, содержащего культурные остатки. Толщина ее — от 8 до 12 см. Культурные остатки располагались по всей площади землянки. В этой прослойке найдено только одно кострище, в плане круглое, диаметром 50 см. Глубина прокаленного докрасна песка под

ним — 8 см. Вокруг обнаружены кухонные отбросы и черепки, в самом кострище их нет. При зачистке этой прослойки найдено 303 черепка не менее чем от 19 сосудов, из них 12 черепков от 4 сосудов, изготовленных на круге; два нуклеуса (табл. XVII, 9, 10), четыре каменные бусинки (табл. XVII, 28, 30, 33) и кости животных.

Верхняя прослойка также состоит из темно-серого песка, достаточно плотного, толщиной 7—10 см, содержащего культурные остатки. Насыщенность культурных остатков почти одинакова по всей площади жилища. Здесь обнаружены остатки трех кострищ и трех хозяйственных ям. Следы кострищ в виде темных прослоек расположены близко друг к другу, недалеко от выхода из землянки. Песок под кострищами прокален докрасна на 7—8 см. Размеры кострищ — 30×50 см. В одном из них найдены три обломка обгорелых костей животных.

Хозяйственные ямы в плане овальные, глубиной 10—30 см, размерами от 70×85 до 90×125 см. В одной из них находок не было, а в двух других обнаружены кости животных, обломки глиняных сосудов, куски песчаника, зола и обломок зернотерки.

В верхней прослойке собрано 290 черепков не менее чем от 13 сосудов, из них 6 черепков от двух сосудов, изготовленных на круге. Кроме того, найдено глиняное пряслице (табл. XVII, 26), глиняное навершие для булавки (табл. XVII, 25), два обломка медной лопаточки (табл. XVII, 27), обломок каменного наконечника стрелы (табл. XVII, 2), две каменные бусинки (табл. XVII, 34, 35), 10 кремневых пластин (табл. XVII, 16, 19—21), 6 отщепов и несколько обломков костей животных.

В обеих верхних прослойках нам не удалось обнаружить ямок от столбов, поддерживающих кровлю.

Таким образом, исследованная землянка представляет собой обширное, вырытое в суглинке помещение овальной формы, с плотным полом, содержащее культурные остатки, очаги, хозяйственные ямы и стронтельные ямки. Постепенно она заполнялась навеванным песком и, очевидно, при повторном заселении поселка жителями того же племени образовались еще две прослойки в заполнении землянки.

Культурные напластования нижнего — первого слоя землянки (являющегося полом жилища) — отличаются от двух верхних прослоек, во-первых, тем, что они сложены темно-гумусированной землей, а верхние прослойки состоят из темно-серого песка; во-вторых, насыщенностью культурными остатками (они гораздо богаче двух верхних прослоек и основная масса костных остатков найдена в них); в-третьих, расположением культурных остатков, очагов и хозяйственных ям вдоль стен при совершенно чистой середине пола, в то время как в верхних двух прослойках культурные остатки равномерно распределены по всей площади землянки.

Шалаш № 1. При работах на поселении в юго-восточной его части исследованы остатки шалаша № 1. В отличие от вышеописанного жилища, он представляет собой легкое сооружение, имеющее в плане подпрямоугольную форму (7,8×6 м), условно установленную нами по темной окраске глины, отличающейся от остальной окружающей площади серовато-светлого цвета. На площади предполагаемого шалаша нами не были обнаружены лунки от столбов, поддерживающих кровлю (рис. 44).

В двух участках были выявлены следы кострищ со слоем золы толщиной 10—12 см. Оба кострища овальной формы, размерами 88×142 см, 70×98 см. Вся площадь шалаша покрыта обломками глиняной посуды и фрагментами обожженных костей животных. Попа-

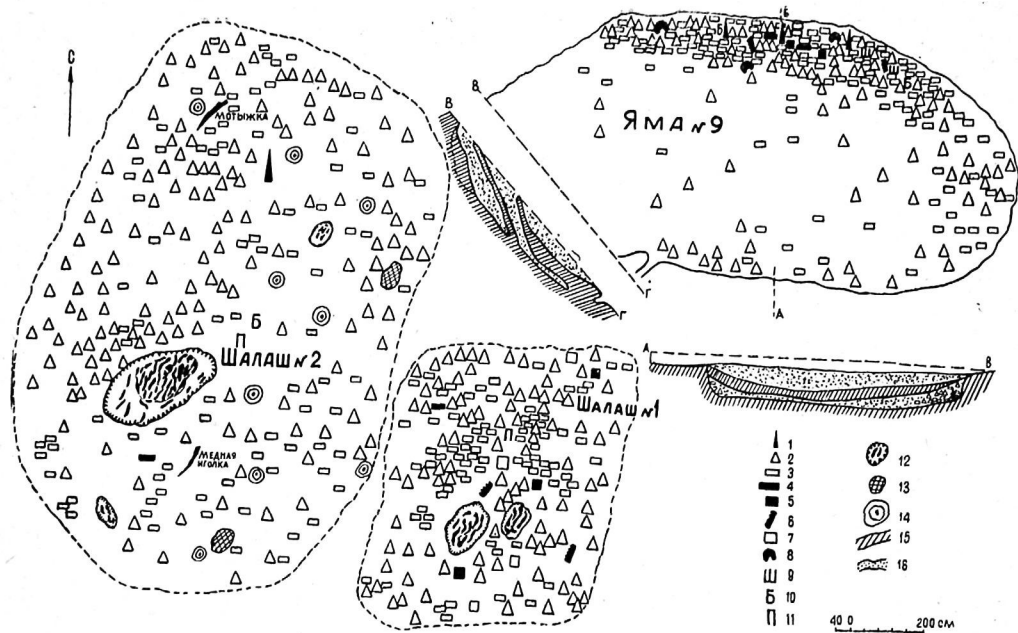

Рис. 44. Поселение Заманбаба, план и разрез шалашей и ямы № 9

1—наконечники стрел; 2—черепок; 3—кость; 4—пластинка; 5—отщеп; 6—вкладыш серпа; 7—камень; 8—навершие; 9—шило; 10—бусы; 11—пестик; 12—кострище; 13—хозяйственная яма; 14—лунки от столбов; 15—такыр; 16—песок.

даются кремневые поделки. За пределами шалаша материальные остатки почти отсутствуют.

При зачистке площади шалаша обнаружена масса культурных остатков. Этот культурный слой весьма темный, гумусированный, как бы окрашенный. В нем найдено 539 черепков не менее чем от 20 различных сосудов, из них один черепок от сосуда, изготовленного на ручном круге. На другом черепке имеются следы краски (табл. VI, 3).

Среди завалов на полу шалаша найдены два вкладыша серпов (табл. XVIII, 2, 3) и одна кремневая ножевидная пластинка (табл. XVIII, 4), обломок пестика, две гальки и масса костных отбросов.

Шалаш № 2. После того, как был снят мощный слой песка с северной части поселения, обнажилось очертание другого наземного сооружения неправильной овальной формы, вытянутое с северо-востока на юго-запад, площадью около 160 м². Здесь обнаружено несколько глубоких лунок, вырытых в такыровидном суглинке, диаметром 16—18 см. Площадь этого шалаша, как и первого, имеет темную окраску, содержит следы кострищ и богатые остатки вещественных материалов (рис. 44).

Важно отметить, что почти в центре шалаша были обнаружены остатки огромного очага, сооруженного из комков глины. Ямы хозяйственного назначения имеются как на площади шалаша, так и за его пределами. В некоторых из них обнаружены черепки и кости животных.

При зачистке площади шалаша обнаружено 425 черепков не менее чем от 17 различных сосудов, пять из них изготовлены на ручном круге, а остальные ручной лепки. Обжиг сосудов различен. Из всех черепков 277 оказались хорошо обожженными, а 148 имеют лишь следы слабого обжига.

Обнаружен венчик нарядного сосуда, на плечико которого нанесены узоры в виде двух горизонтальных насечек, между которыми расположены три горизонтальные ломаные линии (табл. XV, 5). Два черепка относятся к расписной посуде, оба лепные. По своему облику и составу теста они ничем не отличаются от остальной посуды поселения. В комплексе находок имеются две бусинки, изготовленные из яшмовидных пород камня (табл. XVIII, 20, 26), две кремневые ножевидные пластинки (табл. XVIII, 1, 5, 8), наконечник стрелы (табл. XVIII, 6), несколько обломков бронзовых поделок, одна медная иголка (табл. XVI, 8), каменная мотыга (табл. XXI, 9), обломок терки и множество фрагментов костей животных.

На вскрытой части поселения насчитывается несколько ям различного размера, заполненных мусором и отбросами производства. Одна из них (яма 9), расположенная в центре раскопа, отличается не только своими размерами, но и структурой заполнения. Она имеет неправильную овальную форму, вытянутую по направлению с востока на запад, и вырыта в такыровидном суглинке. Глубина ее около 1 м от дневной поверхности. В разрезе видно, что углубление заполнено навееанным песком, максимальная толщина которого достигает 60 см. Затем обнажился слой такыра в 35 см, ниже него опять слой песка с богатыми материальными остатками. За культурным слоем следует мощный слой такыровидного суглинка. Найдки сосредоточены лишь в северной и северо-восточной частях. На остальной площади встречаются лишь отдельные обломки сосудов и кости животных. В западной стороне углубления нет ни находок, ни признаков его обживания. Всего найдено 210 черепков не менее чем от 15 сосудов, из них 107 подвергнуты хорошему обжигу, а остальные обожжены слабо. Кроме обломков

глиняной посуды, в завалах ямы обнаружены три терракотовых обломка наконечника булавок (табл. XVIII, 28—30), два кремневых наконечника стрел, тщательно ретушированных (табл. XVIII, 13), заготовка наконечника стрелы, две бусины ромбовидной (табл. XVIII, 31) и овальной формы, два вкладыша составного серпа (табл. XVIII, 8, 15) и отбросы производства. Собрана масса обломков костей животных, среди которых найдены два костяных шила (табл. XVII, 32, 39).

Яма 1, овальная, размерами 120×80 см, глубиной 25 см, расположенная у восточной части поселения, около обводной стены (рис. 42). В ней обнаружены обломки костей животных, черепки, два астрагала барана, кусок меди и три кремневых ножевидных пластинки.

Яма 2, близкой к овалу формы, размерами 200×170 см, глубиной 15 см (рис. 42). В ней найдены обломки костей животных, челюсть крупного животного (по определению Н. М. Ермоловой, это челюсть коровы), обломок кормушки для птиц (табл. XIV б, 3), около 10 фрагментов глиняных сосудов, мелкие обломки песчаника, древесные угольки и слой золы.

Яма 3, прямоугольная, с закругленными углами, размерами 70×45 см, глубиной 20 см (рис. 42). В ней лежали четыре ошлакованных камня.

Яма 10, прямоугольной формы, размерами 140×90 см, расположена в северной части раскопа (рис. 42), глубина ее 42 см. В ней обнаружены обломки костей животных и более 15 фрагментов глиняных сосудов.

Две ямы (11 и 12), расположенные в западной части раскопа, насыщены кухонными остатками и отбросами производства. При зачистке их найдено 168 черепков не менее чем от 9 сосудов, один из них изготовлен на ручном круге, а остальные от руки. Черепки встречаются хорошего и слабого обжига. При разборке многочисленных костных остатков обнаружены два костяных шила (табл. XVII, 37, 38), одна бусина, изготовленная из камня, и обломок пестика.

В южной части раскопа за обводной стеной обнаружены еще три ямы неизвестного назначения (рис. 42, 6—8). В них найдено 249 обломков различных глиняных сосудов. Поверхность большинства черепков выветрена. Среди них — три черепка с орнаментом андроновского типа. Орнамент, нанесенный гладким штампом, состоит из горизонтально расположенных ломаных линий. Здесь же найден обломок кремневого наконечника стрелы, кремневые пластинки, отщепы, обломок пестика, мелкие гальки, обломки каменных бус и ребро крупного рогатого животного. Интересно, что в этих ямах, в отличие от других вышеописанных, черепки, кости и другие предметы аккуратно сложены вместе. Контуры этих ям прослеживались плохо. Глубина их не более 13—15 см.

Исследованное нами поселение дало интересные материалы, освещающие некоторые стороны хозяйства и быта его обитателей. Наибольший интерес представляет в этом отношении обводная стена. На южной стороне вскрытой части поселения обнаружены оплывшие остатки плотно утрамбованной земляной ограды, шириной более двух метров, которые достигали местами 25 см в высоту (рис. 42). Стена прослеживается почти на 40 м, а потом незаметно исчезает. Она огораживает поселение с северо-востока, юго-востока и юга. С северной стороны поселение огорожено бугром. Разрез и структура стены показывают, что стена была построена не из сырцового кирпича, как у ранних земледельцев Южного Туркменистана и чустского населения, а из земляного вала.

Стена заманбабинского поселения, видимо, относится еще к начальному этапу сложного строительства оградительных сооружений и, по всей вероятности, предохраняла поселение от частых, быть может, искусственных или естественных затоплений мест, прилегающих к правому берегу русла.

Нам уже известны сложные оборонительные стены некоторых памятников эпохи бронзы, сооруженные, в отличие от нашей, из камня или сырцового кирпича и сохранившие высоту от полуметра до 3,5 м.

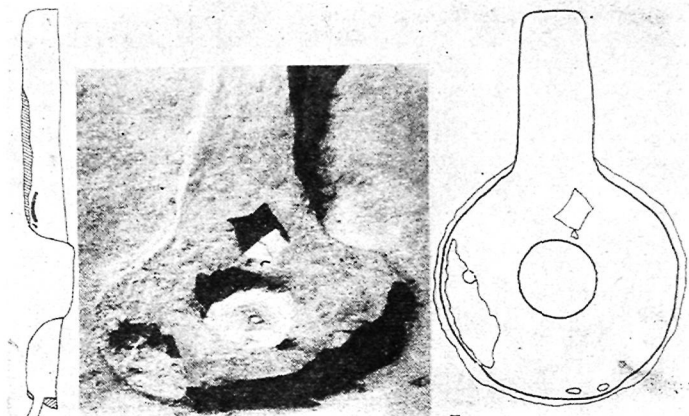

Рис. 45. План и разрез керамической печи с поселения Заманбаба.

при ширине от 2 до 6 м. На Михайловском поселении древнеямной культуры в Нижнем Поднепровье обнаружены остатки оборонительных стен, при сооружении которых широко использовался камень⁸. Остатки каменных стен найдены у с. Волошского в ур. Скеля-Каменоломня⁹. Обводные стены из сырцового кирпича известны в некоторых поселениях Южного Туркменистана, начиная с поры Намазга II¹⁰. Можно вспомнить глинобитную обводную стену дальварзинского селища¹¹ и стены чустского поселения¹².

Большой интерес в изучении керамического производства заманбабинцев представляют найденные в двух местах на поселении остатки разрушенной керамической печи. Одна из них имеет в плане грушевидную форму, диаметр 90 см, длину устья 60 см, ширину 30 см (рис. 45). Печь вырыта в земле. На поверхности ее стен имеются остатки обильной промазки (толщиной 4—5 см) раствором глины с саманом. Под действием высокой температуры промазка стен настолько сцементировалась, что с трудом поддавалась ударам топора.

В центре круглой камеры находился опорный глиняный столбик

⁸ О. Г. Шапошникова. Поселения древнеямной культуры в нижнем Поднепровье, записки Одесского археологического общества, т. I, (34), Одесса, 1960, стр. 16.

⁹ Там же, стр. 17.

¹⁰ И. Н. Хлопкин. Дашлидже-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана, Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961, стр. 208, табл. XVII.

¹¹ Ю. А. Заднепровский. Дальварзинское поселение (раскопки 1959 г.), КСИА, вып. 86, 1961, стр. 43, 53—54.

¹² В. И. Спришевский. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 г., Известия АН УзССР, 1958, № 6, стр. 71.

диаметром 30 см, высотой 19 см. Он был на 4 см выше стенок печи. Несомненно, этот столбик в свое время был еще выше и служил для поддержания пода печи. На дне топки залегает слой золы толщиной 1,5 см. Топочное отверстие находилось на северной стороне печи. Под южной частью стены топочной камеры, на противоположной стороне устья обнаружены два сквозных, перпендикулярных к разрезу отверстия диаметром 4 см. Одно из них имеет длину 25 см, другое — 10 см. При расчистке внутри печи и за ее пределами обнаружены шесть кусков глины со сквозными отверстиями. В развалинах печи найдены два черепка. Вокруг печи лежало много обломков керамического брака, по фактуре и облику тождественного керамике поселения.

Остатки другой печи обнаружены недалеко от ямы 12. Форму и размеры печи установить не удалось. В развалинах печи лежат отдельные части пода (табл. XXII, 5), керамические шлаки, уголь и т. д. По отдельным частям пода, сохранившегося на развалинах печи, можно предположить, что печь была двухъярусной.

На вскрытой площади поселения также находился один очаг. Он располагался недалеко от входа в жилище 1 (рис. 42). Очаг в плане круглый, диаметром 52 см, глубиной 22 см, вырыт в земле. Стены его изнутри обмазаны глиной. На всю глубину он заполнен золой. Вокруг очага встречены обгорелые обломки костей животных. В самом очаге, кроме золы, ничего не найдено. С целью расширения раскопочных площадей поселения вокруг него было заложено несколько шурфов. Однако все они, кроме шурфа, заложенного в северо-восточной стороне поселения, не дали никаких результатов. Последний шурф, размерами 4×6 м и глубиной 2 м от современной поверхности, был заложен в 25 м к северу от границы раскопа. В разрезе видно, что сначала идет слой надувного песка, затем — слой мощного такыровидного суглинка, ниже него, на глубине 1,5 м обнаружен небольшой слой песка с культурными остатками, а под ним — стерильный песок. Здесь найдены 42 черепка от четырех сосудов и немного костных отбросов.

Позже для выяснения культурных наслоений на поселении в восточной части раскопа была заложена траншея № 2 размером 26×2 м по направлению с юга на север (рис. 42). Под слоем надувного песка и здесь обнажился суглинистый грунт. Он оказался весьма твердым, поэтому только на четырех квадратах (16 м²) мы углубились до 170 см от поверхности. В разрезе видно (рис. 46), что на глубине 80 см прослеживается темно-серая прослойка. В ней попадались лишь мелкие древесные угольки. На глубине 160 см под такыровидным суглинком залегал песок, в верхней части которого четко прослеживался культурный слой. В нем найдено три черепка от двух сосудов. Один из них имеет ногтевой орнамент (табл. XV, 8), другой — дно круглодонного сосуда — без наружных украшений.

Затем траншея была расширена к западу еще на 60 м². В слое, где были найдены три черепка, обнаружено еще три обломка керамики с кусками древесных углей. В юго-западной части на песке найдены следы кострища овальной формы, размером 16×26 см. При расчистке кострища мусорные отбросы обнаружены не были.

Всего на поселении был собран 3 421 черепок не менее чем от 165 разных глиняных сосудов (103 — столовых, 55 — кухонных и 7 — «кормушек»). Встречены фрагменты сосудов, изготовленных на ручном гончарном круге, а также глиняное пряслице, обломок глиняной антропоморфной фигуры, около 13 терракотовых наконечников для булавок, шесть костяных шил, два обломка медной лопаточки, четыре нуклеуса, семь кремневых наконечников стрел, кремневая проколка, восемь кремневых

вкладышей от серпов, обломки бронзовой поделки, одна медная иглолка, 17 кремневых ножевидных пластинок, более 30 отщепов, 13 бусин из полудрагоценных и простых камней, семь обломков зернотерок, семь обломков пестиков и множество костей животных.

Находки поселения, за исключением шести черепков из нижнего слоя (глубина 160 см), по типам полностью совпадают с материалами

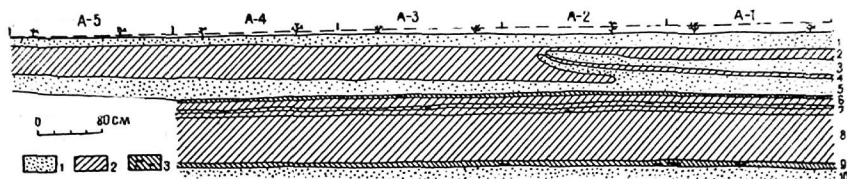

Рис. 46. Разрез траншеи № 2 поселения Заманбаба

1—песок; 2—такыр; 3—культурный слой.

могильника Заманбаба и относятся к одному времени. Подъемный же материал, собранный до раскопок на поверхности песков, относится к другому времени, т. е. одна часть этих черепков принадлежит к керамике тазабагыбского типа, а другая подобна амирабадской.

Таким образом, перед нами многослойное поселение, содержащее культурные остатки одного типа лишь с незначительными напластованиями других времен. Хотя материал, собранный на поселении, еще скуден и керамика последних этапов лежала вне слоя, на поверхности песка, все же последовательность культурных наслоений и найденный в них керамический материал (кроме шести черепков с орнаментом из траншеи № 2) позволяют предположить, что исследованная площадь неоднократно служила местом обитания разных племен первобытной общины. Следовательно, первое заселение древними племенами этой территории относится к эпохе энеолита. Затем следует перерыв, во время которого образуется слой суглинка, толщиной более 1 м, нанесенного Гуджайли во время неоднократных разливов, после чего на поселении возобновляется жизнь, оно заселяется потомками местных племен, материальная культура которых известна как заманбабинская. Впоследствии здесь, видимо, жили скотоводческие племена более поздних периодов.

Поселение 2

Поселение открыто в 50-х годах и исследовано в 1964 г. Оно расположено в 6—7 км к западу от озера Заманбаба, по сухому руслу Гуджайли.

На небольшом участке поверхности сильно разрушенного такыра по левому берегу реки лежали многочисленные мелкие обломки глиняных сосудов и фрагменты костей животных.

Для выяснения степени сохранности культурного слоя на поселении в трех участках были заложены небольшие шурфы, размерами 2×4 м, глубиной от 1 до 1,5 м. Однако во всех случаях шурфы оказались безрезультатными, поэтому мы ограничились сбором подъемного материала с площади поселения. Собрано было 233 черепка¹³ не менее чем

¹³ На площади поселения мелких черепков довольно много. Однако они не могут дать представления о форме сосудов данного памятника. Поэтому здесь речь идет о незначительном количестве черепков более крупных размеров.

от 19 сосудов, 9 кремневых наконечников стрел (табл. XVIII, 7, 14, 17, 18, 21, 22, 23), 9 ножевидных пластинок (табл. XVIII, 10—12), два вкладыша составного серпа (табл. XVIII, 9, 21), два обломка поделок из мрамора, три каменные бусины, два обломка бронзовых поделок, один пестик из песчаника (табл. XVIII, 11), пять обломков терки, два обломка зернотерки (табл. XVIII, 10), два обломка от одного каменного сосуда и масса мелких костей животных. На площади поселения никаких остатков очагов и жилых сооружений не обнаружено.

Керамика

Основную часть вещевого материала памятников заманбабинской культуры составляет керамика. Значение ее, как основного исторического источника изучения древнейшей истории тех или других племен первобытных периодов, несомненно, велико. Именно в результате анализа древнейшей керамики мы получаем более надежное основание как для сопоставления и установления связи изучаемой культуры с соседними и отдаленными современниками, так и для выявления локальных особенностей развития местной культуры. В некоторых статьях описывается и характеризуется керамика из могильника¹⁴ и поселения Заманбаба¹⁵, но детально керамика до сих пор почти не изучалась. Мы попытаемся более полно анализировать керамику, ибо в нашем распоряжении имеются более 45 сосудов разной степени сохранности из могильника и большая серия сосудов из поселений Заманбаба (3 654 черепка не менее чем от 185 разных сосудов), с которыми можно сравнить керамику могильника.

Керамика заманбабинской культуры в основном изготовлена ручным ленточным способом, но на поселении и могильнике найдены сосуды, изготовленные на круге. Тесто лепных сосудов из эластичной тонкозернистой глины местного происхождения. Они тщательно обработаны, хорошего качества. Из всей коллекции резко выделяется сравнительно небольшая группа сосудов, отличающихся специфическим характером обработки наружной поверхности — обмазыванием ее жидкой глиной, в результате чего она выравнена до блеска, в то время как на внутренней заметны следы лепки. Часть сосудов сломана именно по линиям швов, соединяющих равные части. На внутренней поверхности некоторых черепков видны границы лент, четко выделяющихся заостренными концами. Очевидно, край нижней части сосуда при изготовлении слегка утончался, затем к нему прилепляли другую часть (тулово), а при завершении — венчик вместе с шейкой. Этим способом лепили, вероятно, не только большие сосуды, но и маленькие, о чем свидетельствуют фрагменты сосудов, сломавшихся по линии швов, с заостренным скошенным изломом. Две трети плоскодонных сосудов имеют на дне следы песчаной подсыпки. На поверхности некоторых сосудов, особенно внутри, четко прослеживаются неглубокие штрихи от заглаживания сырой глины «гребенкой». Часто они располагались горизонтально. Иногда заглаживание видно и на внутренней поверхности дна сосуда. В одном случае эти штрихи образовали треугольники вершинами вниз.

Разнообразные сосуды Заманбаба не имеют никаких наружных украшений, если не считать трех черепков из поселения Заманбаба с прореченным орнаментом. На одном (шейка небольшого горшка)

¹⁴ Я. Г. Гулямов. Археологические работы..., стр. 153; Б. А. Латынин. Указ. соч., стр. 50—51.

¹⁵ А. Аскар. Культура Заманбаба..., стр. 59—65; Он же. Поселение Заманбаба..., стр. 86—92.

проведена горизонтальная линия (табл. XV, 3), на другом (туловище сосуда) — лента, заполненная небольшими неправильными насечками (табл. XV, 4), и на третьем (венчик нарядного сосуда) на плечике нанесены узоры в виде двух горизонтальных насечек и между ними — трех горизонтальных линий (табл. XV, 5). На поселении обнаружено также четыре черепка от четырех сосудов с красновато-черной росписью, нанесенной по желтовато-белому фону. Все черепки лепные (табл. XV, 6, 7). Однако ни один из них не является привозным. По составу теста и вообще по своему облику они ничем не отличаются от обломков остальных, не украшенных сосудов Заманбаба. На поселении Заманбаба найден также черепок от стенки парадного (возможно, культового) сосуда, на котором, видимо, изображено солнце (табл. VII, 3). Оно прочерчено дважды, одно в другом, оба с лучами по всей окружности. Аналогичные изображения широко известны по керамике древнеземледельческих поселений Прикопетдагской равнины в пору Намазга III¹⁶.

Большое значение имеют обнаруженные в могильнике два фрагмента от двух явно привозных сосудов. Один — от нижней половины биконического сосуда, сформованного очень тщательно из тонкой, хорошо промешанной светлой глины, почти белой при обжиге (табл. V, 1). Ниже изгиба тулова темно-коричневой краской по светлому фону нанесены три параллельные горизонтальные линии, четвертая линия проходит у дна сосуда, на донце имеется знак V. Роспись, характер обжига и фактура свидетельствуют о том, что этот сосуд привезен из Южного Туркменистана, где в конце стадии Намазга IV получила распространение роспись темно-коричневой краской по светлому фону сосудов этой же формы. На биконических сосудах такой формы орнамент обрамлялся горизонтальными полосами, которые спускались до самого дна, в отличие от предшествовавшего времени, когда узор наносился лишь в виде фриза¹⁷. Другой фрагмент — нижняя часть сероглиняного лощеного сосуда с поддоном, изготовленного на круге (табл. V, 3). Подобные серые с лощеной поверхностью сосуды, в частности бокалы с высокой полой ножкой, широко распространены в слоях времени Намазга IV, а также Намазга VI¹⁸. Оба черепка, несомненно, относятся к привозным сосудам.

Изучая керамику культуры Заманбаба, на которой отсутствует орнамент, можно говорить лишь о ее облике и форме. По своему назначению вся глиняная посуда делится на две группы: 1) бытовая — кухонная и столовая, 2) культовая.

Кухонными мы условно называем те, в которых приготавлилась пища. Они весьма грубы, слабого обжига, на поверхности имеются следы нагара. Форма их удлинённая, с круглым дном. Столовая посуда предназначалась для подачи пищи и хранения продуктов. Эти сосуды хорошо обожжены и лишь очень редко встречаются слабого обжига. На поверхности их следов нагара не наблюдалось. По форме они более округленные, горшковидные, в большинстве случаев с плоским дном, реже круглодонные. Культовые сосуды с полукруглым и квадратным отделениями в одном из углов сопровождали умершего, его «душуптицу». Курильницы с отверстиями по углам в верхней части служили для отправления культа огня.

¹⁶ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина, Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, табл. XXIII, 3; XXV, 24.

¹⁷ В. М. Массон. Расписная керамика..., рис. 8; табл. XXXI, 4, 14, 15; XXXII, 2, 13; XXX, 6.

¹⁸ Там же, стр. 306, 308.

Кухонная посуда исключительно лепная, хрупкая, изготовленная преимущественно с примесью песка, серовато-желтого и зернисто-белого известняка. Столовая же посуда сделана из хорошо промешанной эластичной глины, часто без заметной примеси, иногда с незначительным включением мелкого песка. Поверхность черепков чаще всего красновато-желтая. Основная часть посуды лепная, но встречаются сосуды, изготовленные на ручном круге (в могильнике — два черепка от двух сосудов, на поселениях — 60 черепков от 18 сосудов). Культовые сосуды чаще лепные, изготовленные из эластичной глины с небольшой примесью песка. Обжиг их ровный.

Керамика представлена несколькими группами.

I группа. Грубые яйцевидные кухонные сосуды с невысоким, чуть отогнутым широким горлом, плавным переходом к уступу плеча, округлым туловом и коническим, слегка уплощенным дном (рис. 47, 1). Размеры их различны: большие имеют диаметр венчика 16—18 см, высоту — 22—24 см (табл. X а, 1), малые — диаметр — 12—13 см, высоту — 15—16 см. (табл. IX а, 10). Среди сосудов этой формы имеется маленький, диаметр горла которого — 8 см, высота — 11—12 см (табл. IX а, 11). Край венчика округлый, иногда прямо срезанный; на стенках — следы нагара. Вероятно, в них варилась жидкая пища. Эти

МОГИЛЬНИК	ПОСЕЛЕНИЕ	МОГИЛЬНИК	ПОСЕЛЕНИЕ
1 	—	7 	
2 		8 —	
3 		9 	—
4 		10 —	
5 		11 	—
6 		12 	
		13 	
		14 	ФРАГМЕНТЫ НЕСКОЛЬКИХ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ СОСУДОВ

Рис. 47. Сводная таблица форм сосудов Заманбаба.

сосуды представлены пятью экземплярами различной степени сохранности. Обнаружены они не только в ямных могилах, но и в катакомбах (могила 23). В керамике поселений сосудов такой формы не обнаружено.

Подобные яйцевидные сосуды в эпоху раннего металла были широко распространены у степных племен нашей страны. В 1960 г.

тождественный сосуд был найден в Оренбургской области¹⁹ экспедицией Государственного исторического музея. Близкие по форме сосуды найдены и во многих других памятниках древнеямной²⁰ и афанасьевской культур²¹.

Можно сравнить их и с сосудами среднеазиатского неолита — неорнаментированными, заглаженными неглубокими штрихами, яйцевидными сосудами, происходящими из четвертого, третьего и второго слоев пещеры Джебел²² или полуяйцевидными сосудами позднего Кельтеминара²³.

II группа. Близка к первой. Сосуды более удлиненных пропорций, с высоким узким горлом, плавным переходом к уступу плеча и округлым дном. По размерам они почти стандартны — диаметр верхней части — 8—10 см, высота — 18—20 см (рис. 47, 2). Край венчика округлый. Эта форма наблюдается в керамике поселений — 15 экз. (табл. IX а, 2—9) и могильника — 3 экз. (табл. IX а, 1; IX б, 8, 9).

Поверхность этих сосудов также покрыта нагаром. Они сопоставляются с аналогичными сосудами удлиненных пропорций обоих этапов кельтеминарской культуры²⁴.

III группа. Полусферические глубокие чаши с прямым или чуть изогнутым горлом, диаметром 14—18 см (рис. 47, 3). Эти чаши представлены в поселениях 16 экз. (табл. X б, 5, 6, 8—15), в могильнике — двумя (рис. 40 табл. X б, 1; XI б, 4). Часть лепных сосудов этой формы хорошо обожжена, в изломе серовато-темная. На внутренней поверхности сосудов — штрихи от сглаживания сырой глины при лепке «гребенкой». Аналогичные глубокие чаши, но более высокого качества, широко распространены в памятниках более ранних этапов южных областей²⁵ и в поздних слоях Шах-тепе²⁶. Подобные глубокие чаши обнаруживались и в памятниках более поздних этапов кельтеминарской культуры, но орнамент на них редее, а в некоторых чашах отсутствует вообще²⁷.

¹⁹ Э. А. Федорова-Давыдова. Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области, Вопросы археологии Урала, вып. 2, Свердловск, 1962, стр. 16, рис. 5, 19.

²⁰ В. А. Городцов. Материалы археологических исследований на берегах р. Дона «Изюмского уезда Харьковской губернии», Труды XII археологического съезда, т. I, М., 1905, табл. III; О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культур, Труды ГИМ, вып. VIII, 1938, рис. 1; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, Труды ГИМ, 24, 1955, рис. 19, 3; О. Г. Шапошников. Поселения древнеямной культуры в нижнем Поднепровье, Записки Одесского археологического общества т. I (34), Одесса, 1960, рис. 1; Д. Я. Телегин. Энеолитические поселения и могильник у хутора Александрия, КСИИМК, вып. 9, Киев, 1959, рис. 3, 1; И. В. Синицын. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС, КСИИМК, вып. 50, 1953, рис. 34, 8.

²¹ А. Н. Липский. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Тен (Хакассия), КСИИМК, вып. 54, рис. 37, 3; С. А. Тплоухов. Древние погребения в Минусинском крае, Материалы по этнографии, т. III, вып. II, Л., 1927, табл. IV, рис. 1.

²² А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, рис. 45, 62, 62а.

²³ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш и Узбой, МХЭ, вып. 3, М., 1960, рис. 34, 11.

²⁴ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, № 1, рис. 1, 4, 7, 8.

²⁵ Б. А. Литвинский. Намазга-депе (по данным раскопок 1949—1950 гг.). СЭ, 1952, № 4, рис. 6, 75, 81; В. М. Массон. Расписная керамика..., рис. 3, 5; Он же. Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1955—1957 гг.), Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, табл. XXXV, 2, 4, 6, 9; XXXVI, 8, 15.

²⁶ Т. Арне. Excavations at Shah-tepe, Iran, S'tocholm, 1945, табл. XXIV, 182, 184, 185; XXVII, 200.

²⁷ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР, 1957 г., МХЭ, № 4, 1960, рис. 7, 8, стр. 80.

IV группа. Близки к предыдущей форме чаши или миски с горлом и плоским дном (рис. 47, 4). Край венчика — округлый, утонченный. Диаметр горла — от 15 до 20 см; 13 экз. найдены на поселениях (табл. XII, 2—9), 2 экз. — в могильнике (табл. V, 7; XII а, 1; XII, 1). Обжиг этих чаш ровный, более тщательный. Черепок желтый, в изломе желтый, иногда розовый. К этой же форме можно отнести миски, или тарелки, изготовленные на круге (табл. XII, 10). На них заметны следы песчаной подсыпки. Рассматриваемую форму можно сопоставить с подобными же мисками времени Намага VI²⁸, поверхность которых имеет желтоватую или розоватую окраску²⁹.

V группа. Лепные горшковидные сосуды с отогнутым, чаще слегка расширяющимся горлом, диаметром 11—12 см, с шаровидным или несколько вытянутым туловом и круглым дном (рис. 47, 5). Эта форма встречается и в керамике поселений — 9 экз. (табл. XVII а, 1, 2, 4) и могильника — 3 экз. (рис. 41; табл. XIII, 1, 2; XIV, 5). Край венчика этих сосудов прямо срезанный или округлый, утонченный. У некоторых венчик высокий и сильно отогнутый. Обжиг ровный, часть сосудов обожжена хорошо, а часть слабо. Черепок в изломе серый. Сосуды неровного обжига, содержат песок, некоторые без примеси. На внутренней поверхности их имеются следы заглаживания. Наружная поверхность ровная, словно заложена жидкой глиной. Круглодонные горшковидные сосуды культуры Заманбаба напоминают сосуды подобной же формы культур бронзового века Юго-Восточной Европы³⁰ и чрезвычайно близки к круглодонным сосудам с шаровидным или близким к нему туловом позднего кельтеминара³¹. На юге Средней Азии хронологически соответствующие аналогичные сосуды не найдены, кроме одного неорнаментированного из раскопок северного холма Анау³².

VI группа. Небольшие плоскодонные лепные горшки с вертикальным, чаще расширяющимся горлом и округлыми боками (рис. 6, 6). Край венчика всегда округлый, утонченный. Сосуды приземистые, раздутое тулово их плавно переходит к плоскому дну, диаметр которого в 1, 3 раза меньше диаметра горловой части. Размеры их разные: одни — диаметром 14—15 см, высотой 17—18 см (табл. XI б, 2; XIV б, 1), другие — диаметром 10—12 см, высотой 12—14 см (табл. XI б, 1; XIII, 3, 4). Среди них имеются «миниатюрные» горшочки (табл. XI б, 7), довольно часто встречающиеся в керамике поселений (17 экз.) и могильника (5 экз.). На донцах всех сосудов — песчаная подсыпка. Некоторые из них содержат в тесте небольшую примесь песка, в большинстве же случаев тесто без заметной примеси или с так называемой естественной примесью. Обжиг всегда ровный, черепок звонкий, в изломе желтый или розовый, а снаружи зеленовато-белый. Плоскодонная форма горшков Заманбабы, несомненно, представляет собой более развитые предыдущие формы. Пропорции и профиль венчика такие же, как и у круглодонных горшковидных сосудов. Близкие по форме плоскодонные горшки с округлыми боками часто встречаются в керамических

²⁸ В. М. Массон. Расписная керамика..., табл. XXXIX, 2.

²⁹ Там же, стр. 373.

³⁰ Е. Ф. Лагодовская, М. Л. Макаревич и О. Г. Шапошникова. Раскопки Михайловского поселения в 1954 г., КСИА (Киев), вып. V, 1955, рис. 6; Д. Я. Телегин. Энеолитические поселения..., рис. 2, 10.

³¹ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки..., стр. 80.

³² R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, vol. 1, Washington, 1908, tabl. 20, 2.

комплексах катакомбной культуры³³, а в земледельческом мире юго-запада Средней Азии — редко³⁴. По характеру черепка их можно сравнивать с керамикой позднего слоя Намазга IV, где исчезает роспись на керамике, и в тесте обнаруживается органическая примесь, поверхность черепков зеленовато-белая, как в Заманбабе³⁵. Интересно, что тождественные лепные горшки с округлыми боками и с песчаной подсыпкой на донце встречаются в находках, относящихся к чустской культуре³⁶. Видимо, подобные сосуды были широко распространены среди многих племен эпохи бронзы, обитавших на разных территориях нашей страны на протяжении всего второго тысячелетия до н. э.

VII группа. Горшковидные сосуды, совершенно аналогичные предыдущим по форме, но изготовленные на круге (рис. 47, 7). В материалах могильника встретился всего один экземпляр такого сосуда, а в керамике поселений — 7 экз. Одни довольно большие; диаметр их 24 см, (табл. XI б, 3), другие имеют диаметр венчика 10—12 см, а высоту — 12—14 см (табл. XIV б, 7, 9). Край венчика в обоих случаях округлый, утонченный, отогнутый. Черепок звонкий, в изломе желтый, поверхность зеленовато-белая; на донце — песчаная подсыпка. Форма сосудов этого типа представляет собой дальнейшее развитие предыдущей. Видимо, мастера-керамисты Заманбаба при изготовлении горшков первые среди степных племен эпохи бронзы применили в производстве ручной круг, что свидетельствует о влиянии высокоразвитых современников.

К этой форме сосудов, видимо, относятся и два фрагмента двух узкогорлых сосудов, изготовленных на круге. Венчики их отогнутые, края округлые и утонченные, при переходе от плечиков к туловищу выражен уступчик (табл. XIV б, 2). На поселении обнаружен другой фрагмент с высоким, прямым, утонченным краем венчика и уступчиком (табл. XIV б, 10). Сосуд сделан на круге. Очевидно, горло его очень узкое. Обжиг неровный, черепок в изломе слоистый, поверхность его красная, ангобированная. Возможно, он относится к привозным сосудам. Аналогичный сосуд был найден в Мургабском оазисе в слое Намазга VI³⁷.

Основная часть сосудов этой формы не находит себе аналогии в памятниках прикопетдагской равнины. Сосуды времени Намазга V и VI, в отличие от заманбабинских, формировались на круге быстрого вращения, изготавливались из глины хорошего качества. Они имеют ровный обжиг и обычно яркий зеленовато-белый или реже красный, либо кремовый цвет черепка в изломе и на поверхности (Намазга V); ангоб в основном красный, различных оттенков (Намазга VI)³⁸. Сосуды аналогичной формы там вообще отсутствуют. В Мургабской долине (Намазга VI) известен подобный сосуд с желтовато-белым ангобом, изготовленный на круге быстрого вращения³⁹. Однако эта форма очень редка и не характерна для периода Намазга VI. На сосудах, относя-

³³ Е. П. Трефилъева. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии летом 1901 г., Труды XII археологического съезда, т. 1, М., 1905, рис. 16; О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь..., рис. 2; Т. Б. Попова. Палеогеография катакомбной культуры..., рис. 8, 4; 19, 2.

³⁴ R. Phipps. Указ соч., рис. 188, 189.

³⁵ В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 306.

³⁶ В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.), КСИИМК, вып. 69, М., 1957, рис. 12, 2.

³⁷ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Марганы, МИА, 73, М., 1959, табл. 1, рис. 8.

³⁸ В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 307.

³⁹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. V, 4.

щихся к тому времени, когда в Заманбабе еще применялся ручной круг, ангоб отсутствует, горшки более приземистые, состав теста и характер изготовления тождественны сосудам предыдущей группы. Несомненно, сосуды, изготовленные на ручном круге, местного производства.

VIII группа. Крупные лепные сосуды с отогнутым венчиком (диаметр 24 см), широким горлом и сильно раздутым туловом, суживающимся ко дну (рис. 47, 8). В могильнике такие сосуды не обнаружены, а на поселениях встречается довольно много их фрагментов. Тесто содержит незначительные включения песка. Обжиг ровный, черепок в изломе желтый. Видимо, дно было уплощенное. Около восточной стенки землянки была обнаружена донная часть большого подобного круглодонного сосуда. Она лежала в круглой (диаметром 40 см) неглубокой (8 см) яме. Возможно, в этих сосудах хранилось зерно или другие продукты.

IX группа. Цилиндрические кубки, или стаканы, с плоским дном и утонченным краем венчика (рис. 47, 9). Верхняя часть сосуда расширяющаяся, диаметр — 6—7 см, высота также 6—7 см (табл. Ха, 4). Третий сосуд с аналогичным профилем, размером в 1,5 раза больше других сосудов этой формы (табл. Ха, 2, 3). Обжиг у всех ровный, черепок в изломе желтый. Эта форма встречена только в могильнике (3 экз.). Стаканы, найденные на Заманбабе, можно сравнить с глиняными и алебастровыми сосудами подобной формы Шах-депе II а⁴⁰, Гисар III С⁴¹ и южного холма Анау III⁴².

X группа. Миниатюрные полусферические лепные чашки, или пиалы, диаметром 6—8 см, с острым утонченным краем венчика (рис. 47, 10). Они обнаружены только на поселении (3 экз.); табл. XIа, 3, 4, 6. Тесто содержит небольшую примесь песка. Обжиг ровный, черепок звонкий, в изломе желтый или розовый, а на поверхности зеленовато-белый. Очевидно, они не имели в быту существенного значения, и, возможно, употреблялись для кормления малых детей.

XI группа. Лепные цилиндрические сосуды с вертикальными, слегка расширяющимися в верхней трети стенками, с плоским дном (рис. 47, 11). Край венчика округлый, утонченный. По краям горловой части горизонтально расположены в один ряд сквозные отверстия (табл. XV, 9). Тесто без примесей, черепок звонкий, поверхность зеленовато-белая. К этой форме сосудов относится совершенно аналогичный сосуд, изготовленный на ручном круге. В отличие от предыдущих, по краям горловой части он не имеет сквозных отверстий (табл. XIV а, 6). Такие сосуды найдены только в могильнике (3 экз.). Цилиндрические сосуды представляют большой интерес, так как находят себе полные аналогии в памятниках земледельческих культур южных областей: в XI ярусе Намазга-депе⁴³, в керамике Анау III⁴⁴ в комплексах Шах-депе II а⁴⁵, в материалах Тепе-Гисар III В и С⁴⁶ и в Мургабском оазисе Тахирбай 3⁴⁷. Несмотря на полное сходство форм этих сосудов и профиля их стенок с перечисленными южными, они,

⁴⁰ Т. Агне. Указ. раб. рис. 274, 354, 586а, 419.

⁴¹ E. Schmidt. Excavations at Tepe-Hissar, Damgan, Philadelphia, 1937, рис. H2781; табл. LIX, H5225.

⁴² R. Pumpelly. Указ. раб., табл. 11, рис. 1, 2, 3; рис. 169; табл. 45, рис. 5.

⁴³ Б. А. Литвинский. Указ. соч., рис. 6, 109.

⁴⁴ R. Pumpelly. Указ. соч., рис. 196.

⁴⁵ Агне. Указ. соч., рис. 364, табл. XXXVIII, рис. 260, табл. XXIXэ рис. 212; табл. XXXII, рис. 228; табл. XXXIII, рис. 233.

⁴⁶ E. Schmidt. Указ. соч., табл. XLII, H4307; XXXVIII, H4227.

⁴⁷ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. VIII, рис. 12.

несомненно, местного производства, о чем свидетельствуют техника изготовления и характер теста, вполне соответствующие тесту других сосудов Заманбабы, а также отсутствие росписи или лощения, характерных для южных аналогов.

XII группа. Кубические сосуды со слегка округленными углами, имеющие в каждом верхнем углу по два небольших круглых отверстия для подвешивания (рис. 47, 12). Плоское дно несколько шире горловой части сосуда, высота 10—12 см. Один экземпляр сосуда был найден в могильнике (табл. XIVа, 3) и один на поселении. На внутренних стенках сосуда имеются следы нагара, а наружные не закопчены. Эта форма скорее всего относится к культовым сосудам-курильницам и свидетельствует о существовании культа огня у обитателей Заманбабы. Курильницы подобной формы в памятниках эпохи бронзы не встречаются. В комплексах афанасьевской и катакомбной культур широко известны круглые курильницы на ножках и с отделением для благовоний⁴⁸.

XIII группа. Прямоугольные сосуды с полукруглым или квадратным отделением в одном из углов (рис. 47, 13). Они вылеплены ручным способом из эластичной, хорошо промешанной глины, содержащей незначительные включения песка. Обжиг сосудов ровный, черепок в изломе желтый или розовый, поверхность зеленовато-белая. Размеры их различны — от 9×7 до 12,5×10 см, высота — 4—6, толщина стенок — 6—7 мм. Отделение в одном случае прямоугольной формы с дном выше дна сосуда, в другом случае оно образовано лепным глиняным полуцилиндром (табл. XIа, 5). Верхняя часть этих сосудов всегда шире, чем плоское дно. На поселениях встречено 7 сосудов такой формы (табл. XIV б, 3, 5), в могильнике — 12 (табл. VII, 1, 3; XIV б, 6; XV, 10).

Среди разнovidных форм керамики культуры Заманбаба имеются формы, представленные единичными экземплярами. Отметим две из них:

а) грушевидный лепной сосуд с узким, прямым, утонченным округлым горлом, диаметром 6 см, с приплюснутыми боками (рис. 47, 14; табл. Xб, 2). Плоское дно больше горловой части сосуда (8 см). Высота его — 10,5 см, стенки в профиле неровные. Тесто содержит примесь песка. Сосуд хорошо обожжен. На донце песчаная подсыпка. Сосуд найден в могиле 4. Сосуды подобной формы с приплюснутыми боками были обнаружены в южном холме Анау⁴⁹ и в комплексах Тепа-Гисар III A⁵⁰;

б) шаровидный сосуд с округлым дном (рис. 47, 14; табл. XIа, 2) найден в могиле 41. Тесто содержит значительные включения известнякового песка. Черепок весьма хрупкий, слонстый, обжиг слабый, в изломе серовато-темный.

Рассматривая разнообразные формы сосудов культуры Заманбаба, можно отметить, что каждая из них как-то связана с другими.

Сосуды первой и второй групп представляют собой остродонную кухонную посуду яйцевидной формы. Мелких черепков от сосудов этой формы найдено довольно много, но с уверенностью отнести к ним можно только 23 экз. Сосуды этой группы, как отмечалось выше, находят себе аналогии в керамике ямной, афанасьевской и позднекельтеминарской культур.

⁴⁸ С. А. Теплоухов. Древние погребения...; Т. Б. Попова. К вопросу о северокавказских курильницах, СА, 1957, № 1.

⁴⁹ R. Pumpelly. Указ. соч., рис. 235.

⁵⁰ E. Schmidt. Указ. соч., табл. XXXVI, H5124.

Шестая форма сосудов, видимо, является результатом развития пятой. Большая часть этих горшковидных сосудов хорошего обжига. Эти формы сосудов несколько схожи с керамикой катакомбной культуры. Но в керамике раннеземледельческих общин аналогичные формы встречаются редко.

Очень сходна посуда третьей и четвертой форм, большей частью слабо обожжена. Некоторые из чаш изготовлены на ручном круге. Эта группа сосудов теснее всего связана с керамикой позднекельтеминарской культуры.

Большая часть керамики культуры Заманбаба тщательной обработкой и хорошей формовкой отличается от всех сосудов синхронных культур памятников степной бронзы, как ямно-катакомбной и афанасьевской, так и «местной» андроновской культуры. Она имеет равномерный обжиг, звонкий черепок, в изломе розовый или желтый, на поверхности зеленоватого оттенка по желтовато-белому фону. По обжигу сосуды Заманбабы близки, а иногда даже тождественны сосудам земледельческих культур южных областей времени Намазга VI⁵¹. Об усовершенствовании термотехники свидетельствуют двухъярусные керамические печи Заманбабы. Очевидно, при сооружении их учтено направление господствующих ветров, часто дующих с севера, так как на противоположной стороне ее устья обнаружены сквозные отверстия, видимо, служившие для выпуска наружу дыма и способствовавшие равномерному распределению горячего воздуха по всей площади камеры. В. Ф. Гайдукевич⁵², сравнивая керамические печи Керчи и Фанагории с устьями, направленными в подветренную сторону, приходит к выводу, что «это делалось с определенным расчетом и совершенно сознательно».

В западной части камеры на дне топки одной из печей найден плоский кусок глиноошлакованной глины со сквозным отверстием. За пределами печи обнаружено еще пять таких же кусков глины, а в развалинах другой печи — три. Это, несомненно, части пода обжигательной камеры, свалившиеся внутрь топки. Наличие центрального опорного столбика и кусков пода позволяет предположить, что обе печи были двухъярусными, с купольным перекрытием. Отверстия, находившиеся в плоских кусках глины, по-видимому, являлись жаровыводящими продухами, служившими для прохождения жара из топки в камеру обжига (табл. XXII, 1—5). Печи по размеру невелики. В них можно было обжигать в один прием пять-шесть сосудов среднего размера — емкостью 6—7 л. Важно отметить, что подобные печи до сих пор не были известны в памятниках племен степных культур эпохи бронзы. Интересно вспомнить в этом отношении аналогичные двухъярусные керамические печи ранних земледельцев юго-запада Средней Азии. В 1952 г. Б. А. Куфтин на поселении Намазга-депе у Каахке раскопал ряд печей, датированных бронзовым веком⁵³. В 1955 г. исследованы керамические печи на поселении Аучин-депе в дельте Мургаба⁵⁴. Эти печи, как описывает В. И. Сарияниди⁵⁵, были двухъярусные, нижний ярус или топка всегда вырыта в земле, обжигательная камера

⁵¹ В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 307.

⁵² В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи, М., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 63.

⁵³ М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг., Труды ЮТАКЭ, т. V, 1955, стр. 241.

⁵⁴ В. И. Сарияниди. Керамические печи древней Маргианы, КСИИМК, вып. 69, М., 1957.

⁵⁵ В. И. Сарияниди. Керамическое производство древнемаргианских поселений, Труды ЮТАКЭ, т. VIII, 1958.

сооружена из сырцового кирпича. В плане они круглые, прямоугольные и грушевидные. Круглые печи времени Намазга V имели в центре топки квадратный опорный столбик. Выше топки располагалась обжигательная камера. Через сквозные отверстия пода горячий воздух поступал вверх и обжигал равномерно расставленные здесь сосуды. Автор предполагает, что перекрытие обжигательной камеры этих печей имело куполовидный свод. Двухъярусные керамические печи этого типа на протяжении II тысячелетия до н. э. были широко распространены среди земледельческих племен Южного Туркменистана и Ближнего Востока.

Подобные керамические печи найдены в очень небольшом количестве, но устройство их свидетельствует об их сходстве с печами раннеземледельческих общин. Дымовытяжные отверстия таких печей, как и у печей в Намазга, устраивались в противоположной топочному устью части. Имеются центральный опорный столбик и под, как у круглых и грушевидных печей времени Намазга V. Несомненно, это не случайное сходство, а один из примеров влияния культуры общин ранних земледельцев на культуру соседних степных племен. Двухъярусная печь с опорным столбиком в центре, который поддерживал под печи, была впервые применена племенами степных культур. Керамика степных племен, как неоднократно отмечали некоторые археологи, обжигалась в открытых печах, без наземного покрытия. В результате неравномерного распределения огня в этих печах обжиг сосудов оказывался неудовлетворительным и черепок в изломе был серый. Следуя своим южным соседям, керамисты Заманбаба обжигали столовую глиняную посуду в камере двухъярусной печи с куполовидным перекрытием. Горячий воздух, переходящий через отверстия пода в обжигательную камеру, обжигал сосуды равномерно и быстро.

Применение двухъярусной печи для обжига с керамическом производстве племен эпохи бронзы степного типа, несомненно, является значительным повышением производительности труда и качества изделий. Это большой шаг вперед в области термотехники. Еще более прогрессивный шаг в керамическом производстве — появление ручного гончарного круга. Заманбабинцы впервые среди степных племен применили гончарный круг. Около 6% общего числа учтенных сосудов изготовлены на ручном круге. Носители ямно-катакомбной и афанасьевской культур, а затем и их потомки — племена срубно-андроновских культур — на тысячу, а местами на две тысячи лет позже, чем заманбабинцы, познакомились с гончарным кругом.

Таким образом, в керамике Заманбабы мы видим закономерное развитие местного керамического производства, с одной стороны, и ее общее и конкретное сходство с керамикой соседних и отдаленных племен как степных, так и древнеземледельческих общин, — с другой.

Каменный инвентарь

В комплексах могильника и в материалах двух исследованных поселений имеется значительное количество каменного инвентаря (кремневые изделия и орудия из различных пород камня).

Значительную часть каменного инвентаря могильника и поселений составляют наконечники стрел. Более чем в 10 могилах найден 31 каменный наконечник стрел, а на поселениях — 16. Они в основном изготовлены из сероватого полупрозрачного кремня с дымчатой патиной. Среди них три наконечника из молочно-белого кремня, два — из окрем-

ненного сланца, один из камня яшмовидной породы, один из кристаллического халцедона и один корундовый.

Наконечники стрел культуры Заманбаба обычно листовидной (табл. XIX), реже миндалевидной формы (табл. XIX а, 19). В большинстве случаев они имеют овальное основание, иногда с небольшой выемкой на основании (табл. XIX а, 18). В трех случаях прослеживается слабо выраженный черенок (табл. XIX б, 6; XVIII, 22; XVII, 1). Почти все наконечники стрел тщательно обработаны с двух сторон техникой отжимной ретуши, а три полностью обработаны только с одной стороны, со стороны спинки. Со стороны брюшка они обработаны ретушью только с края. Середина пластинки остается необработанной. Важно отметить, что в одном случае кремневый наконечник с черенком последовательно выполнял три функции: сначала наконечника стрелы, потом сверла и, наконец, вкладыша составного серпа (табл. XVIII, 21).

На некоторых памятниках позднекельтеминарской культуры найдены наконечники стрел, дающие очень близкие аналогии всем типам двустороннеобработанных наконечников стрел культуры Заманбаба. Тожественные наконечники листовидной и миндалевидной формы с овальным основанием встречаются в Гисаре III, в поздних слоях Шах-депе, стадии Намазга V, в Анау и в Мургабе (Намазга VI), а также в других поселениях земледельческого юга.

В комплексах могильника и поселений найдено более 30 ножевидных пластинок, изготовленных также из серого прозрачного и полупрозрачного кремня. Две из них — из молочно-белого кремня. Ножевидные пластинки весьма тонкие, с острым режущим краем. Часто ретушь нанесена на оба рабочих края. Некоторые из них имеют редкую и очень мелкую ретушь. Попадались пластинки с выемкой, обработанной крутой затупляющей ретушью, рабочие края их сильно затуплены. По определению Г. Ф. Коробковой, ими скоблили деревянные или костяные изделия. Их можно назвать скобелями.

В коллекции имеются две проколки. Первая изготовлена на пластинке (табл. XVII, 13). Затупленный рабочий конец, очевидно, подправлялся дополнительной ретушью, о чем свидетельствует матовый цвет фасеток, расположенных на рабочем конце. Вторая изготовлена на наконечнике стрелы (табл. XVIII, 21). Рабочая часть ее частично сломана. Возможно, их использовали для сверления каменных бус.

В коллекции имеются пять призматических нуклеусов со следами снятия пластинок с трех сторон (табл. XIX б, 15; XVII, 5, 6, 9, 10).

Привлекают внимание вкладыши для серпов (табл. XIX б, 9, 12; XVIII, 2, 3, 9, 24; XVII, 3, 7, 15); найдено 14 экз. Два из них изготовлены из наконечников стрел серого, прозрачного и молочно-белого кремня, обработанных зубчатой ретушью, один — с двумя рабочими краями (табл. XVII, 3), другой — с одним (табл. XVIII, 21). При изучении Г. Ф. Коробковой следов на рабочих краях этих вкладышей под бинокулярным микроскопом с увеличением 28×56 в лаборатории первобытной техники ЛОИА АН СССР выяснилось, что в работе использовались оба лезвия. Однако следы изношенности в большей степени заметны с одной стороны, так как в процессе использования лезвия рабочих край подправлялся дополнительной ретушью, снимающей частично поверхность с линейным следом. Линейные следы в виде каметообразных фигур, параллельных рабочим краям, распространяются вдоль всего лезвия. Судя по сильной затупленности краев, зеркальной заполированности обоих лезвий и прилегающей к ним поверхности, они использовались как вкладыши составных серпов.

Пять вкладышей серпов (табл. XVIII, 2, 3; XVII, 15) изготовленные из пластинок серого прозрачного кремня, с одним рабочим краем, обработанные зубчатой ретушью, нанесенной со стороны брюшка. Следы сработанности видны на обеих сторонах лезвия. Они подобны следам на предыдущем экземпляре. В процессе работы лезвия подправлялись дополнительной ретушью, о чем свидетельствует матовый цвет расположенных по лезвиям фасеток в отличие от зеркальной заполированной рабочей поверхности.

Два вкладыша серпа (табл. XVIII, 9; XVII, 7) изготовлены из отщепов желтого, полупрозрачного и серого кремня с одним рабочим краем, обработанным зубчатой ретушью. Лезвия сильно затуплены, поверхность их с обеих сторон заполирована до зеркального блеска. На них отмечаются линейные следы, характерные для серпов. Всего из отщепов изготовлены три серпа, остальные — на пластинках. На них также наблюдаются линейные следы, характерные для составного серпа. Эти серпы в отличие от серпов с угловой заполировкой ранней трипольской культуры имеют зеркальную полировку по всей длине. Судя по сильной затупленности краев зеркальной заполированности, они использовались как вкладыши составных серпов. Подобные серпы, как отмечает С. Н. Бибилов, характерны для памятников развитого и позднего триполья⁵⁶. Вкладышевые лезвия широко распространены в позднелевчицких памятниках. Они встречаются и на раннем этапе этой культуры. Но более сходные серпы с зубчатой ретушью, подобные заманбабинским, мы находим в синхронных южных памятниках эпохи бронзы⁵⁷.

Таким образом, рассматриваемые кремневые орудия культуры Заманбаба говорят о том, что мастера владели высокой техникой изготовления кремневых орудий микролитического типа. Тонкость работы и ее мастерское выполнение, стройность наконечников стрел, несомненно, представляют огромный интерес, свидетельствуя о практических познаниях, накопленных племенами низовья Зарафшана на всем протяжении каменного века. Высокий уровень кремневой техники отчетливо демонстрирует и предыдущий этап истории этих племен.

На площадке поселения I обнаружен обломок каменного мотыжка удлиненной пластинчатой формы, с обломанными кончиками; сохранившаяся длина мотыжка 18 см, максимальная ширина 5,5 см. В сечении он имеет подтреугольную форму с затупленной рабочей частью (табл. XXI, 9).

На поселениях Заманбаба найдено 14 обломков песчаниковых зернотерок или терок, рабочая поверхность которых ровная или со слабой вогнутостью, почти незаметной. Встреченные зернотерки — плоские и небольшие (табл. XXI, 2, 3, 4, 10). Очевидно, из-за отсутствия здесь каких-либо камней даже небольшой кусок песчаника использовался максимально.

Несколькими экземплярами представлены в комплексах могильника и поселений удлиненные пестики с округлым сечением, изготовленные также из песчаника (табл. XXI, 1, 5, 6, 7, 8, 11). Всего их 11. Два — совершенно целые (табл. XXI, 7, 11), остальные — в обломках. Длина первого — 12—16 см, диаметр — 6—8 см, а второго соответствен-

⁵⁶ С. Н. Бибилов. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы, СА, 1962, № 3, стр. 2—24.

⁵⁷ E. Schmidt. Указ. раб., табл. LXIII, H2035; R. Pumpelly. Указ. соч. рис. 383; Б. А. Куфтин. О работах XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г., Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 279.

но — 8—10 см и 5 см. В одном случае пест массивный; очевидно, он имел большую длину и сечение 10 см (табл. XXI, 8). Рабочие края всех пестиков сильно стерты и изношены. Аналогичные пестики часто встречаются в памятниках южных областей, где сильно развито первобытное земледелие, основанное на орошении, и где широко применялись краски для различных целей⁵⁸.

Пряслица со сквозным отверстием представлены в материалах могильника и поселений тремя экземплярами, одно из них — терракотовое (табл. XVII, 26), два каменных — из змеевика и мрамора (табл. XX б, 18). Пряслица подобной формы широко распространены в памятниках степных племен и ранних земледельцев⁵⁹.

В некоторых могилах и на поселениях попадались небольшие речные гальки с различными мелкими пятнышками, откуда-то специально привезенные. В могиле 8 эти гальки находились в сосуде. На поселениях они часто встречались в различных ямах. Они окатаны, округлы, с заметными гранями. Вся поверхность их усеяна мелкими «глазками» зеленоватого оттенка. Размеры их одинаковы, с крупный каштановый орех. Видимо, их применяли при погребении.

Таким образом, мы располагаем достаточно полным комплексом каменных изделий, представляющих собой большой интерес в изучении техники производства кремневой индустрии древних обитателей Заманбаба. Эти племена еще сохранили высокую технику микролитического типа кремневой индустрии. Однако высокий уровень каменной индустрии этой культуры совсем не означает, что в производстве господствовали одни каменные орудия. Небольшое количество найденных предметов из кремня свидетельствует о резком уменьшении кремневых орудий в Заманбаба.

Важно отметить, что с появлением металла — нового материала для производства орудий труда — в хозяйстве заманбабинцев наблюдается резкое сокращение кремневого инвентаря, иногда даже исчезновение орудий (кремневых скребков, сверл, проколов, ножевидных пластинок и т. д.). Например, на одной неолитической стоянке Дарбазакыр за один сезон было обнаружено 3733 кремневых изделий, представляющих различные орудия труда, в то время как на поселениях и в могильнике Заманбаба найдено не более 130 экз. Несмотря на резкое уменьшение с появлением металла количества кремневых орудий, ухудшения обработки камня пока еще не намечается. Чрезвычайно высокой техникой, например, поражают наконечники стрел.

Украшения

При раскопке памятников культуры Заманбаба найдены украшения — бусы разнообразной формы, сделанные из различных пород камня. Породы камня определял Г. А. Ильинский (кафедра минералогии ЛГУ) и установил, что бусы заманбабинцы изготовляли из бирюзы, змеевика, агата, разновидностей известняка, мрамора и сланцев, каолина, лазурита, сердолика, хризопраза и яшмы. Встречаются также бусы из коралла, одна бусина изготовлена из тонкого золотого листа цилиндрической формы (табл. XXI б, 23).

Следуя классификации форм каменных бус, разработанной

⁵⁸ Т. Агпее. Указ. раб., табл. LXXIII, 579 а—с, 580 с; R. Pumpelly. Указ. соч., рис. 4 и 5.

⁵⁹ Б. А. Куфтин. О работах..., стр. 279.

Г. Г. Леммлейном⁶⁰, бусы Заманбабы можно разделить по форме на несколько групп (рис. 48).

1. Цилиндрические бусы, изготовленные в основном из бирюзы, полосатого битуминозного известняка, окрашенного известняка, лазу-

рита, каолина или мягкого, белого, мелкозернистого камня. Очевидно, был прав Г. Г. Леммлейн, назвав каолин специально сделанным искусственным камнем. Третью часть всей коллекции составляют бусы коротко-цилиндрической и удлиненно-цилиндрической формы (рис. 48, 1).

2. Дисковидные цилиндрические бусы, изготовленные только из каолина или искусственного камня. Они составляют 3—5% всех бус (рис. 48, 2).

3. Бусы бочонковидные или овалондальные, двустороннесеgmentированные перпендикулярно и параллельно оси у тонких концов (рис. 48, 3). Сверление бус весьма примитивно, биконические отверстия широкие. Очевидно, мастерам-сверлильщикам бус еще не была известна технология алмазного сверла. Поэтому оба края отверстия всегда широкие, внутри оно суживается, встречные отверстия часто не совпадают. Бусы этого типа изготовлены из агата, бирюзы, окремненного глинистого и би-

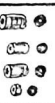
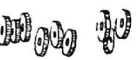
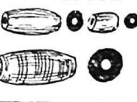
№	МОГИЛЬНИК	ПОСЕЛЕНИЕ
1		
2		—
3		
4		
5		
6		—
7		—

Рис. 48. Сводная таблица бус Заманбаба

1—цилиндрические; 2—дисковидные; 3—бочонковидные, или овалондальные; 4—бусы овалондальные с чечевицевидным сечением; 5—ромбические; 6—крестовидные; 7—полулунные

туминозного известняка, змеевика, лазурита, каолина, сердолика и яшмы. Размеры их различны. Они составляют 20% всех бус.

4. Бусы овалондальные, двусторонне-перпендикулярно-segmentированные у тонких концов, с чечевицевидным сечением (рис. 48, 4). Они изготовлены из агата, бирюзы, коралла, змеевика, часто различного известняка, мрамора, окремненного сланца, яшмы, одна бусинка из хризопраза. Технология сверления, шлифовка и полировка тождественны предыдущей форме. Они составляют более 25% всех бус.

5. Бусы ромбической формы изготовлены часто из окремненного мрамора и различных сортов известняка, редко из агата, в одном случае — из халцедона, в другом — из бирюзы. Эти бусы составляют 10% (рис. 48, 5).

6. Бусы крестовидной формы; в основном из каолина или искусственного камня (рис. 48, 6). Они весьма хрупкопористые и мелкозернистые, в двух случаях сделаны из бирюзы, причем, грязноватой. Одна из них содержит кусочек халцедона. Отверстия обеих бирюзовых бус более широкие, грубые; у остальных совершенно ровные. Видимо,

⁶⁰ Г. Г. Леммлейн. Опыт классификации форм каменных бус, ҚСИИМК, XXXII, М., 1950.

сверление каолиновых бус не представляло особых затруднений. Бусы такой формы составляют 5%.

7. Бусы полулунной формы, изготовленные в основном из известняка и мрамора (рис. 48, 7). Эта форма представлена всего несколькими экземплярами.

Бусы, сделанные из яшмовидных пород, особенно три агатовые бусины, сильно выветрились, потеряли молочно-белую, голубоватую или красно-бурю окраску и прозрачность и сохранили лишь слоистое строение камней. По мнению Г. Г. Леммлейна, они относятся к более раннему периоду, чем первая половина II тысячелетия до н. э. Вполне возможно, что часть этих бус была привозной, поскольку подобные бусы известны по некоторым памятникам раннеземледельческого мира южных областей III и даже IV тысячелетий до н. э.⁶¹

Найденные в могильнике Заманбаба и на поселении бусы поражают необычайно высокой техникой изготовления и известной стандартизацией форм при всем их разнообразии. Снаружи они отполированы до зеркального блеска. Мастера подбирали камни для своих изделий с большим вкусом и знанием материала. Южное происхождение всех без исключения прототипов заманбабинских бус несомненно. По материалу, форме и технике изготовления они весьма схожи, а в некоторых случаях и совершенно тождественны бусам ранних земледельцев⁶².

Среди большого количества разнообразных бус Заманбабы чрезвычайный интерес представляют бусы, сделанные из каолина и бирюзы, имеющие форму сложного креста. Эта форма характерна для южных областей. Б. А. Куфтин отмечает, что изображение креста широко распространено и характерно для Южного Туркменистана, оно часто встречается в росписях на керамике Намазга-депе, Кара-депе, особенно Инди-депе⁶³, а также на печатях с Намазга-депе V⁶⁴. Подобные изображения крестов известны в Тепе-Гисар. В слое Гисар III В найдена не только металлическая печать с изображением креста, но и совершенно идентичная бирюзовая бусинка⁶⁵. Однако большая часть бус, найденных в могильнике Заманбаба, несомненно, была сделана самими заманбабинцами по южным образцам. Косвенным подтверждением этого являются найденные в погребениях могильника и на поселении заготовки, бракованные бусины и куски цветных камней, и наконец, наличие близости ряда месторождений различных каменных материалов. Геологи, работавшие на территории Средней Азии, установили, что эта область довольно богата такими природными каменными ископаемыми, как бирюза, разные яшмовидные породы, сланец, известняк, мрамор, змеевик, сердолик и др.⁶⁶ В Средней Азии сейчас известно около 20 месторождений бирюзы. Несколько

⁶¹ В. И. Сарияниди. Энеолитические поселения геоксюр (Результаты работ 1956—1957 гг.), Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, табл. XIV, 1, 5—7, 23 и т. д.

⁶² E. Schmidt. Указ. соч., рис. 139, H3590; табл. LXVI, H3215, H3216; LXVII, H3591, H3592; LXVIII, H2426, H2107, H2786; LXIX, H2099, H2022, H3698, H2229; LXX, H2547, H1972, H3164; T. Agne. Указ. соч., табл. LXXV, 596, 599; LXXVI, 616 a—c, 617 a—b; В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 243; Б. А. Куфтин. О работах..., стр. 279.

⁶³ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 266, рис. 42; В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 300; табл. XXI, 2; XXIII, 1; XXIV, 10; XXVII, 5, 9; XXIX, 4.

⁶⁴ Б. А. Литвинский. Намазга..., стр. 48, рис. 12, 4; В. М. Массон. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 243; Он же. Южно-Туркменистанский центр раннеземледельческих культур, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, стр. 30, рис. 12, 9.

⁶⁵ E. Schmidt. Указ. соч., стр. 226, рис. 135, H2388.

⁶⁶ БСЭ, т. 24, 1953, «Кызыл-Кум».

бирюзовых месторождений зафиксировано даже в центральных и южных Кызылкумских горах, таких как Алтынтау, Букантау, Тамдытау, Султан-Уиздаг, Кульджуктау, Актау в местности Тасказган и в хребте Каратиюбе, в 50 км к ЮЗ от Самарканда, на границе Бухары, в Нуратинских горах⁶⁷. Как указывает М. Е. Массон, оникс добывался в Зарафшанских горах⁶⁸. По сообщению Вебера, — пишет Ферсман, — на горе Султан-Уиздаг издревле добывался сердолик⁶⁹. Бирюза высоко ценилась в Средней Азии, и «долгое время Средняя Азия снабжала весь мир этим камнем»⁷⁰. Возможно, часть этих месторождений была известна и первобытным людям, связанным с бесконечными поисками охотничьей добычи. Известно, что нишапурская бирюза славилась высоким качеством на Востоке, а бирюза Средней Азии, особенно рассматриваемого района, ценилась ниже нишапурской. В бусах Заманбабы имеется несколько экземпляров из загрязненной бирюзы зеленого оттенка, а в некоторых бусах (3 экз.) присутствуют зерна других пород камня (халцедон). Это свидетельствует о возможности изготовления бус из местной кульджуктауской загрязненной бирюзы, но не исключает предположения о южном происхождении лазурита, агата, сердолика и др. Бадахшанская ляпис-лазурь была известна не только всем древним земледельцам Востока, но и среднеазиатцам⁷¹. Бусы из бадахшанского лазурита были найдены в Майкопском кургане и в кургане станции Старомышастовской⁷².

Наряду с бусами в комплексах Заманбаба были обнаружены плоские подвески со сквозными отверстиями на одном узком конце, изготовленные исключительно из мрамора (табл. XX б, 5, 8). Поверхность их хорошо отшлифована, отверстие высверлено с двух сторон штифтовым сверлом. Подобные подвески часто встречаются в памятниках неолита в низовьях Зарафшана⁷³ и в комплексах ранних земледельцев⁷⁴.

Наибольший интерес представляют обнаруженные в некоторых могилах (12, 13, 17, 38) и на поселении наверхия для булавок. Одна часть их (6 экз.) сделана из известняка (табл. XX б, 15, 16, 17, 21), другая (12 экз.) — из хорошо обожженной глины (табл. XVIII, 28—30); XVIII, 22—25), но форма их одинакова. Часто они шаровидные (табл. XX б, 15, 16, 20), реже — удлиненно-грушевидные (табл. XX б, 17, 21), а в одном случае наверхие конусовидное, с острым концом (табл. XX б, 19). Недосверленное отверстие неглубокое. В двух случаях

⁶⁷ Г. Леонов. Соляные озера Самаркандской и Сырдарьинской областей, Горный журнал, вып. III, СПб., 1896, стр. 354; Он же. Отчет по исследованию соляных источников и коренных месторождений соли в Амударьинском отделе и в Ферганской области, Горный журнал, вып. IV, СПб., 1897, стр. 204; М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953, стр. 23; А. Е. Ферсман. Драгоценные и цветные камни России, т. I—II, Петроград, 1922, стр. 144; А. В. Виноградов, С. В. Лопатин, Э. Д. Мамедов. Кызылкумская бирюза, СЭ, 1965, № 2.

⁶⁸ М. Е. Массон. К истории горного дела..., стр. 14.

⁶⁹ А. Е. Ферсман. Указ. соч., стр. 250.

⁷⁰ Там же, стр. 251.

⁷¹ R. Pumphelly. Указ. соч., стр. 42; Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии, Сталинабад, 1954, стр. 26; В. М. Массон. Первобытно-общинный строй..., стр. 257; Б. А. Куфтин. О работах..., стр. 279.

⁷² А. А. Нессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, Известия ГАИМК, вып. 120, М., 1935, стр. 81, 82.

⁷³ У. Исламов. Кельтеминарская культура на Махандарье, Научные работы и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук, кн. 4, Ташкент, 1961, стр. 267.

⁷⁴ E. Schmidt. Указ. раб., табл. LXIII, H2772; LXX, H2835.

внутри отверстия — зеленоватые следы окиси и даже тонкий кусок меди. Очевидно, к ним подкреплялась медная булавка. Тожественные наверхия, изготовленные из камня и глины, можно видеть в более ранних, а также в более поздних этапах культур крашеной керамики южных областей. Широко распространены они и в слоях Гисар III⁷⁵, в южном холме Анау⁷⁶ и в других поселениях времени Намазга V.

В заключение еще раз отметим, что каменные бусы заманбабинцев поражают необычайной техникой изготовления и известной стандартизацией форм.

Бусы рассматриваемых форм, изготовленные из бирюзы, лазурита, известняка и различных яшмовидных пород, встречались в неолитических памятниках данного района⁷⁷. Очевидно, связи этих племен с югом, существовавшие еще в эпоху неолита, способствовали постепенному овладению технологией изготовления каменных бус племен низовьев Зарафшана.

Основной характерный признак техники изготовления всякой бусины как изделия — это сверление сквозного отверстия⁷⁸. В большинстве случаев сверление производится до шлифовки бус, так как, во-первых, просверленную заготовку удобнее удерживать при шлифовке, во-вторых, во время шлифовки легче исправлять ошибки центровки отверстия⁷⁹. Бусы, в основном, просверлены штифтом с помощью абразива. Особенностью технологии изготовления этих бус является подготовительная операция перед сверлением — шлифовка на заготовке торцевой поверхности. След этой шлифовки обычно шире сквозного канала бусины. На бусах и подвесках встречные отверстия часто не совпадают, поэтому можно наблюдать округлое дно отверстия, свидетельствующее о применении штифтового сверла. Широкие, биконическо-подобные отверстия этих бус и подвесок свидетельствуют о применении сверления с двух сторон. Правда, самые мелкие бусы изредка сверлились с одной стороны. На поверхности канала много концентрических тонких штрихов — следов зерен абразива. Очевидно, бусы просверлены металлическим (медь, бронза) сверлом. Вследствие сильного износа металла диаметр штифта был довольно большой и отверстия получались диаметром 3—5 мм, а иногда и больше. Канал бус отполирован в процессе ношения. Отверстия у мелких цилиндрических и дисковидных бус всегда цилиндрические, а у остальных — близки к биконической форме. Шлифовка и полировка очень тщательные, до зеркального блеска.

Таким образом, мастерское выполнение столь сложных операций изготовления каменных бус и подвесок еще раз подтверждает наши предположения о высоком уровне производства обитателей поселений Заманбаба.

Охра, мел и сурьма

В ряде могил были обнаружены комочки охры разного оттенка, мел и комочки сурьмы, величиной не больше горошины. Охра и мел отдельными кусками встречались также на поселении. Охра была

⁷⁵ E. Schmidt. Указ. соч., табл. LXIII, H2748.

⁷⁶ R. Pimprelly. Указ. соч., стр. 168, рис. 391, табл. 42; рис. 2, 7; табл. 43, рис. 4, 9.

⁷⁷ У. Исламов. Кельтеминарская культура..., стр. 267.

⁷⁸ Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе, КСИИМК, XVIII, М., 1947, стр. 22.

⁷⁹ Там же, стр. 23.

известна еще в глубокой древности и употреблялась с различными целями. У раннеземледельческих племен она использовалась при росписи керамики как краска для орнамента. У степных племен она широко применялась при погребальном обряде, костяки в могиле как бы окрашивались или обсыпались охрой. Например, охра разных оттенков (от красно-коричневого до лилового) была употреблена на наскальных изображениях Зараутсая, недалеко от которого она добывалась⁸⁰. Костяк, окрашенный охрой, встречен также в могильнике *Кайло*⁸¹ и др. Очень часто в могилах Восточной Европы мы находим краску и мел в порошке, а иногда в комочках⁸².

В прошлом столетии считалось, что чистая сурьма древним не была известна. Знали только ее руду — сурьмяный блеск (антимонит). Древние египтяне употребляли его в качестве косметического средства, называвшегося «местем», для чернения бровей. Это средство и до сих пор широко распространено на всем Востоке, откуда оно перешло в Европу — Грецию и Рим. Там оно было известно под названием «*Kalliblepharon*»⁸³. Обнаруженные комочки сурьмы в Заманбабе дают возможность предположить, что обитательницы низовьев Зарафшана использовали ее в тех же целях и что добывали ее где-то в Средней Азии⁸⁴. В составе медно-бронзовых изделий из Заманбабы оказалась естественная примесь сурьмы. Минералоги указывают, что сурьма встречается в качестве спутника в месторождениях олова, мышьяка и т. д.⁸⁵. Очевидно, сурьма не случайно оказалась в материалах культуры Заманбаба. Носители этой культуры сталкивались в процессе производства с различными месторождениями металла, драгоценных и простых камней.

Статуэтки

Наибольший интерес представляет обнаруженная в могиле 2 терракотовая, сильно схематизированная плоская стоячая статуэтка. Длина ее 15 см, ширина талии 4 см. Ниже талии, в правой половине имеются следы красной краски (табл. V, 5).

Обломок другой терракотовой фигуры найден на поселении (табл. XVII, 31). Однако она, в отличие от первой, удлинненно-круглая, лицевая часть ее слабо выражена, как и у предыдущей. Аналогичные стоячие статуэтки были обнаружены в слоях времени Намазга V⁸⁶, в поздних слоях Шах-депе⁸⁷, в Гисар-тепа III C⁸⁸ и в южном холме Анау⁸⁹.

Металлические изделия

Обитатели культуры Заманбаба довольно широко применяли изделия из металла. Прежде всего надо отметить найденный в могильнике обломок ножа с несколько изогнутой спинкой, очень плохой сохранно-

⁸⁰ А. Рогинская. Зараут-Сай (записки художника), М., 1950, стр. 29.

⁸¹ А. П. Окладников. Изучение памятников каменного века в Туркмении, «Известия АН ТуркмССР», 1953, № 2, стр. 31—32.

⁸² В. А. Городцов. Бытовая археология, М., 1910, стр. 152.

⁸³ Л. Нидерле. Человечество в доисторические времена, СПб., 1898, стр. 197.

⁸⁴ М. Е. Массон. К истории горного дела..., стр. 52.

⁸⁵ А. Г. Бетехтин. Курс минералогии, М., 1956, стр. 177—180.

⁸⁶ Б. А. Литвинский. Намазга-депе..., рис. 13, 11—12.

⁸⁷ Т. Агнє. Указ. соч., рис. 526.

⁸⁸ E. Schmidt. Указ. соч., табл. XLV, H3699.

⁸⁹ R. Pumpelly. Указ. соч., табл. 46, рис. 15.

сти (табл. XVI, 12). Он сделан из тонкой пластинки меди, согнутой пополам таким образом, что лезвия соприкасаются друг с другом. На поселении обнаружен другой нож, миниатюрный, с одним острым лезвием, длиной 2 см. В быту он непригоден. По размерам скорее всего относится к предметам женской косметики. Подобный же нож был найден М. П. Грязновым в могиле афанасьевской культуры в районе Батени (материал еще не опубликован).

Найдены два зеркала круглой формы, диаметром 8 см. Одно из них — в могиле 17 (табл. XVI, 9), другое — на поверхности разрушенной могилы (табл. XVI, 7). Такие же зеркала большего диаметра известны в III слое Тепа-Гиссар⁹⁰.

В комплексе металлических предметов имеются медная иголка и цельный бронзовый рыболовный крючок. Иголка круглого сечения, длиной 3 см (табл. XVI, 8). Рыболовный крючок по форме напоминает современные цельные крючки. Верхний конец его имеет овальное сквозное отверстие для закрепления нити, утонченный конец заострен, поперечное сечение — круглое (табл. XVI, 17). На острие крючка нет зубца, столь характерного для рыболовных крючков более поздних периодов. Древнейшие крючки, как отмечает А. П. Окладников, были составные и изготовлялись из камня и костей животных. Первые цельные металлические крючки появляются в памятниках глазковского времени Прибайкалья⁹¹, аналогичные пока единственному крючку культуры Заманбаба.

В могиле 36 обнаружена серебряная трубка длиной 12 см, толстый конец которой с торца закрыт. Примечательно здесь золотая цилиндрическая бусинка (табл. XX, 23). Среди металлических изделий особый интерес представляют миниатюрные лопаточки (табл. V, 4; XVI, 1—5, 10, 11, 13—16, 18). В двух случаях стержень веерообразный (табл. XVI, 3, 10). Они небольшие, длиной 12—16 см, одна, правда, крупнее — 28 см (табл. XVI, 18). Предметы подобной формы были найдены во II слое Шах-депе⁹², в Гисаре III⁹³ и на Кара-депе у Артыка⁹⁴. Э. Шмидт и Арне считают их «жезлами или эмблемами рода».

Символическое понятие жезла у первобытных племен являлось отражением объектов поклонения, благодаря которым они имели все средства существования. Этими символами, возможно, были у одного рода солнце, какое-либо животное, земля, вода и т. д. Они часто изображались в виде статуэток из глины, камня, кости, дерева, металла или изображались в виде орнамента на сосудах и других вещах. Так, на лопаткообразных вещах в памятниках южных областей имеется на одном конце сложное зооморфное или соллярное изображение, отражающее, очевидно, понятия, представления тех людей о том, что их существование связано только с данным объектом. Эти предметы фетишизированы членами рода. Видимо, Э. Шмидт и Т. Арне, исходя из этого предположения, называли их жезлами или эмблемами. Что касается назначения миниатюрных лопаточек из комплекса Заманбабы, на которых нет никаких изображений, то они скорее всего были косметическими приборами⁹⁵, поскольку они встречены только в женских

⁹⁰ E. Schmidt. Указ. соч., табл. LIV, H3192.

⁹¹ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, 43, 1955, стр. 88.

⁹² Т. Арне. Указ. соч., рис. 646 а—с.

⁹³ E. Schmidt. Указ. соч., табл. LII, H3562; LV, H2778.

⁹⁴ Б. А. Куфтин. Указ. соч., стр. 278.

⁹⁵ Я. Г. Гулямов. Археологические работы..., стр. 153.

могилах, причем в составе женских туалетных приборов. Например, могила 17 — лопаточка, зеркало, сурьма и комочки охры; могилы 1, 5, 13, 15, 18, 21, 23 — лопаточка, сурьма и комочки охры.

Все металлические предметы подверглись количественно-спектральному анализу в химико-технологической лаборатории ЛОИА (табл. 3).

Таблица 3

Спектральный анализ металлических предметов

Шифр лаборатории	Предмет	Медь	Олово	Свинец	Серебро	Сурьма	Мышьяк	Железо	Никель	Титан	Примечание
298—61	Зеркало	осн.	0,3	+	+	0,2	1	0,1	+	+	Бронза
293—61	—	осн.	+	+	+	0,2	0,1	0,01	+	+	
299—61	Нож	осн.	+	+	+	—	—	0,01	—	+	
306—61	Лопаточка	осн.	0,2	0,05	+	0,03	0,5	0,04	+	+	Бронза
300—61	—	осн.	0,3	+	+	—	—	0,03	+	+	
301—61	—	осн.	0,3	+	+	—	+	0,1	0,01	+	
302—61	—	осн.	+	+	+	0,05	—	0,01	—	+	
303—61	Обломок стержня лопаточки	осн.	+	+	+	0,05	0,5	0,4	+	+	Бронза
304—61	То же	осн.	—	+	+	—	+	0,03	+	+	
305—61	" "	осн.	+	0,5	+	—	0,5	0,01	+	+	Бронза
384—60	" "	осн.	—	+	+	0,03	0,7	+	+	+	Бронза
385—60	" "	осн.	+	0,1	+	0,4	0,3	0,4	+	+	
385—60	" "	осн.	+	+	+	—	1	0,3	+	+	Бронза
387—60	" "	осн.	+	+	+	—	1	0,02	+	—	Бронза
392—60	" "	осн.	0,01	0,05	+	0,03	0,05	0,03	+	—	
308—61	Трубочка	3	0,5	—	осн.	—	—	0,1	+	+	Серебро

Как видно из таблицы, почти все предметы содержали примесь мышьяка. В одном случае — 0,5% свинца, а в остальных — незначительное количество олова. Здесь, несомненно, — естественная примесь к медной руде. В разрушенных предметах невозможно установить абсолютный процент основного металла и примеси олова, мышьяка, свинца и сурьмы, но надо полагать, что в первоначальном виде их было больше, чем определено, примерно в 2 раза. В древнейших бронзах примеси олова, свинца, мышьяка никогда не превышали 3%. Исходя из этого, И. В. Богданова — Березовская, проводившая анализы, предполагает, что почти половина медных предметов — мышьяковистая бронза.

Медные вещи, обнаруженные в Анау, содержали также мышьяк или сурьму⁹⁶. Из раскопок Кара-депе (Южный Туркменистан) анализировано несколько предметов, содержащих мышьяк и до 2% свинца (результат анализа взят из лаборатории ЛОИА). В слсе Намазга V Б. А. Литвинским была обнаружена металлическая печать, состоящая из свинцового сердечника, обтянутого тонким листом. При химическом анализе выяснилось, что лист этот содержит 79,71% меди, 14,8% цинка, олова нет⁹⁷. Там же найдена иголка, в ней меди — 69,09%, цинка — 24,7%, олова нет. Анализы свидетельствуют, что здесь мы имеем дело со сплавом меди и цинка. Учитывая результаты анализов других металлических вещей из памятников Средней Азии и культуры Заманбаба, мы склоняемся к тому, что все медно-бронзовые предметы данного комплекса местного производства.

⁹⁶ R. Pimpelly. Указ. раб., стр. 152.

⁹⁷ Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы..., стр. 26.

На территории Средней Азии известен ряд медных месторождений, о некоторых из них даже есть более или менее верные сведения, позволяющие предполагать разработку их в эпоху первобытного общества. Одно из них находится в Нуратинских горах⁹⁸. Древняя выработка меди открыта геологом К. Б. Шулятниковым в восточной части Бухарской области, в Зирабулакских и Зиаутдинских горах, в местности «Мискан» и «Кальта Мискан». Юго-восточнее кишлака Кальта найдено 6 древних выработок⁹⁹. Однако еще не известно, использовались ли они первобытными людьми эпохи бронзы.

По сообщению Вебера, в горах Султан-Уиздаг к северу от Султанбаба имеется медное месторождение¹⁰⁰. В горах Кукертли, прорезывающих Кызылкумы, инженером Богословским было обнаружено другое месторождение меди¹⁰¹. Об изобилии меди в разных частях Бухары, Букантау, Алтынтау, Керигетау хорошо знали местные жители¹⁰². Разведочными работами геохимической экспедиции АН СССР, произведенными в Центральных и Южных Кызылкумах, подтвердилось, что в южной части Букантау наряду с кремневыми орудиями встречаются медные шлаки, свидетельствующие о том, что в древности здесь производилась выплавка меди. Как подтверждает А. Ф. Соседко, «добыча меди здесь, несомненно, относится к древнейшим временам»¹⁰³. Следы разработок и выплавки меди, а также кремневые орудия встречаются на протяжении 40—50 км вдоль хр. Керигетау. А. Ф. Соседко предполагает, что здесь мы имеем дело «с переходом от каменного века к бронзовому, не здесь ли было одно из мест, где человечество пыталось применить для своих нужд металл, тем более, что в смысле климатического горы Букантау чрезвычайно благоприятны»¹⁰⁴. Б. А. Литвинский правильно отмечает, что открытие памятников в Хорезме и в низовьях Зарафшана раннебронзовой культуры в непосредственной близости к этим разработкам указывает на получение меди носителями этой культуры именно отсюда¹⁰⁵.

Таким образом, мы располагаем достаточным количеством металлических изделий, представляющих собой большой интерес в изучении нового производства племен низовьев Зарафшана.

Металлические предметы, судя по имеющимся материалам, в основном состоят из предметов личного туалета и косметики. Настоящего металлического боевого оружия не обнаружено. Однако на поселении I был найден небольшой обломок глиняной литейной формы. В одном случае, на твердых стенках дромоса могилы 36, наблюдались четкие следы острого, очевидно, металлического орудия типа тесла (теши), следы которого в плане прямоугольные, длиной 12—13 см, шириной 7—8 см. Подобные случаи нередко упоминаются В. А. Городцовым для Восточной Европы. Входные ямы и катакомбы,—пишет он,—со следами

⁹⁸ М. Е. Массон. К истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алма-Аты, Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г., Труды экспедиции, вып. XXXVII, М., 1936, стр. 7.

⁹⁹ Б. А. Литвинский. К истории добычи олова в Узбекистане, Труды Среднеазиатского государственного университета, вып. II, Ташкент, 1950, стр. 62.

¹⁰⁰ В. Вебер. Полезные ископаемые Туркестана, Прибавление 1, Пб., 1917, стр. 13.

¹⁰¹ П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии, М., 1932, стр. 58.

¹⁰² М. Е. Массон. К истории горного дела..., стр. 54.

¹⁰³ А. Ф. Соседко. Находка неолита в Центральных Кызылкумах в Средней Азии, журн. «Природа», 1931, № 11, М., стр. 1130.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы..., стр. 16.

острого орудия. Нанесенные удары — вертикальные, косые, причем на стенках оставались полосы длиной в 30 и более сантиметров. Судя по тонкости и изящности рабочего конца орудия и возможности производства выемок в столь плотной породе, как суглинок, в который при больших усилиях рабочих едва может проникать современная лопата и приостренные тонкие стальные изупы, необходимо заключить, что древние землекопные орудия были металлическими¹⁰⁶. Аналогичные следы орудий на стенках катакомбы в бывшей Харьковской губернии наблюдала и А. П. Трефильева¹⁰⁷.

Приведенные данные показывают, что металлические изделия и орудия производства были обычной частью материальной культуры заманбабинцев. Однако в это время еще отсутствовали древние разработки месторождений олова в данном районе, что, по-видимому, привело к тому, что бронза не получила широкого применения в производстве племен низовьев Зарафшана. Даже при высокоразвитом производстве земледельческого мира Средней Азии (Намазга V) мы не наблюдаем изобилия бронзовых орудий¹⁰⁸. Но даже первоначальное распространение металла оказало заметное влияние на общий уровень техники и материальной культуры обитателей Заманбабы. Удельный вес металлических изделий больше в сравнении с кремневым инвентарем. Если сравнить комплекс предметов Заманбабы с комплексами памятников афанасьевской или ямной культур, то металла больше в Заманбабе. С. В. Киселев неоднократно упоминает о редких находках металла в памятниках афанасьевской культуры¹⁰⁹. О. Г. Шапошникова отмечает, что основная часть орудий в эпоху ямной культуры изготовлялась из кремня и камня¹¹⁰. Так, в материалах хорошо изученного Михайловского поселения металлические предметы составили всего 1,4%, а в Заманбабе — 20%. Видимо, в Заманбабе каменные орудия уже заменяются металлическими, которые после изнашивания не выбрасываются, а переплавляются на новые изделия.

Таким образом, появление металла и распространение металлических изделий в хозяйстве племен низовьев Зарафшана времени заманбабинской культуры привели к значительным переменам в технике и к увеличению производительности труда. Металлические орудия теперь употреблялись для обработки земли, постройки домов, сооружения погребальных камер, а также в военных целях. С появлением металлических орудий изменился и сам способ производства.

Костяные изделия

При раскопках на поселении 1 обнаружено довольно много костных отбросов (более 6 тыс. в мелких обломках), среди них — 6 шил. Все шила изготовлены из трубчатых костей животных (табл. XVII, 8, 18, 32, 37, 38, 39). Рабочая часть их в сечении — круглая, отшлифованная до зеркального блеска. Верхняя часть их следов обработки не имеет. По определению Н. М. Ермоловой, одно из них сделано из метопы молодого осленка (табл. XVII, 18).

¹⁰⁶ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изъюмском уезде Харьковской губернии 1901 г., Труды XII археологического съезда, т. I, М., 1905, стр. 190.

¹⁰⁷ Е. П. Трефильева. Археологическая экскурсия..., стр. 135.

¹⁰⁸ В. М. Массон. Первобытно-общинный строй..., стр. 243.

¹⁰⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 49.

¹¹⁰ О. Г. Шапошникова. Поселения ямной культуры на нижнем Поднепровье, Автореферат, М., 1962, стр. 9, 10.

Вопросы датировки

Основываясь на имеющихся данных, попытаемся коротко изложить состояние вопроса хронологии культуры Заманбаба на данном этапе ее изучения.

Единство в обряде погребений могильника Заманбаба (на боку, в скорченном положении, в катакомбе), а также керамические и другие вещественные материалы поселений и могильника указывают на принадлежность культуры к одному определенному периоду. Обычай погребать покойников на боку в скорченном положении был широко распространен в бронзовом веке, земледельческих культурах расписной керамики и в степных культурах Поволжья и Северного Причерноморья. Этот обычай был характерен и для племен низовьев Зарафшана в эпоху бронзы.

При датировке заманбабинской культуры важную роль играют фрагменты привозных сосудов, найденные в могильнике Заманбаба. Один из них — фрагмент нижней половины биконического сосуда (табл. V, 1). Ниже изгиба тулова этого сосуда темно-коричневой краской со светлomu фону нанесены три параллельные горизонтальные линии, четвертая линия проходит у дна сосуда. Другой фрагмент — нижняя часть сероглиняного сосуда (табл. V, 3). Оба фрагмента принадлежат сосудам неместного производства. Во-первых, в Заманбабе орнамент на сосудах отсутствует, а биконическая форма вообще неизвестна, во-вторых, сероглиняные сосуды, а также сосуды на высоком помом поддоне в Заманбабе тоже неизвестны. Несомненно, они были привезены из южных областей земледельческих культур. Биконические сосуды, расписанные темно-коричневыми горизонтальными полосами, доходящими до самого дна сосуда, широко распространены в конце Намазга IV¹¹¹. Аналогичные остросереберные сосуды без орнамента имеются и в слое Гисар III C¹¹². Серолощенные сосуды на полых ножках характерны для времени Намазга IV и Намазга VI¹¹³.

Керамика культуры Заманбаба, хотя и не орнаментирована, по форме хорошо сопоставляется с керамикой ряда синхронных памятников. Цилиндрические сосуды с вертикальными, слегка расширяющимися в верхней трети стенками, с плоским дном, несомненно, являются результатом непосредственного влияния культуры южных областей. Сосуды эти более характерны для позднего слоя Шах-депе II а¹¹⁴, Гисар III B и C¹¹⁵, соответствующего времени Намазга V слоя Анау¹¹⁶ и Намазга-депе¹¹⁷. Аналогичный сосуд найден также в Тахирбай 3 (Намазга VI¹¹⁸). Цилиндрические небольшие стаканы (табл. Xa, 2—4) находят себе полные аналоги в слое Шах-депе II а¹¹⁹, Гисар III C¹²⁰ и в соответствующем слое Намазга V, в Анау¹²¹. Подобные сосуды там изготовлялись часто из алебаstra, но имелись и стаканы из глины.

¹¹¹ В. М. Массон. Расписная керамика..., рис. 8, табл. XXXI, 4, 14, 15; XXXII, 2, 13; XXXV, 6.

¹¹² E. Schmidt. Указ. соч., табл. LXII, H3584.

¹¹³ В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 306, 308.

¹¹⁴ Т. Агне. Указ. соч., рис. 364; табл. XXXVIII, 260; XXIX, 212; XXXII, 228; XXXIII, 233.

¹¹⁵ E. Schmidt. Указ. соч., табл. XLII, H4307; XXXVIII, H4227.

¹¹⁶ R. Pumpelly. Указ. соч., рис. 196.

¹¹⁷ Б. А. Литвинский. Намазга-депе..., рис. 109.

¹¹⁸ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. VIII, 12.

¹¹⁹ Т. Агне. Указ. соч., рис. 274, 354, 586а, 419.

¹²⁰ E. Schmidt. Указ. соч., табл. LIX, H5225; H2781.

¹²¹ R. Pumpelly. Указ. соч., табл. 11, 1, 2, 3; табл. 45; рис. 5; рис. 169.

Горшковидные сосуды Заманбабы с плоским дном, изготовленные на круге, хоть и редко, но все же находят общие параллели с керамикой раннеземледельческих культур из комплекса Намазга VI¹²². Некоторые лепные горшки Заманбаба сходны с лепными горшками чустской культуры¹²³.

Таким образом, здесь были и привозные сосуды времени позднего Намазга IV и VI, а также сосуды местного производства (рис. 47, 1—14), находящие себе полные аналогии в керамике ранних земледельцев, в основном стадии Намазга V.

Кремневые наконечники стрел культуры Заманбаба аналогичны поздним комплексам кельтеминарской культуры, но из-за отсутствия стратиграфических наблюдений нельзя дать правильной основы для синхронистических сопоставлений. В этом отношении памятники южных областей являются более надежными и убедительными. В Мургабском оазисе на поселении Аучин-депе обнаружен наконечник стрелы листовидной формы с овальным основанием и наконечник с черенком¹²⁴. Они стройны и тщательно обработаны с двух сторон, как и найденные в Заманбабе. Слой, где найдены эти наконечники, В. М. Массон относит к переходному этапу от Намазга V к Намазга VI. В южном холме Анау III, на террасе +21 фут, найден другой наконечник стрелы с черенком¹²⁵, а на средней террасе Анау III—несколько наконечников стрел листовидной и миндалевидной формы¹²⁶. Средняя терраса Анау III и +21 фут соответствуют времени Намазга V и раннему этапу Намазга VI. Аналогичные наконечники стрел имеются в слое Гисар III B и C¹²⁷ и Шах-депе¹²⁸ IIa¹⁻², что соответствует комплексу Намазга V¹²⁹. Следовательно, близкие параллели кремневого инвентаря культуры Заманбаба отмечаются в материалах древнеземледельческих культур в соответствующих слоях времени Намазга V и раннего Намазга VI.

Важно отметить большое количество в комплексах культуры Заманбаба глиняных и каменных наконечников для булавок, столь широко распространенных в памятниках древнеземледельческого юга времени Намазга V (табл. XVII, 22—25; XX 6, 15—17, 19—21).

Большой интерес для установления хронологии этой культуры представляют многочисленные бусы (рис. 48, 1—7), особенно восьмиконечные крестовидные (табл. XX a, 9, 11), обнаруженные в могильнике Заманбаба. Эта форма, как отмечает Б. А. Куфтин, характерна только для памятников южных областей. Позднее точно такие же бусы мы встретили в слое Гисар III B¹³⁰. Кресты изображались на металлических печатях времени Намазга V¹³¹ и Гисар III B¹³². Итак, многочисленные каменные бусы культуры Заманбаба, особенно в форме сложных крестов, находят себе аналогии в основном в комплексах ранних земледельцев периода Намазга V. Это сходство хорошо отражено и на металлических печатях племен.

Наконец, одной из датирующих находок может служить сильно схематизированная глиняная статуэтка, найденная в могильнике. Древ-

¹²² В. М. Массон. Расписная керамика..., табл. XXXVII, 6, 8; XXXVIII, 1, 3.

¹²³ В. И. Спришевский. Чустское поселение..., рис. 12, 2.

¹²⁴ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., табл. XIII, 10, 12.

¹²⁵ R. P. Umprell. Указ. соч., рис. 256.

¹²⁶ Там же, рис. 8; рис. 385, 386; табл. 44, рис. 5.

¹²⁷ E. Schmidt. Указ. соч., табл. LXIII, H1800, H1884.

¹²⁸ T. Arne. Указ. соч., рис. 566.

¹²⁹ В. М. Массон. Расписная керамика..., хронологическая таблица.

¹³⁰ E. Schmidt. Указ. соч., рис. 135, H2388.

¹³¹ В. М. Массон. Южно-Туркестанский центр..., рис. 12, 9.

¹³² E. Schmidt. Указ. соч., табл. XLIX, H1939.

нейшие женские статуэтки обнаружены в слоях Намазга III. Они изображают стоящих женщин, с подчеркнутой стеатопигией и широко распространены в пору Намазга II, где мы видим статуэтки двух типов. Первый тип — статуэтки с прямыми плечами, коническими грудями и опущенными вниз руками. Второй тип статуэток — без головы, но руки, ноги, грудь и талия передаются изящными, плавными линиями. Такая композиция продолжается и в пору Намазга III. Начиная с Намазга IV статуэтки становятся более схематизированными, теряют объемность, превращаются в условные плоскостные изображения¹³³. На стадии Намазга V¹³⁴ и в синхронных поздних слоях Шах-депе II¹³⁵ и Гисар III C¹³⁶ появились сильно схематизированные стоячие статуэтки, как и в Заманбаба (табл. V, 5). Таким образом, статуэтка культуры Заманбаба как по позе, так и стилистически может быть отнесена к наиболее поздним типам фигур южноземледельческих племен времени Намазга V.

Из приведенных выше данных видно, что привозные сосуды, ряд форм керамики, кремневый инвентарь, украшения, особенно крестовидные бусы, терракотовая статуэтка и некоторые другие предметы культуры Заманбаба больше всего аналогичны находкам памятников Южного Туркменистана и Северного Ирана. Поэтому, основываясь на наличии в могильнике привозных сосудов времени позднего Намазга IV и VI, еще в 1957 г. В. М. Массон ориентировочно датировал памятник самым концом III, или скорее всего первой третью II тысячелетия до н. э.¹³⁷ Керамика, обнаруженная на поселении Заманбаба, свидетельствует о наличии здесь гончарного круга (6% найденных сосудов изготовлены на круге). Это также не позволяет слишком «удревять» культуру Заманбаба. Изложенные данные частично синхронизируют памятники Заманбабы с материалами позднего Намазга IV, в основном же — с комплексом времени Намазга V и раннего этапа Намазга VI, а также соответствующим им поселениям Анау III, Шах-депе II и Гисар III В и С.

Культура Намазга IV, по мнению В. М. Массона, относится к последней четверти III и самому началу II тысячелетия до н. э. Намазга V очень непродолжительно, где-то в пределах первой половины II тысячелетия до н. э., и соответственно Намазга VI относится к середине и второй половине II тысячелетия до н. э.¹³⁸

Сопоставляя комплекс Заманбаба со слоями Гисар III В и С, а также Шах-депе II а, следует отметить, что проблема абсолютной хронологии памятников Северного Ирана эпохи бронзы остается еще во многом весьма неясным и спорным вопросом. К сожалению, в Гисаре и Шах-депе не обнаружены предметы месопотамского происхождения с бесспорной датировкой. Например, Э. Шмидт Гисар III датировал первой половиной II тысячелетия до н. э.¹³⁹ Мак Каун, возражая против датировки Контено (1750—1250) и Уоррена (1500—1200), синхронизирует Гисар III с раннединастическим периодом и предлагает

¹³³ В. М. Массон. О культе женского божества у анауских племен, КСИИМК, вып. 73, М., 1959, стр. 17—18.

134 R. Pumphrey. Указ. соч., табл. 46, рис. 15; Б. А. Литвинский, Намазга-депе... рис. 13, 11-12.

¹³⁵ Т. А г п е. Указ. соч., рис. 576.

¹³⁶ E. Schmidt. Указ. соч., табл. XLV, H3699.

¹³⁷ В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии, СА, № 4, 1957, стр. 48—49; Он же, Средняя Азия и древний Восток, М., 1964, стр. 185.

¹³⁸ В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 326.

¹³⁹ E. Schmidt. Указ. соч., стр 321.

датировать его III тысячелетием до н. э.¹⁴⁰. Вслед за Мак Кауном К. Шеффер определил дату Гисара III между 2300/2250 и 2000 г. до н. э.¹⁴¹ Г. Чайлд в рецензии на работу Мак Кауна указывает, что в слое Гисар III нет привозных вещей, а отдельные формы изделий, сходные с месопотамскими, еще ни о чем не говорят. Наоборот, некоторые элементы Гисара III имеют более поздние параллели, чем III тысячелетие до н. э.¹⁴² По мнению Пигготт, невероятно было бы датировать Гисар III ранее чем 2000 г. до н. э.¹⁴³ Арне поздние слои Шах-депе II а датировал 2300—1800 гг., или даже много позднее¹⁴⁴. В общей стратиграфии положение слоя Намазга V прекрасно показано раскопками Б. А. Куфтина на Намазга-депе. Связи и аналогии этого предпоследнего намазгинского комплекса достаточно определенно указывают на его синхронность верхнему слою Шах-депе II а и Гисар III В и С. Поэтому В. М. Массон датирует их, в основном, временем первых трех столетий II тысячелетия до н. э.¹⁴⁵

Учитывая все данные о синхронности памятников Заманбаба комплексам частично позднего Намазга IV и раннего Намазга VI и в основном времени Намазга V, Шах-депе II а и Гисар III В и С, можно ориентировочно датировать эту культуру первой половиной II тысячелетия до н. э. Конкретная узкая абсолютная хронология культуры Заманбаба может быть установлена только в случае применения метода радиоуглеродного анализа и после новых более многочисленных раскопок в низовьях Зарафшана.

Вопросы происхождения культуры Заманбаба

Вопрос происхождения заманбабинской культуры представляется очень сложным и в то же время весьма интересным, но на данном этапе он еще недостаточно хорошо изучен. В настоящее время исследован полный комплекс памятников этой культуры, поражающих необычным многообразием материалов, общий облик которых указывает на то, что хозяйство заманбабинцев развивалось не односторонне, а параллельно по двум направлениям. Оседлые племена заманбабинцев вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Важно отметить, что заманбабинская культура — своеобразный синтез двух разнородных компонентов. Сейчас некоторые данные подтверждают правильность подобного предположения. Они генетически связывают культуру Заманбабы с более древними местными культурами, входящими в круг культур степного типа.

Антропологический материал из могильника Заманбаба, имеющийся в нашем распоряжении, не может быть предметом специального исследования в рассмотрении данного вопроса, поскольку мы не рас-

¹⁴⁰ McCown D. Comparative stratigraphie of Early Iran. Chicago, 1942, хронологическая табл. II.

¹⁴¹ Schaeffer F. A. Stratigraphie comparee et chronologie de L'Asie Occidentale, London, 1948, хронологическая таблица.

¹⁴² V. A. Child. Ceramic Art in Early from Antiquity, vol. XVI, № 64, 1942, стр. 357—358.

¹⁴³ Piggott S. The chronology of Prehistorie norsh-west India, Ancient India, № 1, 1946, стр. 20.

¹⁴⁴ Т. Арне. Указ. раб., стр. 323.

¹⁴⁵ В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 323.

полагаем материалами из памятников степного типа Средней Азии предыдущих этапов¹⁴⁶.

Следовательно, невозможно пока говорить и о генетической связи между населением эпохи бронзы и неолита степных культур. Однако важно отметить, что этот район до поселения заманбабинской культуры был заселен неолитическими племенами кельтеминарского типа. В последние годы в низовьях Зарафшана нами было обследовано более 50 стоянок эпохи неолита и открыто многослойное неолитическое поселение кельтеминарской культуры. Конечно, племена этой культуры не исчезли бесследно. И вряд ли носители заманбабинской культуры являются пришельцами иноплеменной группы древнеземледельческого юга или северной ямно-катакомбной и афанасьевской культуры.

Очень интересно и наблюдение, проведенное нами на поселении Заманбаба 1. В северо-восточном углу раскопа, в шурфе, на глубине 160 см от поверхности под такыровидным суглинком залегает песок, в верхней части которого прослеживается культурный слой с отдельными древесными угольками. Среди них шесть хорошо обожженных черепков от двух сосудов. Три из них с ногтевым орнаментом, часто встречающимся в керамике памятников позднего этапа кельтеминарской культуры. Другой черепок — днище остродонного сосуда, без орнамента, остальные — от стенки сосуда, тоже без орнамента. Эти черепки содержат включения песка, они пористые, поверхность их желтая. Сам черепок по фактуре и технике изготовления совершенно тождествен керамике верхнего слоя. Видимо, на более раннем, еще малоизвестном нам этапе заманбабинской культуры еще существовал орнамент на керамике. Позднее все внимание мастеров было направлено на усовершенствование формы сосудов и их качество, как это произошло несколько раньше на юге¹⁴⁷.

Керамика периода кельтеминарской культуры на раннем ее этапе была богато орнаментирована. Позже орнаментация сосудов становится беднее, на значительной части сосудов вообще отсутствует. Упрощается сложная геометричность и потом, как основной узор орнаментального мотива на керамике, вступают ногтевые вдавления и косые насечки.

Следует отметить, что открыты группы новых памятников, материалы которых не только указывают на генетическую связь между племенами культур кельтеминарского неолита и заманбабинской бронзы, но

¹⁴⁶ Из-за плохой сохранности костных остатков из могильника Заманбаба изучено лишь 4 черепа: два В. Я. Зезенковой и два М. М. Герасимовым. По определению В. Я. Зезенковой, оба черепа (один мужской) долихокраниые. Лицо невысокое (61 а), со средневысокими глазами овальной формы. Лоб сильно наклонный, со среднеразвитым подпереносьем и средневыступающим надбровьем. Клыковые ямки средней глубины, нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. По общему облику череп близок к закаспийскому типу человека, обитавшего в древние времена в Туркмении (В. Я. Зезенкова. Материалы к антропологии Узбекистана и Туркмении, Сб. статей Ин-та истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1953, стр. 97—98).

Европеоидно-среднеземноморский тип. Во многом близкий к мужскому черепу человека, обитавшего в Южном Туркменистане в III тысячелетии до н. э. Но есть и отличительные признаки. Так, у черепов, найденных в Южной Туркмении, по средним данным, лицо относительно невысокое, мезогнатное, лоб средненаклонный, нос широкий и сильно выступающий. (Т. А. Трофимова. Расовые типы населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы, КСИЭ, вып. XXXVI, 1962, стр. 85—92). Данных о черепах, изученных М. М. Герасимовым, в печати пока нет. По устному сообщению исследователя, эти два черепа аналогичны предыдущим черепам из Заманбабы.

¹⁴⁷ В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 307.

и выступают как новый археологический этап в развитии культуры древних племен в степной зоне Средней Азии.

Весной 1963 г. в юго-восточной части Большого Тузкана были открыты и исследованы остатки развешенной стоянки — Большой Тузкан 35¹⁴⁸. Здесь обнаружено значительное количество вещевого материала — керамики и каменного инвентаря. Со всей площади стоянки собрано более 1000 черепков от различных сосудов. Подавляющая часть их (98%) не имеет никаких наружных украшений. Встречаются сосуды с плоским дном, песчаной подсыпкой, а также круглодонные сосуды, идентичные сосудам второй группы керамики заманбабинской культуры.

Привлекает внимание обломок прямоугольного сосуда-кормушки, ранее не встречавшегося в материалах памятников позднего кельтеминара. На площади стоянки найден обломок медной поделки. В коллекции имеется несколько обломков песчаниковых зернотерок или терок заманбабинского типа и большой набор кремневого инвентаря, состоящего из пластинок, скребков, проколов, вкладышевых серпов и листовидных наконечников стрел, которые, как и другие, позволяют датировать памятник завершающим этапом кельтеминарской культуры, т. е. последней четвертью III и самым началом II тысячелетия до н. э.

Осенью 1964 г. при разведке в районах Каптарникуми в низовьях Зарафшана по сухому руслу Гуджайли еще в трех пунктах открыты и обследованы остатки развешенных стоянок¹⁴⁹, синхронных стоянке Большой Тузкан 35. На площади этих стоянок собрано около 600 черепков не менее чем от 33 сосудов. Из них лишь шесть оказались орнаментированными. Облик керамики и состав ее теста сходны с керамикой предыдущего этапа. Однако в отличие от керамики тузканских памятников она сравнительно грубая и толстостенная. На этих же стоянках обнаружены четыре обломка медной поделки, обломки зернотерки и комплекс кремневого инвентаря, в котором почти отсутствуют различные скребки, пластинки с выемкой и затупленными краями, столь широко распространенные в предыдущем этапе кельтеминарской культуры. Чаще встречаются вкладышевые серпы, характерные для более поздних периодов.

Некоторые формы керамики периода кельтеминара находят себе близкие параллели или же свое дальнейшее развитие в керамике культуры Заманбаба. Так, яйцевидные сосуды Заманбабы удлиненных пропорций, с узким горлом и округлым дном напоминают яйцевидные сосуды удлиненных пропорций позднего кельтеминара; полусферические глубокие чаши находят аналогии в поздних этапах кельтеминарской культуры, когда орнамент постепенно редет, а на некоторых чашах отсутствует вообще¹⁵⁰.

А. В. Виноградов отмечает¹⁵¹, что яйцевидные сосуды, полусферические чаши, горшковидные круглодонные горшки с шаровидным или близким к нему туловом и отогнутым венчиком, а также плоскодонные горшки периода Заманбаба находят аналогии в комплексах Бешбулака, Лявлякана и многих других позднекельтеминарских памятников.

¹⁴⁸ У. Исламов. Предварительный отчет о результатах полевых работ за 1963 г. Отчет хранится в архиве сектора археологии Института истории и археологии АН УзССР.

¹⁴⁹ А. Аскарлов. Предварительный отчет о результатах полевых работ за 1964 г. Отчет хранится в архиве сектора археологии Института истории и археологии АН УзССР.

¹⁵⁰ А. В. Виноградов. Новые неолитические находки..., рис. 7, 8, стр. 80.

¹⁵¹ Там же, стр. 80—81.

Учитывая все сказанное, можно допустить, что заманбабинцы являются определенной группой племени степного типа, предшественники которой были местными неолитическими племенами.

Известно, что на протяжении IV—III тысячелетий до н. э. в Средней Азии существовали бок о бок две культурно-хозяйственные провинции: на юго-западе — общины ранних земледельцев, а на остальных пространствах — неолитические охотничье-рыболовецкие племена. Эти племена, обитавшие в обширных степях и оазисах равнин Средней Азии, не могли жить изолированно друг от друга. Интенсивное развитие производительных сил в рамках первобытных общин и повседневное повышение потребностей населения в продуктах питания, несомненно, привело к установлению культурных связей между различными племенами.

О существовании подобных связей между племенами древнеземледельческих и кельтеминарских общин неоднократно упоминалось в материалах кельтеминарской культуры¹⁵². Культурные связи между этими племенами еще более развиваются во II тысячелетии до н. э., когда происходят существенные изменения в хозяйстве и жизни населения Средней Азии. Контакты племен степей Средней Азии с высокоразвитыми племенами юга способствовали улучшению хозяйственной жизни населения степей. Во II тысячелетии до н. э. здесь, хотя и сохраняется соотношение двух культурно-хозяйственных провинций, сам характер связей и границы меняются. Целый ряд изменений происходит и внутри самих провинций. Одно из важных изменений степного мира в начале этого периода — сложение своеобразной заманбабинской культуры в низовьях Зарафшана, явившейся результатом взаимодействия двух культур общин ранних земледельцев и позднелитических-энеолитических племен. Носители этой культуры, находясь в районе стыка степных и земледельческих культур, подверглись сильному влиянию более передовых южных племен, откуда заимствовали навыки возделывания культурных злаков, гончарства и других ремесел.

Интенсивное развитие производственных сил в начале этого периода привело к развитию у степных племен скотоводства, а в общинах южных племен — земледелия. Дальнейшее развитие межплеменных культурных связей приводит к тому, что оседлые племена заманбабинцев стали вести комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство.

После открытия памятников культуры Заманбаба некоторые исследователи¹⁵³ высказали предположение, что древнеямная культура появилась в Причерноморье в сложившемся виде откуда-то с юго-востока. Подтверждение тому они видят в материалах пещеры Джебел близ Красноводска и могильника Заманбаба, в которых обнаружена остродонная посуда с характерными следами заглаживания стенок. Заманбабинцы, возможно, имели какие-то связи с племенами ямной культуры, но нельзя синхронизировать культуру Заманбаба с более древним этапом ямной культуры и искать в нем источник ее происхождения. Мы еще не располагаем материалом, подтверждающим культурные связи между носителями древнеямной и заманбабинской культур. Найденный в Заманбаба круглодонный сосуд со следами заглаживания также не является свидетельством какой-либо непосредственной связи между этими племенами. Заглаживание — лишь технический прием,

¹⁵² С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., Изд-во АН СССР, 1948; Он же. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., Изд-во АН СССР, 1948; А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., стр. 25—45.

¹⁵³ Н. Я. Мерперт, И. Ф. Смирнов. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС, КСИА, вып. 84, М., 1961, стр. 4—6.

существовавший в керамическом производстве на определенном уровне развития той или другой группы племен земного шара. Напомним, что в период ямной культуры над могилами умерших сооружались курганы, причем под каждым из них всегда находится несколько могил. Таким образом, каждый курган представляет собой небольшой могильник¹⁵⁴. Дно ямы и погребение часто посыпали известью и краской¹⁵⁵. Положение костяков на раннем этапе ямной культуры обычно на спине с поднятыми вверх коленями. В могильнике Заманбаба умерших хоронили в подбоях (катакомбах), без курганов, в обширном могильнике, могилы в котором были близко расположены друг к другу. В могиле преобладают единичные захоронения в одной яме. Подсыпка красной краской встречена лишь в одном случае (могила 15), в остальных случаях краска и мел попадались в комочках величиной не больше горошины. Скелеты лежат на боку, в скорченном положении. Такой обряд в Причерноморье был широко распространен в более поздних памятниках эпохи бронзы. В Заманбаба основная часть керамики по облику весьма развита, и в керамическом производстве, хотя и редко, но применялся гончарный круг.

В памятниках древнеямной культуры мы еще не встречали ни одного предмета заманбабинской культуры. Следовательно, на наш взгляд, было бы неверным говорить о едином происхождении этих культур. Скорее всего, культура Заманбаба входит в круг культур степного типа со своим характером хозяйства и быта, подобным хозяйству и быту степных племен Восточной Европы и Южной Сибири так же, как и сходством в погребальных обрядах (катакомба, наличие охры, мела и др.).

Носители заманбабинской культуры, несмотря на сильное воздействие со стороны высокоразвитых раннеземледельческих племен, не были ассимилированы, хотя и претерпели некоторые коренные изменения в своем хозяйстве. Они остались представителями одной из групп древних степных пастушеско-земледельческих племен.

Подводя итоги, можно сказать, что заманбабинцы являются группой племен степного типа, предшественниками которой были местные неолитические племена. Однако эта культура не является результатом непосредственного развития охотничьих племен данного района. В сложении этой культуры большую роль сыграло влияние высокоразвитого хозяйства древнеземледельческих племен, которым был свойствен степной характер хозяйства и быта, но они испытывали и сильнейшее влияние своих высокоразвитых юго-западных соседей.

¹⁵⁴ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изъюмском уезде Харьковской губернии 1901 г., Труды XII археологического съезда, т. I, М., 1905; Он же. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г., Труды XII археологического съезда, т. I, М., 1905.

¹⁵⁵ В. А. Городцов. Бытовая археология..., стр. 152.

Глава вторая

НИЗОВЬЯ ЗАРАФШАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

Изучение древнейшей истории племен низовьев Зарафшана, несомненно, представляет большой интерес, так как дает возможность убедиться в своеобразии их культуры. Даже при предварительном рассмотрении культуры заманбабинцев нетрудно заметить, что она занимает особое место среди остальных археологических культур степного типа. Она отличается высоким уровнем техники и производительности труда, о чем свидетельствуют все материалы культуры Заманбаба.

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период в жизни и материальной культуре племен низовьев Зарафшана происходили существенные изменения. Прогрессивный характер этого перелома несомненен. Если кельтеминарские памятники характеризуют сложившуюся культуру неолитического времени, показывают жизнь степных охотников-рыболовов и собирателей в эпоху материнского рода¹, то заманбабинские памятники дают яркое представление о другой своеобразной культуре, сменившей кельтеминарскую, уходящую своими корнями в глубь каменного века.

При рассмотрении комплексов орудий труда, украшений и керамики мы, проводя типологические параллели, каждый раз отмечали относительно высокий уровень техники в различных отраслях производства племен культуры Заманбаба. Поэтому, избегая повторений и исходя из имеющихся материалов, попытаемся проследить изменения, происходившие в хозяйственно-бытовой и общественной жизни населения низовьев Зарафшана в первой половине II тысячелетия до н. э.

Вопросы хозяйства и быта

Опираясь на имеющиеся данные о культуре Заманбаба, можно допустить, что основными отраслями хозяйства в этот период были оседлое скотоводство и земледелие, а подсобными — охота и рыболовство.

На существование скотоводства указывает лишь остеологический материал, найденный главным образом на поселении Заманбаба I и частично в могильнике. На поселении обнаружена масса кухонных костных отбросов (более 6000 в фрагментах). Кости в мелких обломках, весьма плохой сохранности, из-за чего только незначительная часть их могла быть исследована. Остеологический материал изучала в Ленинграде

¹ По этому вопросу см. I раздел данной работы.

Н. М. Ермолова. По ее определению, в нем преобладают кости мелкого рогатого скота: козел домашний — 6 особей, баран — 4 особи (по астрагалам 6 особей) и 57 костей мелкого рогатого скота, ближе не определенных (*carpovinae*).

Встречено большое количество костей крупного рогатого скота. Из-за плохой их сохранности удалось определить только 5 коров. Интересно, что не найдено костей лошади и верблюда, характерных для хозяйства «чисто» скотоводческих племен.

В нескольких могилах (6, 23, 26, 35 и 36) обнаружены кости домашних животных (козла, барана и коровы), лежавшие в беспорядке в разных местах ямы. В могилах 35 и 36 их оказалось больше. По всей вероятности, большая часть их принадлежит крупному рогатому скоту. Предполагаем, что население Заманбаба в большей степени разводило крупный рогатый скот, хотя количество костей коровы сравнительно невелико. Несколько иным было соотношение видов скота в реальном стаде, «так как мелкий рогатый скот более плодовит, то одинаковое количество костей крупного и мелкого рогатого скота в составе кухонных остатков получается при стаде, в котором число голов мелкого скота в 2—3 раза меньше, чем крупного. Учитывая это обстоятельство, следует считать, что во всех известных нам поселениях эпохи бронзы крупного рогатого скота было больше, чем мелкого»². Оседлым племенам было выгоднее разводить крупный рогатый скот, так как он обеспечивал население молочными продуктами. На Михайловском поселении количество костей домашних животных составляло 89,5%. Больше всего в стаде было быков (38%)³. В катакомбных могилах быв. Изъюмского уезда (по раскопкам Городцова) кости крупного рогатого скота составляли 55,6%, а в быв. Бахмутском уезде — 100⁴. В районе быв. Пензенской губернии (раскопки Кривцовой-Граковой) на поселении Зимница I кости крупного рогатого скота составляли 57,9%, а на поселении Зимница II — 54,3%⁵.

На основании остеологического материала можно говорить о наличии у племен — носителей заманбабинской культуры — развитого оседлого скотоводства. Приручение домашних животных, начатое еще в предшествующее время (период кельтеминарской культуры)⁶, к эпохе заманбабинской культуры, видимо, было почти завершено.

С. В. Киселев на основе анализа остеологических материалов памятников афанасьевской культуры приходит к выводу, что скотоводство в то время было не настолько развито, чтобы сломать старый, неолитический быт приречного охотника-рыболова. Стада были еще малочисленны, а охота на диких животных очень развита. Афанасьевцы первыми в Минусинском крае стали разводить домашний скот, однако эта отрасль еще не была главным источником их существования⁷. М. П. Грязнов на основании астрагалов барана, обнаруженных в неолитическом погребении в с. Батени на Енисее, предполагает, что первые попытки прируче-

² М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы, КСИЭ; № 26, М., 1957, стр. 23.

³ О. Г. Шапошникова. Поселения ямной культуры — на нижнем Поднепровье. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1962, стр. 11.

⁴ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы, М., 1935, стр. 93.

⁵ Там же, стр. 99 и 100.

⁶ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 77.

⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 47—48.

ния животных относятся к периоду до афанасьевской культуры⁸. Одомашнивание диких животных в Средней Азии началось в общине древнеземледельческих племен (очевидно, придомный скот) еще в V тысячелетии до н. э.⁹, а в Хорезме, в среде степных племен — в III тысячелетии до н. э.¹⁰ Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что в эпоху культуры Заманбаба скотоводство и земледелие поднялись до уровня, при котором они смогли сломать старый быт приречного, приозерного охотника-рыболова.

Племена — носители культуры Заманбаба, — кроме скотоводства, занимались и земледелием, игравшим в их хозяйстве важную роль. Об этом свидетельствуют найденные вкладыши серпов, каменные мотыги, зернотерки, пестики и остатки зерен пшеницы и ячменя¹¹.

При раскопках поселения на полу землянки и на развалинах керамической печи было встречено несколько кусков глиняной обмазки. По определению профессора М. М. Якубцинера (Всесоюзный институт растениеводства) и Ф. Х. Бахтеева (Всесоюзный ботанический институт), в них имеются ясные следы цветочных пленок и обильные отпечатки соломки пшеницы и ячменя, а также зерновопленчатого ячменя¹². В некоторых могилах Заманбабы (11, 40) тоже были найдены обгоревшие зерна культурных злаков, но каких именно определить не удалось.

Весьма вероятно, что заманбабинцы преимущественно употребляли деревянные или костяные мотыги для рыхления земли, которые до нас не дошли. В этом отношении очень важно отметить этнографические материалы, из которых известно, что в лесах Конго часть племен банту обрабатывала до недавнего времени землю деревянными мотыгами¹³. Земледельческий инвентарь меланезийцев был чрезвычайно прост и примитивен. Он весь состоял из простой землекопалки. Это палка из твердого дерева 1—2 м длиной и 6—8 см толщиной, заостренная на конце¹⁴. И это было единственным орудием для рыхления земли. Ведущей и высокоразвитой отраслью хозяйства во всей Полинезии до прихода европейцев и позже было земледелие. На многих островах издавна применялось искусственное орошение. Однако инвентарь земледельческого хозяйства был очень несложен. Самым распространенным орудием был простой деревянный кол, при помощи которого поднимали и взрыхляли землю, а комья размельчали руками¹⁵. Пользовались заманбабинцы подобными орудиями или более сложными, так как они копали глубокие катакомбы и котлованы для землянок, — неизвестно, ибо нами они не обнаружены. На стенках катакомбной могилы 36 наблюдались лишь их следы.

При благоприятных условиях население Заманбабы интенсивно осваивало пригодные для земледелия места — около рек и стоячих озер на пойме с мощным гумусным слоем. Небольшие посевы на плодородных почвах давали значительный для тех времен урожай. С. П. Толстов полагает, что естественно орошаемое земледелие (заливные луга) выявляется по берегам протоков Акчадарьинской дельты, начиная со

⁸ М. П. Грязнов. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее, МИА, 39; М., 1953, стр. 335.

⁹ В. М. Массон. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, стр. 241.

¹⁰ С. П. Толстов. По следам..., стр. 77.

¹¹ Подробные характеристики этих орудий производства были даны в предыдущей главе данной работы.

¹² В. Х. Бахтеев. К археологическим раскопкам в Кызыл-Кумах, журн. «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1962, № 11, стр. 65—66.

¹³ Народы Африки, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 64.

¹⁴ Народы Австралии и Океании, М., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 396—397.

¹⁵ Там же, стр. 583.

времени андроновско-тазабагъябской культуры¹⁶. Естественно орошаемое земледелие с обвалованием небольших квадратных полей по берегам древних протоков Зарафшанской дельты, по всей вероятности, существовало до андроновской культуры. Племена Заманбаба, очевидно, были первыми земледельцами, занимавшимися обработкой естественно орошаемых земель в лиманных разливах низовий затухавших протоков дельты Зарафшана. Земледелие на заливных лугах было обычным для более северных зон срубной и андроновской культур. Но в дельтах Акчадарьи существовала особая форма поливного земледелия. На базе этой разновидности (с обвалованием, задерживавшим воду пойменных разливов), приспособленной к жаркому климату Средней Азии, развивалось земледелие южных, среднеазиатских районов¹⁷. Б. А. Латынин в свое время правильно отметил, что естественно орошаемое земледелие по берегам протоков акчадарьинской дельты у Кокча 3 вряд ли могло быть самой начальной его формой¹⁸. В этом отношении, несомненно, более заметную роль играют южные связи, так как общины степных племен в силу конкретных исторических и природных условий развиваются медленнее и в большей степени испытывают влияние передовых племен, что хорошо видно на примере хозяйства заманбабинцев.

Очень интересны в этом отношении обнаруженные глиняные статуэтки, изображающие богиню-мать, почитавшуюся многими древнеземледельческими племенами энеолита и эпохи бронзы. По-видимому, статуэтка является не только символом матриархата, но и тесно связана с развитием земледельческого хозяйства¹⁹.

Охота и рыболовство играют подсобную роль в хозяйстве заманбабинцев. К числу рыболовческих орудий можно отнести бронзовый рыболовный крючок. Кремневые наконечники стрел, несомненно, служили и орудием охоты. Подтверждением этому служат остеологические материалы, обнаруженные на поселении. По определению Н. М. Ермоловой, наряду с костями домашних животных (они составляют 85%) здесь встречены и кости диких животных — бухарского или тугайного оленя — 1 особь, джейрана — 1 особь.

Н. М. Ермолова считает, что кости осленка не относятся к кухонным отбросам. Очевидно, заманбабинцы использовали ослов в хозяйстве как тягловую силу. Следовательно, скотоводство и земледелие были уже основными, а охота — лишь случайным и неустойчивым источником существования.

С развитием таких мощных экономических факторов, как скотоводство и первобытное земледелие, резко увеличивается производительность труда. Как специальное земледельческое орудие появляется серп, применяемый для сбора посевов и заготовки корма для скота. Для размола зерна используются зернотерки, а для рыхления земли — мотыги.

Земледелие играло весьма важную роль в хозяйстве племен и было неотделимо от скотоводства, которое полностью удовлетворяло их потребности в продуктах питания. Основная пища населения — молочная и растительная, о чем свидетельствует ритуальная еда, которой «снабжали» умерших при погребении. В каждой могиле найдено по одному, два, три, а иногда и по несколько горшков с пищей, но не мясной, а

¹⁶ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., СВ, 1955, № 6, стр. 97—98.

¹⁷ Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы, СА, № 3, 1958, стр. 49.

¹⁸ Там же, стр. 49.

¹⁹ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау, «Известия АН ТуркмССР», 1954, № 1, стр. 28.

растительной или молочной. Только в пяти случаях (могилы 6,23,28, 35 и 36) обнаружены кости животных, находившиеся вне сосудов, в которых не было остатков пищи, в отличие от могил катакомбной культуры²⁰.

Обитатели Заманбабы жили в обширных жилищах полуземляночного, легкого наземного типа, площадью $100-150 \text{ м}^2$, а иногда и более. На площади поселения были обнаружены остатки трех древних жилищ. Одно из них, несомненно, зимнее помещение, вырытое в земле, а второе и третье — летние шалаши. Второе (шалаш № 1) по форме напоминает жилище, исследованное У. Исламовым на стоянке Дарбазакыр I. Жилище было наземным, типа шалаша, имело деревянный каркас в виде системы столбов и балок и камышовую кровлю²¹. Шалаш № 2, хотя по форме не имеет ничего общего с шалашом № 1, по существу является, как и он, легким наземным сооружением, на площади которого обнаружено несколько лунок от столбов каркасного перекрытия.

Для изучения конструкции домов обитателей Заманбабы важно детально рассмотреть жилище № 1, представляющее собой обширное, вырытое в тапыровидном суглинке помещение овальной формы, полуземляночного типа, вытянутое с СВ на ЮЗ (рис. 49). По наблюдениям во время раскопок можно восстановить некоторые детали их конструкции. По краям котлована, на участках, не пострадавших от разрушения,

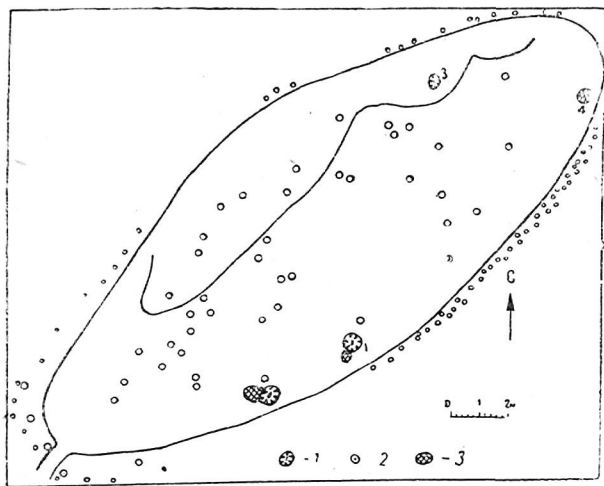

Рис. 49. План жилища № 1 с поселения Заманбаба;

1—очаги; 2—лунки от столбов; 3—ямы;

с наружной стороны видны два неправильных ряда наклонно вырытых ямок, вероятно, от столбов, служивших каркасом для перекрытия жилища, почти одного размера (глубина 5—8 см, диаметр 6—7 см). Ямки от столбов имеются и на полу землянки. Они тоже одного размера, круглые, диаметром 14—16 см, глубиной от 5 до 12 см. В отличие от

²⁰ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры, Труды ГИМ, 24, М., 1955, стр. 154—155.

²¹ У. Исламов. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963, стр. 34—35.

хозяйственных ям, они меньше, и в некоторых случаях их расположение более упорядочено.

Расположение наружного ряда столбов дает возможность предположить, что деревянный остоу кровли поднимался наклонно вверх, и наземная часть землянки имела двускатную пологую кровлю высотой не более 2,5—3 м (рис. 50).

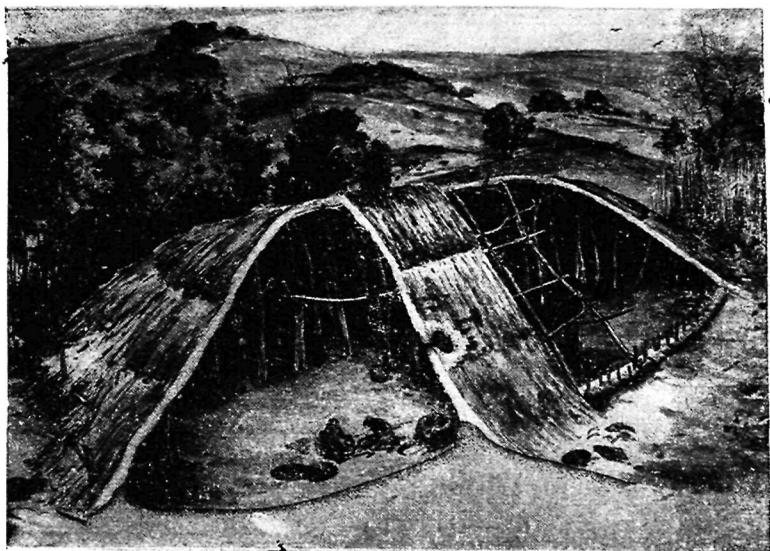

Рис. 50. Реконструкция жилища № 1 с поселения Заманбаба.

Подобные невысокие землянки в условиях Средней Азии очень удобны: зимой в них тепло, а летом прохладно. Следовательно, такие дома при недостатке строительных лесных материалов полностью удовлетворяли потребность первобытного человека в жилье.

Кровля землянки, видимо, покрывалась тростником, который сверху промазывали глиной, смешанной с соломой. Несколько кусков глиняной обмазки с отпечатками на ней тростника были найдены в разных местах землянки.

Куски обмазки со следами слабого обжига встречались, главным образом, на самом очаге и недалеко от него. Если учесть, что очаги находились недалеко от стен жилища, то возможно, стены обмазывались глиной, чтобы защитить деревянный каркас от огня. В этих местах глина могла быть слабообожженной. Очень важно отметить правильное определение направления ветра при размещении очага в помещении. Очаги располагались у южной стенки жилища. Если бы они находились у северной стены, то дым, проходя через дымовое отверстие, встречался с ветром, который бы загонял его обратно, и землянка всегда была бы заполнена дымом.

При восстановлении отдельных деталей конструкции землянки было довольно трудно определить место входа в жилище. Выше мы отмечали, что в помещении не было центрального очага. Возможно, не было и центрального верхнего отверстия, одновременно служившего свето-ды-

мовым и основным входным, как это предполагает и М. П. Грязнов²² на основании материалов раскопанных землянок бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону, или как это было в подземных жилищах у ряда палеоазиатских народов — у индейцев Британской Колумбии, камчадалов и коряков зимой, а в древности — у гиляков и индейцев Калифорнии²³, а также в V в. до н. э. в Армении²⁴. Очевидно, вход в жилище был сбоку. Некоторые наблюдения позволяют предположить, что вход находился с юго-западной стороны помещения: во-первых, вдоль юго-западного борта землянки находились 4 круглых ямки диаметром 13—15 см, глубиной 20 см. За ними следовали по два наклонно вырытых углубления небольшого размера, диаметром 5—6 см. Видимо, эти двойные столбики служили для поддержки больших столбов. Во-вторых, в юго-западной стороне жилища обнаружен узкий углубленный «ход» длиной 20 м, шириной 50 см. По этой «тропинке» может свободно пройти один человек. В-третьих, дно жилища постепенно повышается к юго-западу и выравнивается с этой «тропинкой». Этот ход бесспорно, был вырыт тогда, когда в жилище кипела жизнь, так как на «тропинке» попадались черепки, кости животных и другие вещи, относящиеся ко времени существования землянки. «Тропинка» была заполнена тем же песком, что и жилище. Нам известны памятники эпохи бронзы, на которых были обнаружены жилища с такими же входами, вырытыми в земле²⁵, но более широкими. Возможно, «тропинка» заманбабинского жилища служила лазом для детей и женщин или была подземным туннелем для поступления свежего воздуха в помещение, как подтверждает ряд этнографических параллелей. Известно, что у айнов (племя южного Сахалина) жители не входят в жилище через верхнее отверстие. Землянки имеют двери сбоку. Очаг в землянке находится ближе к двери, чем к другим стенам, а в землянках малых размеров — в середине. В очень больших землянках бывает два очага по углам, по обе стороны двери, с отдельными отверстиями в крыше для выхода дыма над каждым из них. Часто от очагов наружу выходит узкий подземный туннель для тяги²⁶. Камчадалы, как пишет С. Крашенинников²⁷, жили зимой в подземных жилищах, а летом в свайных постройках. Дымовое отверстие подземных жилищ служило одновременно окном и дверью, через которую в жилище спускались по бревну с зарубками. Это было единственное входное отверстие, но женщины с детьми могли входить и выходить через другое отверстие, называвшееся жупаном (щепоначь). Камчадалские жилища имели также подземный ход в форме узкого туннеля, идущего от очага наружу у одной из стен юрты. Туннель служил для тяги и открывался во время топки, в другое время выходное отвер-

²² М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону, КСИИМК, вып. 50, М., 1953.

²³ В. И. Иохельсон. Древние и современные подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки, Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете, Спб., 1908, стр. 55.

²⁴ Ксенофонт. Анабазис, кн. IV, гл. V, перевод М. И. Максимовой, М.—Л., 1951; Известия древних писателей, В. В. Латышев, Спб., 1900, стр. 69.

²⁵ М. А. Итина. Раскопки стоянок тазабгябской культуры в 1957 г., МХЭ, вып. 4, М., 1960, рис. 1, 3; М. А. Коногорова. Жилища 3—8 поселения Камский бор II, Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 2, М., 1961, рис. 3, 5, 8; В. П. Денисов. Кама-Жулановское III поселение, Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 2, М., 1961, рис. 4, 6, 8.

²⁶ В. И. Иохельсон. Древние..., стр. 23; А. О. Шренк. Инородцы Амурского края, т. II, Спб., 1899, стр. 23.

²⁷ С. Крашенинников. Описание земли Камчатки, т. II, ч. III—IV, Спб., 1919, стр. 24; В. И. Иохельсон. Указ соч., стр. 26.

стие его закрывалось снаружи травяной затычкой. Туннель был настолько узок, что через него в юрту можно было попасть лишь ползком. Туннель или другое приспособление для тяги встречается также в землянках коряков, алеутов, курильцев и калифорнийских индейцев²⁸.

Разумеется, большая землянка с входом через свето-дымовое отверстие, несомненно, требовала бы более прочной кровли. Жители Заманбабы в условиях Южных Кызылкумов вряд ли могли иметь достаточное количество лесных материалов для устройства такого сложного и прочного перекрытия.

Таким образом, изучение некоторых деталей конструкций жилищ и этнографических материалов позволяет предположить, что вход в жилище был сбоку, с северо-западной стороны помещения. Свето-дымовые отверстия располагались над каждым из очагов, а в центре вообще не было никаких отверстий. Середина помещения служила жилой частью и не была засорена отбросами. «Тропинка», обнаруженная с юго-западной стороны землянки, в зимнее время, вероятно, выполняла функцию форточки.

При сопоставлении жилищ заманбабинцев и племен раннеземледельческих культур юга мы не нашли никакого сходства. В этом отношении древнеземледельческие племена далеко ушли вперед, свои дома они воздвигали из сырцового кирпича²⁹. На раннем этапе развития домостроительства на юге (пам. Джейгун) мы видим прямоугольные однокомнатные дома рядом с хозяйственными помещениями, сооруженные из глиняных «булок» цилиндрической формы — предшественниц прямоугольного кирпича³⁰. С. Анау I А (конец V—IV тысячелетия до н. э.) появляются прямоугольные кирпичи. Позднее мы видим многокомнатные дома также рядом с хозяйственными помещениями. Скорее всего жилище Заманбаба входит в круг домостроительства общин степных племен, где подземные и наземные сооружения имеют круглую, овальную и прямоугольную формы. Из раскопок Михайловского поселения мно-катакомбной культуры известны два типа жилых сооружений — углубленные и наземные. В устройстве их главную роль играли камыш и глина. При сооружении наземных жилищ впервые начали применять камень³¹.

Особое внимание привлекает жилище Джанбаскала 4 кельтеминарской культуры³². Это было, предполагает С. П. Толстов, огромное наземное сооружение, воздвигнутое некогда на вершине песчаной гряды. В разрезе видно, что под слоем серовато-желтого дюнного песка идет культурный слой толщиной 40—50 см с находками. Ниже залегает темный золистый слой толщиной 6—10 см, содержащий наибольшее количество находок. На глубине около 1,5 м находки в песке прекращаются³³. Если учесть, что жилище было наземное, то при сильном его разрушении вряд ли сохранился бы слой с культурными остатками полутораметровой толщины на вершине песчаной гряды. Судя по разрезу, жилище племен кельтеминарской культуры могло быть прототипом заманбабинского подземного жилища.

Остатки одежды в материалах культуры Заманбаба найдены не были. Но обнаруженные в ряде могил Заманбаба находки дают пред-

²⁸ В. И. Иохельсон. Указ. соч., стр. 55.

²⁹ В. М. Массон. Средняя Азия и древний Восток, М., 1964, стр. 303—350.

³⁰ В. М. Массон. Первобытно-общинный строй..., стр. 233—249.

³¹ О. Г. Шапошникова. Поселения ямной культуры..., стр. 5, 7.

³² С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 59—66.

³³ Там же, стр. 60.

ставление не только об украшениях, бытовавших здесь, но и о характере одежды в целом, хотя почти все могилы разрушены или ограблены, и вещи не сохранили своего первоначального положения. Вряд ли все украшения, найденные в могилах, являются шейными, свободно висевшими на каких-то шнурках. Вполне возможно, что часть их была нашита на головной убор и нагрудник или висела на плечах. В могиле глазковского времени на Байкале «на грудных позвонках обнаруженного скелета лежали в беспорядке несколько бус из клыков марала»³⁴. В другой могиле на скелете, начиная от средней части грудной клетки до бедренных костей погребенного, сплошь лежали бусы различной величины, плотно прилежавшие друг к другу широкими плоскостями и составлявшие как бы толстый цилиндрический жгут. В области верхней части живота бусы превращались в широкое скопление, покрывавшее сначала позвонки, а потом раздваивавшееся по обеим их сторонам на две параллельные широкие полосы³⁵. Этнографические данные полностью подтверждают положение о том, что украшение одежды различными бусами, подвесками, нашивками — пережиток глубокой древности. До недавнего времени в деревнях Бухарской области можно было видеть молодую женщину (особенно среди аульных казачек-невест, живших в южных и центральных Кызылкумах), на камзоле у которой были нашиты бусы или серебряные монеты. На головном уборе старых женщин также можно часто видеть нашитые украшения.

В материалах Заманбабы обнаружено 3 пряслица (инструмент ткачества). Можно предположить, что одежда населения шилась из шерстяных тканей. Инструментом для вышивки одежд у племен заманбабинцев были медные иголки, представленные в материалах Заманбабы.

В комплексах культуры Заманбаба найдено 13 каменных и глиняных наверший для булавок. Несомненно, они являются верхними головками медных булавок. Внутри отверстий двух наверший обнаружена окись меди. Очевидно, на тупой конец медной булавки надевали или прикрепляли головку-навершие, о чем свидетельствует овальное утолщение на основании отверстия навершия. Такими булавками, вероятно, застегивали одежду.

Культурные связи

Многочисленные племена эпохи бронзы, обитавшие в обширных степях и оазисовых равнинах Средней Азии, не могли жить изолированно друг от друга. Появление орудий из меди, а затем из бронзы, пришедших на смену каменным и костяным орудиям, привело к существенным изменениям в хозяйстве степных племен низовьев Зарафшана. Ф. Энгельс подчеркивал большое значение появления металлургии, послужившей толчком к резкому повышению производительности труда в ту эпоху. «Из достижений в области промышленной деятельности на этой ступени особенно важное значение имеют два: первое — ткацкий станок, второе — плавка металлургических руд и обработка металлов»³⁶. Другим характерным фактором этого периода является завершение приручения животных, начатое еще в предшествующую эпоху. Развитие скотоводства, несомненно, увеличивало производи-

³⁴ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, 43, 1955, стр. 143.

³⁵ Там же, стр. 144.

³⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 161.

тельность труда, создавая возможность производить значительно большее количество продуктов и сделав «возможным регулярный обмен»³⁷.

Однако всеобщего эквивалента ценности еще не было, хотя уже начали устанавливаться определенные соотношения стоимости разных «товаров». Например, у племен банту (несомненно, уровень хозяйственно-общественного развития племен банту был гораздо выше, чем заманбабинцев) в Южной Африке за глиняный горшок отдавали столько зерна, сколько в нем помещалось; один ассгай (ударное копье) приравнивался к быку³⁸. Не исключено существование подобных обменов и между племенами степей Средней Азии и древнеземледельческого юга.

Развитие межплеменных связей на обширных пространствах Средней Азии могло быть осуществлено среднеазиатскими реками (Амударья, Зарафшан, Мургаб) и их притоками, служившими линиями коммуникаций, по которым племена низовьев Зарафшана могли проникать на север и на юг.

Огромное значение, конечно, имел факт существования во II тысячелетии до н. э. несравненно более передовых и в хозяйственном, и историко-культурном отношении древнеземледельческих племен Южного Туркменистана, Северного Ирана, Афганистана, чем племена низовьев Зарафшана. В этих условиях вопрос об обмене, хотя бы и первобытном, приобретает особое значение для понимания истории племен низовьев Зарафшана. Как мы уже говорили, в могильнике найдены привозные сосуды (донная часть биконического сосуда с росписью, относящегося ко времени позднего Намазга IV, поддон сероглиняной посуды стадии Намазга IV или VI). Интересна схематизированная стоячая статуэтка местного происхождения, аналогичная стоячим статуэткам времени Намазга V. Разнообразие форм сосудов Заманбабы находит аналогии в керамике памятников южных областей.

Особенно важно отметить, что под влиянием южных областей в керамическом производстве степных племен впервые применяется гончарный круг. В Иране он появляется еще в стадии Гисар I, в IV тыс. до н. э., а к северу от Копет-Дага — лишь в конце Намазга IV³⁹. Благодаря влиянию ранних земледельцев гончары Заманбабы первыми среди степных племен стали обжигать глиняную посуду в камерах двухъярусных печей с куполовидным перекрытием.

При рассмотрении культурных связей заманбабинцев и древнеземледельческих культур юга следует отметить сходство инвентаря кремневых орудий. Подобные заманбабинским наконечники стрел листовидной и миндалевидной формы с овальным основанием часто встречаются в Гиссаре III, в поздних слоях Шах-депе стадии Намазга V, в Анау и других поселениях земледельческого юга (см. гл. I раздела II).

Многочисленные бусы из полудрагоценных и простых камней тождественны по материалу, технике изготовления и форме бусам раннеземледельческих культур юга нашей страны и Ближнего Востока (см. гл. I, § 6). По определению Г. А. Ильинского, бусы Заманбабы изготовлены не менее чем из 15 пород камня, как агат, бирюза, змеевик, несколько разновидностей известняка, мрамора и сланцев, каолин, лазурит, сердолик, халцедон, хризопраз, яшма и др. Конечно,

³⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 160.

³⁸ Народы Африки, М., 1954, стр. 535.

Б. А. Куфтина, Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 317.

невозможно было добывать все перечисленные породы камня в пределах южных и центральных Кызылкумов, и несомненно, часть этих бус привезена откуда-то с юга. Интересны сведения о связях древнеземледельческих племен юга с классовым обществом Элама и Шумера. В одном из Шумерских сказаний рассказывается, что правитель Урука задумал подчинить владетеля Аратты и потребовал присылки золота, серебра, лазурита, драгоценного и строительного камней. После многочисленных перипетий в Аратту был послан Урукский караван с зерном, а в обмен получены лазурит и халцедон⁴⁰, бусы из которых были найдены в Заманбабе. Отметим также, что на западе Узбекистана нет месторождений лазурита. Видимо, заманбабинцам был известен бадахшанский лазурит. Подобные связи между племенами юга и низовьев Зарафшана существовали и до II тысячелетия до н. э.⁴¹

Таким образом, мы рассмотрели связи племен культуры Заманбаба и то влияние, которое оказывали на них племена ранних земледельцев юго-запада Средней Азии. Культурные связи между ними не могли быть односторонними. Однако еще недостает материалов, да и число памятников заманбабинской культуры очень невелико для того, чтобы заметить влияние, оказываемое заманбабинцами на культуру племен ранних земледельцев. Возможно, в дальнейшем это удастся выяснить.

Непосредственные связи отмечаются между заманбабинцами и племенами позднего кельтеминара. В первой главе данного раздела отмечались тесные связи между этими культурами.

В материальных комплексах ямно-катакомбной и афанасьевской культур еще не найдено вещей типично заманбабинских или наоборот. Говоря о непосредственных связях между племенами Заманбабы и древнеземледельческого юга, где бесспорно имелись элементы Южно-Туркменистанского происхождения, можно отметить некоторую связь между племенами культуры Заманбаба и древнеямной, катакомбной культур в Восточной Европе, а также афанасьевской культуры в Сибири.

О сходстве можно судить по наличию у тех и других остродонных сосудов яйцевидной формы, на поверхности которых видны следы от заглаживания сырой глины «гребенкой». Хотя это всего лишь технический прием, существовавший в керамическом производстве на определенном уровне развития того или иного племени, он может быть аргументом, определяющим их как степные племена Евразии.

Особого внимания заслуживают некоторые черты сходства заманбабинской культуры с катакомбной, выражающиеся не только в устройстве могилы типа подземной камеры-катакомбы, но и в близости таких керамических форм, как круглодонные лепные сосуды с отогнутым или чаще слегка расширяющимся горлом и несколько вытянутым туловом; плоскодонные лепные горшки с вертикальным горлом и округлыми боками. Если придать жаровням катакомбной и афанасьевской культур символическое значение «кормушки» для души, представлявшейся в виде птицы, то весьма заметно функциональное сходство заманбабинских прямоугольных сосудов с полукруглым отделением в одном из углов с курильницами катакомбной и афанасьевской культур.

Заманбабинские прямоугольные сосуды с отделением в одном из углов уже привлекали внимание некоторых исследователей, которые при

⁴⁰ Сэмюэл Н. Крамер. История начинается в Шумере, М., Изд-во «Наука», 1965, стр. 31—41.

⁴¹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СА, 1957, № 1, стр. 25—45.

первом ознакомлении принимали их за курильницы⁴², так как на внутренних стенках этих сосудов видны следы огня, а наружные закопчены. В 1961 г. на площади могильника Заманбаба нами были раскопаны еще 4 могилы. В одной из них (могила 44) обнаружен целый такой сосуд (табл. VII, 2), а на поселении извлечено 7 фрагментов подобных сосудов. Однако при тщательном изучении их вместе с материалами прежних раскопок следов нагара на стенках не обнаружено. Судя по народным преданиям и этнографическим данным, это «кормушки» для души-птицы. Среди населения Средней Азии существует старинное поверие, что после смерти душа человека не умирает, а превращается в «мургу-рух» (душа-птица), которая периодически посещает свое тело-скелет, лежащий в гробу. Забота о душах умерших, видимо, и привела к тому, что древний человек сознательно снабжал покойника именно таким сосудом с зерном и водой.

Подобное представление — несомненно, пережиток древнейших верований населения Средней Азии. Возможно, оно существовало и у заманбабинцев, и у племени ямно-катакомбной и афанасьевской культуры.

Для подтверждения нашего предположения о культурных сосудах культуры Заманбаба уместно привести устное сообщение профессора Института международных отношений Индии Раула. При ознакомлении с археологическими материалами музея при Институте истории и археологии АН УзССР его заинтересовало назначение знакомого ему по материалам Индии прямоугольного сосуда (кормушки), относящегося к культуре Заманбаба. Выслушав наши объяснения, он сообщил нам об аналогичной «кормушке», которая известна у народов Индии и в настоящее время. Оказывается, индусы по традиции, переходящей из поколения в поколение, после захоронения покойников тоже заботятся о душе-птице и снабжают покойника аналогичными сосудами с зерном и водой. Однако в отличие от обряда заманбабинцев, они не кладут «кормушки» в могилу, а вешают ее вечером на ветку дерева рядом с могилой умершего.

Можно также отметить, что в настоящее время в Средней Азии из подобных сосудов кормят птиц, наполняя одно отделение зерном, другое водой.

Некоторые сходства, наблюдаемые в погребальном обряде (мел, охра, уголь) и в хозяйственно-бытовой жизни (жилище и т. д.) населения Заманбабы и носителей катакомбной культуры, так же указывают на существование культурных связей между ними.

Нахождение охры и угля в могилах Заманбабы могло быть связано с лежащим в основе маздейской религии культом неугасимого огня, издревле обожествляемого кельтеминарцами⁴³. В. А. Городцов на основании своих наблюдений объясняет присутствие в могилах красной краски как символа огня⁴⁴. В захоронениях могильника Заманбаба этот культ хорошо выражен. Почти во всех могилах встречается древесный уголь, рассыпанный по площади могилы. Видимо, уголь мог заменить огонь, так как он приносит человеку тепло и свет, необходимые для жизни. Огонь — это часть солнца. Как и солнце, он греет, разгоняет тьму, это могущественный дух, которого боятся тьма и хищные звери.

Култ солнца, как источник добра, счастья и жизненного начала, выявляется и у племен окуневской культуры. На стеле кургана окунев-

⁴² Е. Е. Кузьмина. Могильник Заманбаба. СЭ, 1958, № 3, стр. 28, 78; Б. А. Латынин. Указ. соч., стр. 50.

⁴³ С. П. Толстов. Древний Хорезм..., стр. 61.

⁴⁴ В. А. Городцов. Бытовая археология, М., 1910, стр. 264.

ской культуры, использованной тагарцами как строительный материал, в Хакассии оказалось изображение человека — «солнечного божества» с расходящимися вокруг лучами⁴⁵. На поселении Заманбаба найден черепок от стенки хорошо обожженного парадного сосуда, на котором изображено солнце (табл. VII, 3). Солнце прочерчено дважды, одно в другом, с лучами вокруг. Важно отметить, что аналогичные изображения на сосудах часто встречаются и в памятниках древнеземледельческих культур юго-запада Средней Азии. Скорее всего, они связаны с культом солнца⁴⁶ и, возможно, имеют общие корни глубоких времен.

Первобытный обмен не ограничивался перечисленными выше предметами. Наряду с ними были, конечно, и другие, привозной характер которых установить сейчас довольно трудно, а иногда невозможно. Нужно также отметить, что племена низовьев Зарафшана находились значительно ближе к племенам, имеющим иную высокоразвитую земледельческую хозяйственную основу и более развитую технику, чем носители других степных культур. Различия в образе жизни и хозяйственном укладе должны были способствовать обмену между этими племенами и развитию материальной культуры и хозяйства племен Заманбабы.

Таким образом, здесь мы видим самые различные взаимоотношения племен. Культура Заманбаба, видимо, воспринимала элементы культур более развитых и, в свою очередь, содействовала развитию материальной культуры других племен.

Вопросы социально-общественного уклада

Основным материалом для понимания социального строя в низовьях Зарафшана эпохи заманбабинской культуры является общий уровень развития хозяйства и новые черты, появившиеся в погребальном ритуале, которые указывают на определенные изменения в жизни племен данного района в сравнении с предшествующим культурно-историческим периодом. Материал этот, конечно, имеет специфический характер. Он фрагментарен и ограничен по объему, но все же представляет собой интересный и довольно выразительный источник.

Своеобразие исторического развития племен заманбабинской культуры выразилось прежде всего в том, что здесь по-особому развивалось хозяйство. Племена Заманбабы, находясь ближе других обитателей степей к древнеземледельческим племенам, поддерживали с ними тесные культурные связи. Их общины в силу конкретных исторических и природных условий развивались более интенсивно и все в большей степени испытывали влияние своих высокоразвитых современников.

Характеризуя общий уровень хозяйства племен афанасьевской культуры, М. П. Грязнов отмечает, что «как бы ни велика была роль скотоводства в то время, оно еще не совершило решительного переворота в хозяйственной деятельности степных племен. Население степей не отказалось еще от прежних своих занятий — охоты и рыболовства. Скотоводство лишь дополняло их, но не заменяло»⁴⁷. Одновременно в хозяйстве культуры Заманбаба интенсивно развиваются земледелие и скотоводство, способствующие резкому увеличению производительности труда. Охота и рыболовство начинают играть подсобную роль в хозяйстве. Широко распространяются металлические изделия, быстро разви-

⁴⁵ А. Н. Липский. Раскопки 1953 г. в Хакассии, КСИИМК, № 70, 1957, рис. 24, 1.

⁴⁶ В. М. Массон. Первобытно-общинный строй..., стр. 239.

⁴⁷ М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства..., стр. 21.

вается гончарное производство. Экономика населения заманбабинской культуры резко меняется. На смену охотничье-рыболовному и собирательскому хозяйству пришло оседлое скотоводство и земледелие. Значительные перемены в хозяйстве заманбабинцев постепенно привели к изменению и общественного строя.

Изменения, происходившие в глубокой древности в общественном развитии первобытных племен заманбабинской культуры, можно проследить по могилам (№ 1, 3, 4, 6, 7, 21, 35, 36), содержащим парные погребения разнополых взрослых покойников. Из восьми парных захоронений только в двух случаях (могилы № 1 и 36) погребенные находились в первоначальном положении, остальные же могилы оказались сильно разрушенными, и судить о положении погребенных нельзя. В могиле № 1 два взрослых скелета — мужчина на правом боку, женщина — на левом. Оба костяка скорченные. Захоронение производилось одновременно. Череп мужчины пробит, и в нем найден кремневый наконечник стрелы. По всей вероятности, он погиб от ранения. Череп женского скелета совершенно целый, не удалось обнаружить следов насилия и в других частях скелета, видимо, женщина была умерщвлена способом, при котором следов насильственной смерти на костях не остается.

В могиле № 36 скелеты находились в ином положении. Костяк лежит на левом боку. У головы — большой фрагмент горшка; у ног — аккуратно сложенные кости другого скелета. По-видимому, эти кости относятся к первичному захоронению. При вторичном захоронении их сложили у ног нового погребенного. Здесь совершенно отчетливо предстает обычай одновременного погребения в одной могиле двух взрослых. Подобный обряд захоронения нередко наблюдался археологами. В североприазовском варианте катакомбной культуры в погребальном обряде случались вторичные захоронения в одной и той же катакомбе, причем при погребении новоумершего кости первичного захоронения отодвигались в сторону⁴⁸.

В раскопках А. И. Тереножкина в 1951 г. на р. Молочной были зарегистрированы случаи вторичного захоронения в одну и ту же катакомбу, первый скелет был отодвинут вглубь, а на его место захоронен другой, лицом к выходу из катакомбы⁴⁹. Анализируя подобные факты, встреченные в других памятниках эпохи бронзы, М. П. Грязнов предполагает, что появление парных погребений свидетельствует об установлении патриархального уклада в роду⁵⁰. Появление этого нового уклада было вызвано изменениями, происходившими в экономической жизни общества и приведшими к усилению роли мужчины в обществе. Муж стал захватывать в семье бразды правления, а женщина — утрачивать свое прежнее главенствующее положение. На самом начальном этапе патриархата женщина попадала в дом мужчины путем насилия и становилась не законной женой, имеющей какие-то права, а наложницей, рабыней. Поэтому возник обычай насильственного умерщвления жен, считавшихся личной собственностью своего похитителя; в этих условиях женщина в случае смерти главы семьи теряла единственную основу своего существования в недрах чужого ей рода⁵¹ и ее умерщвляли.

⁴⁸ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры..., стр. 86.

⁴⁹ Там же, стр. 144.

⁵⁰ М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства..., стр. 24.

⁵¹ М. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками, ПИДО, № 78, л., 1934, стр. 122.

Однако этот обычай, на наш взгляд, не имел всеобщего характера и не распространялся на всех женщин. Если женщину похищали с ее согласия, то она не могла быть насильственно умерщвлена. М. И. Артамонов, тщательно исследовавший этот вопрос, на основании археологических и этнографических данных приходит к правильному выводу, что обычай умерщвления жен и погребения их в одной могиле с умершим мужем возник в эпоху перехода от матриархального родового строя к патриархальному. Вскоре после установления патриархата, хотя еще и были сильны пережитки матриархата, похищение заменилось соглашением, ибо умерщвление привело бы к обострению межродовых отношений⁵². Некоторые исследователи (С. П. Толстов, С. В. Киселев и др.), разделяя мнение М. И. Артамонова, также считают, что при экзогамии жена находится под защитой своего рода, а поэтому насилие над ней просто невозможно⁵³. А. П. Окладников, подчеркивая редкость парных захоронений в этнографических материалах, пишет, что не каждый мог иметь жену-рабыню, которую бы можно было похоронить вместе с мужем⁵⁴. Кваксолты северо-западной Америки не убивают жен умерших, а заставляют их класть голову на труп мужа, когда его сжигают. Часто их вынимают из огня уже со смертельными ожогами. Очевидно, этот обряд представляет собой смягченный вариант прежде существовавшего сожжения жен вместе с умершими мужьями⁵⁵.

Обычай умерщвления, очевидно, характерен лишь для самой начальной поры перехода от матриархата к патриархату. Из 44 могил могильника Заманбаба 36 содержали одиночные погребения взрослых мужчин или женщин. В восьми могилах оказались парные захоронения. Одновременное захоронение (могила № 1) взрослых мужчин и женщин, видимо, является следствием случайного совпадения их кончины. Если учесть наличие здесь повторного захоронения (могила 36) и считать остальные 6 парных захоронений в разрушенных могилах разновременными, то можно предполагать, что племена Заманбабы в своем развитии ушли далеко вперед, и обычай насильственного умерщвления женщины при смерти мужа здесь уже не существовал.

Известно, что юго-западные современники заманбабинцев к тому времени достаточно далеко ушли от древних матриархально-родовых отношений и от первобытного равенства сородичей. У них возникли новые отношения, старая парная семья сменилась новой парной патриархальной семьей, материнское право — отцовским⁵⁶. На севере племена ямно-катакомбной культуры (на примере Михайловского поселения и многочисленных парных погребений с разновременными захоронениями) можно характеризовать как общество периода установления патриархального рода. Общество же заманбабинской культуры — это, очевидно, общество скотоводческо-земледельческих племен, находившееся где-то в конце переходного этапа от матриархальной общины к патриархальной. Судя по наличию парных захоронений, здесь брак впервые становится патрилокальным, и связи женщины с ее собственным родом после выхода замуж в значительной мере утрачивают свою силу. Экономической основой этих изменений явилось установление

⁵² А. И. Артамонов. Совместные погребения в курганах..., стр. 123—124.

⁵³ С. В. Киселев. Рецензия на книгу В. И. Равдоникаса, История первобытного общества, ч. II, КСИИМК, 1949, № 28, стр. 121.

⁵⁴ А. П. Окладников, Неолит и бронзовый век..., стр. 234.

⁵⁵ Тайлор. Первобытная культура, СПб., 1872, т. I, ч. II, стр. 40.

⁵⁶ М. Е. Массон. Краткая хроника полевых работ ЮТАИЭ за 1948—1952 гг. Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 239—240.

распределения труда между двумя полами. Таким образом начал складываться новый патриархальный уклад.

Накопление богатств в виде скота, орудий труда и оружия из металла, а также развитие межплеменного обмена постепенно приводит к тому, что богатства из владений рода переходят во владение отдельных патриархальных семейных общин. Парное захоронение мужчины и женщины символизирует зависимость женщины от мужчины. Мужские захоронения сопровождаются вооружением, а женские — украшениями и предметами домашней утвари. Это свидетельствует о том, что женщина занималась домашним хозяйством, а мужчина разводил скот, охотился и воевал.

Все эти черты характеризуют развитие нового общественного уклада, пришедшего на смену старому, матриархальному. Таким укладом мог быть только патриархальный родовой уклад. Не старый род, не коллектив, связанный узами кровного родства по материнской линии, а семейно-клановый патриархальный коллективизм, ведущий свое происхождение от общего родоначальника — мужчины и возглавляемый подобным же патриархом в реальной жизни. Такой, скорее всего, должна была быть группа племен заманбабинской культуры. Это были уже не матери и их дети (род матери), а мужья и их жены (род отца), связанные, по представлениям заманбабинцев, даже после смерти такими же прочными узами, как и при жизни.

Следует отметить, что парная семья патриархальной общины, как и при матриархате, не играет еще серьезной роли в социально-экономических и организационных отношениях. Частной собственностью являются только предметы личного пользования. Власть еще сосредоточена в руках всех членов общины, состоящей из взрослых равноправных мужчин и женщин. Вероятно, существует семейно-производственный коллектив. Для него еще характерен внутренний демократизм, т. е. равенство всех взрослых членов общины (мужчин и женщин) в решении хозяйственных и семейных вопросов и добровольное подчинение «старшему» мужчине.

Таким образом, в материалах могильника Заманбаба содержится несколько парных захоронений, которые скорее всего относятся к разновременным захоронениям разного пола. Появление парных захоронений в могилах заманбабинцев не случайно. Оно означает зависимое положение женщины, вызванное коренными изменениями, происходившими в экономической жизни общества. Переход к патриархату был шагом к новому, более высокому строю общества, к новым производственным отношениям.

Глава третья

ПАМЯТНИКИ АНДРОНОВСКОГО (ТАЗАБАГЪЯБСКОГО) ТИПА

В предыдущих главах мы отмечали, что в низовьях Зарафшана в первой половине II тысячелетия до н. э. жили скотоводческо-земледельческие племена культуры Заманбаба, предшественниками которых были охотничье-рыболовческие племена кельтеминарской культуры. Однако позднее, где-то во второй половине II тысячелетия до н. э., в этом районе появляются другие племена, вероятно, пришедшие из северных районов степей нашей страны. Изучение материальных остатков их культуры позволяет нам охарактеризовать исторический процесс второй половины II тысячелетия до н. э.

Памятники андроновской культуры, как и заманбабинской, до недавнего времени не были известны в этом районе. Впервые остатки стоянки этой культуры были обнаружены нами в 1951 г. Через два года недалеко от этой стоянки был найден и исследован могильник, а в 1960—1964 гг. еще в 26 пунктах — остатки развееанных стоянок, а в некоторых пунктах — отдельные черепки (рис. 17).

Все эти памятники андроновской культуры как по обряду погребения, так и по керамике относятся к одному, довольно короткому периоду времени и сходны с памятниками тазабагъябского типа Средней Азии и с западными вариантами «классической» андроновской культуры. Поэтому нет оснований выделять их в новую культуру степных племен эпохи бронзы.

Могильник и остатки стоянок в низовьях Зарафшана

Исследуемый район представляет собой пустыню, только местами покрытую зарослями тамариска и верблюжьей колючки. Илстые отложения в древнем русле Гуджайли теперь превратились в такыровидные суглинки толщиной от 0,5 до 2 м. Тянутся они узкой полосой; местами засыпаны песком. Среди илстых отложений и на песках по берегам русла и озер часто встречаются черепки глиняной посуды, обломки зернотерок и кремневые орудия — следы древних людей.

В районе сухого русла Гуджайли открыт и исследован один могильник и остатки 12 стоянок. В одном случае сохранился культурный слой, в остальных он развеян. На Малом Тузкане зафиксированы две стоянки, а на Большом — пять.

Одна из последних относится к более позднему периоду. В районах Каптарникуми исследованы остатки развееанных стоянок в четырех пунктах. Отдельные скопления керамики были обнаружены и по сухому руслу Махандарьи между колодцами Газау и Камышли.

Могильник находится в 3 км к СЗ от оз. Заманбаба, в долине высохшего русла Гуджайли. Он расположен на одном из останцов илестых отложений, образованных еще в глубокой древности. На поверхности выдува встречались отдельные вещи из разрушенных мо-

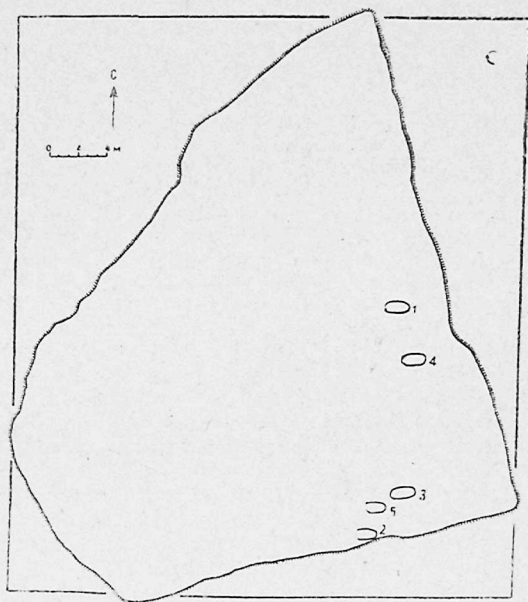

Рис. 51. Общий план могильника Гуджайли.

гил — фрагменты керамики не менее чем от пяти сосудов; более 40 мраморных цилиндрических и ромбических бус (табл. XXXV а, 5); около 20 бронзовых биконических кованых бус.

В одном случае на поверхности был виден контур венчика горшка, стоящего в могиле. Здесь в 1953 г. была раскопана могила 1. В 1955 г. около нее были обнаружены еще четыре могилы. Оказалось, что в юго-восточной части могильника сохранилось всего 5 могил, остальная часть могильника полностью разрушена (рис. 51). При раскопках 1960 г. могилы обнаружены не были. Вся верхняя часть исследуемых могил уничтожена ветрами, сохранилась только нижняя часть могильных ям.

Могила 1. Прямоугольная яма с округленными углами, размером 130×80 (?) см, глубиной около 10 см. Внутри — скелет женщины¹ на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Кости половинны скелета истлели. Около черепа — горшок (табл. XXV, 2). На дне ямы — разрозненные древесные угли.

¹ Кости во всех могилах сохранились очень плохо. Пол погребенных определялся по находкам и положению костяка.

Могила 2. Прямоугольная яма с округленными углами, размером 120×80 (?) см, глубиной 8—12 см. Внутри — скелет женщины на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Кости погребенной истлели. Около черепа — очень плохо сохранившийся горшок. Взять его не удалось, так как он превратился в труху. На костях обеих рук умершей — бронзовые браслеты (табл. XXIII, 5, 8), около ушного отверстия — две бронзовых височных подвески (табл. XXIII, 3).

Могила 3. Прямоугольная яма с округленными углами, размером 130×85 (?) см, глубиной 10—15 см. Внутри — скелет женщины на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Кости сохранились плохо. Возле черепа — разбитый горшок, часть его обломков лежала на поверхности выдува, и он превратился в труху. Около ушных отверстий — две бронзовых височных подвески (табл. XXIII, 1), в области шеи — 18 лазуритовых, пемзовых и сердоликовых бус (табл. XXIII, 4). На костях рук — по бронзовому браслету (табл. XXIII, 6, 9), на костях ног — низки бронзовых бус (табл. XXIII, 2, 7).

Могила 4. Прямоугольная яма с округленными углами, размером 130×90 см. Глубина не установлена. Могила сильно разрушена, кости в беспорядке. В головной (?) части погребения два фрагмента сосуда. Один — с орнаментами (табл. XXXa, 7), другой — без орнамента, хорошо обожженный и, очевидно, к могиле не относящийся.

Могила 5. Прямоугольная яма с округленными углами, размером 130×80 см, глубиной 25 см. Внутри — скелет мужчины (?) на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Кости очень плохой сохранности. Около черепа горшок (табл. XXIV, 1). Рядом с костями рук лежали кости животного. В могиле найдены обугленные зерна проса (?).

Таким образом, исследовано 5 могил плохой сохранности, в которых скелеты лежали на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Инвентарь могил весьма скудный и разной степени сохранности. В 5 могилах обнаружены четыре целых горшка (из них два из-за плохой сохранности взять не удалось) и один черепок. В двух могилах встречены четыре бронзовых браслета и четыре височных подвески. В одной могиле обнаружены каменные бусы и низки бронзовых бус. В одном случае встречены древесные угольки, в другом — кости домашних животных и обугленные зерна. Наблюдаемое сходство с керамическим материалом андроновских поселений, расположенных недалеко от могильника, указывает на принадлежность его к исследованным стоянкам.

Стоянки Гуджайли

Все исследованные поселения по сухому руслу Гуджайли расположены недалеко друг от друга и являются, видимо, остатками кратковременных стоянок скотоводов².

Стоянка Гуджайли 1 находится в 3 км к СЗ от оз. Заманбаба, примерно по правому берегу русла. От этого поселения до Малого Тузкана, на протяжении 3 км расположено еще 8 стоянок — Гуджайли 2, 3, 4, 5, 6, 9, 11, 12. Дальше на СЗ, вдоль русла Гуджайли, за Малым Тузканом, еще две стоянки — Гуджайли 7 и 8. Последний пункт, Гуд-

² А. Аскар ов. Памятники эпохи бронзы в районе Махандары, Научные работы и сообщения АН УзССР, Отделение общественных наук, кн. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961.

жайли 10, зафиксирован на верхней части русла Гуджайли, около банта (плотина позднего времени).

Расположение и состояние всех поселений одинаковы — на подпойменной террасе и у подножия невысоких бугров; разрозненные вещи из культурного слоя лежат прямо на поверхности песков или на выдувах золотых корок, что не позволяет произвести раскопочные работы ни на одном поселении, за исключением Гуджайли 9. Поэтому мы ограничились лишь сбором подъемного материала (керамика, кремневый инвентарь, обломки зернотерок и т. д.) и занесением на план этих пунктов. Материалы собраны по каждому поселению в отдельности.

Гуджайли 1. Собрано 77 орнаментированных черепков от 5 сосудов³ (табл. XXVIIa, 7—9), один обломок зернотерки (табл. XXXVa, 8), пять кремневых наконечников стрел (табл. XXXIV, 1—5), две ножевидные пластинки и несколько отщепов.

Гуджайли 2. Собрано 63 орнаментированных черепка от семи сосудов (табл. XXVIIa, 4—6), два обломка медных шила, два обломка зернотерок, пять кремневых наконечников стрел (табл. XXXIV, 8, 17—20), два скребка (табл. XXXIV, 6, 7), три ножевидных пластинки (табл. XXXIV, 10, 11), четыре каменных бусины (табл. XXXIV, 9, 12) и несколько отщепов.

Гуджайли 3. Собрано 85 орнаментированных черепков от 12 сосудов (табл. XXVIIa, 1—3) и кремневый наконечник стрелы (табл. XXXIV, 13).

Гуджайли 4. Собрано 151 орнаментированный черепок от 62 сосудов (табл. XXIXa, 1—7; XXIXb, 1—4; XXXVIa) и четыре кремневых наконечника стрел (табл. XXXIV, 14—16, 21).

Гуджайли 5. Собрано 69 орнаментированных черепков от двух сосудов (табл. XXVI, 3, 4), кремневый наконечник стрелы (табл. XXXIV, 22) и ножевидная пластинка.

Гуджайли 6. Собрано 85 орнаментированных черепков от 18 сосудов (табл. XXVIIb, 1—2; XXXIIb, 1—2) и 2 кремневых наконечника стрел.

Гуджайли 7. Собрано 68 орнаментированных черепков от восьми сосудов (табл. XXIXb, 5, 7) и четыре кремневых наконечника стрел.

Гуджайли 8. Собрано 97 орнаментированных черепков от 7 сосудов (табл. XXIX, 6) и кремневый наконечник стрелы.

Гуджайли 9⁴. Еще в 1951 г. мы произвели на поселении небольшие раскопочные работы. Есть дневник по раскопкам на поселении и сохранились вещественные материалы, обнаруженные в процессе работы.

На поселении найдено небольшое углубление, вероятно, остатки жилища, с тремя очагами. В разрезе видны две прослойки. Первая (нижняя) состоит из темного гумусированного глинистого песка. В ней содержатся культурные остатки (керамика, кремневый инвентарь, мелкие каменные терки, фрагменты бронзовых изделий, кости домашних животных, множество раковин). Вторая (верхняя) полуразрушенная

³ Во всех случаях неорнаментированные и мелкие орнаментированные черепки, как правило, мы не собирали. Они составляли 80—85% всей керамики. Например, на стоянке Гуджайли 4 собрано нами 813 черепков, из них 662 (83%) оказались неорнаментированными.

⁴ Нумерация поселений дана позже, когда в этом микрорайоне мы вновь провели исследование и зафиксировали остатки нескольких поселений эпохи бронзы, сконцентрированных по сухому руслу Гуджайли.

прослойка — это светлый песок, содержащий культурные остатки (керамику и каменный инвентарь). Толщина обеих культурных прослоек — не менее 20 см.

Исследованы все три очага. Очаг 1 — овальный в плане, размеры его не установлены. Он вырыт в земле, внутри находится два слоя золы, разделенных слоем песка (8—10 см), не содержащим культурных остатков. Толщина нижнего зольного слоя — 7—8 см, а верхнего — 5—6 см. В этих слоях обнаружены обожженные кости животных. Вокруг очага найдено много кухонных остатков (кости домашних животных, птиц и зайцев). Попадаетея керамика, мелкие терки и т. д. Радиус распространения этих находок вокруг очага около 3 м. Материалы из очага по горизонтам хронологически не различаются.

Очаг 2 — овальный в плане, таких же размеров, как и первый. Он вырыт в земле, содержит один зольный слой толщиной 8 см, в котором найдена керамика с елочным орнаментом, гладкого штампа, обгорелые кости животных, обломок терки. Распространение кухонных остатков вокруг очага такое же, как и в первом.

Очаг 3 — сильно разрушенный, со сравнительно небольшим зольным слоем, вокруг которого лежали мелкие обломки костей животных и керамики.

Таким образом, на поселении Гуджайли 9 обнаружены в довольно большом количестве кости домашних животных (овцы, козы, птиц и зайца)⁵. Среди костей оказалось несколько астрагалов барана, один из них сточен с двух сторон.

На поселении найдено 865 фрагментов глиняных сосудов, из них 750 — неорнаментированные и мелкие. Остальные 115 — орнаментированные, от 61 сосуда (табл. XXIV, 2; XXVIIIб; XXVIIIa, 1—3, 5, 7; XXXIII). Найдены также венчик каменного сосуда (табл. XXVIIIa, 8), обломок зернотерки (табл. XXXVa, 7), 15 кремневых наконечников стрел (табл. XXXIV, 25—38; XXXVa, 6), кремневая проколка, три каменных (табл. XXXIV, 23) и две бронзовых бусины (табл. XXXIV, 24), шесть обломков бронзовых ножей (табл. XXXV, 1—4), кремневый скребок и четыре вкладыша составных серпов.

Гуджайли 10. Стоянка расположена на левом берегу русла. Здесь собрано всего четыре орнаментированных черепка от двух сосудов (табл. XXXa, 6, 8). Площадь поселения разрушена не только ветрами, но и сильно смыта водой Гуджайли. Потом, в 30-х годах нашего столетия, в 15—30 м ниже поселения на Гуджайли был построен бант (плотина) колхозами Свердловского и Каракульского районов, и вся площадь поселения разрушена и смыта водой, о чем свидетельствуют отдельные черепки, обнаруженные в разрушениях банта и ниже него — на дне русла.

Гуджайли 11. На площади около 300 м² на поверхности выдува собрано значительное количество остатков хозяйства и быта — мелкие осколки костей животных, керамика и кремневый инвентарь. Найдено два кремневых наконечника стрел (табл. XXXIV, 39, 42), несколько отщепов, иногда с частичной ретушью со стороны брюшка (табл. XXXIV, 44), заготовки грузиков-кружков из обломков сосудов. При сборе подъемного материала здесь были привлечены к изучению более 140 орнаментированных черепков не менее чем от 30 сосудов (табл. XXXI, 8—18).

⁵ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956.

Гуджайли 12. Собрано 282 орнаментированных черепка от 22 сосудов (табл. XXVI, 6—8) и одно каменное пряслице.

Таким образом, на 12 обследованных нами стоянках собрано 1237 орнаментированных черепков от 239 сосудов, один обломок каменного сосуда, 40 кремневых наконечников стрел, шесть ножевидных пластинок, две проколки из кремня, три кремневых скребка, четыре вкладыша составных серпов, одно каменное пряслице, четыре обломка песчанниковых зернотерок, семь каменных бус, две бронзовые бусины, шесть обломков бронзовых ножей и несколько заготовок грузиков-кружков из обломков сосудов.

Остатки стоянок на Малом и Большом Тузкане

Разведочные работы, произведенные в последние годы в низовьях Зарафшана, выявили ряд новых памятников первобытной культуры в районах Малого и Большого Тузкана, когда-то огромных озер, представляющих собой ныне солончаковую впадину. По берегам этих озер сначала располагались племена неолитических охотников-рыболовов, а спустя несколько сот лет эти места заняли скотоводы андроновской культуры.

При разведке по северному берегу Малого Тузкана в двух местах зафиксированы остатки стоянок эпохи бронзы — Малый Тузкан 1 и 2; на Большом Тузкане, в восточном углу его, — Большой Тузкан 1 и 5, в северо-западной части озера, около колодца «Эгрикал» («Кривая лысина»), — стоянка Большой Тузкан 4 и стоянка Большой Тузкан 2 к СЗ от солончака⁶.

Тузканские памятники эпохи бронзы, как и стоянки по сухому руслу Гуджайли, оказались развееванными, поэтому все материалы, добытые в них, подъемные.

Малый Тузкан 1. Собрано 72 орнаментированных черепка от 13 сосудов (табл. XXVIIб, 4) и обломок зернотерки (табл. XXXVa, 9).

Малый Тузкан 2. Собрано 74 орнаментированных черепка от семи сосудов (табл. XXVIIIa, 4).

Большой Тузкан 1. Собрано 86 орнаментированных черепков от 15 сосудов (табл. XXIXб, 6).

Большой Тузкан 2. Собрано 60 черепков от 11 сосудов (табл. XXV, 1; XXVIIб, 3).

Большой Тузкан 4. Собрано 56 орнаментированных черепков от 16 сосудов (табл. XXXI, 1—4). В двух случаях обнаружен кремневый инвентарь неолитического облика — сегмент (табл. XXXIV, 43) и проколка (табл. XXXIV, 40), видимо, случайно попавшие откуда-то извне.

Большой Тузкан 5. Собрано более 80 орнаментированных черепков не менее чем от 17 сосудов (табл. XXXI, 5—7). На площади стоянки найдено несколько кусков бронзовых поделок, две пластинки с ретушью (табл. XXXIV, 41), кремневый наконечник стрелы (табл. XXXIV, 45), одна бусинка бочонковидной формы из полосатого известняка (табл. XXXIV, 47) и два обломка песчанниковых зернотерок (табл. XXXVб, 2, 4). В одном месте сохранились остатки очага неправильно квадратной формы в виде комков солончакового такыра, размером 80×76 см, при толщине обожженной глины 8 см. Ниже идет слой прокаленного песка глубиной 22 см.

⁶ Стоянка Большой Тузкан 3 относится к завершенному этапу эпохи степной бронзы, поэтому она будет рассмотрена в специальном разделе нашей работы.

Таким образом, на шести обследованных стоянках собрано 428 орнаментированных черепков не менее чем от 19 сосудов, один обломок дна сосуда со следами отпечатка ткани (рис. 52), три обломка песча-

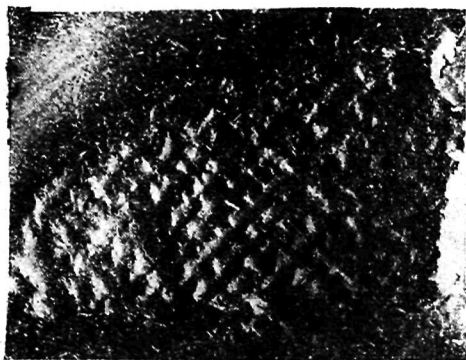

Рис. 52. Отпечаток ткани на дне сосуда

никовых зернотерок, небольшая серия кремневого инвентаря, одна бусина и несколько бронзовых поделок.

Остатки поселений на Каптарникуми

К югу от сухого русла Гуджайли и Большого Тузкана расположены так называемые «Дананикуми», «Каптарникуми» и «Нуртойникуми», ныне представляющие собой безводную пустынную зону, покрытую местами барханами, среди которых хорошо прослеживаются следы южного ответвления сухого русла Гуджайли, начинающегося в юго-восточной части Большого Тузкана. Русло, образовав по пути несколько изгибов, направляется сначала на запад, потом на северо-запад. В районах Нуртойникуми оно как бы исчезает. В этих местах образуются огромные плоские массивы земель древнего обводнения, пригодные для освоения.

Во время разведок 1960 г. на восточной окраине обследуемого района нами были зафиксированы в трех пунктах остатки развеечных стоянок степной бронзы андроновского типа — Каптарникуми 1, 2, 3. Теперь количество обнаруженных в этом районе стоянок намного увеличилось — в одном пункте зафиксированы остатки поселения андроновской культуры⁷ и в трех — остатки поселения эпохи энеолита⁸.

Остатки стоянок этого района, как и предыдущих, располагались в основном по берегам древнего русла.

Первые три стоянки — Каптарникуми 1, 2, 3 — обнаружены примерно в 10—12 км к ЮЗ от оз. Заманбаба, среди огромных густых барханов, на расстоянии 1 км друг от друга. Видимо, большая часть площади этих стоянок засыпана барханами, так как на незначительных выдувах этих стоянок собрано всего 60 черепков не менее чем от восьми сосудов.

Стоянка Каптарникуми 6 расположена на правом берегу русла, в 6 км к ЮЗ от стоянки Каптарникуми 3. При закладке разведочных

⁷ Порядковая нумерация обоих периодов является продолжением нумерации памятников предыдущих годов.

⁸ Памятник эпохи энеолита этого района здесь не рассматривается. Сведения о них даны в главе I.

шурфов в двух участках выяснилось, что культурный слой стоянки разрушен, и все материальные остатки, как обычно, лежат на поверхности песков. Здесь собрано более 320 черепков от 28 глиняных сосудов (64 черепка орнаментированы) (табл. XXVI, 10—13) и обломок пестика.

Таким образом, на четырех обследованных стоянках Каптарникуми собрано 124 орнаментированных черепка от 36 сосудов и другие единичные предметы хозяйства и быта древних скотоводов.

Кызылкыр II

В 1959 г. А. Р. Мухамеджановым вблизи раскопок античного поселения Кызылкыр II собрано несколько фрагментов керамики от двух сосудов, свидетельствующих о том, что здесь находятся остатки стоянки эпохи бронзы (табл. XXXб). Видимо, вся площадь стоянки была разрушена позднее обитателями поселения Кызылкыр, в результате чего в развалинах древнего поселка сохранились лишь отдельные черепки.

Маханкуль

В 1960 г. вдоль сухого русла Махана и в районе Маханкуля в трех пунктах были найдены отдельные черепки тазабагьябского типа. Первый пункт находится у северной части Маханкуля, а два — между колодцами Газау и Камышли, к СЗ от Маханкуля. В этих пунктах собрано более 30 орнаментированных черепков не менее чем от 8 сосудов (табл. XXVI, 1, 2, 5; XXX а, 1—5).

Остатки стоянок в низовьях Кашкадарьи⁹

В связи с постройкой Аму-Бухарского машинного канала в 1963—1964 гг. были организованы поездки Махандарьинского отряда на северо-запад Каршинской степи. Отряд проводил исследовательские работы в районе трассы канала и собрал значительные материалы, характеризующие отдельные этапы истории древних племен обследуемых районов. Помимо того, отрядом были изучены следы древнего русла Кашкадарьи — древнего притока Зарафшана.

Обследуемый район ныне представляет собой степную зону, места с остатками аллювиальных суглинистых отложений древних русел, кыры (платообразные возвышенности) и барханными песками. Основное внимание отряда было сосредоточено на Пайкентской низине и одноименном озере. Здесь были открыты и исследованы несколько стоянок первобытной культуры.

Материальные памятники древнейшего прошлого скудны по объему, но разнообразны по характеру и принадлежат к различным периодам истории человечества. Наиболее древние из них — кремневые изделия, относящиеся в эпохе неолита¹⁰. Здесь обнаружено пять стоянок кельтенинской культуры. Другие памятники относятся к эпохе бронзы.

Следы материальных остатков эпохи бронзы в этом районе впервые были обнаружены А. Р. Мухамеджановым в 1962 г. недалеко от городища старого Пайкента. Эти находки, состоящие всего из четырех

⁹ А. Аскаров. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, История материальной культуры Узбекистана, вып. 5, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964.

¹⁰ Материалы неолитических стоянок Пайкента изучаются к. н. н. У. Исламовым.

черепков глиняных сосудов, принадлежат к андроновской культуре. Один из них орнаментирован по плечикам гладким штампом, состоящим из вертикальных ломаных линий. Хотя край венчика и обломан, черепок при переходе от венчика к плечу имеет ярко выраженный уступчик. Выше неорнаментальной полосы с уступчика идет горизонтальная поперечная линия, а венчик орнаментирован, видимо, треугольниками.

Уступчик и неорнаментальные полосы в сочетании с простым геометрическим узором из ломаных линий и треугольников дают нам возможность датировать эти единичные находки алакульским этапом андроновской культуры.

Стоянка Пайкент 6¹¹ расположена на берегу сухого русла р. Кашкадарья. В котловинах выдувания песчаных гряд, расположенных по долинам сухого русла примерно на площади 50×25 м, собрано 193 черепка не менее чем от 23 глиняных сосудов, три каменных отщепы и два куска кремня без обработки. Тут заложен небольшой шурф (100×60 см), показавший, что культурный слой стоянки полуразрушен.

Шурф имел глубину до 75 см. После 5 см надувного песка обнажился глинисто-песчаный слой с культурными остатками, продолжавшийся и ниже. Однако в отличие от верхнего он довольно плотный и имеет более темный цвет. Толщина культурного слоя не менее 35 см.

Под культурным слоем на 13 см залегает песок без находок, а ниже — слой темного перегоя. За ним идет слой чистого стерильного песка.

Незначительный шурф дал большой керамический материал. Здесь обнаружено 73 черепка не менее чем от шести сосудов (табл. XXXVIa). Керамический материал из шурфа совершенно идентичен подъемному материалу данной стоянки.

Стоянка Пайкент 8 расположена на левом берегу сухого русла Кашкадарьи, в 3 км к юго-востоку от стоянки Пайкент 6. Культурный слой стоянки сильно разрушен, материальные остатки лежат прямо на поверхности песка, среди многочисленных гряд барханов. На небольшой площади выдува собрано более 80 черепков различного размера, принадлежащих не менее чем 8 сосудам. Кроме обломков глиняной посуды, здесь найдены удлиненная каменная подвеска со сквозными отверстиями, обломки ножевидных пластин (2 экз.) и др.

Стоянка Пайкент 9 находится на правом берегу сухого русла Кашкадарьи, в 6—7 км к востоку от стоянки Пайкент 8. Стоянка сильно разрушена, материалы лежат на небольшой площади песчаного выдува. Здесь собрано 235 фрагментов не менее чем от 11 глиняных сосудов.

Стоянка Пайкент 10 расположена в 5 км к востоку от стоянки Пайкент 9, на левом берегу сухого русла Кашкадарьи, там, где она круто поворачивает к юго-западу.

Стоянка, как и в предыдущих случаях, развеейна и сильно выветрена, в результате чего культурный слой площади памятника по всей площади не сохранился.

Здесь собрано 249 черепков не менее чем от 13 глиняных сосудов, 42 черепка орнаментированы (табл. XXVI. 9, 14). Найдены наконец стрелы, обломок ножевидной пластинки, три отщепы с ретушью и каменный брусочек со сквозным отверстием для ношения у пояса.

¹¹ Нумерация стоянок эпохи бронзы следует за нумерациями неолитических памятников этого района.

Таким образом, на четырех обследованных стоянках обнаружено 834 черепка не менее чем от 72 сосудов. Из всего керамического комплекса 282 черепка оказались орнаментированными. Найдены кремневый наконечник стрелы, каменная подвеска, три обломка ножевидных пластин, каменный брусok и т. д.

Культурный слой ни в одном из этих памятников (гуджайлинские, тузканские, каптарникумийские, пайкентские) не был обнаружен. Материальные остатки лежали прямо на песке, вследствие чего поверхность черепков сильно вытерта. По-видимому, все указанные поселения были кратковременными, поэтому сохранившиеся на их месте культурные остатки незначительны. Культурные напластования (Гуджайли 9 и Пайкент 6) не превышают 20 см. Очевидно, немногочисленные группы какого-то племени, разбивая свои легкие дома по берегам сухих русел, не задерживались на одном месте. Однако малое число находок может объясниться и тем, что ветры и песок с течением времени уничтожили их.

Керамика

Основную массу вещевых находок в памятниках тазабагъябского типа андроновской культуры данных районов составляет керамика. Анализ форм, орнамента, а также некоторые особенности техники, ее изготовления дают возможность не только отнести древние стоянки и могильник к определенному тазабагъябскому варианту андроновской культуры, но и сопоставить их с аналогичными памятниками эпохи бронзы соседних и отдельных областей, а также определить с достаточной вероятностью время их существования.

Развеенные гуджайлинские стоянки и могильник, несомненно, существовали одновременно и принадлежали определенным коллективам людей. Это предположение подтверждает анализ керамического комплекса указанных памятников.

На 26 обследованных стоянках и по отдельным пунктам собрано более 4000 черепков не менее чем от 420 сосудов. Но только два сосуда оказались археологически целыми (табл. XXIV, 2; XXV, 1). Остальные фрагменты мелкие, и по ним не всегда удастся установить форму сосудов. В могилах обнаружено два целых сосуда (табл. XXIV, 1; XXV, 2). Таким образом, мы располагаем всего лишь четырьмя целыми сосудами. Они изготовлены из глины, преимущественно с примесью дресвы, но часто песка, шамота и толченых раковин. Характер примесей в керамике всех стоянок более или менее одинаков, только на поселениях Гуджайли 5 и 6 все найденные черепки относятся к сосудам с примесью дресвы, на поселении Малый Тузкан 2 нет черепков с такой примесью, а на поселениях Малый Тузкан 1 и Большой Тузкан 2 преобладают сосуды из глины с примесью толченых раковин.

Обжиг сосудов весьма слабый, неравномерный. Черепок в изломе серый, на поверхности коричневатый или красный. Видимо, сосуды обжигали на открытом костре, при сравнительно невысокой температуре. Поверхность основной части черепков сильно вытерта песком, в результате чего крупные включения, особенно кусочки раковин и дресвы нередко выделяются на поверхности или, выпадая, делают ее пористой. Тонкий слой обожженной докрасна глины на поверхности черепков местами уничтожен.

Сосуды представлены тремя формами:

1) крупные горшки с прямым горлом, сильно раздутым округлым туловом. Горло сосуда довольно широкое вверх. Край венчика прямо

срезанный. На плечиках некоторых сосудов подобной формы — по два широких желобка (табл. XXIV, 1—2);

2) банкообразные сосуды со слегка отогнутым, слабо заметным венчиком и плавным переходом от венчика к плечу (табл. XXV, 2);

3) чаша небольшой высоты с более широким верхом. Край загнут внутрь. Дно чаши плоское (табл. XXV, 1).

Первые две формы сосудов широко известны в памятниках андроновской культуры, в таких ее вариантах, как тазабагыбский, челябинский, кустанайский, казахстанский (западный - северный - восточный - южный - центральный). Среди керамики преобладающее большинство составляют горшки первой формы, реже — второй. Третья форма сосудов представлена единичными экземплярами.

Формы венчиков керамики данного комплекса разнообразны (рис. 53): невысокий,

Рис. 53. Таблица статистического подсчета элементов орнамента керамики тазабагыбского типа по отдельным стоянкам. Цифры в клетках означают количество сосудов с данным орнаментом, а величина черного поля — их относительное количество (в процентах к общему числу сосудов в данном памятнике).

ПРОФИЛЬ ВЕНЧИКА	Гуджайли										МАЛЫЙ ТУЗКАН		БОЛЬШОЙ ТУЗКАН	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9		1	2	1	2
I	1	3	6	48	2	14		5	37		4		7	9
II								2	2	10	4		5	2
III		1	2		1	3		1		8	3		1	
IV	2			1			2		2	2			2	
V			1	1	4		1	1	2					
VI				1					1			1		
VII				1	1									
VIII							1					1		
IX									1					
X												1		

слегка отогнутый венчик, расширяющийся кверху, прямо срезанный, толщина стенки 5—7 мм; прямой венчик, прямо срезанный, толщина стенки 4—8 мм; прямой или слегка отогнутый венчик с закругленным краем, толщина стенки 3—7 мм; край венчика сильно расширен и косо срезан внутрь, или наружу, толщина стенки 7—9 мм, встречается редко; утонченный край венчика, отогнутый наружу, толщина стенки 5—6 мм; различные формы венчика, встреченные в единичных экземплярах.

Видно, что по форме венчика керамика всех стоянок однородна. Преобладает первая и отчасти вторая формы.

Орнамент керамики обращает на себя особое внимание. В основном он составлен из оттисков гладкого штампа, значительно реже гребенчатого. Независимо от способа нанесения орнамента, он всегда геометрический. Обычно орнамент покрывает венчик сосуда и спускается ниже по плечикам и туловищу, иногда покрывает всю поверхность сосуда. Узоры представлены горизонтальными зигзагами, вертикальной или горизонтальной «елочкой» из коротких насечек, рядами косых насечек, незамкнутых и замкнутых треугольников, треугольников в пояске, рядом сомкнутых треугольников, обращенных вершинами вниз, меандрами и другими заштрихованными лентами и т. д.

Состав керамики по орнаменту представлен на рисунке, 54, где все разнообразие узоров сведено к 13 вариантам.

I. Ряды горизонтальных зигзагов или ломаных линий, оттиснутых гладким штампом. Зигзаги помещены на венчике, часто на туловище

	ГУДЖАЙЛИ												МАЛЫЙ ТУЗКАН	БОЛЬШОЙ ТУЗКАН	КАПТАН- КУМИ	КЕНДЖ- КАН	МАДЖИ- МАДЖИ	ПАЙКЕНТ									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10					
I																											
II			2	3		1		2	1		2	6			1				3		3						
III							1							1	1					2							
IV			2		2	1			1		8	2				1			3			4	2				
V		1		1	9		1	1	8		1	1		2	1	1		3					1				
VI			2		5				1	5			2	3	1	1	1										
VII				1	2		2			2		6															
VIII				1	5		4			19	1	7	12	3	1	2	5	5	3	6		2	3	4		1	1
IX		3		1				1		5																	
X							2	1		4					1						2						
XI						1																					
XII		2	3		1	5				10		6	2		1	1			3	1		3					
XIII		1			3					1					1					2							

Рис. 54. Таблица статистического подсчета разных форм профиля керамики тазабагъябского типа по отдельным стоянкам.

Цифры в клетках означают количество сосудов с данным профилем венчика, а величина черного поля—их относительное количество (в процентах к числу сосудов в данном памятнике)

сосуда, а иногда покрывают всю поверхность сосуда. Длина оттисков штампа, как установлено в некоторых случаях, — 3,5—4 см. Этот геометрический тип орнамента керамики наиболее характерен для всех памятников андроновской культуры Средней Азии, челябинских степей и Кустанайской области. Он встречается в керамике андроновского типа из погребений срубной культуры¹².

II. То же, что и первый, но оттиснут гребенчатым штампом. Зигзаги расположены на венчике и на плечиках сосуда, иногда на туловище. М. А. Итина, разделяя памятники тазабагъябской культуры на два этапа (ранний и поздний), отмечает, что с появлением новых черт позднего этапа (кокчинского) гребенчатый штамп почти исчезает¹³.

III. «Елочка» из коротких насечек. Как и второй узор, встречается довольно редко, нанесена на туловище сосуда.

IV. Вертикально расположенные ломаные линии, оттиснутые гладким и гребенчатым штампом. Они помещены чаще всего на плечиках и туловище сосуда. Иногда этот узор находится на шейке сосуда.

V. Ряд косых насечек. В большинстве случаев расположен по плечикам сосуда.

¹² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, М., 1955, рис. 11, 3.

¹³ М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма. ТХЭ, вып. 4., М., 1959, стр. 49.

VI. Ряд групп косых насечек. Расположен, как и предыдущий, по плечикам сосуда, нанесен небрежно. Два последних мотива орнамента довольно редки.

VII. Незамкнутые треугольники. Во всех случаях орнамент помещен на шейке сосуда. Этот мотив узора является одним из характерных признаков орнамента раннего этапа тазабэгьябских памятников¹⁴.

VIII. Замкнутые треугольники вершинами вверх. Часто располагаются на венчике сосуда в виде сплошного ряда или с интервалом. Этот тип орнамента является одним из характерных мотивов гуджайлинского комплекса.

IX. Треугольники в пояске — ряд треугольников, заключенных между параллельными линиями. Иногда нижняя линия отсутствует.

X. Ряд сомкнутых треугольников, обращенных вершинами вниз. Треугольники располагаются ниже плечиков, иногда на самом венчике.

XI. Цепочка треугольников или «двойные флажочки». Этот орнамент встречен только на двух фрагментах керамики. В обоих случаях он находится на венчике сосуда.

XII. Меандры и другие узоры из заштрихованных лент. Обычно они сочетаются с разными узорами (желобками, ногтевыми вдавлениями, горизонтальной «елочкой», замкнутыми треугольниками и т. д.). Орнамент четкий, нанесен аккуратно, располагается часто ниже плечиков и на туловище сосуда, а иногда и на шейке.

XIII. Каннелюры или желобки. Этот узор помещен только на шейке посуды. Ниже каннелюр располагается ряд мелких треугольников или параллельные горизонтальные линии.

Кроме перечисленных элементов орнамента, попадаются ряды ногтевых вдавлений, по сторонам треугольников ряд каплевидных насечек и заштрихованные ромбы из оттисков гладкого штампа.

На таблице (рис. 54) видно, что среди всего разнообразия узоров на всех стоянках преобладают орнаменты в виде горизонтальных зигзагов или «елочки» (I), рядов замкнутых треугольников (VIII), рядов косых насечек (V—VI) и орнаменты из заштрихованных лент (XII).

Около 90% сосудов в основном орнаментированы гладким штампом и очень редко гребенчатым. Гладкий штамп, в отличие от резного, на одном конце оттиска оставляет заостренный, узкий след, а на другом — сравнительно широкое и глубокое давление. Резной или процерченный орнамент здесь не встречается.

Характерной особенностью керамики рассматриваемых районов является небрежность нанесения орнамента. Зигзаги или ломаные линии оттиснуты неаккуратно. Концы линий в углах не совпадают друг с другом, линии расположены редко.

Обычно орнамент нанесен зонально. Он покрывает венчик сосуда, шейка сосуда часто остается неорнаментированной. Орнамент снова начинается по плечикам и туловищу, иногда он покрывает всю поверхность сосуда.

Важными элементами формы многих сосудов являются широкие желобки на шейке и плечевые уступчики, характерные для керамики алакульского этапа. Желобки встречаются в большинстве случаев на скромно орнаментированной посуде. Они всегда размещаются по два или по три на верхней части сосуда и на шейке горшков.

Таким образом, мы видим здесь три формы посуды, представленной в основном горшками и очень редко банкообразными сосудами. Они являются единственными формами во всех районах распростране-

¹⁴ М. А. И т и н а. Первобытная керамика Хорезма, ТХЭ, вып. 4, М., 1959, стр. 49.

ния андроновской культуры. Орнаментированные сосуды составляют одну пятую часть черепков, обнаруженных на всех стоянках. Сосуды из могил оказались во всех случаях орнаментированными. Различные элементы орнамента керамики могут быть сопоставлены с керамикой древнего Хорезма, Ташкентской области и Ферганской долины¹⁵. Близкие параллели довольно часто намечаются в материалах Западного Казахстана и Южного Приуралья¹⁶, а также остальных районов распространения андроновской культуры. Некоторое сходство форм и орнаментов обнаруживается в керамике срубной культуры Поволжья¹⁷.

Каменный инвентарь

В материалах памятников андроновской культуры низовьев За-рафшана представлен и кремневый инвентарь. В могильнике Гуджайли не было найдено ни одного кремневого орудия. Из 42 каменных наконечников стрел только два обнаружены в культурном слое поселения Гуджайли 9. Остальные 40 собраны на других стоянках как подъемный материал.

Наконечники стрел изготовлены в основном из кремня, два экземпляра из кварца. Большинство из них (29 экз.) с овальным основанием (табл. XXXIV, 4, 5, 33, 39), иногда со слабо вогнутым или прямым основанием (табл. XXXIV, 2, 3, 14); один наконечник, найденный на стоянке Гуджайли 9, с черенком (табл. XXXVa, 6). Наконечники обычно лавролистной формы, стройные, но встречаются ромбические (табл. XXXIV, 13) и миндалевидные (табл. XXXIV, 21, 38); стрелы в большинстве случаев тщательно обработаны с двух сторон техникой отжимной ретуши. Поверхность некоторых (12 экз.) обработана только со спинки. Со стороны брюшка они обработаны ретушью только частично, с края. Середина пластинки остается необработанной (табл. XXXIV, 5, 17, 15).

Кроме наконечников стрел, на некоторых стоянках были найдены на поверхности песка другие орудия труда. Однако они весьма мало-численны. На всех стоянках обнаружено несколько ножевидных пластинок, четыре вкладыша составных серпов, две проколки, три концевых скребка и несколько мелких чешуйчатых отщепов. Они изготовлены также из серого прозрачного и полупрозрачного кремня. Но среди них встречаются пластинки, проколки и отщепы из молочно-белого кремня. Ножевидные пластинки всегда с ретушью, нанесенной с двух сторон по обоим рабочим краям. Некоторые из них с выемкой, обработанной крутой затупливающей ретушью. Обе обнаруженные проколки миниатюрные. Затупленный рабочий конец их, вероятно, подправлялся дополнительной ретушью. Одна из них с рабочего конца сломана.

¹⁵ М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма, ТХЭ, вып. 4, 1959; Она же. Раскопки могильника Тазабагъябской культуры Кокча 3, МХЭ, вып. 5, 1961; С. П. Голстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СА, 1958, № 1. рис. 8, 9; Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области, КСИИМК, вып. 59, 1955; Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г., Труды ТадАЭ, т. 41, Сталинабад, 1956; Он же. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г., Труды ТадАЭ, т. 63, Сталинабад, 1959.

¹⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, вып. 17, 1947; К. А. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, МИА, 21, 1951; В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане, МИА, 120, 1962.

¹⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье... рис. 11, 3.

на. Концевые скребки изготовлены на отщепах, рабочие края их тщательно обработаны отжимной ретушью.

Большой интерес представляют обнаруженные вкладыши серпов. Они изготовлены на пластинке и на отщепе, с одним рабочим краем, обработанным зубчатой ретушью. Лезвия их сильно затуплены, поверхность с обеих сторон заполирована до зеркального блеска. По определению Г. Ф. Коробковой, на них видны линейные следы, характерные для лезвий составного серпа.

Можно допустить, что часть кремневого инвентаря имеет неолитический характер. Возможно, обитавшее здесь племя с пастушеско-земледельческим хозяйством сохраняло в своей технике еще некоторые черты поздненеолитического характера. Однако это предположение не подтверждается другими фактами. Уже отмечалось, что в данном микрорайоне открыто около 50 стоянок кельтеминарской культуры, в кремневом комплексе которых мы видим, несомненно, аналогичные орудия (проколки, концевые скребки, скобели и пластинки микролитической индустрии). Тщательно обработанные с двух сторон наконечники стрел листовидной формы довольно часто встречаются в позднем этапе памятников кельтеминарской культуры, и по форме и по технике изготовления ничем не отличаются от подобных наконечников позднего кельтеминара¹⁸. Некоторые стройные наконечники листовидной формы, весьма тщательно обработанные, напоминают подобные наконечники из могильника Заманбаба. Надо отметить, что часть наконечников (возможно, значительная часть) и не относится к андроновской культуре. Может быть, некоторые из этих орудий использовались населением, но основная их масса, вероятно, случайно попала в более древние времена на те места, где потом появились поселения андроновской культуры. Важно отметить, что в этих поселениях кремневые предметы (пластинки, проколки, скребки и т. д.) представлены только единичными экземплярами, а так называемые индустриальные отбросы, обычно накапливающиеся в большом количестве на местах изготовления каменных орудий, вовсе не встречаются.

Таким образом, мы имеем дело с небольшим количеством кремневого инвентаря, представленного в основном наконечниками стрел листовидной, миндалевидной и ромбической форм, обработанными с двух сторон. Они находят себе полную аналогию в памятниках позднего кельтеминара и сохраняют неолитический облик микролитической индустрии. Остальные орудия труда, изготовленные из кремня, единичны и не имеют существенного значения.

В памятниках андроновской культуры в других районах кремневые орудия встречаются довольно редко. В это время широко развивается металлургия, а кремневые орудия постепенно перестают играть свою прежнюю роль в хозяйстве. Возможно, это же явление происходило и в памятниках данного района андроновской культуры.

На некоторых стоянках (Гуджайли 1, 2, 9, Малый Тузкан 1, Большой Тузкан 5 и Каптарникуми 6) найдено восемь сломанных зернотерок или терок, сделанных из разных видов песчаника. Все они мелкие,

¹⁸ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археологической экспедиции (1937—1956 гг.), СЭ, 1957, № 4, рис. 7, 11; Он же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., ТХЭ, II, 1958, рис. 12; 18, 1, 3, 4; М. А. Иттиа. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя, ТХЭ, т. II, 1958, рис. 2, 7, 17; 6, 8, 12.

с вогнутой или плоской рабочей поверхностью (табл. XXXV а, 7—9). Зернотерки подобных типов известны в памятниках андроновской и срубной культур¹⁹.

Украшения

В комплексах могильника и на площади трех стоянок (Гуджайли 2, 9 и Большой Тузкан 5) найдены украшения, представленные каменными и бронзовыми бусами, бронзовыми браслетами и височными подвесками. На поверхности выдува могильника Гуджайли собраны стдельные вещи из разрушенных могил — более 40 каменных бус (табл. XXXVa, 5), около 20 биконических бронзовых кованых бус. В одной могиле (3) в области шеи покойника обнаружено ожерелье, сделанное из различных полудрагоценных камней (табл. XXIII, 4). На костях ног — низки бронзовых бус (табл. XXIII, 2, 7). На стоянках Гуджайли 2 и 9 и Большой Тузкан 5 найдено 8 каменных бус (табл. XXXIV, 9, 12, 23) и две бронзовые кованые бусины (табл. XXXIV, 24), а на стоянке Пайкент 8 — удлинённая каменная подвеска. Таким образом, всего найдено 67 каменных и более 50 бронзовых бусин и одна подвеска. Порода каменных бус определена Г. А. Ильинским на кафедре минералогии ЛГУ. Установлено, что наибольшее количество бус сделано из мрамора и известняка, одна из бирюзы, несколько бусин пемзовых, лазуритовых и сердоликовых. Несмотря на сравнительно небольшое количество каменных бус, формы их разнообразны (табл. XXXVa, 5; XXIII, 4). Основную массу составляют цилиндрические бусы, изготовленные преимущественно из известняка и мрамора, в некоторых случаях из лазурита. Большинство этих бус — короткоцилиндрические, но встречаются и удлинённо-цилиндрические.

Вторую группу составляют бусы ромбической формы, изготовленные в основном из известняков и мрамора, а в одном случае — из бронзы. Третью составляют бусы бочонковидной или овалоидальной формы, двусторонне-сегментированные перпендикулярно и параллельно оси у тонких концов. Они изготовлены из известняка, мрамора, пемзы и сердолика. Имеются бусы овалоидальные, с двух сторон перпендикулярно сегментированные у тонких концов, с чечевицеvidным сечением. Встречены бусы бочонковидной и полулунной форм. Они изготовлены из мрамора.

Сверление бус примитивное, оба края отверстия широкие, а внутри суживающиеся, встречные отверстия часто не совпадают. Поверхность бус хорошо отшлифована, полировка тщательная, как и у бус из могильника Заманбаба.

Каменные бусы из комплекса Гуджайли по материалу, форме и технике изготовления весьма сходны, а в большинстве случаев и совершенно тождественны бусам заманбабинцев.

Рассматривая каменные бусы обеих культур (Заманбабы и андроновской), можно предположить, что бусы из комплекса Гуджайли являются продуктом производства заманбабинцев. Однако нет основания думать, что племена андроновской культуры не знали техники изготовления каменных бус, хотя они жили здесь на несколько сот лет

¹⁹ К. А. Сальников. Бронзовый век..., рис. 12, 1; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 103—104; Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению..., стр. 31; Он же. Изучение памятников эпохи..., рис. 3, 1, 3; М. А. Итина, Раскопки стоянок тазабагыбской культуры в 1957 г., МХЭ, вып. 4, 1960, рис. 7, 1.

позднее племен культуры Заманбаба. Известные заманбабинцам месторождения камней, вероятно, были известны и андроновцам. В материалах Гуджайли имеются бронзовые бусы биконической формы, несомненно, андроновского происхождения. Биконическая форма этих бус не находит аналогии в бусах Заманбабы. Подобная форма не встречалась и среди каменных бус Гуджайли. Видимо, некоторые формы заманбабинских бус не были заимствованы носителями андроновской культуры. Следовательно, могло быть, что небольшая часть бус населения заманбабинской культуры случайно попала в руки людей, поселившихся в этом районе спустя несколько сот лет. Разумеется, потомки племен заманбабинской культуры не исчезли бесследно. Вероятно, они жили где-то в низовьях Зарафшана, когда туда пришла иноплеменная группа. Однако в материалах андроновской культуры низовьев Зарафшана пока не наблюдается каких-нибудь данных, свидетельствующих о связях между населением заманбабинской и андроновской культур.

Бронзовые бусы биконической формы кованые, очень плохой сохранности. Такие же бусы биконической формы, свернутые из пластинок выпукло-вогнутого сечения с ребром посередине, встречены в Вуадильском могильнике²⁰, в могильнике Таутары²¹, в материалах могильника Кокча 3²² и в некоторых могилах могильника Тасты-Бутак²³. Подобные бусы типичны для андроновских погребений вообще²⁴.

Таким образом, каменные бусы различной формы сделаны из шести пород полудрагоценных и простых камней. Бронзовые бусы только биконической формы. Каменные бусы цилиндрической, полулунной ромбической, бочонковидной и овалоидальной форм находят полные аналогии в бусах заманбабинской культуры и в материалах культур крашеной керамики южных областей. Бронзовые бусы находят близкие параллели и в памятниках степных племен андроновской культуры.

Каменные бусы, скорее всего заманбабинского происхождения, каким-то путем оказались в комплексах Гуджайли. Они очень близки, вернее тождественны, и по материалу, и по технике изготовления, и по форме. Это предположение, конечно, имеет общий ориентировочный характер. Возможно, что после проведения новых, более широких раскопок памятников андроновской культуры в низовьях Зарафшана можно будет более точно ответить на этот вопрос.

Бронзовые бусы, несомненно, андроновского происхождения. Прежде всего в комплексе культуры Заманбаба неизвестны металлические бусы (кроме одной золотой бусинки), а биконическая форма вообще отсутствует. Кроме того, бусы, сделанные из загнутой в колечко пластинки и свернутые из пластинок выпукло-вогнутого сечения с ребром посередине, очень характерны для андроновской культуры.

²⁰ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине, КСИИМК, вып. 63, 1956, рис. 40, 17.

²¹ А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы в урочище Таутары, Археологические исследования на северных склонах Каратау, вып. 14, Алма-Ата; 1962, рис. 25.

²² М. А. Итина. Раскопки могильника..., рис. 28, 1, 2.

²³ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи..., табл. XXXVII, 5, 11, 14, 15, 23, 24, 27; XXXVIII, 2, 11, 21; XLI, 22, 23.

²⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, МИА 9, 1949, стр. 47; М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в западном Казахстане, сб. «Казах», вып. II, Л., 1927, рис. 24, 5, 6, 9; К. А. Сальников. Курганы на озере Алакуль, МИА, 24, 1952, рис. 8; О. А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение..., рис. 35, 10, 11; 36, 1, 3.

Другую группу бронзовых украшений составляют браслеты, подвески. Всего в могилах Гуджайли найдено четыре браслета и четыре подвески разной степени сохранности. При покойнице, как правило, находилось по два браслета, которые обычно были одеты на руки. Это обстоятельство сближает гуджайлийский ритуал погребения с андроновским. В могилах срубной культуры при погребенных находилось по одному браслету²⁵.

Все браслеты с желобчатой, выпукло-вогнутой поверхностью. На них четко выделяется ребро (табл. XXIII, 5, 6, 8; 9). Изготавливались они из ковanej полоски шириной около 9—10 мм, толщиной 1,5—2 мм и имели незамкнутые закругленные концы, заходящие друг на друга. Один конец как бы напоминает голову змеи, другой — тонкий, слегка заостренный.

Аналогичные браслеты с незамкнутыми концами широко распространены в женских могилах андроновской и срубной культур. Однако желобчатые браслеты андроновской культуры очень часто имеют на концах какие-либо украшения, чаще всего они оканчиваются спиральными завитками или рожками²⁶. Здесь надо особо отметить, что как в андроновской, так и в срубной культурах даже простейшие экземпляры браслетов имеют обычно незамкнутые и незаходящие концы²⁷.

Желобчатые браслеты с незамкнутыми концами встречаются в ряде памятников степной бронзы. Они известны в погребениях мелекесских курганов срубной культуры²⁸ и на территории Средней Азии. В могильнике Кокча 3 найдено 20 таких браслетов²⁹, два аналогичных браслета обнаружено в детских могилах в районе Кайраккума³⁰. Браслеты с незамкнутыми и округленными концами, заходящими друг на друга, известны в Таласской долине: шесть браслетов обнаружено в могильнике Таштюбе II и два браслета — в могильнике Ташбашат³¹.

Не менее характерны и бронзовые височные подвески (табл. XXIII, 1, 3). Они изготовлены из ковanej бронзовой полоски, желобчатой в сечении, с закругленными концами. Подвески имеют вид удлиненной спирали, сдавленной в средней части, в результате чего они напоминают восьмерку. Их длина — 5,5—6 см. Они находились

²⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 66.

²⁶ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи..., рис. 24, 1; К. А. Сальников. Курганы..., рис. 5, 4; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., рис. 37, 1, 2; Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы..., рис. 41, 2; В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи..., табл. XI; XLII, 14.

²⁷ К. А. Сальников. Курганы..., рис. 5, 3; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., рис. 36, 8; 37, 1, 2, 4; 38; И. В. Синицын. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС, КСИИМК, вып. 50, 1953, рис. 36, 1; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, 1952, рис. 7, 3; А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959, рис. 7; В. С. Сорокин. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области (экспедиция 1955 г. в районе освоения целинных земель), КСИИМК, вып. 71, 1958, рис. 20, 1, 2; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 15, 6, 7, 10—17, 20.

²⁸ Т. Б. Попова. Керамика мелекесских курганов, Труды ГИМ, 22, 1953, рис. 2, 1—2.

²⁹ М. А. Итина. Раскопки могильника..., стр. 75, рис. 24, 3, 6; 25, 1—8; 26, 1—3.

³⁰ Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению..., стр. 33.

³¹ П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии, Известия АН Киргизской ССР, т. II, вып. 3, Фрунзе, 1960, рис. 5, 5.

в области ушных отверстий. Аналогичные височные подвески часто встречались в могилах Кокча 3, около лобных, височных, скуловых костей черепа погребенных, причем по одной с каждой стороны³². Прямые параллели нашим подвескам дают могилы срубной культуры у сел. Ягодное и Хрящевка³³, которые датируются последней четвертью II тыс. до н. э.

6. Бронзовые орудия

В комплексах Гуджайли, кроме бронзовых украшений, имеются и бронзовые орудия. К сожалению, число их очень невелико, но тем не менее они весьма характерны.

На стоянке Гуджайли 9 обнаружено шесть обломков ножей различной величины. Один из них — черенок двухлезвийного ножа с продольным ребром посередине клинка, делающим его ромбическим в сечении (табл. XXXVa, 4). Другой обломок — более широкий, хорошо выраженный черенок, очевидно, это стержень однолезвийного ножа с тупой спинкой (табл. XXXVa, 1, 3). А. П. Окладниковым в 1954 г. в Кайраккуме был обнаружен аналогичный нож с подобным черенком, клинок которого является однолезвийным, литым³⁴. Остальные — мелкие обломки клинков однолезвийных ножей с тупыми спинками, среди которых один обломок, более крупный, со стороны стержня обломан, сохранился кончик клинка. Ножи и двухлезвийные с ребром посередине и однолезвийные с тупой спинкой, литые.

Подобные ножи обоих типов были широко распространены в памятниках степных культур нашей страны во второй половине II тысячелетия до н. э. Известны они на поселении 16 в Кайраккуме³⁵, на стоянке Кават 3³⁶, в могильнике Таштубе II³⁷ и в др.

На стоянке Гуджайли 2 найдено два обломка шил. Они сходны по типу, четырехгранны в сечении. Аналогичные шила обнаружены в ряде могил (23, 52, 77) могильника Кокча, причем во всех случаях, как отмечает М. А. Итина, они находились в мужских погребениях³⁸. Кроме могильника Кокча 3, такое шило найдено при раскопках жилища поселения Кават 3³⁹. Шила подобной формы найдены на Алексеевском поселении⁴⁰, в ряде стоянок в Кайраккуме⁴¹ и в землянке I Садчиковского поселения⁴². Четырехгранные шила часто находятся в карасукских погребениях⁴³.

Бронзовые шила с костяной рукояткой, как в Кокча 3⁴⁴, хорошо известны в материалах могил срубной культуры. Они были обнаруже-

³² М. А. Итина. Раскопки могильника..., рис. 24, 1, 2; 27.

³³ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья, МИА, 42, 1954, рис. 13; 31, 1, 2.

³⁴ А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г., Труды АН ТаджССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956, рис. 3.

³⁵ Б. А. Литвинский. Работа отряда по изучению..., стр. 30.

³⁶ М. А. Итина. Раскопки стоянок..., рис. 15, 2, 3.

³⁷ П. Н. Кожемяко. Указ. соч., рис. 5, 6.

³⁸ М. А. Итина. Раскопки могильника..., стр. 74, рис. 23.

³⁹ М. А. Итина. Раскопки стоянок..., рис. 15, 1.

⁴⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., рис. 34, 1—2.

⁴¹ А. П. Окладников. Предварительный отчет..., стр. 9.

⁴² О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, МИА, 21, 1951, рис. 17, 7.

⁴³ С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 119.

⁴⁴ М. А. Итина. Раскопки могильника..., стр. 74.

ны в кургане 2 у села Пиксяси Мордовской АССР⁴⁵, в кургане у села Марьевка⁴⁶, в кургане 7 близ села Хрящевка, в насыпи⁴⁷, в кургане 5 у села Ягодное⁴⁸. Совершенно аналогичное шило встречено даже на стоянке Яккапарсан 2 амирабадской культуры⁴⁹. Встречаются они в могильниках Таласской долины⁵⁰ и в Чимбайликском кладе, найденном в 1898 г. в верховьях р. Чирчик⁵¹. Можно упомянуть о наличии подобных шил в афанасьевской культуре.

Данные спектрального анализа (по И. В. Богдановой-Березовской) всех металлических предметов, сделанные в лаборатории археологиче-

Таблица 5

Спектральный анализ металлических предметов

Предмет	Стоянка	Медь	Олово	Свинец	Серебро	Сурьма	Мышь- як	Железо
Обломок ножа	Гуджайли 9	осн.	6	0,5	+	0,5	0,5	0,6
" "	" "	осн.	+	+	+	0,05	0,7	0,2
" "	" "	осн.	4	+	+	0,1	—	0,4
" "	" "	осн.	0,02	+	+	—	0,7	0,5
" "	" "	осн.	+	+	+	—	0,5	1
" "	" "	осн.	7	0,5	+	0,1	0,5	0,04
Обломок шила	Гуджайли 2	осн.	0,3	—	+	—	0,1	0,1
" "	" "	осн.	0,3	—	+	—	0,1	0,1
Браслет	Могила 2	осн.	2,4	+	+	—	—	0,04
" "	" "	осн.	0,5	0,1	+	—	—	0,04
" "	Могила 3	осн.	1	0,05	+	—	0,2	0,4
" "	" "	осн.	0,5	+	+	—	0,1	0,04
Подвеска	Могила 2	осн.	1	0,04	+	—	—	0,4
" "	" "	осн.	2,4	0,5	+	—	0,1	0,1
" "	Могила 3	осн.	2,4	0,5	+	—	0,1	0,1
" "	" "	осн.	6	0,5	+	—	0,1	0,04
Бусы	" "	осн.	1	+	+	—	0,5	0,6
Обломок подвески	Могила Кызыл- зыл-кыр 1	осн.	2,4	0,01	+	—	+	0,4

ской технологии ЛОИА, дали следующие результаты (табл. 5).

Как видно из результатов анализа, все предметы содержат довольно большое количество примеси олова. Если металлические предметы культуры Заманбаба были из мышьяковистой бронзы, то гуджайлинские оказались из оловянистой бронзы. Химический анализ кокчинской бронзы также показывает значительный процент олова⁵².

Известно, что древние металлурги вели разработку олова в Нура-тинском хребте и в Кызылкумских горах⁵³. Имеются совершенно определенные указания на находку оловянного камня в северо-западной части гор Алтынтау⁵⁴. Другие месторождения олова исследованы Б. А. Литвинским в районе Зирабулакских и Зияутдинских гор, выработ-

⁴⁵ П. Д. Степанов. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР, КСИИМК, вып. 59, 1955, рис. 28, 4.

⁴⁶ П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда), «Известия ГАИМК», вып. 110, Л., 1929, рис. 6.

⁴⁷ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии..., рис. 31, 5.

⁴⁸ Там же, рис. 10, 4.

⁴⁹ Низовья Амударьи, Саракамыш и Узбой, МХЭ, вып. 3, 1960, стр. 135.

⁵⁰ П. Н. Кожемяко. Указ. соч., рис. 5, 1; 9, 6; 13, 1, 6.

⁵¹ Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы..., рис. 62, 7.

⁵² М. А. Итина. Раскопки могильника..., стр. 84.

⁵³ М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953, стр. 8.

⁵⁴ А. Ф. Соседко. Каракалпакская экспедиция НИГИ комитета наук СОНАТ, № 12, 1938, стр. 65.

ки одного из них являются более ранними, относящимися еще к эпохе поздней бронзы⁵⁵.

Подводя итоги, следует отметить, что металлические изделия представлены значительно, чем кремневые орудия труда. Хотя эти изделия не очень многочисленны, они весьма типичны. Кремневые орудия вытеснены и почти полностью заменены металлическими. Освоено уже литейное производство (ножи). Бронзовые ножи, аналогичные нашим, широко распространены в памятниках степных культур, датируемых второй половиной II тысячелетия до н. э. (Окладников, Литвинский, Итина, Кожемяко).

Браслеты с незамкнутыми и округлыми концами, заходящими друг на друга, и височные подвески в виде восьмерки, встречаются часто в памятниках Средней Азии (Итина, Литвинский, Кожемяко, Попова и Мерперт). Четырехгранные шилья найдены в изобилии в афанасьевской, срубной, андроновской и карасукской культурах (Киселев, Итина, Кривцова-Гракова, Сальников, Степанов, Мерперт, Кожемяко, Оболдуева и др.).

Наличие здесь древних медных, оловянных выработок свидетельствует о среднеазиатском происхождении металлических изделий.

⁵⁵ Б. А. Литвинский. К истории добычи олова в Узбекистане, Труды САГУ, вып. II, Ташкент, 1950.

Глава четвертая

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Керамика андроновских памятников в низовьях рек Зарафшана и Қашкадарьи единообразна как по технике изготовления, так и по форме и орнаменту, что свидетельствует о принадлежности этих памятников к одному, относительно короткому периоду времени. Вещевой материал андроновских памятников довольно беден. Кроме глиняной посуды, найдено несколько экземпляров обломков бронзовых ножей и шил, бронзовые браслеты, подвески, бусы, каменные бусы и, видимо, случайно сюда попавшие кремневые орудия. Обряд погребения и весь комплекс вещевых находок можно сопоставить с определенным этапом андроновской культуры других районов.

В настоящее время в области изучения этой культуры сделано очень много. Исследовано более 100 могильных памятников, из них преобладающее большинство составляют могильники алакульской стадии.

Известно, что почти во всех районах распространения памятников алакульского этапа андроновские племена хоронили своих покойников по способу трупоположения. Костяк лежит чаще всего на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. В парных захоронениях мужчина — на левом, а женщина — на правом боку¹. В могильнике же Кокча 3 мужчина — на правом, а женщина — на левом боку². В Южном Қазахстане (Таутары), на Таласе (Ташбашат, Таштюбе, Бешташ и др.) и на Тянь-Шане (Арпа) погребения совершены по способу трупосождения.

Андроновские племена в низовьях Зарафшана, как и племена других районов алакульского этапа, придерживались обряда трупоположения и хоронили своих умерших на левом боку в скорченном положении, головой на запад. Отсутствие здесь характерных для андроновских погребений курганных сооружений, каменных оград и каменных ящиков из плиты или бутового камня вызвано исключительно местными условиями³, или же связано с особенностями ритуала⁴.

В предыдущей главе отмечалось, что кремневый инвентарь весьма скуден, орудия труда единичны и носят неолитический характер. Они

¹ М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры, Археологический сборник ГОС, Эрмитаж, вып. 4, Л., 1962.

² М. А. Иттиная. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3, МХЭ, вып. 5, 1961.

³ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби: МИА, 48, 1956, стр. 17.

⁴ М. А. Иттиная. Раскопки могильника..., стр. 11.

не могут служить основным датирующим материалом, тем более, что это — подъемный материал, и большая часть наконечников стрел и всех остальных кремневых орудий находят себе полные аналогии в поздне-кельтеминарских памятниках Хорезма и в материалах Заманбабы. Каменные бусы также не могут способствовать датировке нашего комплекса, так как они имеют формы, не известные по памятникам андроновской культуры, но хорошо представленные в комплексе культуры Заманбаба и в материалах древнеземледельческих культур южных областей.

Оба типа ножей из гуджайлинских стоянок (однолезвийный, с тупой спинкой и двухлезвийный, посередине с ребром) также характерны для памятников степных культур поздней бронзы. Шила, четырехгранные в сечении, широко распространены в бронзовую эпоху и тоже не имеют сколько-нибудь конкретного культурного или хронологического значения. Такие шила были известны как в федоровское и алакульское времена, так и на более поздних этапах андроновской и срубной культур. Они не представляют особой ценности для датировки нашего комплекса.

Из числа металлических изделий гуджайлинского комплекса наиболее важны, как датирующий материал, браслеты и височные подвески.

Бронзовые браслеты желобчатые, с выделенным на них ребром, незамкнутыми закругленными концами, заходящими друг на друга, распространены в основном в среднеазиатских памятниках андроновской культуры. В могильнике Кокча 3 их найдено 20 экз., в детском погребении в Кайраккуме 2 экз., в могилах Таласской долины — 8. Подобные браслеты известны в погребениях мелекесских курганов срубной культуры. Бронзовые височные подвески, желобчатые в сечении, в виде восьмерки, известны в могильнике Кокча 3 (19 экз.) и несколько экземпляров в памятниках срубной культуры (сел. Ягодное и Хрящевка). Памятник Кокча 3 синхронен алакульскому этапу, а памятники срубной культуры у Ягодного и Хрящевки датируются началом второй стадии срубной культуры. Желобчатые браслеты и подвески в виде восьмерки, характерные для тазабагыябских и срубных памятников, могут использоваться для датировки андроновских памятников низовьев Зарафшана. Однако трудно сказать, какое значение для определения хронологии нашего комплекса имеют указанные нами сходства и расхождения. Абсолютная хронология бронзовых украшений и шил, по сути дела, еще не разработана. Сходство гуджайлинских браслетов и подвесок с кокчинскими, кайраккумскими и мелекесскими вряд ли случайно. Скорее всего, они относятся к одной группе, хотя четко определить хронологические различия нельзя, так как бронзовые и каменные изделия не только могли быть предметом широкого обмена, но и отличались относительной долговечностью, редкостью, и, переходя по наследству из поколения в поколение, способствовали сохранению ремесленно-художественной традиции. Так, бронзовые бусы и шила с четырехгранным сечением встречаются в памятниках всех этапов андроновской культуры. Поэтому мы можем считать бронзовые и каменные изделия не единственным датирующим материалом, а только дополнительным.

Основным источником при датировке андроновских памятников в низовьях Зарафшана служит керамика. В предыдущей главе мы подробно описали ее, сопоставили с керамикой синхронных памятников андроновской культуры. Теперь нам предстоит рассмотреть керамику как источник сведений материальной жизни древнего коллектива в определенную эпоху и тем самым определить относительную и абсолютную хронологию этих памятников.

Напомним, что на 26 обследованных стоянках, в отдельных пунктах и в могилах Гуджайли найдено более 4000 черепков не менее чем от

420 сосудов, из них четыре почти целых. В основном это «классические» андроновские горшки и несколько сосудов баночного типа. Горшки имеют широко открытый верх, что является существенным признаком андроновской керамики вообще.

Важными элементами формы многих сосудов являются широкие желобки на шейке и уступки на плечиках, характерные для керамики алакульского этапа. Сосуды украшены гладким штампом (около 90%), изредка — оттисками гребенчатого штампа. Обычно орнамент расположен зонально. Он покрывает венчик сосуда. Шейка часто остается неорнаментированной. Затем орнамент проходит по плечикам и туловищу, иногда покрывая всю поверхность сосуда. Узоры составлены из горизонтальных зигзагов или ломаных линий, незамкнутых и замкнутых треугольников в различных положениях, меандров и других заштрихованных лент и т. д.

На венчике совершенно отсутствуют косые треугольники, характерные для керамики федоровского этапа. Все треугольники равнобедренные. Встречаются очень простые узоры — «елочка», косые насечки, ногтевые вдавления, заштрихованные ромбы, отски и т. д. Эта простота узоров, характерная для керамики среднеазиатских (кроме Киргизии) андроновских памятников, явилась одним из оснований для выделения самостоятельной тазабагьябской культуры. Однако некоторые характерные признаки керамики алакульского этапа, неоднократно отмеченные исследователями этой области, не позволяют отрывать эти памятники от андроновской культуры, во всяком случае от ее западных вариантов.

Чем же отличается керамика алакульского этапа от федоровского. Наблюдая различия в погребальном обряде, отраженные в памятниках андроновской эпохи, особенности погребального инвентаря и стратиграфии культурных остатков, К. В. Сальников наметил три последовательных стадии развития андроновской культуры в Зауралье: федоровскую, алакульскую и замараевскую⁵. Они четко разделяются господствующими типами керамики, а на западе (в Челябинских степях, Центральном и Северном Казахстане) федоровская и алакульская стадии различаются еще и погребальным обрядом. К. В. Сальников считает федоровскую стадию ранней, а алакульскую более поздней.

М. Н. Комарова в работе «Относительная хронология памятников андроновской культуры» на анализе огромных материалов по всей области ее распространения убедительно доказывает правильность схемы К. В. Сальникова и рассматривает разные территориальные варианты и их специфическое своеобразие в каждом районе⁶. Керамика федоровского этапа по всей территории распространения андроновской культуры однообразна. Она представлена сосудами баночного типа и горшками с более нарядным и сложным геометрическим орнаментом. В Челябинских степях встречаются плоские блюда округлой и прямоугольной форм. На алакульском этапе сохраняются первые два типа сосудов с преобладанием горшков. Орнамент этих сосудов в сравнении с керамикой федоровского этапа упрощен. Прямоугольные и округлые блюда на этом этапе исчезают.

Форма сосудов и их орнаментация изменяются в зависимости от хронологической и территориальной принадлежности. Это выделение четко отражено в форме и орнаменте нарядных сосудов — горшков, чаще всего встречающихся в могильных памятниках.

⁵ К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья, Первое Уральское археологическое совещание, Свердловск, 1948, стр. 21—26; Он же. Бронзовый век Южного Зауралья, МИА, 21, 1951, стр. 114—116.

⁶ М. Н. Комарова. Относительная хронология..., стр. 50—78.

На венчике сосудов федоровского типа преобладают косые треугольники. Шейка их всегда орнаментирована, главным образом, каннелюрами. Плечики сосудов в большинстве случаев имеют очень нарядный орнамент из фестонов, образованных треугольниками или меандровидными фигурами, окаймленными мелкими треугольниками. Плечики менее нарядных сосудов украшены горизонтальной «елочкой».

Венчики сосудов алакульского типа украшают наиболее часто зигзагообразные полосы из вертикальной «елочки» и равнобедренные треугольники. Косые треугольники встречаются очень редко. Шейка сосудов большей частью остается гладкой без орнамента или украшена орнаментом, нехарактерным для федоровских сосудов. На плечиках сосудов алакульского типа преобладают опущенные вершиной вниз треугольники, реже горизонтально расположенные зигзагообразные линии, полосы из меандровых фигур или вертикальная «елочка».

Алакульские сосуды отличаются от федоровских и по форме. У большинства из них плечики отделены от шейки характерным уступчиком.

На сосудах федоровского типа преобладает орнамент гребенчатый, а на алакульских — оттиснутый гладким штампом. Это отличие федоровского и алакульского типов керамики отчетливо выражено по всей территории распространения андроновской культуры. Но наряду со сходством керамики обоих этапов в различных районах имеются и характерные варианты орнаментов, нисколько не изменяющие общего положения схемы К. В. Сальникова. Так, в Северном Казахстане на алакульском этапе венчики сосудов часто украшают своеобразные высокие и узкие косые треугольники. На сосудах федоровского типа косые треугольники низкие и более широкие. Оттиск гребенчатого штампа, характерного для сосудов федоровского этапа западных районов, довольно часто встречается и на сосудах алакульского типа Северного и Центрального Казахстана. Сосуды федоровского типа в Центральном Казахстане по форме своеобразны — с плавной линией профиля, сужены ко дну, имеют вид невысокого пологого поддона. Почти половина сосудов алакульского этапа не имеет уступчика на шейке, но дно, в отличие от сосудов федоровского типа, у них широкое. Часто встречаются каннелюры, но не узкие, как на сосудах федоровского типа, а широкие.

Иначе обстоит дело в восточных районах распространения андроновской культуры. В известных нам памятниках обнаружены сосуды, по форме и по орнаменту относящиеся к федоровскому этапу, весьма сходные с сосудами федоровского типа западных районов. Однако здесь встречается орнаментальный мотив — два ряда косых треугольников, обращенных вершинами друг к другу, — не характерный для западных районов.

При изучении материалов исследуемых нами памятников стало очевидным, что их нельзя делить на хронологические группы, все они относятся только к одному, алакульскому этапу.

Обряд захоронения тождествен обряду могильных памятников алакульского этапа «классической» андроновской культуры. Керамика и ее орнаментация, отсутствие в ней узоров, характерных для федоровского этапа, преобладание на венчике сосудов равнобедренных треугольников, неорнаментированная шейка, уступчик на плечиках, широкие желобки, обилие на плечиках горшков ломаных линий, треугольники, заключенные между параллельными линиями, ряд сомкнутых треугольников, обращенных вершинами вниз, меандры и другие узоры из заштрихованных лент — все это говорит о том, что комплекс андроновских памятников в низовьях Зарафшана может быть датирован только алакуль-

ским этапом андроновской культуры. Желобчатые браслеты и височные подвески, изготовленные из бронзовых полосок, также являются характерным украшением племен алакульского этапа⁷.

Прежде всего надо отметить близость тазабагъябских памятников Южного Приуралья нашему комплексу. Их сходство по ряду внешних признаков с гуджайлинским комплексом, а также территориальная близость к последнему придают особый интерес сравнению керамических комплексов и украшений обоих районов. Погребальный обряд могильников (Кокча 3 и Гуджайли), как уже отмечалось, у них совершенно однообразен. Выше отмечено полное сходство украшений. Остается лишь рассмотреть керамику.

На поселениях Тазабагъяба и в могильнике Кокча 3 собрано огромное количество сосудов как во фрагментарном, так и в целом виде. В одном могильнике (Кокча 3) обнаружено 93 сосуда разной степени сохранности. Они проанализированы и опубликованы⁸.

В кокчинском комплексе хорошо выделяются горшки с уступчиком в плечиках⁹. Их можно сопоставить с аналогичными горшками Гуджайлинского комплекса (табл. XXVIIб, 1; XXVIIIб, 5; XXXб, 1). Сосуд баночной формы из кокчинского комплекса¹⁰ идентичен сосудам второй формы гуджайлинской керамики (табл. XXV, 2). В керамике Гуджайли обнаружена чаша с широким верхом и слегка загнутым внутрь краем венчика (табл. XXV, 1). Подобные чаши встречались в тазабагъябских памятниках древнего Хорезма¹¹.

Особенно важно отметить наличие в керамическом комплексе некоторых стоянок низовьев Зарафшана остросереберных сосудов (табл. XXXI, 18), характерных для срубной культуры. Эта форма, как отмечает М. А. Итина, часто встречается в материалах тазабагъяба¹².

Наконец, в керамике Гуджайли четко выделяются более крупные горшки, с сильно раздутым округлым туловом и двумя-тремя широкими желобками на плечиках (табл. XXIV, 1—2). Аналогичные сосуды часто встречаются на некоторых тазабагъябских поселениях¹³.

Количественное соотношение целых сосудов этих двух групп памятников андроновской культуры несравнимо, но близость сосудов древнего Хорезма и низовьев Зарафшана как по форме, так и по профилю несомненна.

Орнамент сосудов обоих районов весьма однороден. Преобладают ломаные линии или «елочка» и заштрихованные треугольники в различных положениях. В керамике обеих групп памятников почти отсутствуют сложные меандровидные узоры. Орнамент на сосудах простой. Несмотря на близость мотивов орнамента керамики этих районов, в ряде мест намечаются и отличия, связанные в каждом конкретном случае, видимо, со вкусом мастеров того или другого района.

Орнаментальная композиция керамики, в отличие от приаральской, часто состоит из ломаных линий или «елочки» с равнобедренными треугольниками, причем треугольники размещаются на венчике сосудов вершинами вверх, тогда как в Хорезме ломаные линии или «елочки» сочетаются с каплевидными насечками, а иногда с треугольниками. Интересно,

⁷ М. А. Итина. Раскопки могильника..., стр. 75.

⁸ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археологической экспедиции (1937—1957), СЭ, № 4, 1957; М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма, ТХЭ, вып. 4, 1959; Она же, Раскопки могильника... Стр. 5—73.

⁹ М. А. Итина. Раскопки могильника..., рис. 5, 11, 9, 4—6.

¹⁰ Там же, рис. 12, 4.

¹¹ Там же, рис. 4, 12; 9, 10.

¹² Там же, стр. 67.

¹³ М. А. Итина. Первобытная керамика..., рис. 10, 1, 3.

что треугольники на керамике Тазабагьяба не всегда равнобедренные, иногда они более высокие, узкие и расположены вершинами вниз, как это отмечалось в качестве одного из характерных элементов керамики алакульского этапа¹⁴.

Треугольники не всегда оттиснуты на венчике сосудов, как это было на керамике низовьев Зарафшана. Их можно видеть на плечиках и туловище сосудов. Однако эти расхождения не исключают родства памятников низовьев Зарафшана и древнего Хорезма.

Близость всего комплекса древнего Хорезма к комплексу низовьев Зарафшана как по форме керамики и ее орнаментации, так и по бронзовым украшениям, не вызывает сомнений. Следовательно, оба они составляют группу памятников андроновской культуры, синхронных ее алакульскому этапу. Было бы целесообразно считать их тазабагьябским вариантом андроновской культуры в Средней Азии. В их круг можно включить аналогичные андроновские памятники Ташкентской области¹⁵, Ферганской долины¹⁶ и Туркмении¹⁷.

Керамика низовьев Зарафшана типологически сходна и близка не только памятникам Средней Азии. Так, керамика гуджайлинского комплекса находит близкие параллели в керамике западных вариантов алакульского этапа андроновской культуры. При сопоставлении их мы сочли целесообразным рассматривать подробно только богатые комплексы, подчеркивая характерные элементы керамики каждого памятника.

Один из хорошо изученных памятников андроновской культуры, синхронный комплексу Гуджайли, — алакульский могильник Заураля. Сосуды из этого могильника имели баночную и горшечно-баночную формы. На шейке сосудов горшечно-баночного типа очень часто встречается уступчик. Алакульские сосуды отличаются от гуджайлинских формами, но сходны по орнаменту. Они украшались ломаными линиями, часто встречающимися на сосудах Гуджайли¹⁷. Основная масса керамики алакульского могильника орнаментирована зигзагами и равнобедренными треугольниками. Здесь, как и в Гуджайли, не обнаружено меандровидных узоров, характерных для керамики «классической» андроновской культуры. В этом отношении композиция узоров близка к композиции узоров на сосудах с низовьев Зарафшана.

Значительный комплекс глиняной посуды обнаружен в Алексеевском могильнике и связанном с ним жертвенном месте.

Из алексеевского могильника в литературе описан 71 сосуд, из них 64 орнаментированы¹⁸. Вся керамика разделена на два типа. Один из них — общеизвестный простой баночный горшок, другой — горшок «классического» типа. Представленные формы хорошо сопоставляются с керамикой нашего комплекса. В Алексеевке довольно часто встречаются горшки с прямым или слегка отогнутым горлом, четко выраженным венчиком, сильно раздутым округлым туловом, подобные сосудам из Гуджайли (табл. XXI, 1—2).

¹⁴ М. А. Итина. Первобытная керамика..., рис. 9, 4—6.

¹⁵ Т. Г. Оболенева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области, КСИИМК, 59, 1955.

¹⁶ Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайраккумах в 1955 г., Труды ТАЭ, вып. 41, Сталинабад, 1956; Он же. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайраккумах в 1956 г., Труды ТАЭ, вып. 63, Сталинабад, 1959; Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунов. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине, КСИИМК, вып. 63, 1956.

¹⁷ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль, МИА, 24, рис. 9, 3, 5, 8, 14—17; 10, 2—3; 14.

¹⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, вып. 17, 1947, рис. 51, 52, 53, 54.

Хорошо представлена в Алексеевке вторая форма керамики низовьев Зарафшана (табл. XXVII, 2) — банкообразные сосуды со слегка выпуклыми стенками, являющиеся одной из характерных форм керамики алексеевского могильника и жертвенного места — (Рис. 52, 4; 52, 6; 9; 53, 3, 17; 54, 6 и др.). Важно отметить среди алексеевских сосудов несколько остросереберных горшков, характерных для керамики срубной культуры и, несомненно, появившихся здесь под ее влиянием. В комплексе Гуджайли сосуды подобной формы встречаются очень редко (табл. XXVIII, 18).

Привлекает внимание орнаментация сосудов. Преобладающее большинство орнаментов керамики алексеевского комплекса составляют узоры из ломаных линий — 45%, треугольники — 14, треугольники в сочетании с ломаными линиями — 12,5 и треугольники с меандром — 6,2%. Следует отметить, что почти подобное соотношение мы наблюдали и в керамике низовьев Зарафшана. Расположение равнобедренных треугольников вершинами вверх на венчике сосуда также напоминает орнаментальную композицию керамики Гуджайли. В Алексеевке преобладают треугольники, опущенные вершиной вниз (рис. 52, 4, 7, 10, 13, 18, 20 и др.).

Описывая керамику Гуджайли, мы неоднократно отмечали, что орнамент ее очень редок и нанесен неаккуратно. В отличие от Гуджайли, орнамент на алексеевских сосудах нанесен чрезвычайно густо. Иногда он состоит из множества продольно заштрихованных зигзагообразных лент, а корпус часто сплошь заполнен ломаными линиями. Этот тип орнамента керамики Алексеевки в основном встречается на баночных сосудах и горшках близкой к ним формы. Меандровидные и более нарядные узоры встречаются исключительно на «классических» андроновских горшках из Алексеевки (рис. 51, 11, 12; 54, 2, 12 и др.). В керамике Гуджайли такое разделение орнаментов очень редко, но сплошные ломаные линии можно видеть даже на горшках с уступчиком на плечиках (табл. XXVIIб, 1; XXXб, 1; XXVI, 11).

Все рассмотренные комплексы глиняных сосудов относятся ко второму, так называемому алакульскому, этапу развития андроновской культуры.

Памятники, материалы из которых мы взяли для типологического сопоставления с гуджайлинским комплексом, по особенностям орнамента составляют две группы: среднеазиатскую и кустанайско-челябинскую. Памятники тазабагыябского типа Средней Азии по керамике и ее орнаменту, а также по украшениям весьма сходны с нашим комплексом. Более близкие параллели в орнаментации сосудов намечаются при сопоставлении керамики нашего комплекса с керамикой алексеевских памятников.

В. С. Сорокин в монографии «Могильник бронзовой эпохи Тасты-бутака I в Западном Казахстане», анализируя керамику, отмечает, что орская группа памятников западных районов, куда входят памятники Тасты-бутака андроновской культуры, хронологически более ранняя, чем алакульский и алексеевский могильники, и более поздняя, чем ее федоровский этап. Присоединяясь к мнению К. В. Сальникова¹⁹, что «слабое подчеркивание уступчиков на плечиках этих сосудов, более частое употребление в орнаменте гребенчатого чекана и сложных меандровых элементов, обычных для федоровской стадии, заставляют признать орские сосуды более древними, чем уступчатые челябинские, то есть поместить их между федоровскими и алакульскими», он считает, что наличие в трех достоверных случаях в погребальном обряде могильника

¹⁹ К. В. Сальников. К вопросу о стадиях..., стр. 25—26.

Тасты-бутак 1 остатков трупосожжения и отсутствие сосудов с налепными валиками в керамике поселения Тасты-бутак, существовавших одновременно и оставленных, скорее всего, одним и тем же населением, еще раз подтверждают вероятность предположения Сальникова²⁰.

То, что в орнаментации глиняных сосудов Тасты-бутак 1 широко применялись меандровые мотивы, типологически сближает керамику орской группы с керамикой федоровского этапа, так как в орнаменте керамики других памятников, синхронных алакульскому периоду (могильник и жертвенное место Алексеевки, Кокча 3, гуджайлинский комплекс, кайраккумские памятники, единичные могилы Ташкентской области и т. д.), меандровые узоры составляют очень незначительный процент.

Преобладают ломаные линии или зигзаги, равнобедренные треугольники, заштрихованные ленты, различные косые насечки, оттиски и т. д. Эти узоры встречаются везде: в памятниках Челябинских степей, Кустаная, Приаралья, в низовьях Зарафшана, Ферганской долины, Ташкентской области и Туркмении. Это своеобразие и простота орнамента, его небрежное исполнение характерны для керамики тазабагъябского типа и, вероятно, связаны с определенным периодом развития андроновской общины, существовавшей где-то в конце II тысячелетия до н. э.

Штампы на сосудах позднего алакульского типа утрачивают прежнюю четкость и нарядность. В большинстве случаев чувствуется, что они применяются только как отживающая традиция, и за качеством их уже не следят. На керамике памятников тазабагъябского типа ломаные линии особенно небрежны, концы их в углах не совпадают друг с другом. Часто в орнаментации сосудов применяются различные косые насечки, вдавливания, оттиски, штрихи и т. д.

О. А. Кривцова-Гракова, возражая К. В. Сальникову, делит андроновскую культуру, по аналогии со срубной, на две стадии: первую — с керамикой без налепных валиков, и вторую — с налепными валиками. В результате такого деления первый этап отождествляется с федоровской стадией, а второй — с алакульской и замараевской²¹. Конечно, это предположение не может быть принято²². Не рассматривая подробно вопрос, сошлемся на имеющиеся публикации, в которых авторы убедительно доказывают не только хронологическую неодновременность могильника и поселения Алексеевки²³, но и указывают на заблуждение О. А. Кривцовой-Граковой в вопросе о появлении на сосудах налепных валиков²⁴.

В керамике андроновских памятников низовьев Зарафшана также не встречается сосудов с налепными валиками.

Таким образом, место комплекса тазабагъябских памятников низовьев Зарафшана в относительной хронологии памятников андроновской культуры становится достаточно ясным. Наш комплекс, бесспорно, моложе памятников орской группы и старше замараевских памятников. Он синхронен алакульским, алексеевским, кокчинским могильникам и близким к ним поселениям.

²⁰ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-бутак 1 в Западном Казахстане, МИА, 120, 1962, стр. 87.

²¹ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, МИА, 21, 1951, стр. 180.

²² С. С. Черников не разделяет полностью мнения О. А. Кривцовой-Граковой о первом появлении налепного валика на сосудах федоровского этапа, считает его обычным явлением для керамики алакульского времени (Письмо в редакцию, ответ на рецензию В. С. Сорокина, СЭ, 1962, № 4, стр. 225—226).

²³ М. Н. Комарова. Относительная хронология..., В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи..., стр. 86—89.

²⁴ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи..., стр. 87.

Установить абсолютную хронологию алакульского этапа сейчас невозможно, во-первых, из-за того, что неизвестна продолжительность отдельных этапов андроновской культуры, а во-вторых, еще недостаточно ясно определены ее общие хронологические границы.

Еще совсем недавно, анализируя южноуральские памятники, К. В. Сальников алакульскую стадию датировал XI—IX вв. до н. э.²⁵ Теперь же, опираясь на исследования селища Бериговское 1 в Южной Башкирии, где были обнаружены 14 черепков алакульского типа андроновской культуры в сочетании с обломками керамики с веревочным узором раннего периода срубной культуры, он пишет: «Такое сочетание заставляет признать предложенную нами в прошлом датировку алакульской стадии XI—IX вв. до н. э. слишком поздней и отнести время существования алакульских памятников к XIV—XI вв. до н. э.»²⁶

Последняя датировка алакульского этапа андроновской культуры, предложенная К. В. Сальниковым в 1959 г., как будто получила еще одно подтверждение. В курганный группе у с. Кумак Солилецкого района Оренбургской обл. в одной могиле с двумя андроновскими сосудами алакульской стадии обнаружен бронзовый наконечник копья с ребром²⁷ и бронзовый нож срубного типа со слабо выраженными выемками по бокам. Останков погребенного не обнаружено. Тот факт, что в могиле находился алакульский сосуд и копье сейминского типа, довольно точно датированный серединой II тысячелетия до н. э., дает основание датировать это погребение XV—XIII вв. до н. э.

На Всесоюзном совещании археологов по андроновской культуре, происходившем в Ленинграде в 1964 г., все пришли к мнению, что уже пора разделить алакульский этап на две хронологические группы — раннюю и позднюю. Для этого имеется достаточное количество материалов из памятников, находящихся в разных районах распространения андроновской культуры.

Например, к ранней поре алакульского этапа можно отнести орскую группу памятников Западного Казахстана, могильники Таутары Южного Казахстана, могильник Арпа в Киргизии, в погребальном обряде и керамическом комплексе которых, наряду с особенностями алакульского этапа, намечаются и элементы федоровского. Поэтому время существования этих памятников исследователи относят ближе к федоровскому этапу.

Следовательно, могильники Алакуль, Алексеевка, Кокча 3, Гуджайли и другие, в керамическом комплексе которых совершенно отсутствуют сосуды с федоровской системой орнаментации, — а в погребальном обряде — способы захоронения федоровского этапа, представляют памятники поздней поры алакульской стадии.

Таким образом, новая датировка алакульской стадии андроновской культуры заставляет нас пересмотреть время существования племен с керамикой алакульского типа и определить абсолютную хронологию нашего комплекса, относящегося к поздней группе этой стадии, т. е. датировать его XII—XI вв. до н. э. Более продолжительное существование андроновского общества в низовьях Зарафшана мало вероятно, судя по незначительному числу обнаруженных здесь могил и разбросанным стоянкам с весьма скудным вещевым материалом.

²⁵ К. В. Сальников. Бронзовый век., стр. 120; Он же. Курганы на озере Алакуль, МИА, 24, 1952, стр. 71.

²⁶ К. В. Сальников. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии, Башкирский археологический сборник, Уфа, 1959, стр. 44.

²⁷ Э. А. Федорова-Давыдова. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (к вопросу о периодизации андроновской культуры), Труды ГИМ, вып. 37, 1960, стр. 56—59, рис. 2, 1.

Памятники более ранних периодов андроновской культуры на территории Средней Азии пока не выявлены. Единичные находки позволяют предположить, что здесь имеются памятники федоровского этапа. Например, в случайно раскопанной могиле у совхоза «Пригородный» близ г. Фрунзе был найден сосуд со сложным гребенчатым меандровым узором, с косыми треугольниками на венчике, характерными для керамики федоровского этапа²⁸. Я. Г. Гулямов в 1960 г. в Среднем Зарафшане, в Наукате, обнаружил фрагмент сосуда с орнаментом, характерным для федоровской керамики (рис. 55). Однако утверждать наличие в Средней Азии федоровского этапа андроновской культуры на основании всего лишь двух сосудов было бы преждевременно.

Еще недавно была предпринята попытка вывести тазабагъябские памятники андроновской общности из предшествующей культуры кельтеминарского типа²⁹. Эта попытка строилась на основании материалов Западного Казахстана³⁰. Археологические же работы последних лет в дельтовых притоках Амударьи и в низовьях Зарафшана окончательно убедили исследователей в том, что племена, оставившие следы в виде материальных остатков тазабагъябской культуры, не имеют никакой генетической связи с местным населением предшествующих периодов³¹.

В связи с этим С. П. Толстов высказал мнение о проникновении в Среднюю Азию племен тазабагъябской культуры. Он считает, что тазабагъябские племена, связанные с первой значительной волной индо-иранских племен, проникли в Хорезм с северо-запада в середине II тысячелетия до н. э.³²

В настоящее время андроновские памятники, кроме Южного Приаралья и низовьев Зарафшана, известны в Ташкентской и Самаркандской областях: единичные погребения близ г. Янгиюль, на «Никифорских землях» (восточная окраина г. Ташкента), в с. Ореховское, у ст. Вревская, отдельная находка сделана на правом берегу р. Ангрен³³ и погребение в р-не Ургута, примерно в 60 км к ЮВ от Самарканда.

В Ферганской долине обследовано несколько десятков развеечных стоянок, три могильника в песках Кайраккум³⁴, раскопаны два могильника близ г. Ферганы (Вадиль и Карамкуль), отдельные фрагменты ке-

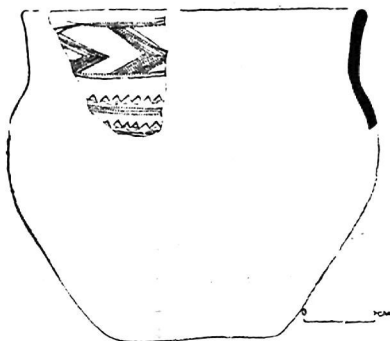

Рис. 55. Керамика с поселения Наука-тепа.

²⁸ П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии, «Изв. АН КиргССР, т. II, вып. 3, Фрунзе, 1960, рис. 17.

²⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 66.

³⁰ А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, КСИИМК, вып. 25, 1949, стр. 58.

³¹ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957, стр. 54.

³² С. П. Толстов. Итоги двадцати лет., стр. 41.

³³ Т. Г. Оболдуева. Указ. раб., стр. 145—149.

³⁴ Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению...; Он же. Изучение памятников...; История таджикского народа, т. I, М., ИВЛ, 1963, стр. 115—122.

рамики обнаружены на горе Сулеймантау в г. Ош³⁵. Некоторые материалы найдены в Вахшской долине³⁶. По Келифскому Узбою зафиксировано шесть пунктов с керамикой тазабагьябского типа³⁷.

Фрагменты керамики были собраны в окрестностях Ашхабада, в котловинах выдувания в пустыне³⁸, на Аучин-депе, между колодцами Джуппы и Бойгушлы в дельте Мургаба, к СВ от Каажка, в р-не Кызыл-Арват, на Серманча-депе³⁹. Особый интерес представляет открытие ке-

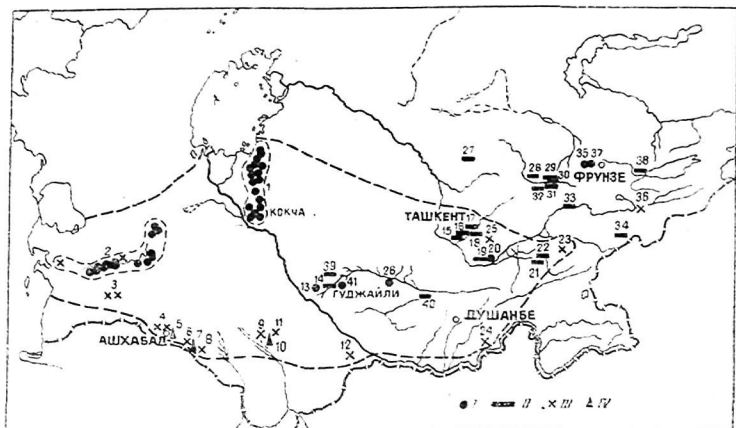

Рис. 56. Распространение памятников Тазабагьябского типа.

I—стоянка; II—могильник; III—отдельные находки; IV—находки андроновской керамики в земледельческом поселении; 1—Акчаларынская дельта; 2—Узбойская группа стоянок; 3—Кизиларват; 4—Окрестности г. Ашхабада; 5—Анау; 6—Серманча-депа у Арман-Сагата; 7—Теккем-депе; 8—к СВ от Каажки; 9—между колодцами Джуппы и Байгушлы в дельте Мургаба; 10—Тахирбай 3; 11—Аучин-депе; 12—Келифский узбой (6 пунктов); 13, 14—Гуджайли; 15—ст. Вревская; 16—Янгинюль; 17—Никифировские земли; 18—с. Обуховское; 19, 20—Кайраккум; 21—Вуадиль; 22—Карамкуль; 23—Сулеймантау; 24—Джилкикуль; 25—Правый берег р. Ахангаран; 26—Наука; 27—Таутары; 28—Тоштобе; 29—Жазкечу; 34—Арпа; 35—Канда; 36—Чиргаил; 37—Джанлыма; 38—Чанкемин; 39—Кызылкыр. I; 40—Ургут; 41—Пайкент

рамики андроновской культуры в культурном слое на таких поселениях древнеземледельческих племен, как Теккем-депе, Тахирбай 3 и южный холм Анау⁴⁰.

Все перечисленные памятники и отдельные находки керамики по характеру своего материала весьма однородны и во многом близки к памятникам западных вариантов андроновской культуры.

На представленной карте (рис. 56) пунктиром обведена область, представляющая собой один вариант памятников андроновской культуры, отличный от других вариантов этой культуры. Памятники этих районов можно включить в область распространения тазабагьябского варианта андроновской культуры.

³⁵ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины, СА, № 3, М., 1957; А. Н. Берштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая, МИА, 26, 1952, стр. 186.

³⁶ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, МИА, 88, 1960, стр. 114.

³⁷ С. А. Ершов. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя, «Изв. ТуркФАН СССР», Ашхабад, 1951.

³⁸ А. В. Збруева. Указ. раб., стр. 186.

³⁹ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура..., стр. 116.

⁴⁰ Там же, стр. 117.

На территории Средней Азии, за пределами границы этой области, расположены памятники других типов (Арпа, Таутары, Таштубе, Ташбашат, Бешташ, Джаилма, Каунды и др.), отличные от памятников Хорезма, низовьев Зарафшана, Ферганы, Ташкентской области и юга Средней Азии. Эти памятники и памятники тазабагыбского типа не случайно называются андроновской культурой⁴¹ или андроновско-тазабагыбской⁴². Это доказывается тем, что культура андроновского типа не может быть выведена из предшествующих в Средней Азии кельтеминарской или заманбабинской культур⁴³. Наличие в Ферганской долине и Южном Туркменистане памятников, дающих керамический материал андроновско-тазабагыбского типа, наряду с типично древнеземледельческими поселениями, с крашеной керамикой чустской и анауской культур, еще раз подтверждает предположение о том, что степные племена проникли в эти районы из северных районов через Южное Приаралье⁴⁴.

В связи с выявлением отмеченных памятников андроновского типа в различных районах Средней Азии в последнее время некоторые исследователи вновь заинтересовались вопросом происхождения андроновской культуры в Средней Азии. Одни пытаются найти генетическую связь между заманбабинской и андроновской культурами⁴⁵. Другие считают, что основой андроновской культуры Ферганской долины могла послужить гиссарская поздненеолитическая культура горных районов⁴⁶. По сути дела, оба предположения не имеют никакой аргументальной основы.

Тщательный анализ всех комплексов Заманбабы и андроновских памятников в низовьях Зарафшана полностью опровергает заманбабинское происхождение андроновской культуры. Что касается генетической связи между ферганскими памятниками андроновской культуры и гиссарской культурой, то ее не подтверждают фактические материалы. Скорее всего, памятники тазабагыбского типа Ферганской долины имеют много общего с памятниками северных районов андроновской общности.

Таким образом, все известные памятники тазабагыбского типа Средней Азии в основном однородны. Они относятся к одному периоду времени. По облику вещественного материала и погребальному обряду они алакульские, генетически не связаны с предшествующими культурами кельтеминарского неолита и заманбабинской бронзы, а также с гиссарской культурой горных районов Средней Азии.

Перед нами еще один вариант памятников андроновской культуры, отличный от других. Памятники этого варианта по аналогии с наиболее изученными памятниками древнего Хорезма следует называть тазабагыбскими, впитывавшими в себя некоторые черты племен срубной культуры степного Поволжья.

Скудость материала, добытого нами в памятниках андроновского типа низовьев Зарафшана, относящегося к области хозяйственных и общественных отношений, не позволяет дать сколько-нибудь полную картину жизни племен второй половины II тысячелетия до н. э., а следовательно, и поставить вопросы о характере хозяйства и общества андроновских племен этого района нельзя.

⁴¹ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, КСИИМК, вып. 33, 1950, стр. 153; Б. А. Латынин. Указ. раб., стр. 48.

⁴² В. М. Массон. Первоначально-общинный строй..., стр. 251; С. С. Черников. Восточный Казахстан..., стр. 112.

⁴³ А. Аскаров. Памятники андроновской культуры в низовьях Зарафшана, в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 40.

⁴⁴ М. А. Итина. Раскопки могильника..., стр. 74.

⁴⁵ Б. А. Латынин. Указ. раб., стр. 52—53.

⁴⁶ История таджикского народа, т. 1, М., 1963, стр. 124.

Общезвестно, что уровень развития хозяйства и общества племен андроновской культуры почти по всей области ее распространения, в том числе и у андроновских племен низовьев Зарафшана, был относительно одинаков. Поэтому мы ограничимся лишь характеристикой исторического процесса, характерного, на наш взгляд, для низовьев Зарафшана во второй половине II тысячелетия до н. э.

Основной отраслью производства древнего населения андроновского времени было оседлое пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие. Основным материалом, указывающим на существование скотоводства, является остеологический материал, полученный, главным образом, в некоторых поселениях андроновской культуры и, частично, в могильниках того времени. На стоянках Гуджайли обнаружено большое количество костных остатков животных (овец, коз, коров и др.). Многочисленные мелкие осколки костей животных были разбросаны на поверхности песков всех стоянок. К сожалению, их принадлежность неопределима. В одной могиле (5) обнаружены трубчатые кости домашних животных.

Обнаружен довольно значительный остеологический материал и в других памятниках андроновской культуры. На поселении 16 в Кайраккумах преобладающее большинство составляют кости животных (3041 фрагмент)⁴⁷. На поселении 12 в Кайраккумах обнаружено более 500 фрагментов костей животных⁴⁸. В материалах Кават 3 имеется большое количество костных остатков. Кости обнаружены и на стоянке Базар 2. По определению В. И. Цалкина, большая часть этих костей принадлежит крупному рогатому скоту⁴⁹.

Масса костных отбросов обнаружена на Кипельском поселении⁵⁰, на алексеевском селище⁵¹, на поселениях, исследованных С. С. Черниковым в Восточном Казахстане⁵², и др.

Во всех памятниках этого периода кости диких животных составляют не более 1—3% общего количества. Это говорит о том, что охота уже потеряла промысловое значение в жизни и хозяйстве андроновских племен. Однако не следует думать, что все племена андроновской культуры вели одинаковое хозяйство. В различных географических условиях могли быть существенные отклонения от общего типа хозяйства. Например, на поселениях Восточного Казахстана количество костей диких животных составило 23,5%⁵³. Видимо, жители этого района постоянно занимались охотой на диких животных, она была им выгодна и ей уделялось значительное время, чего нельзя сказать о других андроновских племенах.

Скотоводство полностью удовлетворяло основные потребности населения. Значительную роль в хозяйстве играл крупный рогатый скот. Он по-прежнему оставался главным источником питания андроновских племен.

В андроновских хозяйствах не менее важную роль играло и земледелие, на существование которого указывают связанные с земледелием орудия труда⁵⁴, остатки зерен культурных злаков⁵⁵. В это время уже при-

⁴⁷ Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению..., стр. 29.

⁴⁸ Б. А. Литвинский. Изучение памятников..., стр. 42.

⁴⁹ М. А. Итгина. Новые стоянки тазабагыбской культуры, МХЭ, вып. 1, 1959, стр. 66.

⁵⁰ К. В. Сальников. Бронзовый век..., стр. 123.

⁵¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 101.

⁵² С. С. Черников. Восточный Казахстан..., стр. 62—66.

⁵³ Там же, стр. 89.

⁵⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 103; С. С. Черников. Восточный Казахстан..., стр. 88; К. В. Сальников. Бронзовый век..., рис. 16.

⁵⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 103.

меняются в земледелии металлические серпы. Слабо изогнутые медные серпы известны из раскопок поселения Базар 1, в Южном Приаралье⁵⁶, на Алексеевском селище, на поселении «Чесноковская пашня» на р. Синар, в насыпи кургана у аула «Тулайкина» в Орском районе. Обнаружены они в окрестностях с. Катайского на р. Исеть, у пос. Майорского Сакмарского района Чкаловской области и у станции Павловской близ г. Чкалова⁵⁷. Кроме металлических серпов, известны и кремневые вкладыши (Гуджайли 9, 4 экз.).

На некоторых стоянках низовьев Зарафшана найдены обломки песчаниковых зернотерок (6 экз.), представляющих собой части каменных плит округлой и неправильной формы, со слегка вогнутой рабочей поверхностью. Подобные зернотерки широко известны в поселениях андроновской культуры⁵⁸.

Хотя отмеченных орудий труда на поселениях племен андроновской общности найдено немного, они, несомненно, говорят о наличии земледелия в хозяйстве андроновской общины. Важно отметить, оно еще не вышло из рамок примитивного мотыжного земледелия, основанного на возделывании незначительных приречных и приозерных участков. Не занимали больших площадей посевы, как это было у древнеземледельческих племен.

В хозяйстве андроновских племен, видимо, скотоводство стало главным производством, основой экономической жизни населения, связанной со степными и полупустынными условиями. Скотоводство давало больше прибавочных продуктов и в дальнейшем привело к изменению уклада хозяйства, появлению зачатков полукочевого образа жизни.

Помимо продуктов питания, скотоводство давало сырье для пошива одежды и обуви. Так, разведение овец и коз имело целью получение не только молока и мяса, но и волокна для прядения и ткачества (шерсть, шкуры, пух)⁵⁹.

Таким образом, мы видим, что андроновское население низовьев Зарафшана, как и племена других районов андроновской общности, занималось преимущественно скотоводством и мотыжным земледелием. Скотоводство играло ведущую роль в жизни населения и являлось основным фактором экономической жизни общества.

Увеличение поголовья скота до размеров, полностью обеспечивающих хозяйство продуктами скотоводства, в условиях того времени было возможным только при исключении охоты⁶⁰. Очевидно, в это время охота уже не играла сколько-нибудь существенной роли.

Развитие скотоводства привело к повышению производительности труда, и это не могло пройти бесследно, не повлиять на общественные отношения внутри племен.

Советская историческая наука, в соответствии с классическими положениями марксизма-ленинизма, считает безусловно доказанным тот факт, что переход от матриархата к патриархату, вызванный экономическими причинами, потребовал прежде всего замены счета происхождения по материнской линии счетом происхождения по отцу. Если обратиться к археологическим данным, то можно предположить, что этот переход

⁵⁶ С. П. Толстов и М. А. Итина. Проблема суярганской культуры, СА, 1960, № 1, рис. 9, 3.

⁵⁷ К. В. Сальников. Бронзовый век..., стр. 125.

⁵⁸ М. А. Итина. Новые стоянки..., стр. 66; Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению..., стр. 31; К. В. Сальников. Бронзовый век..., стр. 125; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 103.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 160.

⁶⁰ М. П. Грязнов. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы, ҚСИА, 26, 1957, стр. 24.

происходил уже в эпоху бронзы. Поэтому теперь принято считать, что андроновские племена стояли на последней ступени родо-племенной общественной организации, конкретно — на ступени патриархально-родового устройства, с большой патриархальной семьей как господствующей формой семейно-брачных и хозяйственных отношений. Это мнение основывается, с одной стороны, на общих представлениях о закономерностях исторической смены форм семьи и общества, установленных марксистско-ленинской исторической наукой, а с другой — на данных археологии⁶¹.

Однако некоторые исследователи, в частности М. А. Итина, поддерживая высказанное С. П. Толстовым предположение о необязательности патриархального родового строя при переходе от доклассового общества к классовому⁶², отрицают наличие патриархата на алакульском этапе в общине степных племен.

Приводя этнографические данные, по которым при патриархате в общине продолжают существовать пережитки матриархального строя, она приходит к заключению, что «перед нами общество, находящееся на переходной ступени развития, когда матриархат существует лишь в виде пережитков, а окончательный переход к патриархату так и не произошел»⁶³. Видимо, она не учитывает того, что с установлением нового уклада общества, несомненно, еще сохраняются пережитки старого. Следовательно, пережитки матриархата должны были продолжать свое существование при патриархате не только в период его установления, но и уже в классовом обществе.

По сути дела, бронзовый век характеризуется патриархальным строем. Экономическое господство в семье принадлежит мужчине. Всеми членами общины признается значительная роль мужчин в обществе. В этом отношении следует отметить предположение, высказанное В. С. Сорокиным. На основе анализа могил Тасты-бутах 1 автор предполагает, что поза умершего в могиле, очевидно, диктуется определенными традиционными представлениями и имеет свое идеологическое обоснование. Видимо, взрослые мужчины и дети погребались почти исключительно в положении на левом боку, а женщины — и на левом, и на правом.

Такая закономерность не может быть случайной. В порядке предположения можно считать, что положение в могиле определялось принадлежностью к роду. Все члены рода погребались на левом боку, пришедшие же из других родов, как чуждые его обычаям, — на правом. Следовательно, одинаковое положение в могилах взрослых мужчин и детей указывает на их принадлежность к одному роду и может служить свидетельством его патрилинейной структуры⁶⁴.

Если обратиться к другим памятникам эпохи бронзы, то высказанное В. С. Сорокиным предположение по этому вопросу становится более убедительным. В могильнике близ г. Нальчик мужчины погребались исключительно на правом боку, а женщины — на левом. Здесь же обнаружены 27 детских костяков. За редким исключением все они находятся в положении на правом боку, как и мужские скелеты⁶⁵.

В могильнике Кокча 3 из 74 раскопанных могил костяки сохранились в 43 могилах. В 27 могилах погребены взрослые люди, в осталь-

⁶¹ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи.... стр. 90.

⁶² С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 329—330.

⁶³ М. А. Итина. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов, СЭ, 1954, № 3, стр. 63—68; Она же. Раскопки могильника..., стр. 61.

⁶⁴ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи..., стр. 93.

⁶⁵ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский и Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике, МИА, 3. М., 1941, стр. 106—107.

ных—дети. Погребальный обряд здесь устойчив. Положение костяков в могиле: все мужчины лежали на правом боку, а женщины — на левом, причем в парных погребениях этот обычай строго соблюден. Покойники лежали в яме лицом друг к другу.

Для парных погребений яма часто выкапывалась в расчете на двойное погребение. Одновременно умерших супругов хоронили вместе. Если парное захоронение было разновременным, то при похоронах первый погребенный несколько сдвигался в сторону, и на оставленное заранее место помещался второй. Иногда кости одного из погребенных лежали в куче: видимо, когда происходило вторичное захоронение, труп новоумершего супруга клали в предварительно очищенную могильную яму, а кости первоумершего, вынутые с землей, собирали и клали кучкой на прежнее место в яму. Об этом свидетельствуют одиночные мужские захоронения (мог. 26, 52, 98) с одним костяком в северной половине могилы и пустой южной половиной; одиночные женские захоронения (мог. 13, 101) в южной половине и с пустой северной половиной; наличие шести захоронений, в которых костяк первоумершего находится в явно потревоженном состоянии; наличие в некоторых случаях второй могильной ямы связано со вторичным захоронением⁶⁶.

Таким образом, здесь мы наблюдаем исчезновение обычая умерщвления, характерного для начальной поры патриархата, и появление нового, который свидетельствует об установлении патриархального родового строя. Патриархат в общине андроновских племен Приаралья на примере могильника Кокча 3 явно подтверждается совпадением обычая детского захоронения с мужским. Детские скелеты в основном лежали в скорченном положении, исключительно на правом боку. Только в одном случае два детских костяка в одной могиле лежали на левом боку. Возможно, это дети другого рода, оказавшиеся здесь после вторичного замужества их матери. Поэтому положение их в могиле отражает обряд их отцовского рода.

В могиле 32 обнаружены остатки двух скелетов. Один из них лежит на левом боку. Кости другого скелета истлели, очевидно, он лежал на правом боку. Выше отмеченные данные позволяют допустить, что одинаковое положение в могилах взрослых мужчин и детей, как в могильнике Нальчик, так и Кокча 3, означает принадлежность мужчин и детей к одному роду и служит одним из археологических доказательств наличия патриархального строя в эпоху бронзы.

⁶⁶ М. А. И т и н а. Раскопки могильника..., стр. 50--56.

Глава пятая

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ДОСАКСКИЙ ПЕРИОД)

Совсем недавно стало известно, что в низовьях Зарафшана имеются памятники не только ранних периодов эпохи бронзы степного типа (заманбабинской и андроновской культур), но и поздних. Первый памятник поздней бронзы был открыт в 1958 г. Через три года несколько фрагментов керамики этого периода было найдено на площади поселения Заманбаба. В 1963 г. открыли и исследовали одну стоянку в низовьях Кашкадарьи и одну — на Большом Тузкане¹.

Материальные остатки отмеченных памятников по характеру керамического материала отличаются от остальных памятников позднеалакульской стадии рассматриваемых районов и имеют близкие параллели в памятниках амирабадского типа Хорезма, Дандыбая-бегазы Казахстана и карасукской культуры Южной Сибири. Вместе с тем, в материалах этих памятников видно изживание тазабагыбской традиции.

Нужно отметить, что материалы, имеющиеся по данному этапу, весьма ограничены. Интерпретация их в ряде случаев представляет значительные трудности. В силу этого предпринятая нами попытка обобщить их не может претендовать на полноту, а соответствующие выводы должны рассматриваться лишь в гипотетическом плане.

Группа памятников в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи

Могила в Кызылкир 1. В 1958 г. непосредственно под культурным слоем античного поселения Кызылкир 1, находящегося в 55 км к СЗ от Бухары, в пустыне Кахиштуван нами раскопано одно погребение. Вскрытая могила была сильно разрушена, кости погребенного находились в беспорядке. Положение костяка — скорченное, пол не определен. В западной части ямы найдены два горшка (табл. XXXVII, 1, 2) и обломки бронзовых подвесок в виде восьмерки. Судя по их положению в могиле, погребенный лежал головой на запад.

Керамика с поселения Заманбаба. Во время раскопок на поверхности песка собрано большое количество фрагментов глиня-

¹ А. Аскар о в. Новые находки андроновской культуры в низовьях Зарафшана, в кн. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965.

ных сосудов, мелкие обгорелые кости животных и т. д. Часть сосудов по форме, технике изготовления и орнаменту относится к керамике тазабагъябской культуры, а другая (22 экз.), несомненно, к керамике более поздних периодов (табл. XXXVII, 3).

Стоянка на Большом Тузкане. В 1963 г. при разведке в районе оз. Большой Тузкан, кроме тазабагъябских памятников андроновской культуры, в одном пункте была обнаружена стоянка предскифского периода — Большой Тузкан 3, расположенная в северной части солончака, в одном из плоских навесных барханов, образовавшихся, по-видимому, на этой части дна озера после засухи. Здесь на территории 120×100 м, на отдельных площадях встречаются скопления керамики, очевидно, остатки небольших временных домов первобытных скотоводов.

Культурный слой стоянки разрушен, и только небольшой остаток его сохранился в одном из участков стоянки. Заложенный на этом месте шурф (2×1 м) мощностью 1 м от дневной поверхности дал материалы до глубины 50 см в слое плотного зеленовато-серого песка. Ниже залегает слой песка без находок с комками озерных отложений. Шурф был расширен во все стороны до 56 м². На разных уровнях вскрытой площади обнаружены 205 фрагментов не менее чем от 16 сосудов (табл. XXXVIII), кремневый наконечник, стрелы листовидной формы с довольно тщательной двусторонней обработкой обжимной ретушью, (табл. XXXIV, 46), два обломка бронзового предмета (табл. XXXIV, 48, 49) и два куса камня-песчаника. В северо-западной части раскопа на глубине 28 см прослеживались следы кострища округлой формы. Мощность прокаленного песка очага — около 20 см. В нем найдены черепки, мелкие обожженные кости животных.

Шурфы, заложенные в остальных участках стоянки, не дали никаких результатов. По всей площади стоянки и небольшого раскопа собрано более 1000 черепков. Сосуды представлены в виде мелких фрагментов встречено несколько обломков, по которым иногда удавалось восстановить формы сосудов (табл. XXXVIIIa, 2).

Таким образом, по отдельным пунктам и стоянкам собрано 1027 черепков не менее чем от 19 сосудов. Из них три горшка почти целые. В могиле Кызылбир 1 обнаружены два целых горшка. Найдены обломки бронзовых подвесок в виде восьмерки, два обломка бронзовой поделки, кремневый наконечник стрелы и два куса камня-песчаника.

Стоянка в низовьях Кашкадарьи. Весной 1963 г. во время разведок в районах Пайкентской низины нами было открыто и исследовано несколько стоянок эпохи неолита и бронзы. Эти стоянки, как правило, располагались либо вдоль берега озера, либо по дельтам сухих русел. Среди них обнаружены остатки стоянки, относящейся к последнему этапу эпохи бронзы, — Пайкент 7.

При закладке шурфов выяснилось, что культурный слой памятника совершенно разрушен, поэтому мы ограничились сбором подъемного материала, представленного значительным числом керамических изделий; наконечником стрелы с двусторонней обработкой тщательной обжимной ретушью, подлистовидной формы с прямым основанием, из кварца; одним отщепом без обработки; бруском (табл. XXXV б, 5); пестиком (табл. XXXV б, 1); обломком зернотерки (табл. XXXV б, 3) и куском проволоки, очевидно, от бронзовой серьги.

Среди собранных на стоянке материалов более 300 черепков, не менее от 13 сосудов, 25 из них орнаментированы (табл. XXXVI б, 1—10).

Инвентарь и хронология

В инвентаре некоторых памятников обнаружены изделия из камня (два наконечника стрелы, брусок, пестик, обломок зернотерки) и бронзы (два обломка серьги и два обломка бронзовых поделок).

Один наконечник кремневый, листовидной формы, обработанный с двух сторон тщательной отжимной ретушью (табл. XXXI, 46); другой — из кварца, подлистовидной формы, с прямым основанием. Первый по форме и технике изготовления идентичен наконечникам стрел культуры Заманбаба и, возможно, даже заманбабинского происхождения. Быть может, он случайно оказался в комплексе памятников поздней бронзы степного типа.

Каменный брусок из комплекса стоянки Пайкентской низины имеет четырехгранную форму в сечении и подвергнут тщательной шлифовке (табл. XXXV 6, 5).

Обломок зернотерки и пестик изготовлены из известняка. Последний имеет следы шлифовки с трех боковых сторон и стертый рабочий конец (табл. XXXV 6, 1). Металлические орудия труда в этих памятниках не обнаружены. Имеющиеся обломки бронзовых украшений фрагментарны, немногочисленны и не представляют особого интереса для датировки рассматриваемых комплексов.

Основную часть вещественных материалов рассматриваемых комплексов составляет керамика. Несмотря на ее фрагментарность, она представляет значительный интерес в установлении хронологической рамки и формы хозяйства обитателей этих памятников.

На обследованных стоянках и по отдельным пунктам собрано более 1320 черепков не менее чем от 33 сосудов. Из них три сосуда оказались археологически целыми (табл. XXXVIIIa, 2; XXXVII 6, 7, 8). Остальные фрагменты довольно мелкие и во многих случаях по ним восстановить форму сосудов не удастся. В могиле обнаружены два целых сосуда (табл. XXXVII, 1, 2).

Таким образом, целыми найдены всего пять сосудов. Они изготовлены из глины с примесью дресвы, песка, толченных раковин и пр. Обжиг сосудов слабый, неравномерный. Очевидно, они обжигались на открытом костре. Формовки сосудов часто более грубые, толстостенные и представлены керамикой разнообразной формы. В керамическом комплексе имеются горшки с невысоким, слегка изогнутым горлом, с главным переходом от венчика к плечикам, сильно суживающиеся к плоскому дну (табл. XXXVII, 2).

Примечательны сосуды кувшинообразной формы с узким горлом (11 см), слегка отогнутым округлым краем венчика, сильно округлыми плечиками и суживающиеся к плоскому уступчатому дну. По краю венчика одного из этих сосудов (табл. XXXVII, 1) симметрично расположены две пары отверстий для подвешивания. К ним же можно отнести сосуды с едва заметным узким горлом, раздутым туловом; очевидно, плоское дно их в два раза меньше, чем горловина (табл. XXXVIII a, 2).

Керамика аналогичной формы довольно широко представлена в комплексе сосудов амирабадской культуры² и известна в памятниках замараевского типа, где по венчику горшков имеется наlepной валик³. Встречаются сосуды с ярко выраженным горлом и прямым венчиком (табл. XXXVIII 6), близкие к сосудам амирабадской стоянки Базар⁴.

² М. А. Итина. Первобытная керамика Хорезма, ТХЭ, вып. IV, 1959, стр. 60, рис. 12, 2, 3, 4.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение, МИА, 21, рис. 10, 11.

⁴ М. А. Итина. Первобытная керамика..., стр. 60, рис. 19, 1, 6.

Особое внимание обращают на себя приземистые горшковидные сосуды со сферическим туловом и плоским дном (табл. XXXVIб, 7, 8), аналогичные керамике карасукской культуры⁵. Влияние карасукской культуры на амирабадскую культуру Хорезма, отмеченное С. П. Толстовым⁶, отчетливо проявляется в керамике рассматриваемого периода.

Кроме того, изредка в керамике рассматриваемых комплексов встречаются и сосуды, повторяющие старые тазабагъябские формы. Основную массу керамики составляют сосуды с коротким горлом, раздутым туловом и плоским дном. В отличие от керамики амирабадского памятника Якка Парсана, здесь нет сосудов с воротничковым венчиком и рельефным пояском в нижней части горла⁷.

Наибольший интерес представляет орнамент керамики. Он почти однородный, состоит из оттисков гладкого штампа, обычно наносится на верхнюю часть сосудов, иногда опускается ниже туловища. В большинстве случаев узоры состоят из горизонтально расположенных ломаных линий (табл. XXXVIа, б) и «елочек».

Встречаются небрежно нанесенные рисунки в виде «насечек», заштрихованных лент и вертикальных зигзагов.

Среди узоров попадаются и замкнутые треугольники, расположенные по венчику, ниже которых сосуды иногда орнаментированы заштрихованными поясками (табл. XXXVII, 3), ногтевыми вдавлениями (табл. XXXVIб, 7) и т. д. В одном случае венчик сосуда украшен незавершенными ромбовидными фигурами (табл. XXXVIIIб, 11).

Сложная разнообразная орнаментация сосудов, столь характерная для керамики ранних этапов андроновской культуры, здесь не встречается. Орнаментальный мотив керамики довольно однороден, прост и по характеру композиции не отличается от узоров тазабагъябской керамики низовьев Зарафшана. Однако форма сосудов не свойственна керамике алакульского и федоровского этапов андроновской культуры.

Таким образом, анализируя керамические комплексы памятников поздней бронзы низовьев Зарафшана и Кашкадарьи, с одной стороны, мы видим совершенно поздние элементы в формах сосудов (табл. XXXVIб, 7, 8; XXXVII, 1; XXXVIIIа, 2) и орнаментации (табл. XXXVIб, 7; XXXVII, 3), а с другой — близкие параллели керамики амирабадской, замараевской, Дандибая-бегази и карасукской культур. Хронологические рамки памятников упомянутых культур в настоящее время многими исследователями определены концом II — первыми веками I тысячелетий до н. э.⁸

Памятники тазабагъябского типа, давшие материалы позднеалакульской стадии андроновской культуры в низовьях Зарафшана датируются XII—XI вв. до н. э.

Существование памятников более поздних этапов эпохи бронзы степных племен в низовьях Зарафшана, развившихся полностью из предшествующих им памятников тазабагъябского типа, совершенно очевидно. Следовательно, эти памятники можно датировать X—VIII вв. до н. э.

Ограниченность и скудость археологических материалов в исследуемых памятниках не дают возможности специально поставить некоторые вопросы исторического характера, такие, как вопрос о хозяйственно-

⁵ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби, МИА, 48, 1956, рис. 6, 2, 4, 7, 8 и 9.

⁶ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 71.

⁷ М. А. Итина. Первобытная керамика..., стр. 62.

⁸ Протоколы совещания всесоюзных археологов по андроновской культуре, происходившего в Ленинграде в конце декабря 1964 г.

общественных отношениях в низовьях Зарафшана в эпоху поздней бронзы. Однако даже при отсутствии соответствующих материалов для полной характеристики истории племен послеалакульского времени не возникает сомнений в отношении выделения здесь поздней группы памятников степного типа.

Выявление новых памятников, синхронных памятникам дандыбайско-бегазинской культуры, несомненно, связано с изменениями в социально-экономической жизни общества, с переходом от оседлого пастушеского скотоводства к яйлажному полукочевому скотоводству⁹.

Имеющиеся археологические данные о памятниках других районов этого времени подтверждают, что в рассматриваемый период в хозяйственно-бытовой жизни населения действительно происходят значительные изменения. Хозяйство общины, основанное на яйлажно-молочном скотоводстве, требует переселения всего поселка с зимнего на летние пастбища. Пастушеское скотоводческое хозяйство андроновских племен утрачивает свою прежнюю оседлость. Полукочевое яйлажное хозяйство, пришедшее на смену пастушескому, явилось новым шагом в развитии общества степных племен перед скифско-раннесакским временем.

В период, когда обитатели степей уже перешли к следующему этапу развития скотоводческого хозяйства, видимо, Большой Тузкан лишился проточной воды из Гуджайли, и озеро высохло¹⁰. Очевидно, влажная почва засохшего озера скоро превратилась в богатое пастбище.

Интересно, что материальные остатки этого времени, в отличие от неолитических, встречаются и на высохших участках самого озера, в то время как памятники охотников и рыболовов расположены всегда вдоль берега Тузкана, а памятники заманбабинского и тазабагъябского типов в низовьях Зарафшана обычно находились по берегам древних русел. Видимо, проточные и стоячие воды в хозяйственной жизни полукочевых скотоводов не играли существенной роли, так как они могли пользоваться грунтовыми водами из колодцев, что практикуется и в настоящее время.

Процесс перехода от оседлого к яйлажному скотоводству у степных племен в низовьях Зарафшана, вероятно всего, проходит где-то в первой четверти I тысячелетия до н. э. Он привел к значительным изменениям бытового уклада как в хозяйственной, так и в домашней жизни населения, к расслоению обществ.

* *

*

Проведенные исследования позволяют нам подвести некоторые итоги археологических работ, произведенных в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи по изучению истории племен эпохи бронзы, и определить время существования памятников трех этапов эпохи бронзы этого района — заманбабинского, тазабагъябского и досакского.

Низовья Зарафшана и Кашкадарьи характеризуются многочисленными памятниками первобытной культуры. В настоящее время здесь открыты памятники двух исторических эпох.

Первые из них относятся к эпохе новокаменного века и принадлежат охотничье-рыболовецким племенам, материальные остатки кото-

⁹ М. П. Грязнов. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири, КСИИ, № 24, 1955, стр. 23.

¹⁰ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, Изд-во АН УзССР, стр. 150.

рых известны под названием кельтеминарской культуры. Памятники этой культуры в низовьях Зарафшана многочисленны и расположены близко друг к другу по берегам озер, что, несомненно, указывает на сравнительно густую населенность этого района в эпоху неолита.

Время существования памятников неолитических племен низовьев Зарафшана, судя по имеющимся материалам, датируется всеми этапами кельтеминарской культуры, т. е. концом IV—III тысячелетиями до н. э. Эти племена, вероятно, занимались охотничье-рыболовецким и собирательским хозяйством. Видимо, на последнем этапе развития кельтеминара кое-где появляются зачатки земледелия, о чем свидетельствуют найденные на стоянках позднего этапа кельтеминарской культуры кремневые вкладыши ножа и обломки зернотерок. Общественный строй этого периода был матриархально-родовым.

Следующие известные нам памятники низовьев Зарафшана относятся к эпохе бронзы. Они датируются первой половиной II тысячелетия до н. э. Племена этого этапа эпохи бронзы, условно называемого периодом заманбабинской культуры, являются потомками местных неолитических племен кельтеминарской культуры. Исследование в ряде пунктов низовьев Зарафшана памятников переходного этапа от кельтеминарского неолита к заманбабинской бронзе доказало преемственное происхождение заманбабинской культуры.

Изучая памятники культуры Заманбаба, нетрудно заметить, что она занимает особое место среди синхронных ей археологических культур степного типа на территории нашей страны. Своеобразие исторического развития этой культуры выразилось прежде всего в развитии хозяйства.

Заманбабинцы, находясь ближе других обитателей степей к древнеземледельческим племенам, поддерживали с ними тесные культурные связи. Их общины, в силу конкретных исторических и природных условий, развивались интенсивнее, в большей степени испытывали влияние своих высокоразвитых современников, в результате чего оседлые племена культуры Заманбаба вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Если у племени афанасьевской и окуневской культур скотоводство еще не совершило решительного переворота в хозяйственной деятельности (охота и рыболовство все еще сохраняли свое значение в хозяйстве, а скотоводство не заменило их, а только пополнило), то племена Заманбабы уже полностью перешли к скотоводству и земледелию, а охота и рыболовство стали играть второстепенную роль. Развитие скотоводства значительно расширило материальную базу общества и сделало возможным регулярный обмен между различными племенами.

Самым существенным изменением в рассматриваемый период в общественных отношениях был переход к патриархату и появление парных семей, ведущих самостоятельное хозяйство, все более обособляющихся от коллективного хозяйства рода. Но патриархальная семья, по-видимому, представляет еще довольно значительный коллектив, и многое в области производства, потребления и собственности все еще носит коллективный характер.

Следующая известная нам группа памятников эпохи бронзы низовьев Зарафшана и Кашкадарьи относится к материальным остаткам степных племен андроновского типа. Андроновская культура, вероятно, привнесена сюда извне; носители ее появились в Средней Азии, по-видимому, только во второй половине II тысячелетия до н. э.

На обширной территории распространения памятников андроновской культуры — от Енисея до Урала — по особенностям материальной

культуры намечаются места расселения нескольких племенных пастушеско-земледельческих групп, населявших степи Средней Азии. Памятники этих племен сходны как по обряду захоронения, так и по керамике, с памятниками «классической» андроновской культуры, особенно с ее западными вариантами. Это свидетельствует о том, что культура этих племен и андроновская принадлежат к одной археологической культуре.

Андроновские племена не были монотонно-однородными, они отличались друг от друга по некоторым особенностям хозяйства, путям исторического развития. Однако это не может служить основанием для деления андроновской культуры на несколько самостоятельных культур. В Средней Азии мы имеем дело не с особой тазабагыбской или кайраккумской культурами, а с одним среднеазиатским вариантом андроновской культуры, который мы считаем целесообразным называть тазабагыбским.

Андроновские племена в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи известны нам только по памятникам алакульского этапа.

Известно, что скотоводство в это время занимало в андроновском обществе место, более значительное, чем в заманбабинском, хотя и у тех, и у других основным продуктом питания была молочная и растительная пища, а в стаде преобладал крупный рогатый скот. Жизнь в пустынных зонах обусловила, вероятно, преимущественное развитие скотоводства в хозяйстве среднеазиатских андроновцев. Скотоводство у них было ведущей, постоянно развивающейся отраслью хозяйства, земледелие же имело примитивный характер, и в большинстве районов было малопродуктивным.

В алакульский период племена срубной и андроновской культур пользовались лошадьми как транспортными животными. Лошадь была известна им еще в первой половине II тысячелетия до н. э.¹ Уже с середины II тысячелетия до н. э. ей отводится значительная роль в погребальном обряде племен андроновской культуры², а в алакульский период кости лошади, как остатки заупокойной пищи, в погребениях стали встречаться очень редко³. Об этом говорит комплекс находок костных или роговых псалиев, связанных с применением мягких удил. Костяной псалий примитивного вида конского снаряжения впервые был обнаружен в погребении Усатовского кургана⁴. Потом костяные псалии были найдены в Комаровском кургане Куйбышевской области⁵, у с. Краснополье Саратовской области⁶, около с. Иловатки Волгоградской области⁷, на Комаровском поселении близ Маечного озера⁸, на поселении Челкар Северного Казахстана⁹ и, наконец, на поселении Тастыбутак в Западном Казахстане¹⁰.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, 1955, стр. 70—71.

² К. А. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, МИА, 21, 1951, стр. 101.

³ К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье, СА, XXVII, 1957, стр. 215.

⁴ И. В. Силицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Саратов, 1947, стр. 98.

⁵ А. Е. Алихова. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки, КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 97.

⁶ И. В. Силицын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953), МИА, 60, 1959, стр. 156.

⁷ К. Ф. Смирнов. О погребениях с конями..., стр. 216.

⁸ А. Е. Алихова. Комаровское поселение у Маечного озера, МИА, 61, 1958, стр. 164.

⁹ А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959, табл. IX, I.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-уральских степей, СА, 1961, № 1.

При сравнении хозяйств племен заманбабинской и андроновской культур нужно отметить для последней более широкое применение металла в производстве орудий труда и украшений. Если металлические предметы культуры Заманбаба готовились из мышьяковистой бронзы, то гуджайлийские — из оловянистой бронзы и содержали высокий процент искусственных примесей.

Когда андроновские племена появились в низовьях Зарафшана, в их экономической жизни уже произошли значительные изменения. В степях Казахстана, еще на федоровском этапе развития этой культуры, происходит первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена выделяются из остальной массы населения. Изменяется и общественный строй. Общество признает господствующую роль мужчины, и род состоит из родственников по отцовской линии. Община объединяет несколько больших патриархальных семей, устанавливается патриархальный строй.

Если общество культуры Заманбаба на изучаемом этапе предположительно характеризуется периодом конца переходного этапа от матриархата к патриархату, то общество племен андроновского типа низовьев Зарафшана, скорее всего, относится к периоду полного установления патриархального родового строя.

В связи с развитием производства в патриархальной общине андроновских племен, в больших семьях делается возможным появление «рабов». Теперь вместо уничтожения пленных, захваченных в межплеменных боях, их заставляют работать, ухаживать за скотом, обрабатывать поля и т. д. Таким образом, постепенно рождается домашнее рабство, характерное для патриархально-родового общества. Если племенная земля, переданная в пользование роду, сначала обрабатывалась только силой женщин этого рода, то с появлением патриархального домашнего рабства в домашней общине она обрабатывается «рабами». Такая патриархально-домашняя община могла существовать у андроновских племен на стадии алакульского этапа. Но все же, хотя патриархальный строй и утвердился, это был только начальный его период, последняя фаза развития первобытно-общинного строя. Родоплеменная структура еще жива, но уже появились большие патриархальные общины, состоящие из нескольких родственных парных семей, исключительно по мужской линии. Общество еще не раскололось на антагонистические классы.

Материал, характеризующий культуру Заманбаба, датируется первой половиной II тысячелетия до н. э. Племена андроновского типа, судя по имеющимся данным, обитали в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи в последней четверти II тысячелетия до н. э. В какой связи находятся эти андроновские памятники низовьев Зарафшана с древней заманбабинской культурой, была ли она вытеснена новыми пришельцами или ассимилирована ими, остается пока неясным. Андроновская культура низовьев Зарафшана не имеет генетической связи с заманбабинской, в ней обнаруживаются значительно меньшие связи с древнеземледельческими общинами Юго-Запада Средней Азии, чем в ее заманбабинской предшественнице. Конечно, заманбабинцы не исчезли бесследно, они жили где-то в этих районах, когда появилась здесь иноплеменная группа андроновского типа. Это весьма интересный период в истории заманбабинских и андроновских племен, детальная разработка которого — дело будущих исследований.

Что касается связи между племенами заманбабинской и кельтеминарской культур, то здесь наблюдаются факты, несомненно, во многом

их сближающие. Об этом мы говорили в предыдущих разделах данной работы.

История развития хозяйства скотоводческих племен в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи не обрывается на алакульской стадии. По сути дела, здесь четко выявляются памятники следующего, третьего по счету этапа в развитии культуры степных скотоводческих племен. Выделение нового этапа, развившегося полностью из предшествующих им тазабагьябских памятников, совершенно очевидно.

Материальные остатки этих памятников характеризуют общество яйлажных скотоводов, отличное от оседлого пастушеско-земледельческого хозяйства племен более ранних периодов андроновской культуры.

Переход к полукочевому образу жизни у степных племен этих районов, видимо, происходил на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и явился толчком для дальнейшего прогресса и социального расслоения общества.

В заключение еще раз отметим, что наши рассуждения по вопросам социально-экономической деятельности населения доскифско-раннесакского времени на данном этапе изучения имеют гипотетический характер и основаны на общезвестных материалах из синхронных и аналогичных памятников. Дальнейшее изучение памятников материальной культуры этих племен, несомненно, поможет воссоздать во всей полноте не только древнейшую историю западных районов Узбекистана, но и разрешить такие проблемы, как разложение первобытно-общинного строя и возникновение классового общества на территории древней Согдианы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

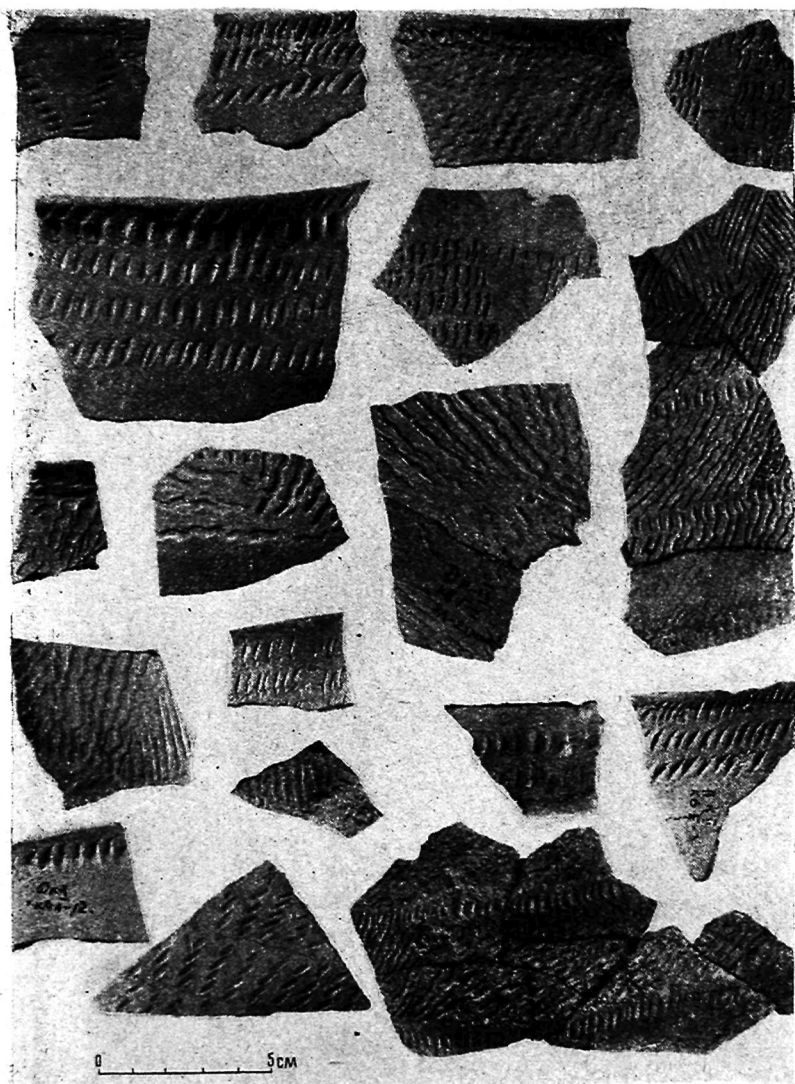

Табл. I. Виды орнамента керамики со стоянки Дарбазакыр II

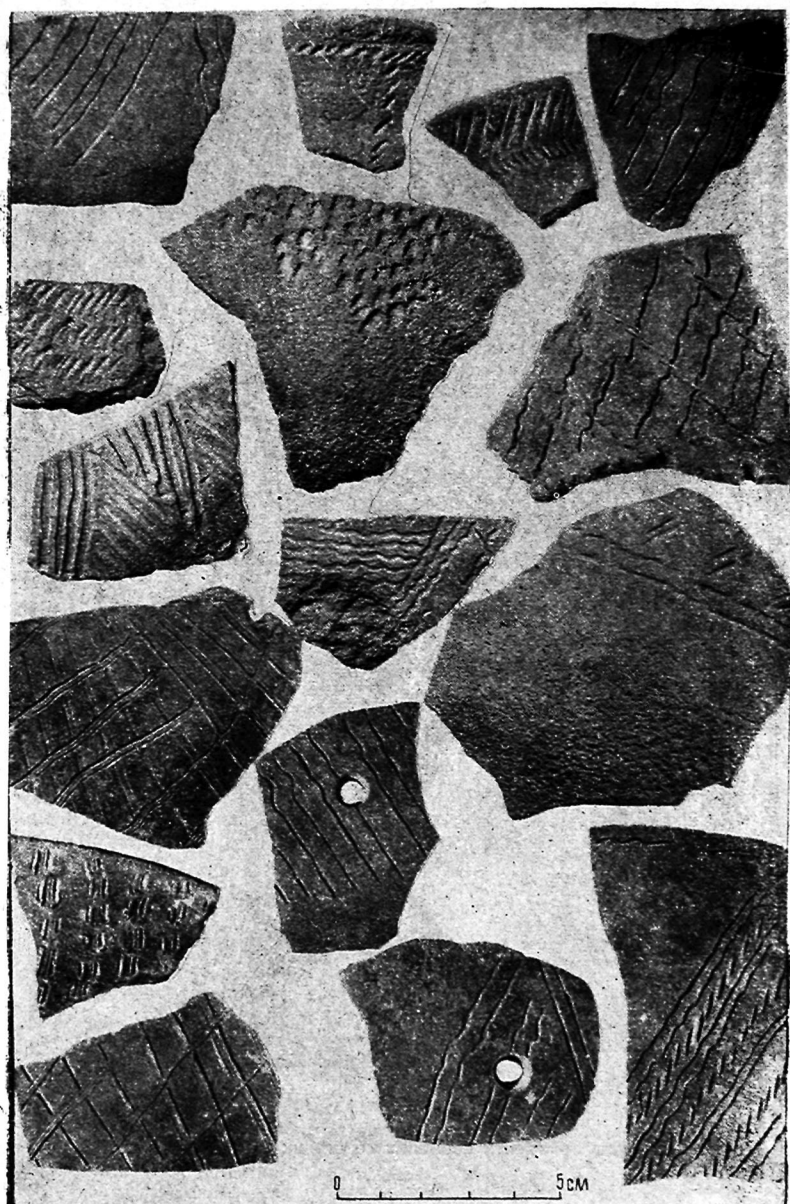

Табл. II. Виды орнамента керамики со стоянок БТ 30 и БТ 32.

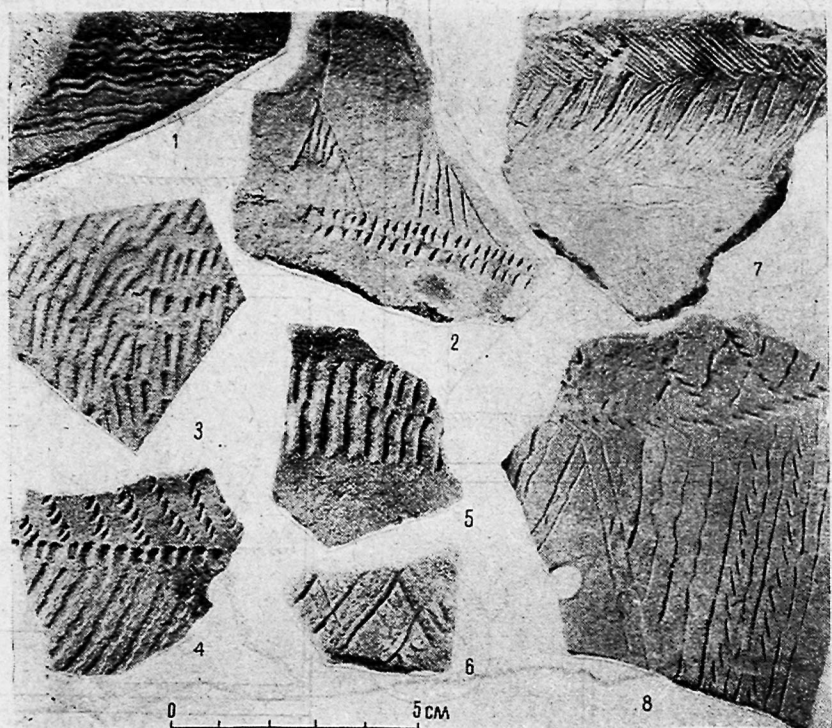

Табл. III. Виды орнамента керамики со стоянок БТ 30 и Коронги-Шор.

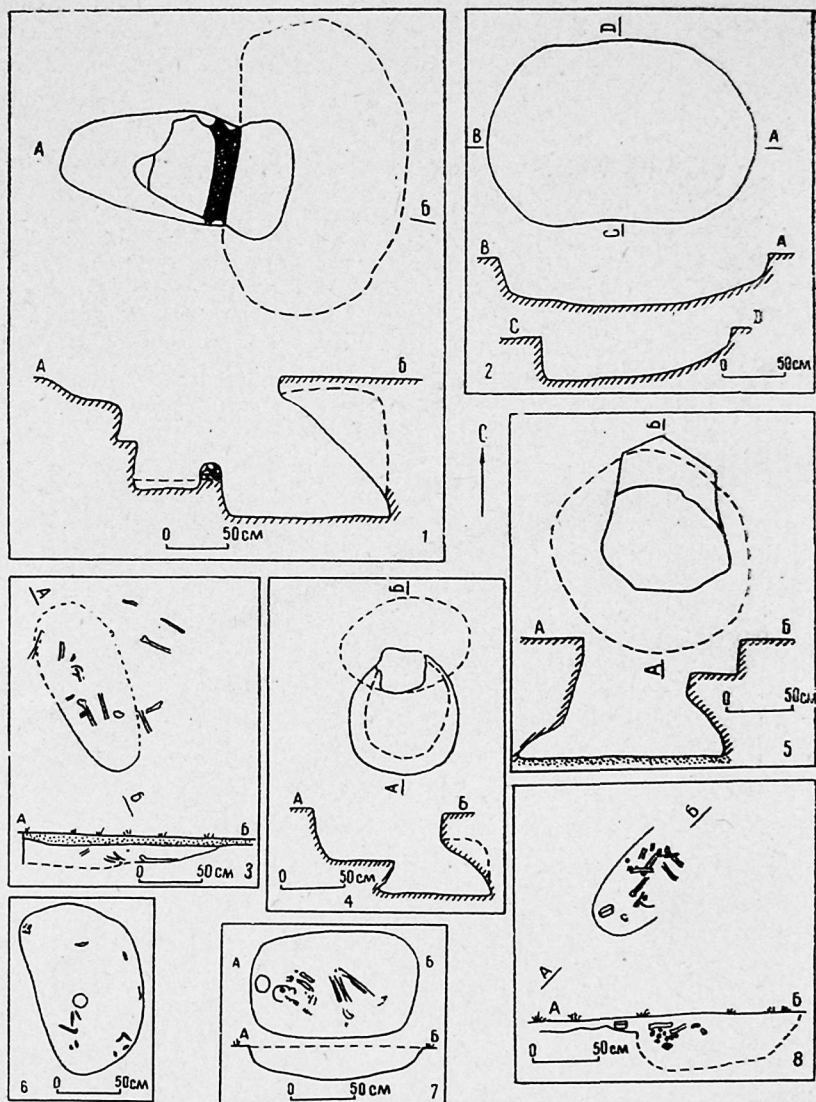

Табл. IV. Могильник Заманбаба, план и разрез могил.

1—могила 12; 2—могила 15; 3—могила 43; 4—могила 24; 5—могила 22; 6—могила 8; 7—могила 5 могильника Гуджайли; 8—могила 44.

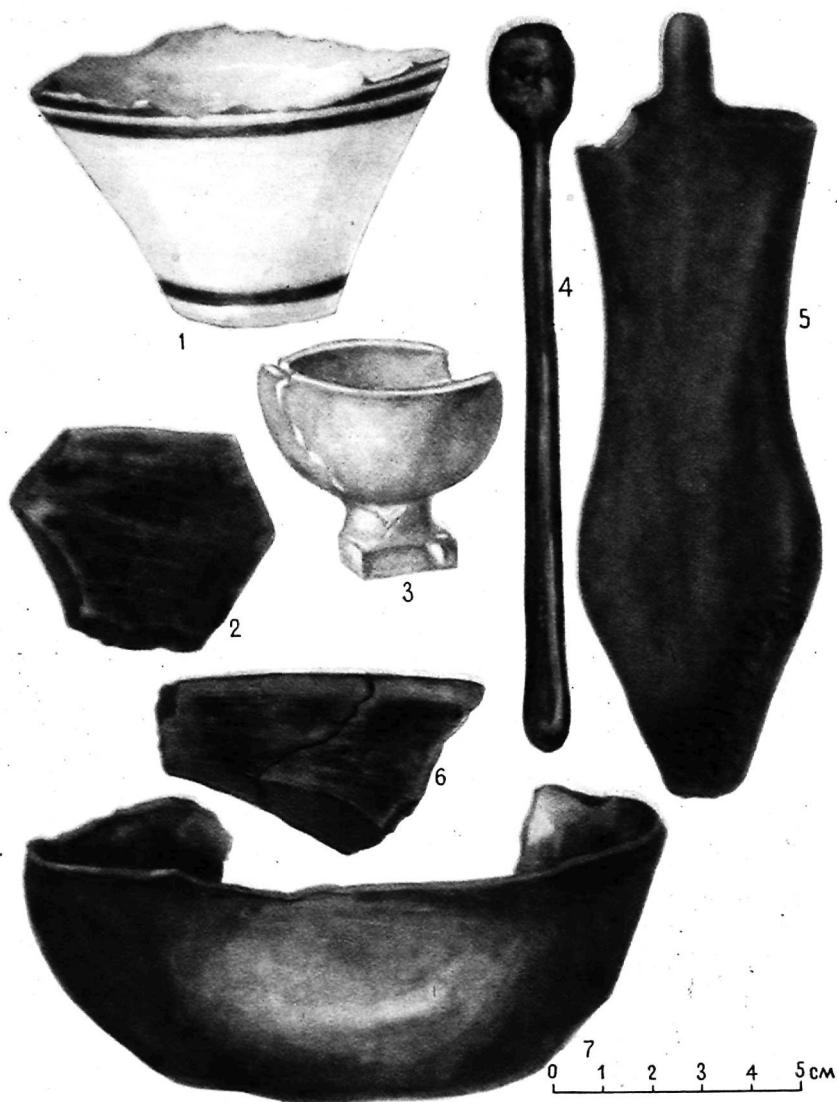

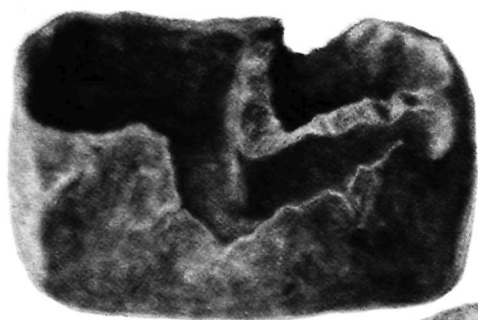
Табл. V. Заманбаба. Керамика, металл и статуэтка;

1—из могилы 27; 2, 4, 6—из могилы 21; 3—из могилы 36; 5—из могилы 2; 7—из могилы 33.

Табл. VI. Керамика Заманбаба:

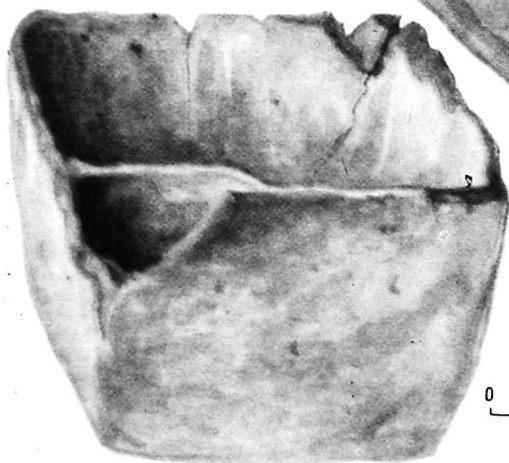
1—из могилы 35; 2—из могилы 23; 3, 4—с поселения.

1

3

2

0 1 2 3 4 5 см

Табл. VII. Керамика Заманбаба;
1—из могилы 13; 2—из могилы 44; 3—с поселения.

Табл. VIII. Каменные бусы из могильника Заманбаба.

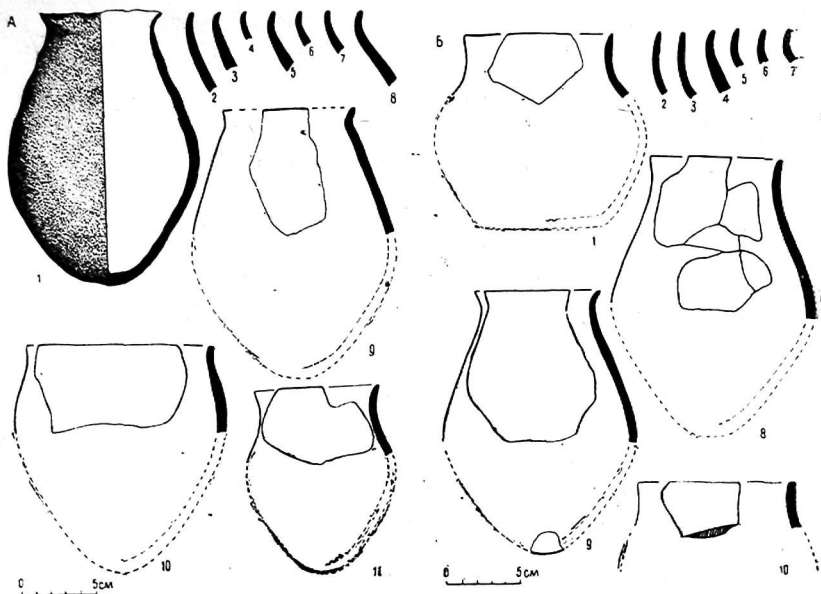

Табл. IX. Керамика Заманбаба;

а) 1—из могилы 21; 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9—с поселения; 10—из могилы 23; 11—из могилы 18;
 б) 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 10—с поселения; 8—из могилы 35; 9—из могилы 27.

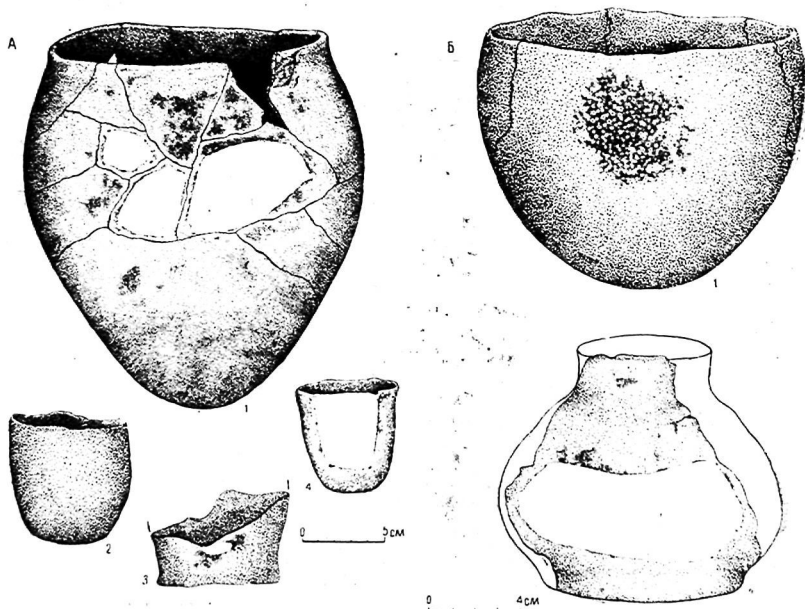

Табл. X. Керамика Заманбаба;

а) 1, 4—из могилы 17; 2—из могилы 7; 3—из могилы 4;
 б) 1—из могилы 21; 2—из могилы 4,

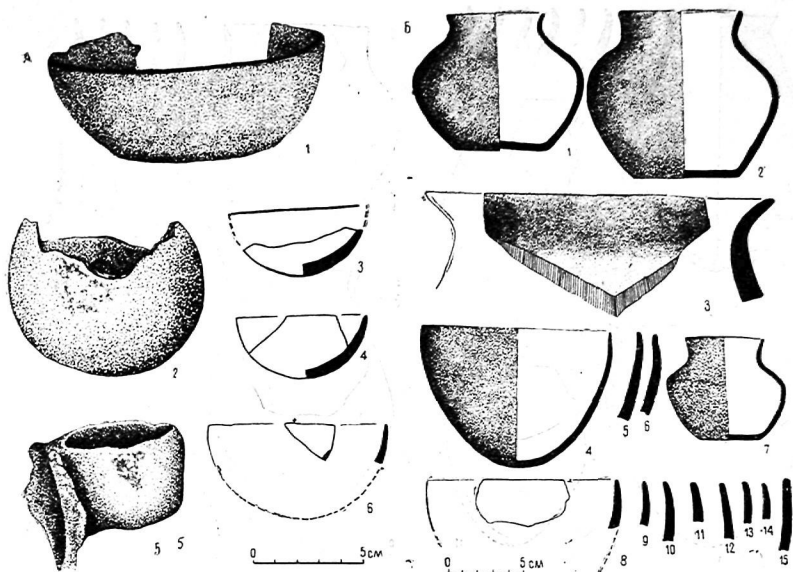

Табл. XI. Керамика Заманбаба;

а) 1—из могилы 43; 2—из могилы 41; 3; 4; 6—с поселения; 5—из могилы 4;
 б) 1—из могилы 35; 2—из могилы 23; 3—из могилы 12; 4—из могилы 8. 5, 6, 8, 9; 10; 11. 12, 13, 14
 15—с поселения; 7—из могилы 28.

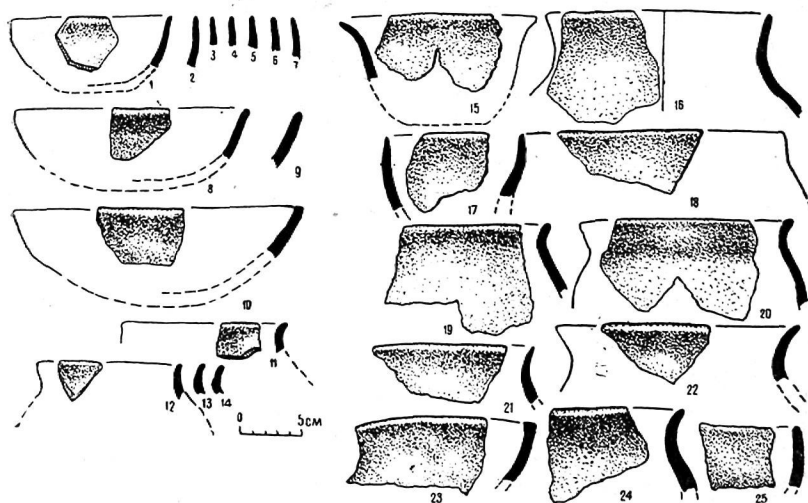

Табл. XII. Керамика Заманбаба;

1—из могилы 21; 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25—с поселения; 16—из могилы 36.

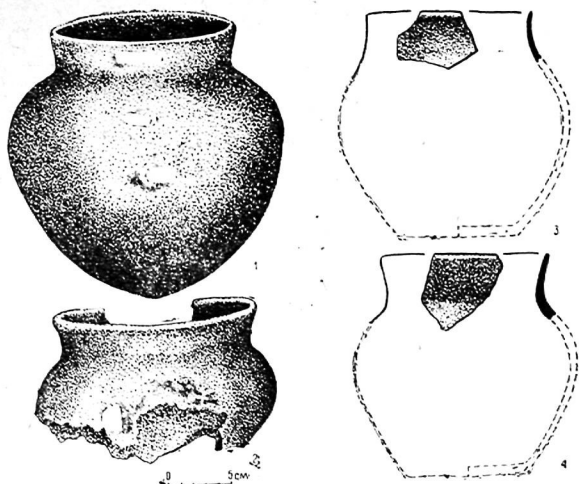

Табл. XIII. Керамика Заманбаба;

1—из могилы 23; 2—из могилы 4; 3, 4—с поселения.

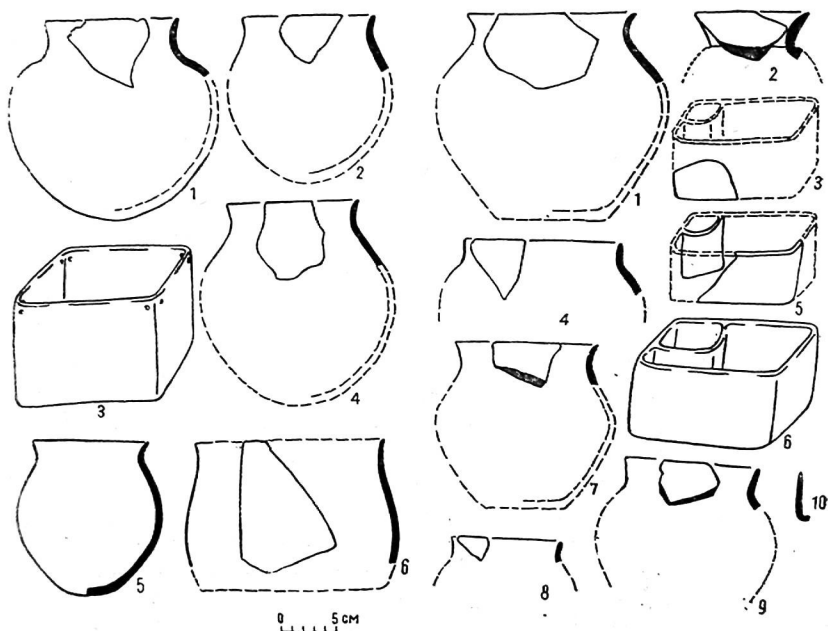

Табл. XIV. Керамика Заманбаба;

а) 1, 2, 4—с поселения; 3—из могилы 24; 5—из могилы 22; 6—из могилы 35;
б) 1—из могилы 35; 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10—с поселения; 6—из могилы 44; 7—из могилы 21.

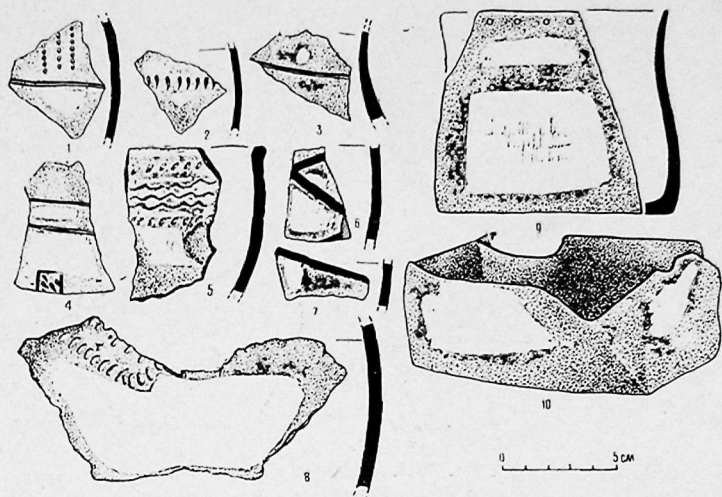

Табл. XV. Керамика Заманбаба;

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7,—с поселения; 8—из нижнего слоя поселения Заманбаба; 9—из могилы 8; 10—из могилы 12.

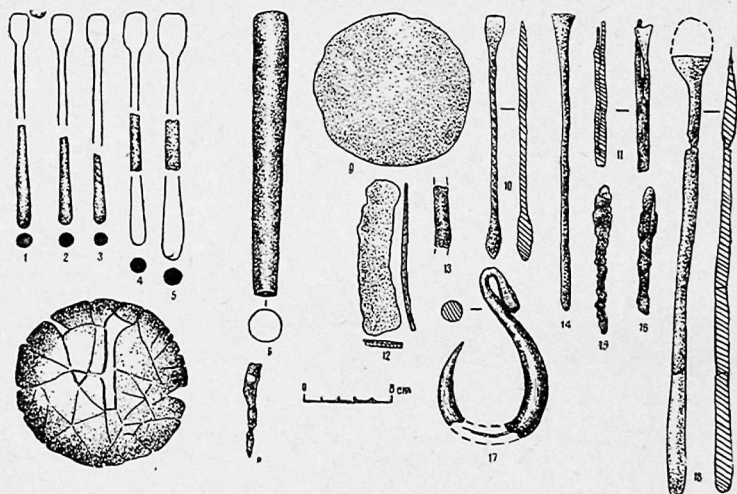

Табл. XVI. Металлические изделия Заманбаба;

1—из могилы 23; 2—из могилы 15; 3—из могилы 1; 4—из могилы 18; 5—из могилы 3; 6—из могилы 36; 7—из разрушенной могилы; 8—с поселения; 9—из могилы 17; 10—из могилы 33; 11—из могилы 13; 12—из могилы 17; 13—из могилы 3; 14—из могилы 13; 15—из могилы 5; 16—из могилы 5; 17—из могилы 46; 18—из могилы 17.

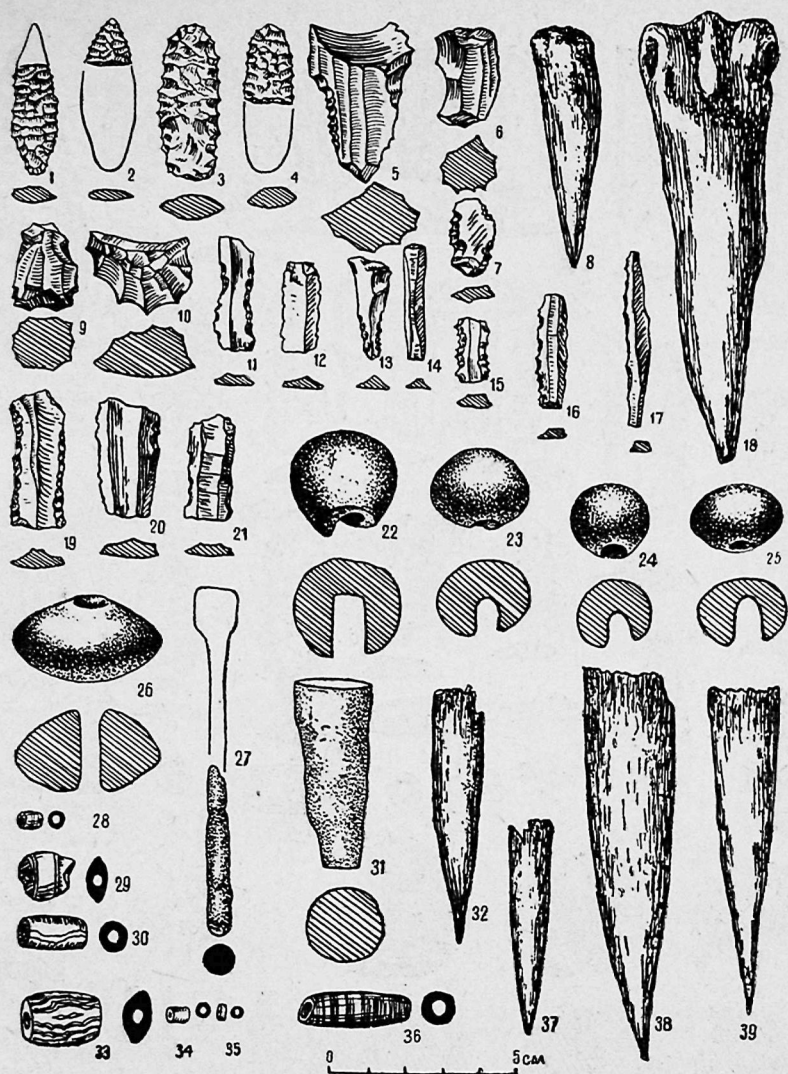

Табл. XVII. Каменные, костяные, терракотовые и металлические изделия из поселения 1.

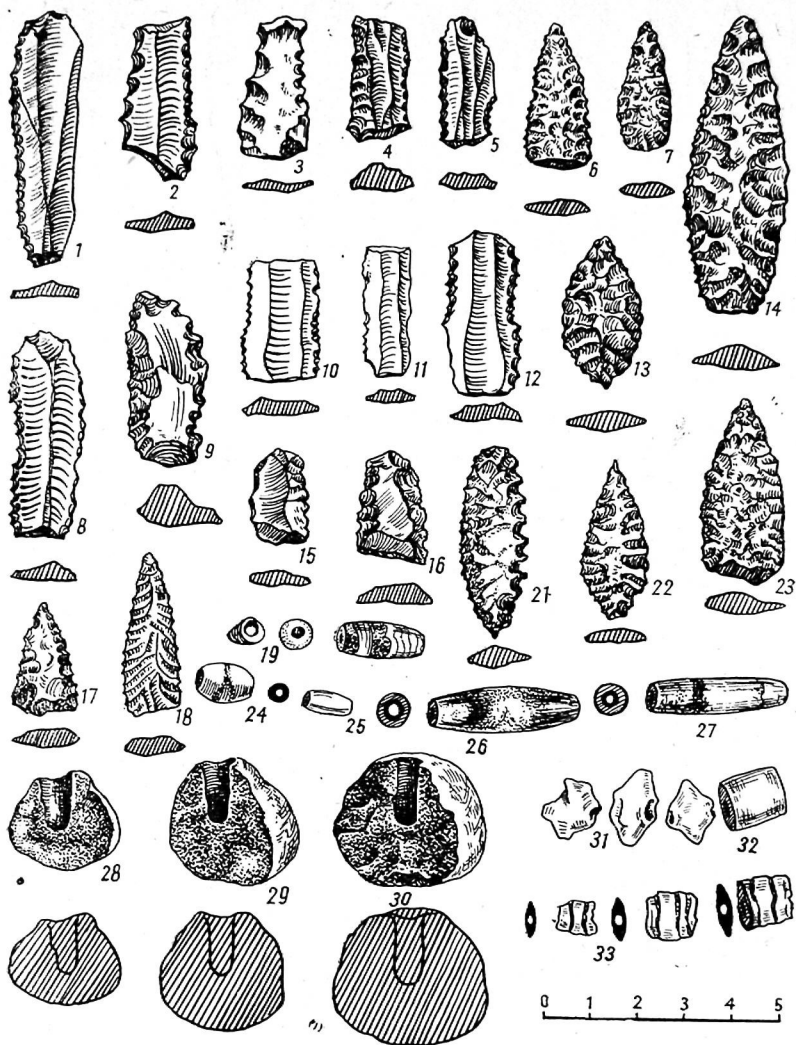

Табл. XVIII. Каменные и терракотовые изделия Заманбаба;

1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 13, 15, 16, 20, 26, 27, 28, 29, 30, 31.—с поселения; 19, 24, 25, 32, 33.—из могилы 46;
7, 9, 10, 11, 12, 14, 17, 18, 21, 22, 23.—с поселения 2.

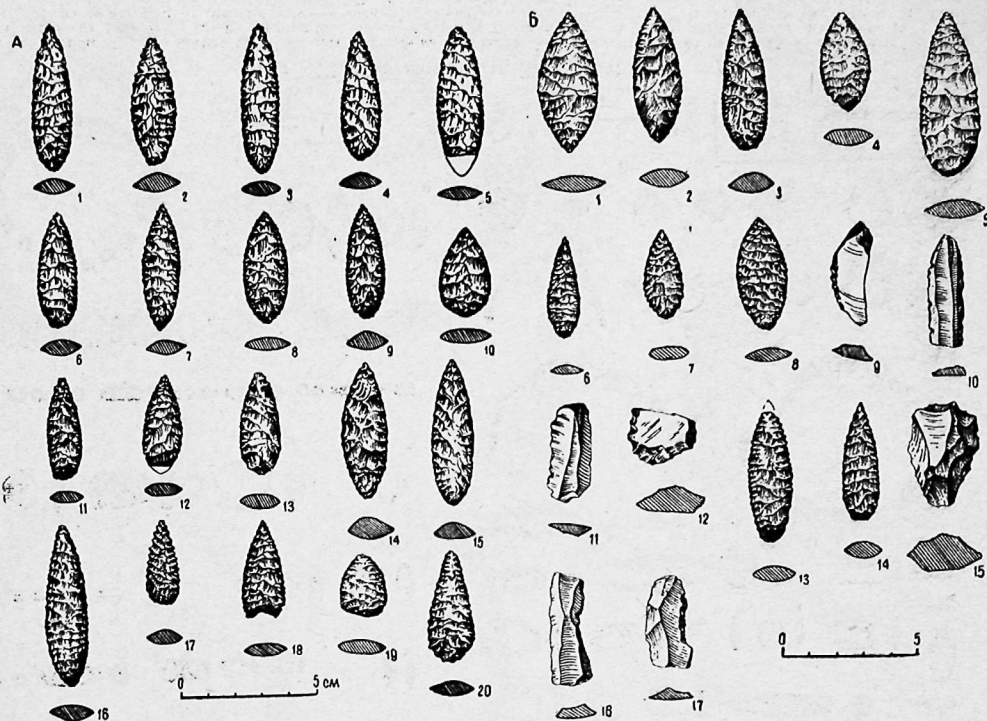

Табл. XIX. Каменные изделия, Заманбаба:

а) 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9,—из могилы 44; 2, 10—из могилы 6; 11, 12—из могилы 43; 13, 16, 19,—из могилы 3; 14, 18—из могилы 7; 15—из могилы 4; 17—из могилы 1; 20—из могилы 35;
 б) 1, 2, 5—из могилы 34; 3—из могилы 7; 4—из могилы 4; 6, 7, 8—из могилы 6; 9, 10, 11, 12—из могилы 35; 13, 14, 16—из могилы 12; 17—из могилы 21.

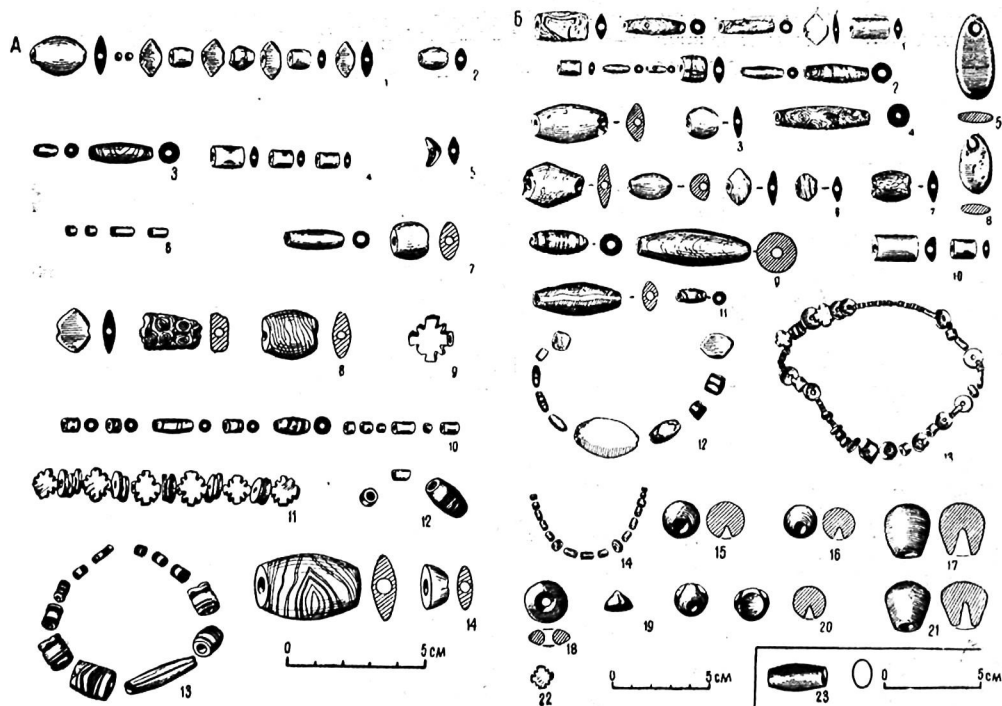

Табл. XX. Каменные бусы, Заманбаба;

а) 1—из могилы 27; 2—из могилы 28; 3—из могилы 23; 4—из могилы 38; 5—из могилы 4; 6—из могилы 15; 7—из могилы 18; 8—из могилы 22; 9—из могилы 21; 10—из могилы 22; 11—из могилы 5; 12—из могилы 45; 13—из могилы 24; 14—из могилы 16;
 б) 1, 2—из могилы 6; 3—из могилы 21; 4—из могилы 40; 5—из могилы 12; 6—из могилы 4; 7, 9, 10—из могилы 3; 8—из могилы 15; 11—из могилы 33; 12—из могилы 42; 13, 14, 15, 16—из могилы 12; 17—из могилы 13; 18—из могилы 21; 19—с поселения; 20—из могилы 38; 21—из могилы 17; 22—из могилы 22; 23—из могилы 13; (золото).

Табл. XXIII. Металлические и каменные украшения из могильника Гуджайли;
 1, 2, 4, 6, 7, 9 — из могилы 3; 3, 5, 8 — из могилы 2.

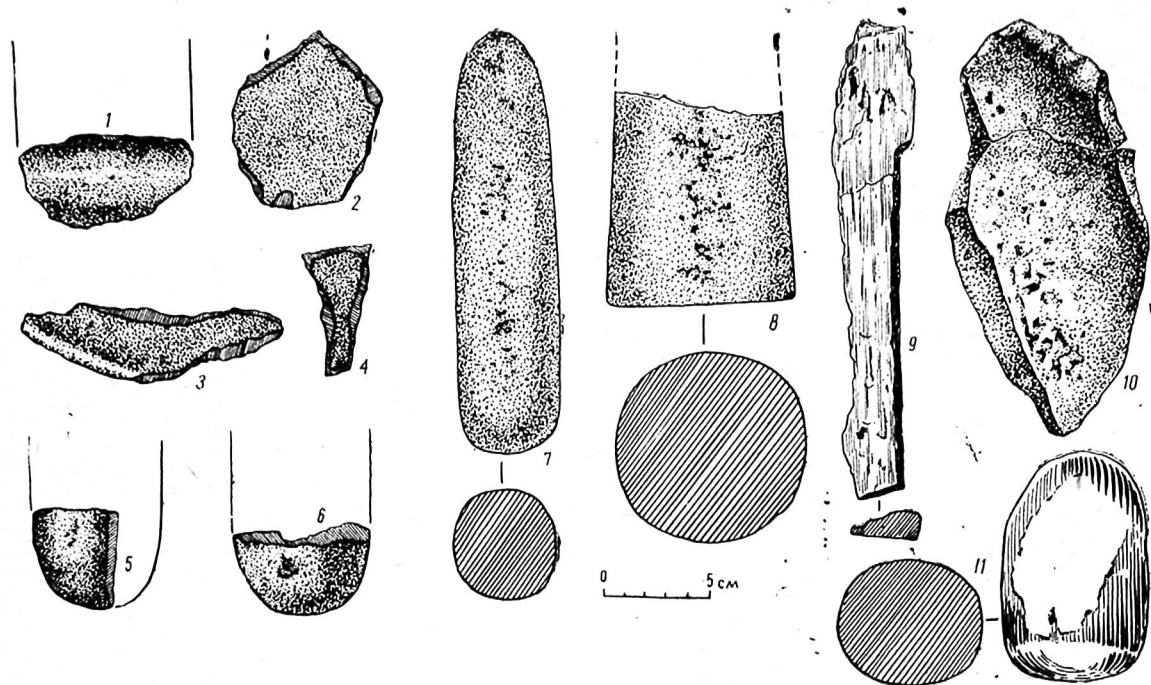

Табл. XXI. Каменные изделия, Заманбаба;

1, 2, 3, 4, 5; 6—с поселения 1; 7—из могилы 13; 8—из могилы 24; 9, 10, 11—с поселения 2.

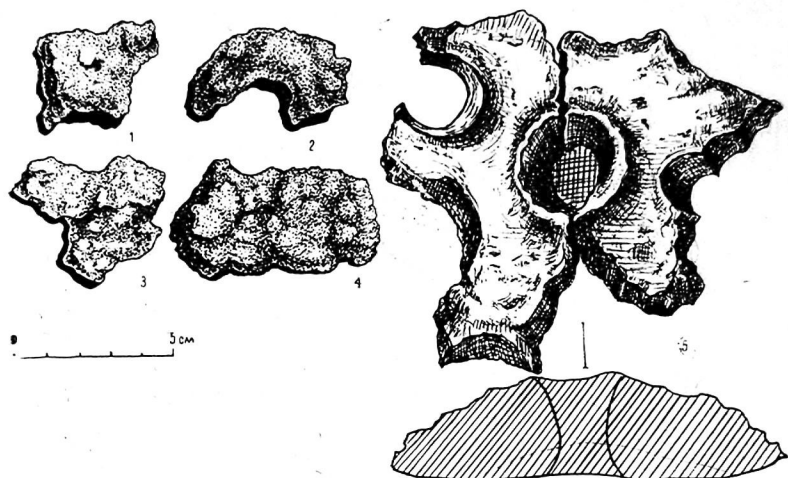

Табл. XXII. Заманбаба. Обломки пода керамической печи.

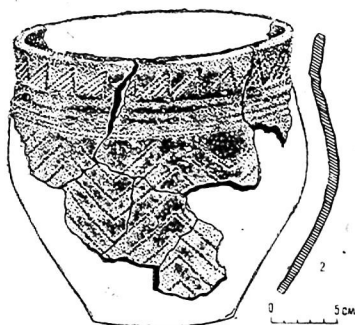
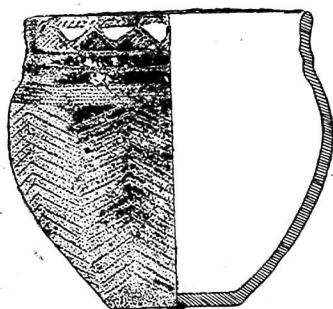
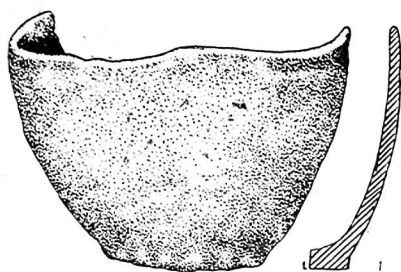

Табл. XXIV. Керамика Гуджайли;
1—из могилы 5; 2—с Гуджайли 9.

0 5 cm

Табл. XXV. Керамика
Гуджайли;

1—СБТ 2; 2—из могилы 1.

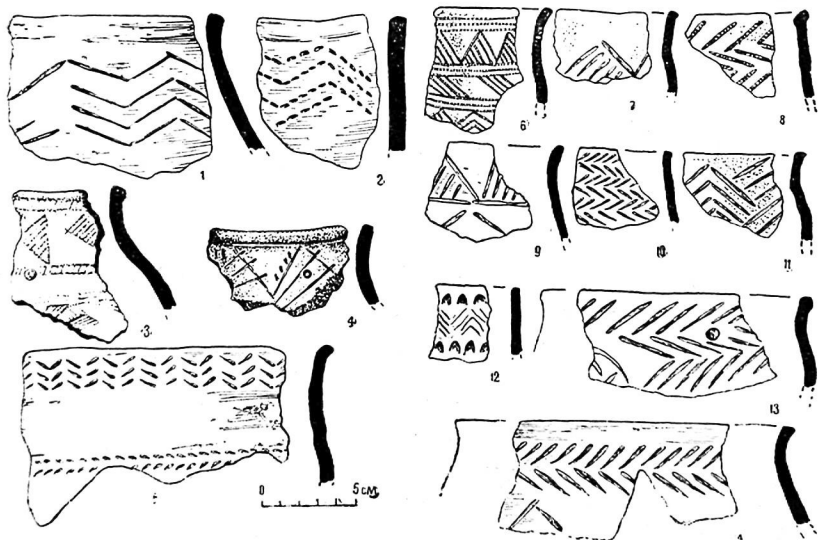

Табл. XXVI. Керамика;

1, 2, 5—с Маханкуля; 3, 4—со стоянки Гуджайли 5; 6, 7, 8—со стороны Гуджайли 12; 9, 14—со стоянки
Пайкент 10; 10, 11, 12, 13—со стоянки Каптар 6.

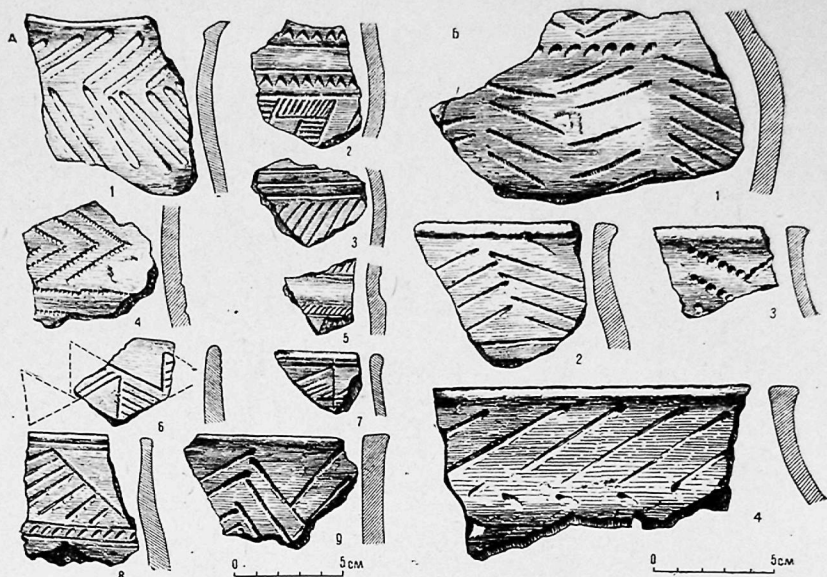

Табл. XXVII. Керамика;

а) 1—3 со стоянки Гуджайли 3; 4—6—со стоянки Гуджайли 2; 7—9 со стоянки Гуджайли 1.
 б) 1—2—со стоянки Гуджайли 6; 3—со стоянки БТ 2; 4—со стоянки МТ 1.

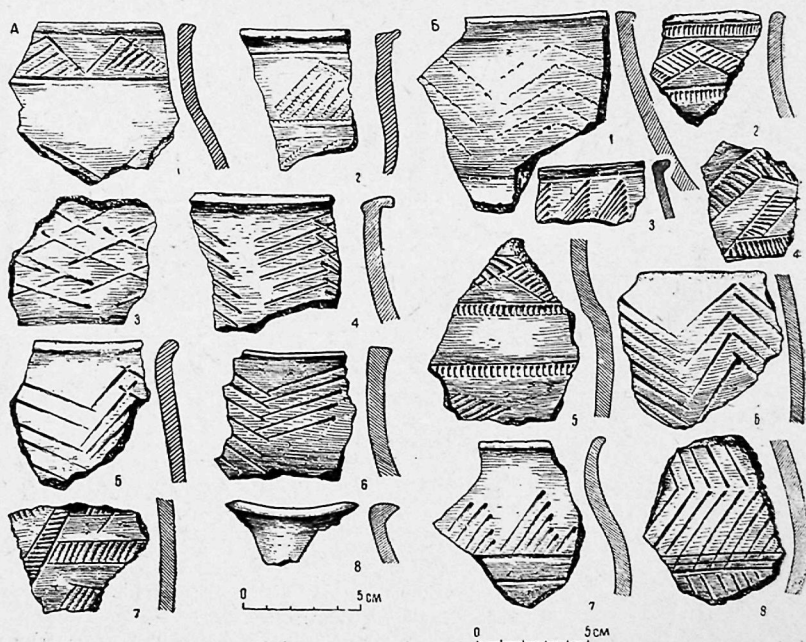

Табл. XXVIII. Керамика;

а) 1—3, 5, 7, 8—со стоянки Гуджайли 9; 4—со стоянки МТ 2; 6—со стоянки Гуджайли 8.
 б) со стоянки Гуджайли 9.

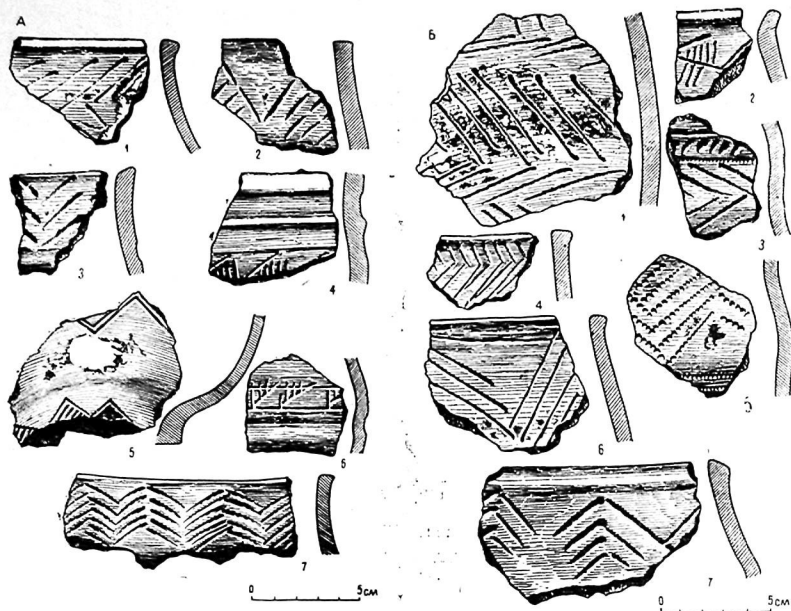

Табл. XXIX. Керамика;

а) со стоянки Гуджайли 4; б) 1-4—со стоянки Гуджайли 4; 5, 7—со стоянки Гуджайли 7; 6—со стоянки БТ 1.

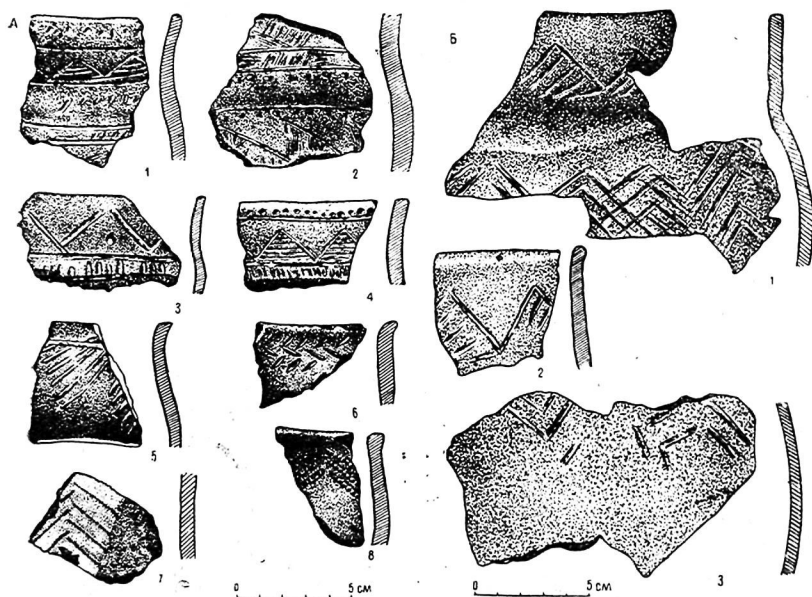

Табл. XXX. Керамика;

а) 1-5—Газау; б, 8—со стоянки Гуджайли 10; 7—из могилы 4; 6) со стонки Кызылкыр 11.

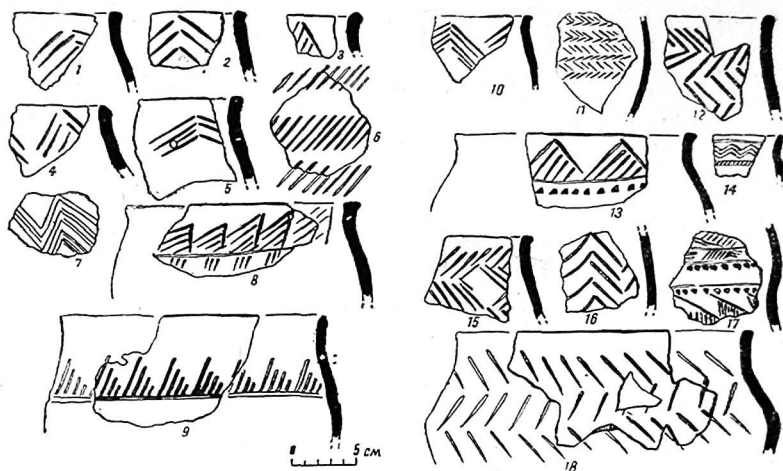

Табл. XXXI. Керамика;

1, 2, 3, 4—со стоянки БТ 4; 5, 6, 7—со стоянки БТ 5; 8—18—со стоянки Гуджайли 11.

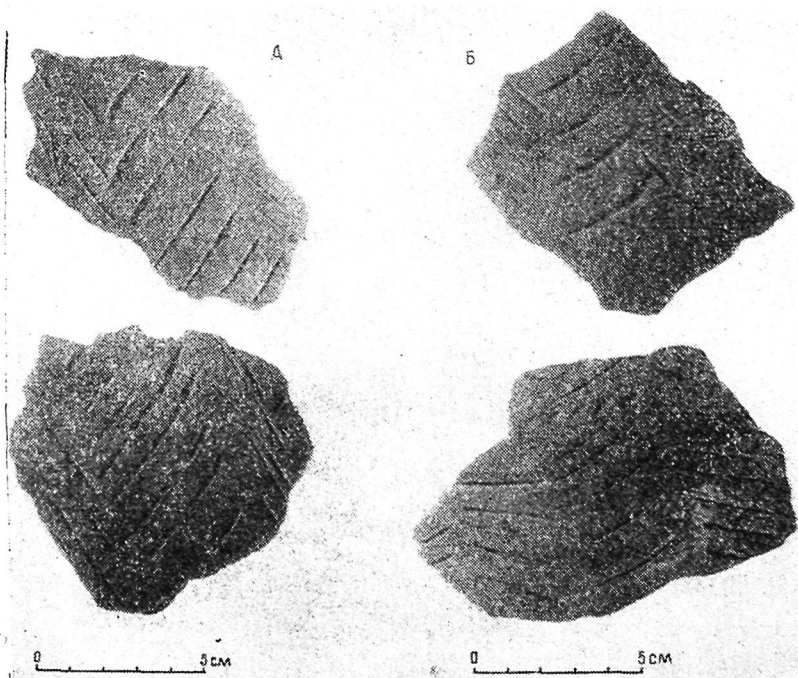

Табл. XXXII. Керамика;

а—со стоянки Гуджайли 4; б—со стоянки Гуджайли 6;

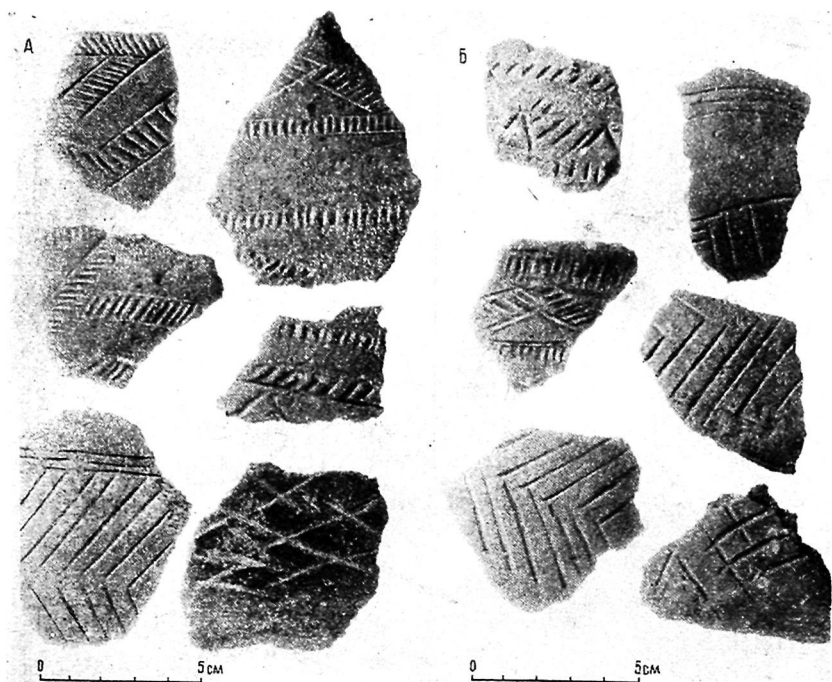

Табл. XXXIII. Керамика со стоянки Гуджайли 9.

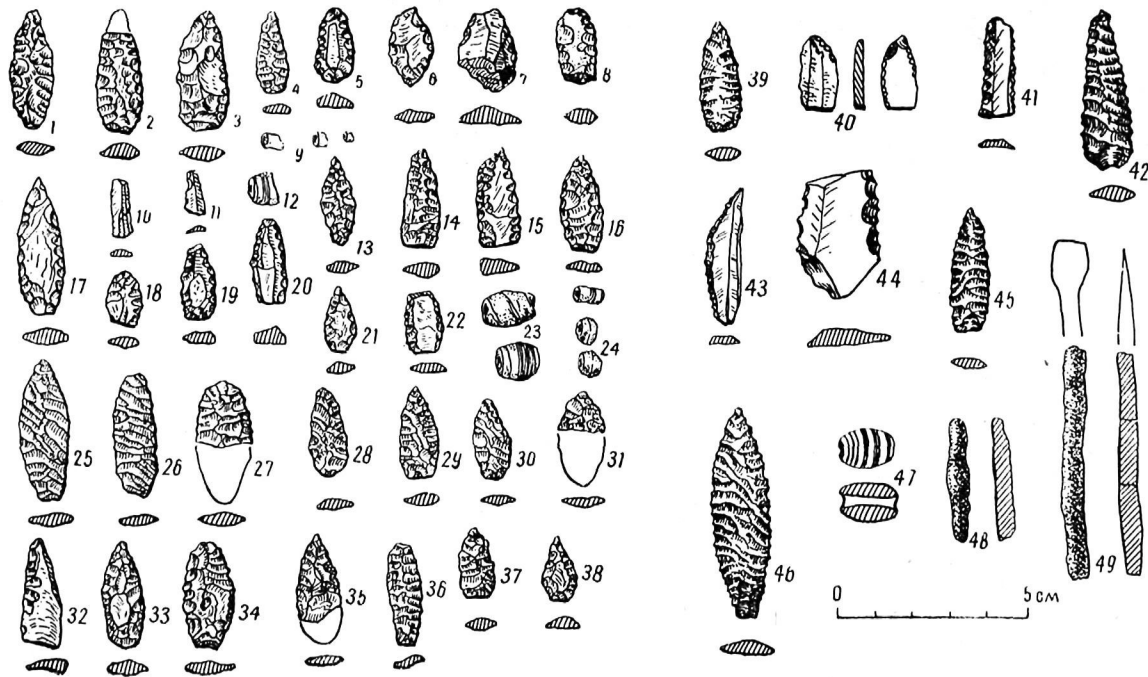

Табл. XXXIV. Камень и металл;

1- со стоянки Гуджайли 1; 6-12, 17-20-со стоянки Гуджайли 2; 13-со стоянки Гуджайли 3; 14-16-21-со стоянки Гуджайли 4; 22-со стоянки Гуджайли 5; 23-36-со стоянки Гуджайли 9; 39, 42, 44-со стоянки Гуджайли 11; 40, 43-со стоянки БТ 4; 41, 45, 47-со стоянки БТ 5; 46, 48, 49-со стоянки БТ 3.

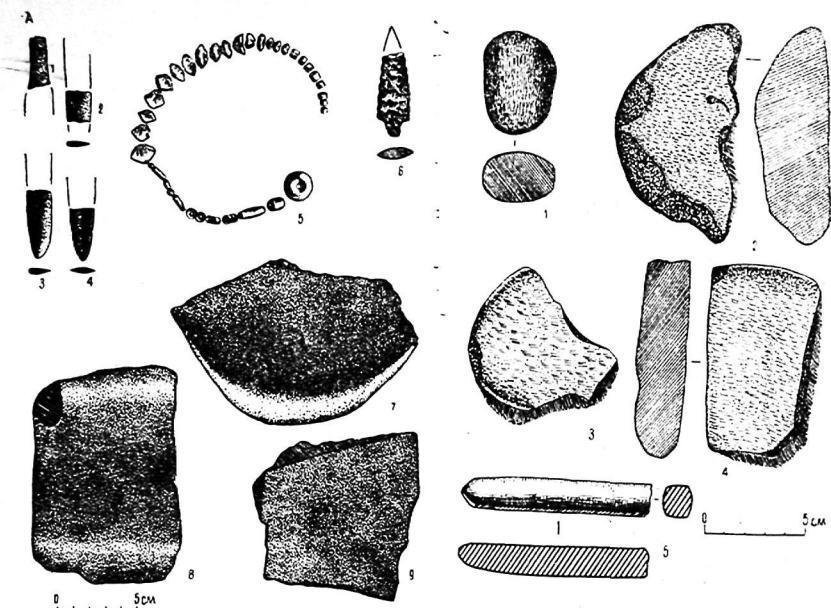

Табл. XXXV. Металл и камень;

а) 1, 2, 3, 4, 6, 7—со стоянки Гуджайли 9; 5—из разрушенной могилы могильника Гуджайли; 8—со стоянки Гуджайли 1; 9—со стоянки МТ 1; б) 1, 3, 5—со стоянки Пайкент 7; 2, 4—со стоянки БТ 5;

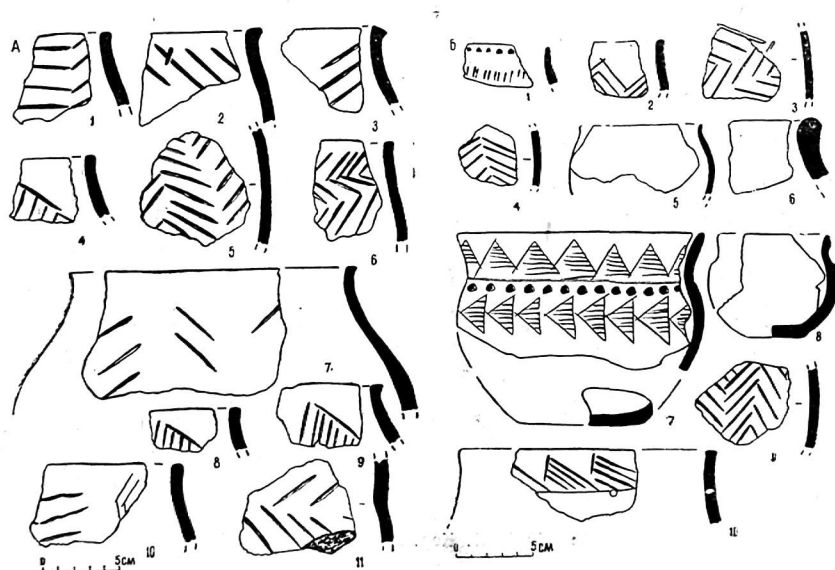

Табл. XXXVI. Керамика;

а) со стоянки Пайкент 6; б) со стоянки Пайкент 7;

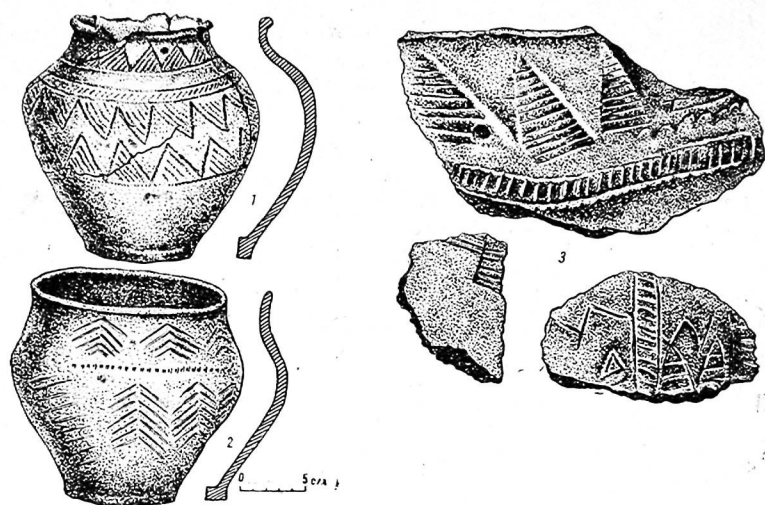

Табл. XXXVII. Керамика;
1, 2 — из погребения Кызылжыр 11; 3 — с поселения Заманбаба.

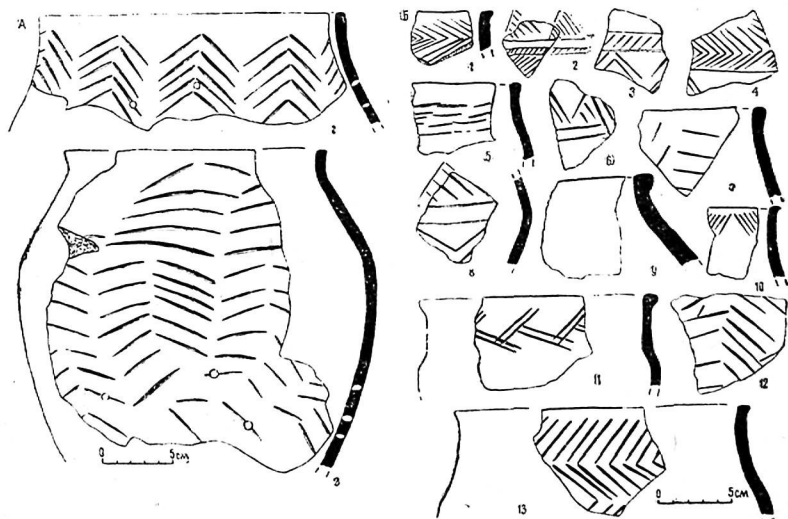

Табл. XXXVIII. Керамика со стоянки БТ 3.

БИБЛИОГРАФИЯ

- К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. 20.
 К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений, т. 21.
 Акрамов З. А. География сельского хозяйства Самаркандской и Бухарской областей, Ташкент 1961.
 Алихова А. Е. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки, КСИИМК, вып. 59, 1955.
 Алихова А. Е. Комаровское поселение у Маечного озера, МИА, 61, 1958.
 Артамонов М. И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками, ПИДО, 1934, № 7—8.
 Арриан. Поход Александра. Перевод с древнегреческого М. Е. Сергеевко, М.—Л., 1962.
 Аскарлов А. Памятники эпохи бронзы в районе Махан-Дарьи, Научные работы и сообщения, кн. 4, АН УзССР, Ташкент, 1961.
 Аскарлов А. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1962.
 Аскарлов А. Памятники андроновской культуры в низовьях Зеравшана, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, 1962.
 Аскарлов А. Открытие поселения эпохи бронзы, журн. «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 1.
 Аскарлов А. Культура Заманбаба в низовьях Зеравшана, «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 11.
 Аскарлов А. Поселение Заманбаба, КСИИМК, вып. 93, 1962.
 Аскарлов А. Археологическая поездка в северо-западную часть Каршинской степи, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, 1964.
 Аскарлов А. Предварительный отчет о результатах полевых работ за 1964 г. Архив сектора археологии Института истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1964.
 Аскарлов А. Новые находки андроновской культуры в низовьях Зеравшана, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, 1965.
 Бадер О. Н. Каменный век на Урале. Первое Уральское археологическое совещание при Пермском университете, Пермь, 1948.
 Бадер О. Н. Второе Ново-Ильинское поселение. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции ИА АН СССР, вып. 2, М., 1961.
 Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900.
 Бартольд В. В. Примечания к книге М. Наршахи «История Бухары», Ташкент, 1897.
 Бартольд В. В. Хафиз Аbru и его сочинения, сб. статей учеников проф. Барона Виктора Романовича Розена, СПб., 1897.
 Бахтеев В. Х. К археологическим раскопкам в Кызыл-Кумах, «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 11.
 Бериштам А. Н. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье, КСИИМК, XIII, 1946.
 Бериштам А. Н. История киргиз и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания (докт. дисс.), КСИИМК, XVI, 1947.
 Бериштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, 26, 1952.
 Бетехтин А. Г. Курс минералогии, М., 1956.

- Биби́ков С. Н. Из истории каменных серпов на юго-востоке Европы, СА, 1962, № 3.
- Боч С. Г. Стоянки в бассейнах северной Сосвы и Конды. Труды комиссии по изучению четвертичного периода, т. V, М.—Л., 1937.
- Вактурская Н. Н. О поездке в Южные Кызыл-Кумы в 1955 г., МХЭ, вып. 1, М., 1959.
- Вебер В. Полезные ископаемые Туркестана. Прибавление 1, Пб., 1917.
- Ви́ноградов А. В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1.
- Ви́ноградов А. В. Кельтеминарская культура. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, М., 1957.
- Ви́ноградов А. В. Раннекельтеминарская стоянка Кунык-1, КСИЭ, XXX, М., 1958.
- Ви́ноградов А. В. Археологическая разведка в районе Аральско-Саксаульской в 1955 г., Труды Ин-та археологии и этнографии АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959.
- Ви́ноградов А. В. Новые неолитические находки Хорезмийской экспедиции АН СССР, 1957 г., МХЭ, 1960, № 4.
- Ви́ноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д. Кызыл-Кумская бирюза, СЭ, 1965, № 2.
- Воронец М. Э. Браслеты бронзовой эпохи музея истории АН УзССР, Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. I, Ташкент, 1948.
- Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи, М.—Л., 1934.
- Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине, КСИИМК, вып. 63, 1956.
- Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины, СА, 1957, № 3.
- Гвоздовер М. Д. Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки, КСИА, вып. 82, 1961.
- Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г., Труды XII археологического съезда, т. I, М., 1905.
- Городцов В. А. Материалы археологических исследований на берегах р. Дона Изюмского уезда Харьковской губернии, Труды XII археологического съезда, т. I, М., 1905.
- Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 г., Труды XIII археологического съезда, т. I, М., 1907.
- Городцов В. А. Бытовая археология, М., 1910.
- Городцов В. А. Археологические проблемы Афганистана, в сб. «Афганистан», М., 1924.
- Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в западном Казахстане, в сб. «Казахия», вып. II, Л., 1927.
- Грязнов М. П. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее, МИА, 39, 1953.
- Грязнов М. П. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону, КСИИМК, вып. 50, 1953.
- Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири, КСИЭ, 1955, № 24.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби, МИА, 1956, 48.
- Грязнов М. П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы, КСИЭ, 1957, 26.
- Гулямов Я. Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса (Предварительный отчет о работах 1950—1953 гг.), Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956.
- Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.
- Гулямов Я. Г. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашкадарьи и Зарафашна, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 6, Ташкент, 1965.
- Гулямов Я. Г. История формирования и проблема освоения земель древнего орошения в Бухарской области. Доклад, прочитанный на объединенной научной сессии, посвященной 40-летию Узбекской ССР и Коммунистической партии Узбекистана, январь 1965.
- Денисов В. П. Кама-Жулановское III поселение. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 2, М., 1961.
- Дмитриев П. А. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы, МИА, 1951, № 21.

- Дробов В. П. Река Махан-Дарья, «Известия Среднеазиатского Географического Общества», т. XX, Ташкент, 1932.
- Ершов С. А. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя, «Известия ТуркмФАН ССР», Ашхабад, 1951.
- Ефименко П. П. Первобытное общество, М., Госиздат, 1953.
- Жуков В. Д. Материалы к изучению Баш-тепинской группы памятников в Западной части Бухарского оазиса, Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956.
- Заднепровский Ю. А. Дальверзинское поселение (Раскопки 1959 г.), КСИА, вып. 86, 1961.
- Зезенкова В. Я. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении, сб. статей Ин-та истории и археологии АН УзССР, Ташкент, 1953.
- Зимин Л. А. Развалины старого Пайкента, ПТКЛА, год XVIII, 1913.
- Зимин Л. А. Отчет о двух поездках по Бухаре с археологической целью, ПТКЛА, год XX, вып. 2, 1916.
- Збруева А. В. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья, ВДИ, 1946, № 3.
- Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе, «Известия ГАИМК», вып. 120, 1935.
- Иессен А. А. Из истории древней металлургии Кавказа, М.—Л., 1935.
- Иванов П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии, М.—Л., 1932.
- Иохельсон В. И. Древние и современные подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. Ежегодник Русского антропологического общества при С.-Петербургском университете, СПб., 1908.
- Исламов У. Кельтеминарская культура на Махан-Дарье, «Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР», кн. 4, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961.
- Исламов У. Открытие неолитической культуры на Махан-Дарье, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 6.
- Исламов У. Раскопки неолитического памятника на Махан-Дарье, «Общественные науки в Узбекистане», 1962, № 2.
- Исламов У. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зеравшана, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 4, Ташкент, 1963.
- Исламов У. Результаты археологических работ в низовьях Зарафшана за 1963—1964 гг., в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7, Ташкент, 1965.
- История Таджикского народа, т. 1, М., 1963.
- Итина М. А. К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов, СА, 1954, № 3.
- Итина М. А. Памятники первобытной культуры верхнего Узбоя, ТХЭ, т. II, 1958.
- Итина М. А. Первобытная керамика Хорезма, ТХЭ, вып. 4, 1959.
- Итина М. А. Новые стоянки тазабагыябской культуры, МХЭ, вып. 1, 1959.
- Итина М. А. Раскопки стоянок тазабагыябской культуры в 1957 г., МХЭ, вып. 4, 1960.
- Итина М. А. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3, МХЭ, вып. 5, 1961.
- Касымов М. Р. Добыча и техника обработки кремня в каменоломнях-мастерских Средней Азии, «Научные работы и сообщения отделения общественных наук АН УзССР», кн. III, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1961.
- Касымов М. Р. Кремневая мастерская близ кишлака Иджонт, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, № 8.
- Касымов М. Р. Кызылкырская стоянка каменного века в окрестностях г. Бухары, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3, Ташкент, 1962.
- Касымов М. Р. Кремнеобрабатывающие мастерские каменного века в Средней Азии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1962.
- Квинт Курций Руф. О деяниях Александра Македонского. Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э.—III в. н. э.), Хрестоматия под ред. Л. В. Баженова, Ташкент, 1940.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, МИА, 9, 1949.
- Киселев С. В. Рецензия на книгу В. И. Равдоникаса «История первобытного общества», ч. II, КСИИМК, 1949, № 28.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, М., 1951.
- Жожемяко П. Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии, «Известия АН КиргССР», т. II, вып. 3, Фрунзе, 1960.

- Комарова М. Н. Неолит верхнего Приобья, КСИИМК, вып. 64, 1956.
- Комарова М. Н. Памятники андроновской культуры близ улуза Орак, Археологический сб. Эрмитажа, вып. 3, Л., 1961.
- Комарова М. Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры, Археологический сб. Эрмитажа, вып. 4, Л., 1962.
- Коногоров М. А. Жилища 3—8 поселения Камской Бор II. Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции, вып. 2, М., 1961.
- Коржиневский Н. Л. Природа Средней Азии, Ташкент, 1960.
- Коробкова Г. Ф. Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961.
- Коровин Е. П. Махан-Дарья, «Известия Среднеазиатского Географического Общества», т. XX, Ташкент, 1932.
- Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир 1, МИА, 1960, № 91.
- Крашенинников С. Описание земли Камчатки, т. II, ч. 3 и 4, СПб., 1819.
- Кривцова-Гракова О. А. Генетическая связь ямной и катакомбной культур, Труды ГИМ, вып. VIII, 1938.
- Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник, Труды ГИМ, вып. 17, 1947.
- Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение, МИА, 21, 1951.
- Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы, МИА, 46, 1955.
- Крижевская Л. Я. Стоянка Чебаркул II эпохи неолита и раннего металла. Вопросы археологии Урала, вып. 2, 1962.
- Крижевская Л. Я. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии, СА, вып. 2, 1962.
- Круглов А. П. и Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы, М.—Л., 1935.
- Круглов А. П., Пиотровский Б. Б. и Подгаецкий Г. В. Могильник в г. Нальчик, МИА, 3, 1941.
- Ксенофонт. Анабазис, кн. IV, гл. V. Известия древних писателей, В. В. Латышев, СПб., 1900.
- Кузьмина Е. Е. Могильник Заманбаба, СЭ, 1958, № 2.
- Культиасов М. В. К характеристике растительного покрова района, прилегающего к р. Махан-Дарье, «Известия Среднеазиатского Географического Общества», т. XX, Ташкент, 1932.
- Куфтин Б. А. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению культур Анау, «Известия АН ТуркмССР», 1954, № 1.
- Куфтин Б. А. О работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 году, Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956.
- Лагидовская Е. Ф., Макаревич М. Л. и Шапошникова О. Г. Раскопки Михайловского поселения в 1954 г., КСИА (КИЕВ), вып. V, 1955.
- Латынин Б. А. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы, СА, 1958, № 3.
- Леммлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе, КСИИМК, XVIII, 1947.
- Леммлейн Г. Г. Опыт классификации форм каменных бус, КСИИМК, XXXII, 1950.
- Лев Д. Н. Древний палеолит в Аман-Кутане, Труды УзГУ, новая серия, 1949, № 39.
- Леонов Г. Соляные озера Самаркандской и Сыр-Дарьинской областей, «Горный журнал», вып. IV, СПб., 1896.
- Леонов Г. Отчет по исследованию соляных источников и коренных месторождений соли в Аму-Дарьинском отделе и Ферганской области, «Горный журнал», вып. 3, СПб., 1897.
- Липский А. Н. Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи (Хакассия), КСИИМК, вып. 54, 1954.
- Липский А. Н. Раскопки 1953 года в Хакассии, КСИИМК, 1957, вып. 70.
- Литвинский Б. А. К истории добычи олова в Узбекистане, Труды САГУ, вып. II, Ташкент, 1950.
- Литвинский Б. А. Намазга-депе (по данным раскопок 1949—1950 гг.), СЭ, 1952, № 4.
- Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии, Сталинабад, 1954.
- Литвинский Б. А. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г., Труды ТАН, т. 63, Сталинабад, 1956.
- Литвинский Б. А. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г., Труды ТАН, т. 91, Сталинабад, 1959.

- Максимова А. Г. Могильник эпохи бронзы в урочище Тау-Тары. Археологические исследования на северных склонах Каратау, вып. 14, Алма-Ата, 1962.
- Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина, Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.
- Массон В. М. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.
- Массон В. М. Джайтун и Кара-депе, СА, 1954, № 1.
- Массон В. М. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией, ВДИ, 1957, № 1.
- Массон В. М. Изучение неолита и бронзового века Средней Азии, СА, 1957, № 4.
- Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, МИА, 73, 1959.
- Массон В. М. О культе женского божества у анауских племен, КСИИМК, вып. 73, 1959.
- Массон В. М. Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1955—1957 гг.), Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961.
- Массон В. М. Южнотуркменский центр раннеземледельческих культур, Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961.
- Массон В. М. Джейтунская культура, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961.
- Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток, М., 1964.
- Массон М. Е. Некоторые результаты разбора археологических материалов, добытых при работах гидрогеологической партии М. М. Решеткина в Бухарском оазисе в 1930 г., Материалы по гидрогеологии Узбекистана, вып. 15, Ташкент, 1933.
- Массон М. Е. К истории добычи меди в Средней Азии в связи с прошлым Алмалыка, Таджикско-Памирская экспедиция 1934 г., Труды экспедиции, вып. XXXVII, М.—Л., 1936.
- Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953.
- Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг., Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955.
- Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья, МИА, 42, 1954.
- Мерперт Н. Я. и Смирнов К. Ф. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС, КСИИМК, вып. 84, 1961.
- Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934.
- Мухамеджанов А. Р. К изучению древнего русла Махан-Дарьи, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 5, Ташкент, 1964.
- Народы Австралии и Океании, М., Изд-во АН СССР, 1956.
- Народы Африки, М., Изд-во АН СССР, 1954.
- Наршахи Мухаммед История Бухары. Перевод с персидского Н. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897.
- Нидерле Л. Человечество в доисторические времена, СПб., 1898.
- Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш и Узбой, МХЭ, вып. 3, М., 1960.
- Никольский Г. В., Радаков Д. В., Лебедев В. Д. Остатки рыб из неолитической стоянки Джанбас-Кала, № 4, ТХЭ, т. I, 1952.
- Нильсен В. А. Материалы из раскопок на Талли-Гуза, Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956.
- Оболдуева Т. Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области, КСИИМК, вып. 59, 1955.
- Окладников А. П. Амир-Темир, новый памятник каменного века в горах Бойсун-Тау, КСИИМК, VI, М.—Л., 1940.
- Окладников А. П. Следы каменного века в районе Термеза, в сб. Термезской арх. экспед., Труды АН УзССР, Ташкент, сер. 1, 1945.
- Окладников А. П. К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири, Первое уральское археологическое совещание при Пермском университете, Пермь, 1948.
- Окладников А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия). Тешик-Таш, Палеолитический человек, М., 1949.
- Окладников А. П. Изучение памятников каменного века в Туркмении, «Известия АН ТуркмССР», Ашхабад, 1950, № 2.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, 43, 1955.
- Окладников А. П. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.
- Окладников А. П. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г., Труды АН ТаджССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956.
- Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен среднего Енисея, СА, 1957, № 1.

- Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана, МИА, 1958, № 66.
- Окладников А. П. Каменный век Таджикистана, Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии, М.—Л., 1959.
- Окладников А. П., Кляшторный С. Г. Археологические работы в центральных Каракумах, в сб. «Проблемы нефтегазоносности Средней Азии», вып. 2, Л., 1961.
- Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 5, Алма-Ата, 1958.
- Оразбаев А. М. Памятники эпохи бронзы центрального Казахстана, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959.
- Пассек Т. С. Исследования Трипольской культуры в УССР за 20 лет. ВДИ, 1 (2), М., 1938.
- Пассек Т. С. Периодизация Трипольских поселений, МИА СССР, 1949, № 10.
- Петров М. П. Подвижные пески пустынь Союза ССР и борьба с ними, М., 1950.
- Попова Т. Б. Керамика мелекесских курганов, Труды ГИМ, 22, 1953.
- Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры, Труды ГИМ, 24, 1955.
- Попова Т. Б. К вопросу о северокавказских курилницах, СА, 1957, № 1.
- Протоколы совещания всесоюзных археологов «по андроновской культуре», Архив ленинградского отделения Ин-та археологии АН СССР, Л., 1964.
- Протопопов К. В., Бутумо С. В. Развитие техники жидких скнтилляторов и ее применение для датировки по радиоуглероду (С), СА, 1959, № 2.
- Ранов В. А. Изучение памятников каменного века на восточном Памире в 1958 г., Труды Ин-та истории им. Ахмада Дониша, т. XXVII, 1961.
- Ранов В. А. Стоянка на озере Кара-Куль, «Изв. отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. I (28), 1962.
- Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, М., 1956.
- Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине, МИА, 1957, № 59.
- Рогинская А. Зараут-Сай (записки художника), М.—Л., 1950.
- Рыков П. С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда), «Изв. ГАИМК», вып. 110, 1929.
- Сальников К. А. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья, Первое Уральское археологическое совещание, Свердловск, 1948.
- Сальников К. А. Бронзовый век южного Зауралья, МИА, 21, 1951.
- Сальников К. А. Курганы на озере Алакуль, МИА, 24, 1952.
- Сальников К. А. Андроновские поселения Зауралья, СА, XX, 1954.
- Сальников К. А. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии, Башкирский археологический сборник, Уфа, 1959.
- Сарианиди В. И. Керамические печи древней Маргианы, КСИИМК, вып. 69, 1957.
- Сарианиди В. И. Керамическое производство древнемаргианских поселений, Труды ЮТАКЭ, т. VIII, Ашхабад, 1958.
- Сарианиди В. И. Энеолитическое поселение Геоксюр (результаты работ 1956—1957 гг.), Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961.
- Семенов С. А. Изучение функций палеолитических орудий по следам работы, В сб. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2, М.—Л., 1950.
- Семенов С. А. О каменных сверлах МИА, 1953, № 39.
- Семенов С. А. Древнейшие каменные серпы, СА, 1954, № 21.
- Семенов С. А. Первобытная техника, МИА, 1957, № 54.
- Синицин И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Саратов, 1947.
- Синицин И. В. Археологический памятник по реке Малый Узень, КСИИМК, XXXII, 1950.
- Синицин И. В. Археологические работы в зоне строительства Сталинградской ГЭС, КСИИМК, вып. 50, 1953.
- Синицин И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.), МИА, 1959, 60.
- Ситняковский Н. Ф. О древностях в районе нижнего течения Зеравшана, ПТКЛА, год III, вып. 3, 1898.
- Ситняковский Н. Ф. Заметки о Бухарской части долины Зеравшана, «Известия Туркестанского отдела Русского Географического Общества», т. 1, вып. II, Ташкент, 1900.
- Смирнов К. Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье, СА, 1957, XXVII.

- Смирнов К. Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей, СА, 1961, № 1.
- Сорокин В. С. Археологические памятники Северо-Западной части Актыбинской области (Экспедиция 1955 г. в районы освоения целинных земель), КСИИМК, вып. 71, 1958.
- Сорокин В. С. Могильный Тасты-бутак I (Раскопки 1956—1957 годов), КСИИМК, вып. 80, 1960.
- Сорокин В. С. Могильный бронзовой эпохи Тасты-бутак I в Западном Казахстане, МИА, 1962, 120.
- Соседко А. Ф. Находки неолита в Центральных Кызыл-Кумах Средней Азии, «Природа», 1931, № 11.
- Соседко А. Ф. Каракалпакская экспедиция НИГИ Комитета наук, СОНАТ, 1938, № 12.
- Сосновский Г. П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири, ПИДО, 1934, № 2.
- Спришевский В. И. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1955 г., «Изв. АН УзССР», вып. 1, 1957.
- Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 года), КСИИМК, вып. 69, 1957.
- Спришевский В. И. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 г., «Изв. АН УзССР», № 6, Ташкент, 1958.
- Степанов П. Д. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР, КСИИМК, вып. 59, 1955.
- Страбон. География, Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н. э. — III в. н. э.), Хрестоматия под ред. Л. В. Баженова, Ташкент, 1940.
- Тайлор. Первобытная культура, СПб., т. I, ч. II, 1872.
- Тарихи Наршахи. Литография, Изв. АН УзССР, инв. № 3820.
- Телегин Д. Я. Энеолитическое поселение и могильный у хутора Александрия, КСИИМК (Киев), вып. 9, 1959.
- Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае, Материалы по этнографии, т. III, вып. II, Л., 1927.
- Тереножкин А. И. Согд и Чач, КСИИМК, вып. 33, 1950.
- Тереножкин А. И. Археологическая рекогносцировка в Западной части Узбекистана, ВДИ, 1947, № 2.
- Токарев С. А. Хозяйство и материальная культура австралийцев до начала европейской колонизации, Народы Австралии и Океании, гл. III—VII, 1956.
- Толстов С. П. Хорезмская экспедиция в 1939 г., КСИИМК, VI, 1940.
- Толстов С. П. Древности верхнего Хорезма, ВДИ, 1941, № 1.
- Толстов С. П. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма, ВДИ, 1946, № 1.
- Толстов С. П. Древний Хорезм, Опыт историко-археологического исследования, М., 1948.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948.
- Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., СВ, 1955, № 6.
- Толстов С. П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археологической экспедиции (1937—1956), СЭ, 1957, № 4.
- Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СА, 1958, № 1.
- Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., ТХЭ, II, 1958.
- Толстов С. П. и Итина М. А. Проблема суярганской культуры, СА, 1960, № 1.
- Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962.
- Трефилева Е. П. Археологическая экскурсия в Купянский уезд, Харьковской губернии летом 1901 г., Труды XII археологического съезда, т. I, М., 1905.
- Трофимова Т. А. Расовые типы населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы, КСИИМК, вып. XXXVI, 1962.
- Федорова Б. А. и Пельт Н. Н. Кызыл-Кум, БСЭ, т. 24, М., 1953.
- Федорова-Давыдова Э. А. Андроновское погребение XV—XIII вв. до н. э. (К вопросу о периодизации андроновской культуры), Труды ГИМ, 37, 1960.
- Федорова-Давыдова Э. А. Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области, Вопросы археологии Урала, вып. 2, Свердловск, 1962.
- Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни России, т. I—II, Петроград, 1922.

- Формозов А. А. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане, Вестник Казахского филиала АН СССР, 1945, № 2 (5).
- Формозов А. А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, КСИИМК, вып. 25, 1948.
- Формозов А. А. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане, КСИИМК, вып. XXXI, 1950.
- Формозов А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры, КСИИМК, XXXIX, 1951.
- Фосс М. Е. Древнейшая история севера европейской части СССР, МИА, 1952, № 20.
- Хлопин И. Н. Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана, Труды ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад, 1961.
- Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956.
- Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья, МИА, М., 1953, № 35.
- Черников С. С. К изучению древней истории Восточного Казахстана, КСИИМК, вып. 69, 1957.
- Черников С. С. Работы Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в 1956 году, КСИИМК, вып. 73, 1959.
- Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, МИА, 1960, 88.
- Черников С. С. Письмо в редакцию. Ответ на рецензию В. С. Сорокина, СЭ, 1962, № 4.
- Шапошникова О. Г. Поселения древнеямной культуры в Нижнем Поднепровье, Записки Одесского археологического Общества, т. I, (34), Одесса, 1960.
- Шапошникова О. Г. Поселения ямной культуры на Нижнем Поднепровье. Автореферат, М., 1962.
- Шарипова Л. Х. Новые находки каменных орудий в Бухарской области, в сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 2, Ташкент, 1961.
- Шишкина Г. В. Археологическая разведка на городище Кумсултан, Научные работы и сообщения, Ташкент, 1961, № 3.
- Шишкин В. А. Археологические работы 1937 г. в Западной части Бухарского оазиса, Ташкент, 1940.
- Шишкин В. А. Археологические работы 1947 г. на городище Варахша, «Изв. АН УзССР», № 5, Ташкент, 1948.
- Шишкин В. А. Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953), Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956.
- Шишкин В. А. Варахша (Опыт историко-археологического исследования). Автореферат, Ташкент, 1961.
- Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, т. II, Спб., 1889.
- Щербаков Д. И. Отчет о работах в Каракумской серной экспедиции осенью 1926 г., «Серная проблема в Туркестане», сб. II, 1928.
- Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину в 1934 г., Труды Ин-та истории, культуры и искусства Востока, т. II, 1940.
- Arne T. I. Excavations at Ahah-tepe, Iran, Stockholm, 1945.
- Arkell A. I. Early Khartoum, An account of the Excavation of an early occupation site carried out by the Sudan Government Antiquities Service in 1944—1945, London, 1949.
- Braidwood R. I. The Near East and the foundations for civilization, Oregon, 1952.
- Braidwood R. I. and Howe. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan, Chicago, 1960.
- Breuil H. Les subdivisions du paleolithique superieur et leur signification. Congress. internat. d'Anthropol. et d'Archeol. Prehistorique, 1913.
- Breuil H. Notes de voyage paleolithique en Europe Central. L'Anthropologie, t. 34, 1924.
- Childe V. G. Ceramic Art in Early Iran. Antiquity, vol. XVI, N 64, 1942.
- Chosh A. Notes. AI, 1959, No 15.
- Coon C. S. Cave explorations in Iran. 1949, 1951.
- McCown D. Comparative Stratigraphie of Early Iran. Chicago, 1942.
- Delage F. Les roches de Sergeac (Dordogne), L'Anthropologie, t. 45, 1935.
- Ghirshman R. Fouilles de Sialk, Paris, 1938.
- Krishnaswami V. D. Soundava Rajan K. V. 1951.—Lithic tool industries of the Singrauli Basin. AI. No 7.
- Lal B. B. Birbhaupur, A. Microlithic Site in the Damodar Valley. West Bengal, AI. 1958, No 14.
- Langsdorff A. and McCown D. E. Tall-i-Bakun, A Season of 1932, Chicago, 1942.
- Piggott S. The Chronology of Prehistoric north-west India. Ancien India, 1946, No 1.
- Pumpelley R. Explorations in Turkestan, vol. I. Washington, 1908.
- Sankalia H. D. Investigations into prehistoric Archeology of Gujarat, Boroda, 1946.

- Sankalia H. D. and Karve I. Early primitive microlithic and People of Gujarat. *American Anthropologist*, vol. 51, 1949, No 1.
- Sankalia H. D., Subbarao B. and Deo S. B. The Excavations at Maheshwar and Novdatoli 1952—1953, Poona-Boroda, 1958.
- Schaeffer C. F. A. *Stratigraphie Comparee et Chronologie de L'Asie Occidentale*, London, 1948.
- Schmidt E. E. Tepe Hissar. Excavations of 1931. The Joint expedition to Persia of the University Museum and the Pennsylvania Museum of art, Philadelphia, 1933.
- Schmidt E. Excavations at Tepe-Hissar, Damghan, Philadelphia, 1937.
- Seshadri M. The stone-using Cultures of Prehistoric and Protohistoric Mysore, 1956.
- Subbarao B. Stone age cultures of Bellary, Poona, 1948.
- Subbarao B. 1958. The personality of India, Barada, 1958.
- Soundava Rajan K. V. Stone age industries near Giddalur, District Kurnool, Al, 1952, No 8.
- Werman E. C. The Neolithic Problem in the prehistory of India. *Journal of the Washington Academy of Sciences*, 1949, No 31.
- Zenner F. E., Allchin B. 1956.—The Microlithic sites of Tinnevely, Madras State, Al, 1956, No 12.
-

Список сокращений

БСЭ — Большая Советская Энциклопедия, второе издание.

ВДИ — Вестник древней истории, М.—Л.

Известия ГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры (АН СССР), М.—Л.

КСИА — Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР, М.

КСИА (Киев) — Краткие сообщения Ин-та археологии (АН УССР), Киев.

КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры АН СССР, М.

КСИЭ — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, М.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, М.

МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции, М.

ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ, М.—Л.

СА — Советская археология, М.

СВ — Советское востоковедение, М.

СОНАТ — Социалистическая наука и техника, Ташкент.

СЭ — Советская этнография, М.

Труды Гим — Труды Гос. Исторического Музея, М.

Труды ТАН — Труды АН ТаджССР, Сталинабад.

ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции, М.

Труды ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Ашхабад.

ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, Ташкент.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	5
Введение.	9
<i>Раздел I. Неолитическая культура в низовьях Зарафшана.</i>	21
<i>Глава первая. Неолитические поселения в районе Махандарьи.</i>	—
Стоянка Дарбазакыр I.	23
Стоянка Дарбазакыр II.	38
<i>Глава вторая. Вопросы хронологии.</i>	73
<i>Глава третья. Низовья Зарафшана в пору неолита.</i>	87
<i>Раздел II. Освоение земель древнего обводнения и орошения в эпоху бронзы в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи.</i>	117
<i>Глава первая. Памятники культуры Заманбаба.</i>	118
<i>Глава вторая. Низовья Зарафшана первой половины II тысячелетия до н. э.</i>	171
Вопросы хозяйства и быта.	—
Культурные связи.	179
<i>Глава третья. Памятники Андроновского (тазабагьябского) типа.</i>	187
<i>Глава четвертая. Вопросы хронологии.</i>	208
<i>Глава пятая. Памятники поздней бронзы (досакский период).</i>	224
Группа памятников в низовьях Зарафшана и Кашкадарьи.	—
Инвентарь и хронология.	226
Приложения.	233
Библиография.	257
Список сокращений.	266

Гулямов Я. Г. и др.

Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Заравшана. Под общ. ред. проф. Я. Г. Гулямова. Т., «Фан», 1966. 266 стр. с черт. (Акад. наук УзССР. Ин-т истории и археологии).

Перед загл. авт.: Я. Г. Гулямов, У. Исламов и А. Аскарлов.

1.2 соавт.

902.6

Г94

Я. Г. Гулямов, У. Исламов и А. Аскарлов

ПЕРВОБЫТНАЯ КУЛЬТУРА В НИЗОВЬЯХ ЗАРАФШАНА

Редактор *И. Рашидова*
Художник *И. К. Сазонов*
Технический редактор *Х. У. Карабаева*
Корректор *А. И. Арзуманова*

Р01201. Сдано в набор 5/IV-1966 г. Подписано к печати 7/VI-1966 г. Формат 70×108¹/₁₆=8,56 бум. л.
—23,46 печ. л. Уч. изд. 25,5 (5 цветн. вкл.). Изд. № 1605 Тираж 650. Цена 2р. 20 к.

Типография Издательства „Фан“ УзССР, Ташкент, ул. Л. Б. Шастри, 21. Зак. № 139
Адрес Издательства: Ташкент, ул. Гоголя, 70.

